

Верная
Чхунхян

Корейские
классические
повести
XVII-XIX
веков

- [Верная Чхунхян: Корейские классические повести XVII—XIX вв.](#)

-
- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
- [Верная Чхунхян](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
- [Братья Хынбу и Нольбу](#)
 -
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
- [Подвижница Сим Чхон](#)
- [Хо Гюн.](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
- [История фазана](#)
- [Чанхва и ее сестра Хоннён](#)
- [Приключения зайца](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)

- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)

- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)

- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)

- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)

- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)

- [329](#)
 - [330](#)
 - [331](#)
 - [332](#)
 - [333](#)
 - [334](#)
 - [335](#)
 - [336](#)
 - [337](#)
 - [338](#)
 - [339](#)
 - [340](#)
 - [341](#)
 - [342](#)
 - [343](#)
 - [344](#)
 - [345](#)
 - [346](#)
 - [347](#)
 - [348](#)
 - [349](#)
 - [350](#)
 - [351](#)
 - [352](#)
 - [353](#)
 - [354](#)
 - [355](#)
 - [356](#)
 - [357](#)
 - [358](#)
 - [359](#)
 - [360](#)
 - [361](#)
 - [362](#)
 - [363](#)
 - [364](#)
 - [365](#)
 - [366](#)
-

Верная Чхунхян: Корейские классические повести XVII—XIX вв.

В сборнике «Верная Чхунхян» представлены корейские классические повести XVII—XIX веков. Среди них — социально-утопические, сатирические, семейно-бытовые, повести-сказки. Их герои — люди, лишенные радостей жизни: юноша, терпящий унижения от старшего брата, падчерица, выгнанная злой мачехой... Особенно привлекательна повесть «Верная Чхунхян», справедливо считающаяся шедевром корейской средневековой литературы.

Верная Чхунхян

Корейские
классические
повести
XVII-XIX
веков

*Перевод
с корейского*

Москва
«Художественная
литература»

1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Чхунхян и Сим Чхон, Хон Кильдоне и Хынбу знает каждый кореец. В давние времена о них слагали песни, рассказывали истории и разыгрывали представления, а в Корее XIX века у городских ворот или на базаре часто можно было видеть человека, который читал вслух или декламировал повести, где описываются необыкновенные приключения любимых героев корейского народа. Послушать такого чтеца или рассказчика всегда собиралась толпа взрослых и детей. Кто сочинял эти повести и когда они были созданы, сейчас, за редким исключением, мы не знаем. Во всяком случае, миру не известны тексты, изданные ранее XIX века.

Корейские повести распространялись в рукописях и ксилографах — своеобразном способе печати, широко распространенном на Дальнем Востоке. Зеркальное изображение текста вырезалось на доске, затем смазывалось тушью и отпечатывалось на бумаге. Листы бумаги складывались пополам, и каждая половина составляла одну страницу, а потом их сшивали вместе с обложкой из плотной бумаги желтого цвета — получалась книжка. Таким образом печатали и делали все корейские книги — от дорогих королевских изданий до дешевых, рассчитанных на читателя из простого народа. Разница была лишь в качестве бумаги. Повести в старой Корее относились к «низкой», простонародной литературе, поэтому и печатали их на тонкой серой бумаге очень плохого качества, но зато они стоили дешево и были доступны даже беднякам.

Надо сказать, что в Корее издавна существовало два типа грамотности. Одна связана с китайской иероглифической письменностью и языком, которые проникли в Корею в начале нашей эры. На китайском созданы многие произведения поэзии и прозы, он был признанным официальным литературным языком вплоть до XX века и получил название «ханмун». Сочинения, написанные на «ханмуне» предназначались для образованных сословий. В 1445 году корейцы создают свою оригинальную письменность, которая и стимулировала развитие литературы на родном языке. В корейском традиционном обществе написанное по-корейски всегда считалось ниже созданного на «ханмуне», корейский алфавит даже презрительно называли «онмун» — «грубые письмена» и считали, что пользоваться им прилично лишь женщинам да простолюдинам. Действительно, корейская буквенная письменность, которая состоит из

небольшого количества знаков, не трудных для написания и запоминания, усваивается очень легко, поэтому в старой Корее низшие сословия были в общем «грамотными по-корейски». Это население и было основным читателем повестей.

Сюжеты многих корейских повестей авторы не придумывали сами, а использовали уже известные в литературе или фольклоре. Например, повесть «Достойный Хон Кильдон» была написана еще в XVI веке на «ханмуне». Ее автор — Хо Гюн (1569—1618), поэт и прозаик, прославился как общественный деятель, участник «движения худородных», требовавших «официального признания детей наложниц», которые в средневековой Корее считались людьми «второго сорта» и не имели права занимать государственные посты. Деятельность Хо Гюна и его сподвижников была осуждена властями, и по приказу короля в 1618 году Хо Гюна казнили.

Оригинальный текст повести «Достойный Хон Кильдон» на «ханмуне» был со временем утрачен, сохранились лишь его переводы на корейский язык, которые вот уже несколько столетий читают и слушают в народе. В те времена, разумеется, не существовало понятия авторского права, неприкосновенности текста, поэтому многочисленные переписчики и рассказчики вносили в повесть изменения в соответствии со своими вкусами и образованностью. Естественно, ксилографическое издание XIX века на корейском языке вряд ли имеет много общего с исчезнувшим произведением Хо Гюна, написанным высоким литературным языком. Ныне известную повесть «Достойный Хон Кильдон» скорее следует рассматривать как произведение, созданное по мотивам сочинения Хо Гюна.

«История фазана» является типичным примером корейской аллегорической литературы. Еще в XII веке в Корее появляются сочинения, герои которых — животные, растения, вещи — действуют как люди. В аллегориях, как правило, осуждались пороки общества и те, кто стремятся к высоким постам и материальным благам. Почти все ведущие писатели прошлого отдали дань этому критическому жанру, ими были созданы произведения — от коротеньких миниатюр до больших повествований со многими действующими лицами. Писали их только на «ханмуне», но некоторые сочинения в дальнейшем были переведены на корейский язык. Возможно, так случилось и с повестью «История фазана», во всяком случае, ее иносказательная форма и сатирическая направленность выдержаны в традициях классической корейской аллегории.

В давние времена пришла в Корею из Индии история капризной жены морского чудища-макары, пожелавшей отведать обезьяньего сердца, и хитроумной обезьяны, обманувшей морское чудище. Эта индийская притча привлекала внимание корейских писателей. Например, историк Ким Бусик (1075—1151) включил ее в свой труд «Исторические записи Трех государств» как притчу — совет подданного попавшему в беду сыну государя.

Корейцы сохранили индийский сюжет, но заменили персонажей — зверей: вместо макары и обезьяны — более привычные для корейцев черепаха и заяц, и уже с этими героями история несколько веков странствовала по Корее, и только на рубеже XVIII—XIX веков этот сюжет был оформлен в виде повести, получившей название «Заяц» — по-корейски «Тхокки чжон», а в нашем сборнике — «Приключения зайца». В начале XX века ее услышал и записал русский писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, путешествовавший по Маньчжурии и Корее.

Некоторые корейские повести написаны по мотивам народных преданий. Так, в повестях «Чанхва и ее сестра Хоннён» и «Братья Хынбу и Нольбу» читатель сразу узнает известные многим народам мира сказки о злой мачехе и гонимой падчерице и о двух братьях — злом старшем и добром младшем.

Некогда на юге Кореи в провинции Чолла было очень популярно сказание о девушке Чхунхян, актеры читали его нараспев, отбивая такт веером. В нем рассказывалось о том, как сын правителя уезда Намвон повстречал юную певичку Чхунхян. Молодые люди полюбили друг друга. Чхунхян хранила ему верность, и новый правитель за это ее убил. История необыкновенной преданности в любви вдохновила многих корейских поэтов XVIII—XIX веков. На этот сюжет литературным языком «ханмун» были написаны поэма и драма в стихах, на корейском языке создан песенный сказ — пхансори, который исполнялся актерами, и множество повестей — коротких и длинных. Чхунхян стала самой любимой литературной героиней в Корее, в ее честь в Намвоне (ныне провинция Северная Чолла) была даже построена кумирня, куда и по сей день приходят многочисленные поклонники, чтобы принести жертвы ее духу.

История девушки из бедной семьи, которая пожертвовала собой ради исцеления слепого отца (повесть «Подвижница Сим Чхон»), некогда была связана с основанием буддийского монастыря Кваным в провинции Чолла. В храмовой легенде рассказывается о том, как дочь слепого бедняка решила продать себя китайским купцам, чтобы заплатить настоятелю буддийского монастыря, который обещал исцелить отца. Купцы,

пораженные необыкновенной красотой девушки, подарили ее китайскому императору, и она стала женой государя, но не забыла о родине. Хончжан (так звали девушку) поставила в лодку изображение бодхисаттвы Кваным — «Милосердной Печальницы», которая в Корее представляется в виде женщины и почитается как покровительница убогих и страждущих, — лодку течением прибило к берегам Кореи, и тогда по случаю этого удивительного события был построен монастырь, а отцу девушки Кваным ниспослала прозрение.

Фольклорные произведения на этот сюжет — песенные и прозаические сказы — были распространены в XVIII—XIX веках, а в конце XIX века появляются первые повести.

В основе сюжета «Подвижницы Сим Чхон» лежит, таким образом, религиозная буддийская легенда, проповедующая милосердные деяния бодхисаттвы Кваным.

Буддийские мотивы не случайны в этом произведении. Дело в том, что невозможно понять особенности корейской повести, как и всей традиционной литературы, не коснувшись вопроса роли трех ведущих религиозно-философских учений Дальнего Востока — конфуцианства, даосизма и буддизма.

Конфуцианство пришло в Корею в первых веках нашей эры, в период становления корейской государственности. Рассматривая человека как члена коллектива, конфуцианство выработало правила социального поведения, создало идеал образцовой личности, гармонично сочетающей в себе нравственность и культуру, а также представления об устройстве общества на справедливых и гуманных началах.

Буддизм и даосизм также начали распространяться в Корее в начале нашей эры. Эти учения, напротив, отвергают идею общественного назначения человека. Буддизм рассматривает жизнь как страдание, он призывает человека избавиться от привязанности к мирским благам и встать на путь к просветлению, чтобы уйти за пределы моря мучений, которым человек подвержен в земной жизни.

Даосское учение осуждает цивилизацию и связанные с нею институты. Оно не признает долг, служение, призывая отказаться от ложных отношений и обратиться к природе, которая в противоположность обществу всегда естественна, неизменна и гармонична.

Эти три разные идеологии сосуществовали и в повседневной жизни корейцев, и в их литературных творениях, поскольку обслуживали разные сферы деятельности. Так, в семейных отношениях и на государственной службе они придерживались конфуцианских правил поведения в

коллективе, а когда оставались наедине с собой и начинали размышлять о проблемах мироздания, своем месте в природе, они обращались к даосизму или буддизму. Не случайно буддийские и даосские воззрения так привлекали корейское ученое сословие в периоды смут и личных неудач на службе: эти два учения позволяли взглянуть на смысл социальной активности с иных позиций, увидеть быстротечность успеха и предлагали взамен непрочной суетной жизни иные, более стабильные ценности.

Известно, что композиция художественного произведения и комплекс проблем, которые в нем обсуждаются, связаны с мировоззрением автора и всем кругом культурных представлений данного общества, поэтому сами повести лучше всего расскажут о своеобразии духовной жизни Кореи того времени.

Повести, включенные в сборник, полны драматических коллизий, которые, казалось бы, должны привести к трагическому концу, но этого не происходит. Каждое из произведений, проведя своих героев через опасные ситуации, в конце концов спасает их и награждает счастьем. Попытаемся объяснить, почему так происходит, на примере двух произведений.

История корейского «благородного разбойника» Хон Кильдона во многом напоминает драму Ф. Шиллера «Разбойники». В центре обоих произведений стоит бунтарь, объявивший войну несправедливости в обществе. Оба героя для борьбы выбрали путь «нарушителей порядка» — стали разбойниками, оба не стремились найти в разбое путь к личному обогащению — и тот и другой помогают бедным и обиженным, наказывают жестоких и богатых. И Карл Моор, и Хон Кильдон мечтали о таком обществе, где отношения между людьми были бы гармоничными. Однако в драме Шиллера развитие действия приводит к трагической развязке, а повесть «Достойный Хон Кильдон» оканчивается всеобщим благодеянием.

В «Разбойниках» Шиллера прежде всего бросается в глаза сильное индивидуалистическое начало. Конфликт Карла Моора с обществом вырос из его личных отношений с семьей — отцом и братом — и окружающими. Неудовлетворенность Хон Кильдона кроется не в особенностях личных взглядов, а в низком социальном статусе его, как сына наложницы.

В герое Шиллера постоянно подчеркивается его «неслияние» с окружающим миром, начиная с вражды с младшим братом и кончая несоответствием его идеалов и интересов разбойников, которых он возглавляет. Ничего подобного нет в корейской повести. Хон Кильдон расстался с семьей, но при этом не возникли враждебные отношения ни с отцом, ни с братом. Правда, непосредственным поводом для ухода

послужило покушение на его жизнь, но пыталась убить его наложница — традиционный в корейской повести персонаж завистницы и злодейки, которая в дальнейшем исчезает со страниц повести. Что касается отношений Кильдона с разбойниками — «бедняцкими заступниками», то все они действуют как единое целое. Из всей «разбойничьей шайки» не выделено ни одной фигуры, ни один не назван по имени: Кильдон и его разбойники — единый организм, люди одних стремлений. Показателен в этом отношении мотив создания путем волшебства семи Хон Кильдонов, действующих одновременно и одинаково во всех провинциях Кореи.

Путь борьбы с беззаконием с помощью беззакония — разбой в конце концов оказался неприемлемым для Карла Моора, привел его к конфликту с самим собой. У Хон Кильдона действия, нарушающие общественный порядок, не вызывали никаких угрызений совести. Напротив, в результате герой создает гармоничное общество. Причина этого, очевидно, кроется в особенностях корейских представлений: поведение человека, который, разочаровавшись в существующем общественном порядке, отвергает установленные нормы отношений, оценивается как «разбойничье» с точки зрения официальной конфуцианской системы ценностей; для даоса было естественным освобождение от общественных обязательств, и Хон Кильдон, нарушая порядок, в отличие от героя Шиллера, оказывается в собственных глазах не законопреступником, а человеком, который обратился к другой системе взглядов, где ценным считается как раз свободное поведение.

Поэтому корейские разбойники изображены не как бунтари, нарушители порядка, а как люди «другого мира», где все ведут простую вольную жизнь и никто никого не притесняет. Их мир даже отделен от общества обычных людей каменной дверью, и утопическое царство, организованное Кильдоном, тоже находится за пределами Кореи, на некоем острове Юльдо в море. Это тот же «иной мир разбойников», который из идеального сообщества, противопоставленного всем остальным людям, превращается в государство, где весь народ занят простой полезной работой, и правит там мудрый монарх.

На Дальнем Востоке человеку, разочарованному в официальной деятельности, видевшему несовершенство социальных институтов, даосское учение предлагает возможность отойти от общественной жизни и связанных с нею норм поведения. Поэтому, в отличие от героя Шиллера, который оказался один против всех, Хон Кильдон отвергает неустроенное общество с позиций человека, придерживающегося принципов естественного поведения.

В повести идеи социальной утопии — гармонических отношений между людьми — в какой-то мере переплелись с даосским отрицанием общественной жизни как зла и поисками совершенного мира, который должен находиться где-то вдали от несправедливого общества.

Основа для трагической коллизии есть и в повести «Верная Чхунхян». Здесь рассказывается о запретной любви. Он — сын уездного правителя, она — дочь кисэн — певицы и танцовщицы, которая в традиционном обществе находилась на самой низкой ступени. Между героями — социальный барьер, но они любят друг друга, невзирая на этот барьер, вопреки воле отца юноши, встречаются тайно, втайне заключают брак. Потом молодого человека увозят в столицу, а Чхунхян домогается новый правитель. Действие в повести развивается так, что, казалось бы, трагическая развязка неизбежна. В каком-то смысле перед нами корейские Ромео и Джульетта. Но герои в конце концов соединяются и оставляют большое потомство. Трагедия Ромео и Джульетты не состоялась. Почему?

Дело в том, что Шекспир развивает собственно ренессансную тему — показывает свободную человеческую личность, ее возможности, дерзания и гибель в столкновении с бесчеловечным обществом. Подчеркивается необыкновенный индивидуализм героев, отказ от всего, что не связано с их чувством. Поэтому старая родовая вражда семей и сама принадлежность к той или иной фамилии для них не имеет значения. Герой ради любви отказывается даже от своего имени.

Для Монне́на же родовое имя, традиции — это живая реальность, ему и в голову не приходит, что можно ими пренебречь. Он продолжает оставаться включенным в систему рода и социальной группы чиновников и не собирается отказаться от своего положения во имя любви, как это делает Ромео.

В корейской повести незыблемость устоев общества не вызывает сомнений. Персонажи не бунтуют против общества, не пытаются освободиться от его власти и не вступают в трагический конфликт с ним. Изначальная коллизия здесь — в несоответствии между личными качествами героини и ее низким социальным статусом: по своей природе она конфуцианская «образцовая жена», а по положению — дочь кисэн. Коллизия разрешается в этическом плане: героиня проходит испытания, терпит мучения во имя верности и выходит из них как преданная жена по конфуцианским понятиям. Ее образцовость получает официальное признание, а статус приходит в соответствие с ее природой — она получает высокое социальное положение жены чиновника.

Но в повести речь идет о любви. Обратим, кстати, внимание на то, что

в корейской литературе никогда не было деления на чувственную и платоническую любовь. Любовь всегда чувственная и время ее — весна. В повести «Верная Чхунхян» само имя героини уже дает понять читателю, что в ней рассказывается о любви. Девушку зовут Чхунхян, что значит «Весенний аромат». Весной встретились герои и полюбили друг друга с первого взгляда. Не случайно встреча и любовь Чхунхян и Моннёна описывается на фоне весеннего кипения жизни, когда все в природе одержимо стремлением к любви. Поэтому эротические сцены в повести, песни и монологи с эротическим подтекстом служат не только завлекательным чтением, но и прежде всего показывают «правильность» поведения персонажей, которые в своих поступках ориентируются на природу. То есть любовь рассматривается в одном ряду с естественным, весенним зарождением жизни: весной небо соединяется с землей, чтобы дать жизнь всем существам, — и поведение людей должно находиться в гармонии с природой.

Итак, непереносимое счастливое разрешение драматических конфликтов повести подсказано представлениями корейской культуры о свойственной миру гармонии. Любопытно, что даже в том случае, когда герои повести погибают, как это произошло с девушкой Сим Чхон и двумя героинями повести «Чанхва и ее сестра Хоннён», буддийская идея перерождения позволяет неизвестным авторам вновь вернуть их к жизни, но уже в новом качестве: девушки-близнецы растут любимыми детьми в семье и счастливо выходят замуж, а Сим Чхон становится женой государя — героев одаривают благами, которых они были лишены в прошлой жизни.

Действие в корейской повести, таким образом, всегда имеет два полюса — страдания героя и благополучный конец. Такая особенность строения связана с представлениями корейцев о развитии природы и общества, когда происходит постоянная смена хаоса и гармонии, а жизнь человека тоже оказывается включенной в этот круговорот. Но нельзя думать, будто ритм перемен идет независимо от деятельности людей. Напротив, от поступков человека зависит состояние космоса. Как же должен вести себя человек, чтобы в мире «ветры и дожди случались в свое время»? Образец такого поведения дают герои повестей.

Так, Чхунхян, чтобы объединиться с любимым, должна была раскрыться как верная жена. Этот нравственный подвиг, давший ей право на высокий статус, иллюстрирует необыкновенную добродетель героини, о которой было сказано в начале повести. Высокое положение императорской жены и исцеление отца — это воздаяние Сим Чхон за ее необыкновенную дочернюю преданность. Гибель девушки не была

обязательной (отдать храму обещанный отцом рис готова была и ее покровительница — госпожа Чан), но она необходима для иллюстрации поведения героини — образцовой дочери. Хынбу терпеливо сносит побои и унижения Нольбу и отваживается только на робкие просьбы. Он почтителен к старшему брату и не смеет осуждать его — не нарушает конфуцианскую заповедь об отношениях старшего и младшего братьев. Все события повести — это следующие одно за другим испытания достоинства терпения, гуманности и прежде всего братской почтительности. Поэтому в конце концов герой получает вознаграждение: ласточка, спасенная Хынбу, приносит ему чудесное семечко тыквы, из него вырастают плоды, в которых герой находит богатые дары. Таким образом, в повести месть жадному и жестокому старшему брату осуществляет ласточка, а сам Хынбу, увидев брата в беде, дарит ему дом и прочее имущество — младший брат до конца остается верным своей «природе» — гуманности, преданности старшему.

Смирением и почтительностью к старшим в семье отличается и поведение Чанхва и Хоннён из повести «Чанхва и ее сестра Хоннён». Они не ропщут даже тогда, когда мачеха приказывает их убить. Как предписывают конфуцианские правила, образцовая дочь всегда должна быть покорна воле родителей, но правила социального поведения обязательны для мира людей, духи живут по своим законам. Они-то и мстят за погубленных падчериц — раскрывают преступление мачехи, рассказывают о невиновности девушек и в конце концов добиваются наказания злодеев.

Герои этих двух повестей пассивны, они не стремятся постоять за себя и наказать обидчиков, их поведение соответствует конфуцианским нормам этики — гуманности, справедливости, почитания старших. Главная задача персонажей — не отомстить или уничтожить «злодея», а сохранить свою «образцовость», потому что именно знак причастности к «образцу», а не личная победа над врагом, дает ему высокое положение и устанавливает гармонию.

В духе конфуцианских представлений о том, что каждый человек должен соответствовать месту, которое он занимает, повесть описывает и поведение «злодеев». Все они нарушают установленные отношения между людьми, и это приводит к беспорядкам и страданиям. Так, в «Верной Чхунхян» уездный правитель вместо того, чтобы поступать как «отец народа», старается принудить добродетельную женщину стать его наложницей, в «Братьях Хынбу и Нольбу» старший брат, преследуя Хынбу, не выполняет свою обязанность заботиться о младшем брате, а в

повести «Чанхва и ее сестра Хоннён» неправильно ведет себя мачеха — не соблюдает родительский долг по отношению к детям мужа.

Итак, в четырех повестях счастливую развязку обеспечивает прежде всего правильное поведение персонажей, среди которых мы находим выделенные конфуцианством социальные типы верной жены, преданной дочери и послушного младшего брата.

Совсем по-другому выглядит поведение Хон Кильдона, зайца и фазаночки. Никто из них не собирается пожертвовать собой во имя преданности престолу, супругу или самоотверженного служения родителям. Напротив, Хон Кильдон, например, разрушает установленные нормы отношений с отцом и государем — уходит из семьи и, разбойничая, устраивает беспорядки в государстве. Фазаночка пренебрегает конфуцианским принципом «добродетельная женщина не выходит замуж второй раз» и, оставшись вдовой, снова избирает себе в мужа другого фазана, а заяц хитрит и обманывает, чтобы спастись от гибели в подводном царстве Дракона. Все эти персонажи необыкновенно активны, они всегда знают, что им нужно, и добиваются этого сами, причем любыми средствами, даже обманом. У них нет помощников, которые готовы дать им мудрый совет, покарать врага или указать верный путь к спасению. Герои этих трех повестей сообразительны и в трудных ситуациях сами находят нужные решения.

Заяц, например, попадает в беду по собственной вине. Он соблазнился обещанными черепахой высокими должностями и почестями и решил отправиться за «сладкой жизнью» в подводное царство. В повести сталкиваются две разные системы взглядов на мир и место в нем человека. Одну представляет черепаха — чиновник при дворе на службе у государя-дракона, другую — заяц, который живет сам по себе среди «гор и рек» — вольное существо, не обремененное никакими обязательствами перед другими. Заяц, решив сделать карьеру чиновника, оказался не на своем месте — вольное существо попало в придворную среду с четкой, строгой иерархией. Повесть разыгрывает эту ситуацию в комическом плане, при этом сначала обманывают зайца, а потом он дурачит придворных и самого царя-дракона.

Черепаха высмеивает «блаженство на лоне природы», которое проповедует заяц, и показывает несостоятельность стремлений к жизни вне общества. Комический эффект спора черепахи с зайцем достигается за счет снижения высоких понятий, которыми манипулирует заяц, — описание красот природы, подкрепленное литературными образами и цитатами из стихов знаменитых китайских поэтов. Заяц же дурачит морского царя и его

приближенных, воспользовавшись тем, что те не имеют ни малейшего представления о жизни за пределами подводного дворца. Но корейская повесть — серьезный жанр, она не может допустить, чтобы обманутый так и остался бы в дураках: в мире должна царить гармония. Вот потому после того, как заяц «шмыгнул в сосновую рощу и был таков», неожиданно появляется даосский отшельник и одаривает черепаху за ее верность государю целительной веткой боярышника, которая и должна излечить Дракона.

Повесть «История фазана» направлена прежде всего против схоластов, «цитатчиков». Здесь осмеивается пристрастие людей из ученого сословия мотивировать свои действия неременной ссылкой на образец — поступки героев и мудрецов древнего Китая, описанные в классической литературе. Фазан и фазаночка толкуют знамения и древние события так, как им удобно, при этом соединение «высокого» — литературных примеров и цитат из сочинений — с «низким» — обсуждением бытовых, житейских дел — создает в повести комический эффект.

Герои «Истории фазана» — вольные обитатели зеленых гор, их жизнь проста и естественна, и фазан гибнет лишь потому, что пренебрег своей природой свободной птицы, вступил в контакт с чуждым ему миром людей и перенял их обычаи. Вот поэтому он утратил способность видеть окружающие вещи такими, как они есть, — живое течение жизни заслонила книжная ученость. Фазаночка, напротив, практична и естественна. В противоположность супругу и птицам-женихам, озабоченным карьерой и местом в иерархическом обществе, она думает о практических вещах — благополучии собственном и своих детей. Поэтому, отвергнув ложную мораль, требующую от женщины сохранения верности покойному супругу, она снова выходит замуж за фазана. Правильность ее решения подтверждают счастливо прожитые годы и превращение после смерти в двустворчатую раковину — символ постоянства супружеской пары.

Образ зайца, который живет среди природы и следует ее законам, естественность поступков фазаночки весьма напоминает даосский идеал поведения. Наверное, не случайно героями повестей стали животные. Это связано с традицией корейской классической аллегории, в которой ощущается влияние даосского мировоззрения, а для него именно существа, населяющие природу, были носителями истины. Не случайно поведение всех ее персонажей идет вразрез с провозглашенными конфуцианством социальными нормами. Вспомним, что и образ Хон Кильдона, нарушающего обязательства по отношению к отцу и государю, имеет

даосские черты.

Обратим внимание еще и на то, что три повести заканчиваются всеобщим умиротворением, причем счастливый конец наступает лишь после того, как «свободные» герои уходят из того мира, где они испытывали страдания (заяц и фазаночка — в зеленые горы, а отверженный Хон Кильдон — на остров в море). Повесть не может оставить персонажей с «естественным» поведением внутри общества: мир должен быть гармоничным и все в нем должно иметь свое место. Поэтому в обществе не может быть человека, свободного от социальных связей и пренебрегающего правилами поведения человека. Иного вида свободы корейская традиционная повесть не показывает. Надо сказать, что в корейской литературе «свободный» герой не был порождением какой-то новой эпохи в духовном развитии общества, он не пришел на смену человеку с нормативным поведением. Эти два типа сосуществовали в корейской литературе параллельно.

Итак, герои корейской повести — гонимые в традиционном обществе, но их злоключения кончаются благополучно либо потому, что сами персонажи обладают высокими внутренними достоинствами, являются «социальным образцом», или благодаря собственной активности и практицизму.

Для культурной жизни Кореи XVIII—XIX веков была характерна мысль о том, что благородство человека не определяется его социальным положением. В это время особенно активно провозглашались индивидуализм и практицизм — идеи «естественного человека», занятого полезной деятельностью, как основы общественного благоденствия. Наиболее ярким явлением эпохи было движение «сирхак» — сторонников практических знаний, которое развивалось в среде критически настроенных представителей образованного сословия. Эти сторонники преобразований критиковали традиционную систему обучения, построенного на изучении китайских классических сочинений, пропагандировали практические знания, а также обсуждали проблему ценности личности, независимо от ее положения в обществе. Не случаен в это время интерес к судьбе человека, его частной жизни и взаимоотношениям с другими людьми. Поэтому XVIII—XIX века отмечены расцветом повествовательных жанров — романа и повести. Именно проза давала возможность описать сложные перипетии судьбы героя, рассказать о его переживаниях, а вместе с тем в художественной форме преподнести читателю идеи сторонников движения «сирхак» о соответствии внутренних качеств человека его месту в обществе, дать

критику бесполезной учености и нерадивых чиновников, властвующих в стране, а также привести положительный пример активной личности, которая разумно правит народом.

При знакомстве с произведениями корейской литературы можно заметить, что в них постоянно встречаются имена китайских героев, намеки на события, описанные в китайской литературе, цитаты из древней поэзии и прозы. Эта особенность художественного языка повестей связана с корейскими представлениями о литературных ценностях, которые образованный кореец того времени видел не в родной литературе, а искал их в сфере «китайской классики». В число образцов, составляющих мир литературных ценностей, для корейского писателя и читателя входили китайские романы, новеллы, стихи, философские и исторические трактаты. Образованный кореец был хорошо начитан в китайской классике, без таких знаний было немыслимо сдать государственные экзамены и сделать карьеру чиновника, поэтому он легко ориентировался в ней и получал эстетическое удовольствие, узнавая в тексте то или иное название, эпизод, имя. Использование «китаизмов» в корейских произведениях стало традицией, которой следовали поэты и прозаики на протяжении всей истории традиционной литературы. Традицией был выделен определенный набор имен, эпизодов, устойчивых выражений, которые в поэтическом языке корейских произведений играли роль символов — знаков определенных ситуаций, человеческих характеров и поступков. Подобный набор обычно переходил из произведения в произведение и был хорошо известен читателю. Упоминание имени или короткая цитата вызывали целую серию ассоциаций — с самим китайским сочинением, его автором, кругом определенных произведений, наконец, с эпохой «образцовой литературы». Использование такого рода намеков делало текст гораздо более емким. Надо сказать, что все эти китайские символы с легкостью расшифровывал образованный человек, читатель же из простого народа, которому и была адресована повесть, был в основном «неграмотным по-китайски». Поэтому изречения и стихи на китайском языке, обильно цитированные в повестях, по-видимому, не всегда были понятны. Однако написанное на китайском языке считалось красивым, потому что было выражено на языке, который считался «образцовым», и рассматривалось как «высокое», «истинно ценное», в противоположность корейскому — «повседневному», «обыденному».

Повесть, наиболее популярная среди низов общества, возглавила распространение литературы в народе. Из всей традиционной прозы, пожалуй, только повесть излагала на родном языке в занимательной форме

идеи социальной гармонии, представления о том, что благодаря «правильному» поведению и «высокой внутренней природе» человек может в конце концов «подняться наверх», как бы он ни был унижен сейчас. Она рассказывала и о свободной личности, которая обретает счастье привольной жизни в единении с природой.

Конечно, повесть привлекала читателя не только потому, что в ней обсуждались волновавшие его проблемы. Ее популярность обеспечивали и увлекательные сюжеты, описания приключений, когда попадал герой в острые ситуации, грозящие гибелью. Немалое место в повести отводится и внутреннему миру персонажей, который раскрывается в эмоциональных монологах. Читатель сострадал горю Чхунхян, покинутой любимым, и несчастной доле Сим Чхон. Корейская повесть не отказывается и весело посмеяться над провинциальными властями, как, например, в сцене появления ревизора и панического бегства чиновников в «Верной Чхунхян». В «Истории фазана» и «Приключениях зайца» все диалоги построены на комическом переосмыслении и снижении тех понятий, которые в средневековом мире почитались как высокие духовные ценности.

Вот поэтому в Корее никогда не угасал интерес к повестям. В XX веке их издают уже типографским способом, большими тиражами в виде тонких книжек с яркими лубочными картинками. Лучшие писатели использовали старые известные сюжеты для своих произведений, а в современной Корее классические повести публикуют с комментариями и предисловиями для широкого круга читателей и адаптируют для детей. На сюжеты этих произведений создают сценарии кинофильмов и даже детские «мультимики».

А. Троцевич

Верная Чхунхян

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Случилось это в царствование великого Сукчжона^[1]. Государь был славен благими деяниями, а внукам и правнукам его не было числа. Мир и покой разливались по стране, как в правление древних императоров Яо и Шуня^[2], а нравы были столь же высокими, как при Юэ^[3] и Тане^[4], древних правителях Китая. Подданные государя были опорой страны, а храбрые воины — «драконово и тигрово войско» — ее верной защитой. Благотворное влияние двора преображало самые глухие уголки страны, к тому же на дальних и ближних жителей Поднебесья простиралось могущество державы, расположенной среди четырех морей. Двор государя был полон верными престолу подданными, а каждый дом — почтительными сыновьями и прекрасными добродетельными женами. Ветры и дожди случались в свое время, народ жил в мире и покое, повсюду, как говорится, распевали песни, играя в жан^[5].

В то самое время в уезде Намвон, в провинции Чолла, жила кисэн^[6] по имени Вольмэ. Своим искусством славилась она по всему югу, но рано оставила свое ремесло и вошла в семью дворянина по имени Сон. Шло время, годы уж подошли к сорока, а детей у нее все не было. Она все больше и больше сокрушалась и от тоски даже занемогла. И вот однажды ее вдруг осенило. Вольмэ вспомнила, как бывало с людьми в древности, и почтительно обратилась к супругу:

— Должно быть, в прошлой жизни^[7] я сделала какое-то добро и вот теперь стала вашей женой, оставила нравы певичек, держу себя достойно и усердно занимаюсь домашним ремеслом, но лежит на мне какой-то грех: нет у меня детей. Из шести кровных родственников^[8] никого не имею. Кто зажжет курения на могилах предков? Как похоронят после смерти? Может, принести мне жертвы духам в большом храме на знаменитой горе? Только родив сына или дочь, разрешу тоску всей своей жизни! А что думает об этом мой супруг?

— Если думать о твоём положении, ты, конечно, права, — ответил ей советник Сон. — Но разве были на свете люди, что с помощью молитв получали ребенка?

— Великого мудреца Поднебесной Кун-цзы^[9] вымолили у горы Ницюшань, а чжэнского Цзычаня^[10] — у горы Учэншань. Неужто среди гор и рек нашей восточной страны не найдется большой горы и славной

реки? Вот у Чжу Тяньи^[11] из Унчхона, что в Кёнсандо, до старости не было детей, а помолилась высокой горе, и родился у нее Сын Неба^[12] — повелитель великой, светлой династии Мин, озарившей весь мир! Давайте и мы попросим от души!

Может ли рухнуть башня, сложенная с великим тщанием? Разве сломается древо с глубокими корнями? С этого дня Вольмэ стала поститься и, совершив омовение, отправилась на поиски такой горы, что поражала бы красотой. Быстро поднялась на мост Сорок и Ворон^[13], осмотрела горы и реки. Вот гора Кёронсан заслонила собой и север и запад, на востоке среди леса чуть виднеется буддийская обитель секты созерцания. На юге гора Чирисан величаво поднимается к небу, а река Ёчхон огибает ее длинной лентой.

Волшебный край! Пробравшись сквозь зеленые заросли, она перешла через горный ручей, и вот она — Чирисан! Вольмэ поднялась на пик Панябон и оглядела все вокруг. Отсюда как на ладони видны славные горы, великие реки. Сложив алтарь на вершине горы, она расставила приношения и, павши ниц, стала всем сердцем молиться. Должно быть, смилостивился горный дух и в праздник пятого дня пятой луны^[14], в день крысы^[15] явил ей сон: счастливое знамение сияет, переливается в небе пятью цветами, и на синем журавле прилетает фея с венком на голове, в узорчатом платье. Нежно звенят подвески-луны, а в руке она держит ветку цветов корицы. Войдя в покои, фея приветствует ее сложением рук:

— Я дева реки Ло, шла в нефритовую столицу, чтобы поднести государю персик бессмертия, но во дворце Простора и Прохлады^[16] повстречала Чи Сун-цзы^[17], и, пока изливала все, что было на душе, мое время прошло, а это большой грех. Верховный государь разгневался и прогнал меня в этот мир. Я не знала, куда идти, но дух горы Турюсан мне указал на ваш дом, и вот я пришла. Пожалейте меня!

И с этими словами фея бросилась к ней на грудь. Вдруг громко закричал журавль, как говорится, оттого что у него шея длинная. Вольмэ в испуге проснулась. Это прямо сон о Нанькэ!^[18] Успокоив смятенную душу, она рассказала обо всем супругу и стала ждать, может, милостью небесной родится сын? И правда, с этого дня почувствовала она дитя под сердцем. Однажды покои заполнил аромат, засияло многоцветное облако, и в полузабытьи она разрешилась дочерью, прекрасной, как нефрит. Долго у Вольмэ тосковала душа оттого, что не сын родился, но потом она утешилась и так полюбила дочь, что и словами не выразишь. Назвала ее Чхунхян — весенний аромат — и лелеяла, как драгоценный нефрит.

Только минуло дочери семь-восемь лет, а она уж полюбила книги и знала, как положено себя держать добродетельной девице. В преданности родителям не было равных Чхунхян, а кротостью нрава она могла сравниться лишь с цилинем, и не было в округе человека, который не хвалил бы ее дочернее послушание.

Тогда же в столице, в квартале Самчхон жил дворянин Ли в звании халлима^[19]. Был он знатного рода, из славной семьи, преданной государю. Однажды Сын Неба, просматривая записи имен верных престолу и почтительных к родителям, пожелал избрать лучших и наградить их должностями пастырей народа. Тогда вот халлим Ли, который служил правителем Кымсана в Квачхоне, был переведен на должность правителя уезда Намвон. Низко поклонившись государю и поблагодарив его за милость, халлим Ли оставил свое прежнее место службы и направился в Намвон. Он хорошо правил народом, и потому везде царило спокойствие, а жители городов и селений прославляли его деяния. Он, как говорится, «слушал песни на улицах и дорогах, в тумане и при луне». Погода стояла благодатная, годы выпадали урожайные, а все сыновья почитали своих родителей. Прямо век Яо и Шуня!

Стояла весна — самое приятное время для прогулок. Повсюду стремительно проносятся стайки ласточек, они резвятся парами в порыве весенней любви.

Цветут цветы по склонам южных гор,
Алеют северные горы.
Висят на тополях, среди ветвей,
Десятки тысяч тонких нитей^[20].

А вот золотистая иволга кличет к себе подругу, кругом зеленеет целый лес деревьев. Настала пора куковать кукушкам. Лучшее время в году!

Сыну уездного правителя, юноше Ли, минуло тогда шестнадцать лет. Обликом он был что Ду Мучжи^[21], талантов — целое море и умен необыкновенно. Стихи сочинял, как Ли Тайбо^[22], а искусством каллиграфии владел, словно Ван Сичжи^[23]. Однажды зовет он к себе слугу и говорит:

— Я полон вдохновения, меня охватил весенний восторг! Расскажи-ка мне, какие места у вас самые красивые!

Хитрец-слуга почтительно ответил:

— Молодому баричу, погруженному в науки, вроде ни к чему искать красот природы.

— Ты невежда, — говорит ему на это юноша. — Издревле мастера слова любят прекрасными горами и реками, как говорится, ветер и луна сотворили изящную словесность! Небожители — и те многое познали оттого, что любили оглядываться вокруг. Что же в этом недостойного? Вот, например, Сыма Сянжу^[24] поплыл на юг, к рекам и озерам, и, когда он переправлялся через Янцзы, в свирепых волнах яростно бушевал ветер. Разве с давних времен не воплощалось в литературные творения все, что случалось в поднебесье, — страшное, радостное и прекрасное? Ли Тайбо, сын неба среди поэтов, развлекался на реке Цайшицзян, при осенней луне на реке под Красной стеной гулял Су Дунпо^[25]. Поэт Бо Лэтянь^[26] наслаждался лунной ночью на реке Сюньянцзян, а на террасе Мунчан, что на горе Соннисан в уезде Поын, отдыхал великий государь Сечжон^[27]. Вот и я должен развлечься!

Слуга понял, чего от него хочет хозяин, и принялся рассказывать о самых красивых местах.

— Сперва я расскажу вам про столицу. Там за воротами Багряных Туманов есть кумирни Семи Звезд и Синих Лотосов, беседка Чистого Меча. А в Пхеньяне — беседка Чистого Сияния, башня Великого Единения и гора Пионов. Уезд Ёнян славится террасой Веселых Небожителей, а уезд Поын — вершиной Мунчандэ в горах Сонни. В уезде Аный знаменита терраса Необыкновенная, а в Чинчжу — башня Высящаяся Скала. Красива и башенка монастыря на южном склоне в Мильяне. Как они все выглядят, я не знаю, но уж если говорить о нашей провинции Чолла, то здесь очень хороши беседка Рассеянного Аромата в Тхэине и башни Холодного Ветра и Холодной Лазури — одна в Муджу, другая в Чончжу. Но вот в Намвоне места! За восточными воротами в густом лесу очень красива Обитель Созерцания, пройдете через западные ворота — там стоит кумирня бога войны Гуань-вана, она сохранила величавую строгость древнего героя. За южными воротами хороши башня Простора и Прохлады, мост Сорок и Ворон и павильон Горы Бессмертных, а если выйти за северные ворота, там, как говорится,

Разрезая синь небес,
Словно лотос золотой,

пик поднимается ввысь. Хороши там и горы Кёронсан, их

причудливые вершины будто парят в небе. Куда прикажете, туда и пойдем.

— Я выслушал тебя, — ответил ему юноша. — Башня Простора и Прохлады и мост Сорок и Ворон, по-моему, чудесные места. Пойдем, полюбуемся ими!

А теперь взгляните на барича! Он отправляется к отцу и почтительно говорит:

— Сегодня дивный день, повсюду распустились цветы. Позвольте мне уйти ненадолго, я хотел бы, как говорится, при ветре и луне почитать стихи, над рифмами подумать и город осмотреть.

Отец с радостью отпустил его.

— Иди, полюбуйся южной природой, обдумай темы стихов.

— Исполню все, как вы велите, — ответил юноша и, выйдя, приказал слуге:

— Эй, оседлай-ка осла!

Слуга, услышав приказание, принялся седлать. А какое убранство он на него надел! Пурпурного цвета сбруя, вся в алых кисточках, кнут с коралловой рукоятью, как говорится, под нефритовым седлом и при золотой плетке. Тут и золотые удила, и узорная уздечка, сплетенная из красных и зеленых нитей, в гриву вплел красную кисть, похожую на кулак, надел зеленое седло и стремяна из серебра. Сиденье обтянуто тигровой шкурой, а спереди и сзади — шлея с колокольчиком — звенит, будто монах творит молитвы, перебирая жемчужные четки. Осел готов и ждет повелений!

А теперь взгляните на юношу! Он так хорош, как говорится, лицом — нефрит, осанкой — небожитель! Волосы длинные, прямые, искусно причесаны, напوماжены и очень красиво стянуты тонким шелком, расшитым камнями реальгарами. На нем надета куртка сончхонского шелка на подкладке и белые шаровары из полотна, строченные двойным швом, носки подвязаны шелковой синей тесьмой, а шелковая жилетка на подкладке украшена янтарными пуговицами. Шелковый карман у кушака привязан тонким китайским шнуром. На халат без рукавов из китайского зеленого шелка надет другой, с длинными рукавами, и на груди завязан черной шелковой лентой. В белых башмаках с острыми носами, загнутыми, как перец, юноша подошел к ослу и, придерживав его, вдел ногу в стремя и вскочил в седло, подхлестнул осла и выехал со двора, а вслед за ним слуга-мальчишка. Когда они миновали ворота, юноша прикрылся от солнечных лучей круглым китайским веером с резными украшениями из золота. Весело едут они по широкой государевой дороге на юг от города. Разве осанкой юноша не похож на Ду Мучжи, который пьяным вошел в

Янчжоу? Он красив как Чжоу Юй^[28], для которого красавица, играя, нет-нет да нарочно сфальшивит, чтобы он к ней обернулся. А кругом такая красота, что можно только стихами сказать:

Когда он в Город Феникса приехал
По царским улицам, по чистым мостовым,
Весь город наблюдал его прибытие,
И кто из жителей не любовался им?

Юноша быстро поднялся на башню и огляделся по сторонам. Вид великолепный! Все окутано низким туманом, прямо утренний Чичэн! Поздняя весна вся в зелени деревьев, ивы и цветы овеивает восточный ветерок. Как сказано в стихах:

Здесь павильон пурпурный с башней алой
Друг друга ярким блеском ослепляют,
Здесь яшмовый дворец с парчовой залой
Друг друга красотой затмевают.
Как величавы редкостные зданья,
Прекрасные хоромы с галереей!

Будто стоишь на башне Юэян или террасе Гаосу и видишь, как реки княжеств У и Чу струятся в озеро Дунтин и прямо перед глазами — уезд Пэнцзэ, что к северо-востоку от озера Яньчи. А в другой стороне все белым-бело, красным-красно, и среди этого пышного цветения резвятся попугаи и павлины. Он любовался горами, реками: рядом с изогнутыми соснами, покорная весеннему ветерку, колышется листва дубов, стремительно мчатся речные воды, а по берегам — улыбки цветов. Тут же высятся стройные сосны с пышными кронами. Цветущая пора густых теней и благоуханных трав! Пьянящая картина персиков, пионов, кориц и сандалов! И все это словно опрокинулось в реку Ёчхон, величавую, как Янцзы. Юноша бросил взгляд в другую сторону — а там красавица, как весенняя птичка-щегелюшка, радуется весне, то азалию сорвет и украсит волосы, то возьмет в рот рододендрон. Вот она нефритовой ручкой приподняла край юбки, в прозрачных струях горного ручья омыла руки и ноги, набрала в рот воды, полощет зубки и вдруг, быстро подняв камушек, погрозила иволге на ветке ивы. Уж не та ли это иволга, о которой поется в

стихах:

Я иволгу лесную прогнала.

Красавица обрывает листья с ивы и пускает плыть по воде, а бабочки, белые, словно снежинки, и пчелы с мотыльками пьют нектар, порхают в легком танце. Иволги, будто кусочки золота, повсюду носятся стайками. Поистине прекрасна башня Простора и Прохлады, но еще лучше мост Сорок и Ворон. Красивее нет в Хонаме! Если есть мост Сорок и Ворон, должны быть и Пастух с Ткачихой! А разве в этом дивном месте нет, как говорится, ветра и луны, вдохновляющих поэта? И юноша тут же сложил стихотворение:

На небе высоком и ясном —
Ладья из ворон и сорок,
С нефритовой лестницей башня
В Просторном Студеном дворце.
Кто будет Ткачихой — звездой в небесах.
Спросить осмелюсь я вас.
Сегодня я радуюсь как никогда,
Ведь буду я Пастухом!

Тут принесли из управы столик с вином и закусками. Юноша выпил чарку вина и отослал обоих слуг. Наслаждаясь, в опьянении, он раскурил трубку и стал гулять вокруг, очарованный здешней красотой. Даже обитель Лотоса — та, что в провинции Чхунчхон, у лагеря командующего морскими войсками в Конджу, — и то не сравнится со здешними местами. Алое и зеленое, белое и красное — смешались все цвета, а за пологом ивовых веток слышится трель иволги, зовущей подругу. Песня ее поднимает весеннее настроение. И здесь и там порхают бабочки в поисках нектара — желтые и белые, целый весенний город! Слово обитель бессмертных — горы Инчжоу, Фанчжан, Пэнлай!^[29] А реки! Чистые воды Небесной реки! Настоящая Нефритовая столица! А раз уж это Небесная столица, то нет ли здесь и Хэнэ из лунного дворца?

Мы уж говорили, что стояла весна, пятый день пятой луны — праздник в небесах. Могла ли Чхунхян, дочь Вольмэ, не знать о весеннем празднике? Ведь она была искусна в музыке, стихах, любила книги! И вот

она пришла с Сандан, чтобы покачаться на качелях. Ее волосы, прекрасные, как орхидеи, красиво заколотые шпильками-фениксами, закрывают уши. Стан, окутанный шелковой юбкой, склонился в истоме, словно прекрасная гибкая ива. Восхитительна, прелестна! Вот она, плавно ступая мелкими шажками, входит в лесную чащу, а здесь — густые тени и ароматные травы, стелется ковер золотистых цветов, иволги — кусочки золота — парами порхают. Она захотела покачаться на качелях, привязанных к огромной иве, в сто чхоков^[30] высотой. Быстро скинула накидку зеленого шелка с узорами цветов граната, шелковую юбку на синей подкладке и повесила их на дерево, сбросила расшитые башмачки темно-красного шелка и, завязав под подбородком нижнюю белую юбку, взяла нежной нефритовой ручкой пеньковую веревку от качелей, легко вскочила, оттолкнулась ножками в белых шелковых носках, и вот ее стан, прекрасный, как тонкая ива, уже мелькает в воздухе. У Чхунхян на затылке, в волосах, нефритовые шпильки-фениксы и серебряный гребень, впереди на поясе — ножички из янтаря и нефрита, а кофточка кванвонского шелка завязана пестрой лентой.

— Сандан, раскачай меня!

Сандан раз качнет и отпустит, другой раз качнет и отпустит, только легкая пыль от ног клубится под ветерком и рассеивается по сторонам. Плавно качаются вместе с качелями листья дерева над головой. Смотрите, алый подол играет в порывах ветра, будто молния сверкает в далеком небе среди белых облаков за девяносто тысяч ли! Как говорится:

Гляжу я на него — он впереди,
И вдруг — он оказался позади.

Вот она стремительно летит вперед, и кажется — то легкокрылая ласточка гонится за опавшим лепестком персика, летит назад — словно мотылек потерял подругу в порыве свежего ветерка, исчез, но тотчас снова появился. Это ушаньская фея^[31] скользит на облаке к вершине горы Янтай! Она то губами подхватит листок на лету, а то сорвет цветок и к волосам приколет.

— Ой, Сандан! Голова закружилась, придержи веревку!

Качели еще несколько раз качнулись взад-вперед, наконец остановились, и тут вдруг нефритовая шпилька со звоном упала на плоский камень у ручья.

— Шпилька! Шпилька! — зазвенел голос Чхунхян, будто коралловая

шпилька раскололась о яшмовое блюдо. Вся она казалась неземной, прямо как сказано в стихах:

Привольно ласточке весной —
Летает тут и там.

У юноши Ли заняло сердце, разум его померк, он принялся размышлять:

— Конечно же, это не Сиши^[32], ведь та с Фань Сяобо^[33] отправилась на лодке по пяти озерам. Это и не красавица Юй!^[34] Она лунной ночью в Гайчэне, печально напевая песню за нефритовым пологом, разлучилась с чуским баваном^[35]. Ван Чжаоцзюнь^[36] здесь тоже не может быть, она ушла в Байлундуй через ворота Даньфэн, и теперь ее могила поросла зеленой травой. И Бань-цзеюй^[37] не могла сюда прийти, она во внутренних покоях дворца Чжансинь читает стихи «Плач о седой голове». А Чжао Фэйянь^[38] велели по утрам приходить во дворец Чжаоян. Может быть, это фея реки Ло^[39] или ушаньская небожительница?

Его душа будто улетела в небеса, он даже ослабел. Ох уж эти неженатые!

— Эй, слуга!

— Слушаюсь!

— Посмотри-ка, что это мелькает вон там, среди цветов и ив?

Слуга взглянул и почтительно доложил:

— Да это не иначе, как Чхунхян — дочь здешней кисэн Вольмэ!

— Как хороша! Очаровательна! — пробормотал юноша.

— Мать-то ее кисэн, — продолжал слуга, — но сама Чхунхян горда, отказалась от ремесла кисэн. Она знает грамоту, может иероглифами написать названия сотен цветов и трав, даже стихи сочиняет, и в домашнем ремесле мастерица. Ну а вообще-то не отличается от деревенских девчонок!

Юноша рассмеялся:

— Я уже слышал, что она дочь кисэн, ну-ка быстро приведи ее.

А слуга-хитрец в ответ:

— Ее белоснежная кожа и лицо, как цветок, славятся по всему югу. Все военные и гражданские чиновники нашей провинции — распутники-дворяне, у которых от безделья большой палец на ноге стал в две ладони шириной, много раз хотели ее повидать, ведь у Чхунхян красота

Чжуанцзян, добродетели Тайжэнь и Тайсы^[40], стихи она сочиняет как великие Ли Бо^[41] и Ду Фу^[42]. У нее мягкий спокойный нрав Тайжэнь и преданность двух жен^[43]. Можно сказать, нынче она первая красавица в Поднебесье, самая совершенная среди женщин всех времен! Грозным окриком трудно заставить ее прийти.

Юноша усмехнулся:

— Разве ты не знаешь, что каждой вещью кто-нибудь да владеет? И у цзиньшаньского белого нефрита, и у лишуйского золота^[44] есть хозяин! Не болтай-ка пустяков, а сходи да позови!

Слуга, получив такое приказание, отправился звать Чхунхян. Красивый малый, он мчится как синяя птица, передающая вести с нефритового пруда феи Сиванму^[45].

— Эй, Чхунхян!

— Кто это так кричит? — перепугалась Чхунхян, от страха прямо душа замерла!

— Э, хватит болтать! Беда стряслась!

— Беда? Какая же беда?

— Да сын правителя, молодой барич, пришел к башне Простора и Прохлады, увидел, как ты тут резвишься, и приказал сейчас же позвать.

Чхунхян рассердилась.

— Ты сошел с ума! Откуда меня знает молодой барич? С чего это он меня решил позвать? Ты, шалопай, уж, видно, наговорил про меня невесть что...

— Нет, про тебя я ничего не говорил. Но давай-ка подумаем, кто виноват — ты или я? Вот послушай, почему не права ты! Если девушка хочет покачаться на качелях, она привязывает веревку в садике за домом, за оградой, и качается себе потихоньку. Кто ее там увидит? Вот это и есть приличное поведение. А здесь рядом башня Простора и Прохлады, это место у всех на виду. К тому же теперь, как говорится, пора густых теней и ароматных трав, все покрылось зеленью. Ивы у реки оделись светло-зеленым покровом, а ивы за рекой окутал темно-зеленый занавес, свесились ветки — одна, другая... Их широкий полог качается в танце под свежим ветерком. Ты привязала качели как раз в том месте, которое хорошо видно с башни Простора и Прохлады. Когда ты вскочила на качели ножками-дынными семечками и стала качаться среди белых облаков, подол твоей алой юбки распахнулся, и вот белый шелк нижней юбки полощется под весенним ветерком, и твое тело, белое, как нутро тыквы-горлянки, мелькает, будто в облаках. Молодой барич увидел тебя и позвал.

К чему мне было что-то о тебе говорить? Ну, хватит болтать, пошли!

А Чхунхян ему в ответ:

— Ты, конечно, прав, но ведь сегодня праздник Тано!^[46] Разве только я одна? И девушки других домов по обычаю качаются сегодня на качелях! Да и вообще, что бы ты ни говорил, я ведь не кисэн, а с обычной девушкой из деревни так не поступают: поманил — пришла, прогнал — ушла. Не пристало мне бежать по первому приглашению. Может быть, ты его не так понял?

Слуга не смог сломить ее гордость, пришлось ему вернуться к башне Простора и Прохлады и обо всем рассказать юноше. А юноша был человеком воспитанным и все сразу понял.

— Конечно, она права! Ты пойди к ней снова и исправь свою ошибку.

Опять слуга отправился к Чхунхян, а она уже возвратилась домой, он вошел к ней, когда мать и дочь обедали, сидя друг против друга.

— Ты зачем пришел?

— Ты уж прости меня за назойливость, но молодой барич велел передать, что он не считает тебя кисэн, а приглашает лишь потому, что прослышал, как хорошо ты сочиняешь стихи. Еще он говорил, что приглашать скромную девушку, зная о ней лишь понаслышке, конечно, неприлично, только пусть, мол, она не сомневается во мне, а придет ненадолго!

Чхунхян сразу подумала: «А может, это судьба?» Ей захотелось пойти, но, не зная, что об этом думает мать, она промолчала. А мать Чхунхян, привстав, радостно воскликнула:

— Сон! Сны снятся не просто так! Прошлой ночью привиделось мне, будто зеленый дракон вдруг появился в озере. Наверно, будет какая-нибудь радость, подумала я. Сон привиделся не случайно! Еще послушайте! Ведь молодого барича, сына правителя, зовут Ли Моннён. Сон — это знак «мон», а дракон — «нён» — «дракон во сне»! Удивительно совпало! Так или иначе, раз тебя зовет дворянин, неудобно отказаться. Сходи ненадолго.

Тогда Чхунхян, сделав вид, будто ей совсем не хочется идти, поднялась и пошла к башне Простора и Прохлады. Она ступает как ласточка по балке Большого светлого дворца, словно курочка гуляет по залитому солнцем двору. Очень хороша! Как говорится, облик — луна, лицо — цветок! Идет медленно, плавно — истинная Сиши из Юэ, которую обучали походке в Тучэне. Пока Чхунхян шла, юноша любовался ею, облокотившись о перила. Вот Чхунхян уже возле башни Простора и Прохлады, и Моннён, обрадованный, не может оторвать от нее взгляда. Прелестна и скромна! Можно сказать, облик — луна, лицо — цветок!

Такой больше не сыщешь на свете! Утонченность ее личика напоминает образ журавля, играющего у голубой реки, или лунного света на снегу! Алые губки чуть приоткрыты, зубки — белые, она лучится, как звезда и нефрит, кажется даже, будто напудрена и нарумянена. Ее прекрасный стан в дымке алого шелка, словно луч закатного солнца виднеется сквозь только что опустившийся туман, ярко-синяя юбка блестит и переливается волнами Небесной реки. А походка! Плышет как та, красавица древности, что ступала по лотосам^[47]. Она поднялась на башню и остановилась в смущении.

— Усади ее! — приказал Моннён слуге.

Вот красавица Чхунхян сидит, подогнув колени, а он не может от нее глаз отвести. Она как ласточка, что только-только присела, испугавшись в синих волнах, но вдруг с испугом заметила человека. И ведь совсем не накрашена, прямо красавица, как говорится, повергающая царства! Нефритовое личико! Ясная луна среди облаков! Алые губки полуоткрыты, словно цветок лотоса в воде!

— Я никогда не видел феи, — проговорил он, — но это, наверно, небожительница с Инчжоу, сосланная в Намвон, либо девы из Лунного дворца забыли здесь свою подругу. Твое лицо, весь облик... Такой больше нет на свете!

А Чхунхян подняла на мгновение глаза, чистые, как волны осенней реки, и взглянула на юношу. Он прямо герой! Необыкновенный муж. Лоб у него высокий, как у знаменитых людей, черты лица выдающиеся, он мог бы стать, как говорится, подданным, спасающим страну. На душе у нее стало радостно, но она сидела скромно, поджав колени, нахмутив брови-бабочки.

— Люди одной фамилии не могут быть связаны браком, — начал юноша, — даже если они святые мудрецы. Какая у тебя фамилия? Сколько тебе лет?

— Фамилия моя Сон, а лет мне шестнадцать.

Взгляните-ка на юношу Ли!

— О! Это хорошо! — воскликнул он. — Оказывается, мы с тобой ровесники, нам по две восьмерки лет! А теперь посмотрим на фамильные знаки. Само небо определило нашу судьбу, значит, соединить обе фамилии будет к счастью. Вместе родились, давай уж и радоваться вместе! Родители твои здравствуют ли?

— Одна только матушка.

— А сколько у тебя братьев и сестер?

— Моей матушке уже много лет, но сыновей у нее нет, только я, одна

дочка.

— Ты, оказывается, тоже балованное дитя в доме! Это волею небес мы с тобой встретились! Давай же радоваться вместе десять тысяч лет!

А теперь посмотрите на Чхунхян! Она нахмурила свои брови и, чуть приоткрыв алые губки, заговорила нежным, словно звон нефрита, голоском:

— Верный чиновник не служит двум государям, добродетельная женщина не выходит замуж дважды — так сказано в древних книгах. Барич знатен, а я низка по рождению. Если вы недолго поиграете со мной, а потом бросите, что станет с моим маленьким сердечком? Придется мне, как говорят, одиноко ночи коротать в пустых покоях и тосковать в слезах — вот мой удел. Кто обо мне тогда станет заботиться? Уж лучше мы не будем мужем и женой.

— Твои речи весьма похвальны, — заметил юноша, — но если мы соединим свои судьбы, союз наш будет крепким, как металл и камень! Где твой дом?

— Спросите у своего слуги, — ответила Чхунхян.

Юноша рассмеялся.

— Ну, конечно, не дело спрашивать об этом у тебя! Эй, слуга!

— Слушаю вас!

— Покажи-ка мне дом Чхунхян.

— Вон там на востоке зеленеют горы и синее пруд, заросший лотосами, — принялся объяснять слуга, — а в нем разводят рыбу. Вокруг пышно разрослись удивительные цветы и прекрасные травы, птицы на деревьях поют о славных делах, а изогнутые сосны на утесах клонятся под порывами ветра, будто старый дракон выгибает спину. Перед воротами ива на закате склонила ветви.

Бамбуки, кипарисы, пихты, а среди них два гинкго стоят друг против друга. У входа в крытый соломой флигелек — ююба и ясень, что растет в глухих горах, виноград, актинидии и акабии сплелись ветвями и, качаясь, свешиваются за ограду. А там, среди сосен и бамбуков, виднеется дом Чхунхян.

— Домик опрятный, — сказал юноша, — и бамбуковая роща густа, а бамбук — это символ женского постоянства.

Тут Чхунхян поднялась и смущенно промолвила:

— Люди могут осудить меня... Немного побыла с вами, теперь пойду.

— Ты права, — согласился юноша, — но я бы пришел к тебе сегодня вечером, когда уйдут со службы чиновники. Только уж ты будь со мной поприветливей!

— Я не знаю, — тихо проговорила Чхунхян.

— Если не ты, то кто же знает? Ну, счастливого пути, увидимся нынче вечером!

Чхунхян спустилась с башни и направилась к дому. Навстречу ей вышла мать.

— О, моя доченька пришла! Что же тебе сказал господин?

— Что он сказал? Мы с ним немного посидели, а когда я собралась уходить, он пообещал прийти к нам сегодня вечером.

— А ты что сказала?

— Сказала, что не знаю.

— Ты правильно ему ответила.

А юноша, полный нежного чувства, проводив Чхунхян, думал о ней не переставая. Он вернулся в управу, но все стало ему не интересно, в мыслях была только Чхунхян. Голос ее звенел в ушах, перед глазами стоял прекрасный облик. Ожидая захода солнца, он позвал слугу:

— Когда же солнце...

— Светает на востоке.

— Вот наглец, — рассердился юноша. — Солнце садится на западе, а теперь что, вдруг на восток повернулось? А ну-ка посмотри еще!

На этот раз слуга ответил:

— Солнце ушло в Сянчи, стало темно-темно, а над восточными вершинами восходит луна.

Ужин для юноши потерял всякий вкус, он томился ожиданием, не зная, куда себя деть. «Подожду, пока чиновники уйдут», — подумал он и, положив перед собой книги, принялся читать. Это были «Середина и постоянство», «Великое учение», «Книга песен», «Беседы», «Мэн-цзы», «Книга перемен»^[48], «Сочинения древних поэтов», «Исторические записки»^[49], стихи Ли Бо и Ду Фу и даже «Тысячесловие»^[50]. Начал он с «Книги стихов»:

«Кря-кря» — перекличку затеяли утки,
Вдвоем опустившись на остров речной.
Прекрасная, чистая девушка будет
Достойному юноше доброй женой.

Нет! Не хочу это читать! Взял «Великое учение»: «Путь Великого учения в пояснении известной добродетели, в обновлении народа...» — в Чхунхян! И эту не хочу! Раскрыл «Книгу перемен»: «Принцип творения в

изначальном свершении, благоприятной стойкости...» в желании Чхунхян; мое бы стойкое желание да ее — вот хорошо было бы. А, не буду читать эту «Книгу перемен»! Вот «Дворец Тэн-вана»^[51]. «Наньчан — старый уезд, Хунху — новый». Все это верно!

Он принялся за «Мэн-цзы»: «Мэн-цзы представился лянскому князю Хуэю. Князь сказал: «Вы пришли, не посчитав далеким расстояние в тысячу ли^[52]...» Может, он пришел повидать Чхунхян?..

Юноша взял «Краткую историю»^[53]: «В глубокой древности государь Неба правил под своим коренным девизом. Правление не менялось из поколения в поколение, и двенадцать братьев жили по восемнадцать тысяч лет».

Тут вмешался слуга:

— Послушайте, барич, я слышал, что государь Неба царствовал под девизом «дерево», в первый раз слышу, что он правил под девизом «корень»!

— Ты, щенок, ничего не знаешь! Небесный государь — это дворянин, который жил восемнадцать тысяч лет. У него были крепкие зубы, и потому он мог есть хлеб из дерева. А разве нынешние совершенномудрые способны кормиться хлебом из дерева? Великий Кун-цзы, думая о потомках, явился во сне во дворце Минлунь и сказал: «В наши дни у совершенномудрых зубы слабые, они не могут уже есть хлеб из дерева, а потому делайте мягкий хлеб из корней травы!» Об этом записали в храмах Кун-цзы, во всех трехстах шестидесяти областях, и хлеб из дерева заменили травяным.

— Услышал бы это государь Неба, воображаю, как бы он переполошился, — промолвил слуга.

А юноша уже взял «Красную стену»^[54]: «Осенью в год воды и собаки, в полнолуние седьмой луны философ Су^[55] вместе с гостями плыл на лодке под Красной стеной. Слегка дул чистый ветер, и на воде не вздымались волны». Не хочу читать!

Принялся за «Тысячесловие»: «Небо — чхон, Земля — чи...»

Слуга, слушая его, проговорил:

— Пристало ли вам, барич, читать «Тысячесловие»? Ведь это самая первая книга из семи, которые читают в школе. Лянский Чжоу Синсы^[56] написал ее в одну ночь, из-за этого голова его побелела, потому книге и дали название «Пэк ту мун» — «Сочинение Седовласого». Если тут читать все подряд, слово за словом, в штаны наложишь от натуги. Я и то знаю «Тысячесловие»!

— Знаешь? А ну-ка, прочти!

— Хорошо, послушайте! «Высокое, высокое — Небо, чхон. Глубокое, глубокое — Земля, чи. Густое, плотное — темное, хён. Подгорелое — желтое, хван...»

— Эх ты! Вот уж неуч-то! Услышал где-то деревенскую песенку «Чан-тхарён»! Послушай лучше, как я буду читать! «Небо рождается в час крысы, родившееся небо. Великий предел, широкое и бескрайнее — это Небо, чхон. Земля открылась в час быка. Пятая стихия и восьмая триграмма^[57] — это земля, чжи. Тридцать три неба^[58] пустым пусты, и люди мыслят их темными — хён. Из всех цветов пяти стихий — металла, дерева, воды, огня и земли, с которыми связаны двадцать восемь созвездий^[59], истинный — цвет земли, желтый, хван. Кружатся во вселенной солнце и луна, там широки и просторны нефритовые чертоги — это хоромы, у. Во все времена царские столицы то процветают, то приходят в упадок, то воздвигаются, то рушатся — так с древних времен и до наших дней — это извечный круговорот — чу. Юй обуздал поток^[60], а Цзицзы^[61] широко распространил по девяти областям^[62] «Великий план» — широкий, хон. Три государя^[63] и Пять императоров^[64] древности скончались, тогда мятежные подданные и разбойники распоясались, хван. На востоке стало светлеть, и вот на краю неба, алея, поднялся круг — это солнце, иль. Толпы народа пели песни, играя в жан на улицах и дорогах, в тумане и при луне — луна, воль. Растет понемногу холодный серп луны, и в ночь трижды пятого дня она становится полной — полный, ён. Подобно лунному свету проникаю повсюду, но полная луна пятнадцатой ночи с шестнадцатого дня начинает убывать, чхэк. Двадцать восемь созвездий, «План Желтой реки» и «Книга реки Ло»^[65] — это упорядоченность, поп. Солнце, луна, звезды, созвездия — звезда, чин.

Как приятно, что всю ночь до света
Проведу я у кисэн в покоях
И что нынче почивать я буду
На подушке, утками расшитой,

— спать, сук. У невиданной на свете красавицы грациозные манеры... Располагаю в порядке «Весны и осени» — располагать в порядке, ёль. Люблю лунный свет... Ночью в третью стражу^[66] голова думами полна — полный, чан. Сегодня дует пронизывающий ветер, в спальне холодно —

хан. Подушка высока, ты лучше ляг на мою руку... Приди же ко мне!.. Приходить — лэ. Обнимемся и ноги сплетем, тогда и под холодным ветром нам будет жарко — со! В спальне тепло, опьяненные ветром страсти, мы без устали... — двигаться, ван. Когда бывает ни холодно, ни жарко? С платанов листья облетели, значит, настала осень — чху. Когда голова станет седой, собирай плоды своей юности — собирать, су. Студеный ветер ломает деревья, а горы и реки в белых облаках — это зима, тон. Сплю или бодрствую, не забываю о нашей любви, затаившейся на женской половине — таиться, чан.

Вчерашней ночью
Под дождиком мелким цветок
Прекрасный, изысканный, яркий,

влажный, юн. Такая красота, пусть жизнь пройдет, без перемен сохранится. Столетний союз^[67], наша клятва даже под синими волнами безбрежного моря сохранится — сон. Брожу по свету и не замечаю, как проходят годы — се...

Не выгонишь жену, что в дни невзгод
Делила с мужем нищенскую пищу.

С такой женой холодно не обращаются... «Великое уложение»^[68] — это свод законов — юль. Разве она не хорошая пара славному юноше? Как я хотел бы губки Чхунхян к моим прижать и поцеловать, разве это не по закону гармонии — ё? Ведь этот знак и пишется, как два рта — один над другим! Ой-ой! До чего хочу ее увидеть! — закричал он во все горло.

А в это время его отец отужинал и, разомлев, прилег на постель, но, услышав крик, испуганно вскочил.

— Поди-ка сюда! — позвал он слугу.

— Слушаюсь!

— Что там в управе, иглами кого-нибудь колют? Или по ляжкам бьют? Сходи-ка, узнай.

Слуга вошел к юноше.

— Чего это вы изволите глотку драть, барич? Папаша ваш перепугались и велели узнать, что случилось. Что прикажете им сказать?

Юноша испугался не на шутку.

— Ты вот что скажи. Он, мол, читал книгу под названием «Беседы»^[69] и дошел до места, где сказано: «Как грустно! Я, видно, совсем стар, давно уже не видел во сне Чжоу-гуна^[70]». Тут он, мол, представил себе, будто увидел Чжоу-гуна, и от радости громко закричал. Так вот и передай!

Слуга все это доложил, и правитель обрадовался такому рвению сына.

— Иди-ка сюда! — позвал он слугу. — Сходи в канцелярию и позови тихонько секретаря Мока.

Мок вошел сильно обеспокоенный: может, случилось что недоброе? Надо бы поторопиться.

— Господин правитель, наверное, скучает, — проговорил Мок.

— А... Присядь-ка, поговорим. Мы ведь с тобой старые друзья, учились у одного учителя. Помнишь, в детстве не было противнее занятия, чем чтение книг, а у нашего мальчика настоящий поэтический дар. Он, пожалуй, далеко пойдет.

Мок не понял, о ком идет речь, но все же ответил:

— Да... Разве было в детстве что-нибудь более противное, чем чтение книг? А если читать неохота, клонит ко сну, разные хитрости придумываешь. А этот мальчик уж если берется за книгу, читает и пишет, не разбирая дня и ночи.

— Вот-вот.

— И не заметили, как он выучился, — продолжает Мок. — А какой у него каллиграфический талант! Точку одну поставит, словно камень сбросили с высокой горы, начертит единицу — бодростью прямо на тысячи ли повеет! Верхняя часть иероглифа у него с голову воробья, и как примется спорить о правилах написания — гром и молния, ветер и волны! Вертикальная черта у него словно старая сосна повисла на утесе, а черточки, что пишутся снизу вверх, тянутся, как ветви сухой лозы. Проведет кистью снизу вверх, и вот оно — торчит острие стрелы! Устанет рука — ногой прочеркнет, но линии хорошо получаются. Подсмотришь иногда тихонько, как он пишет — у иероглифов черта к черте.

— А ты послушай, как он умел сочинять, когда ему было всего восемь лет! — заговорил правитель. — В столице у нас во дворе росла старая слива. Я ему сказал: «Вот слива, напиши о ней стихи!» В одно мгновение все было готово, да к тому же написал так задушевно, сумел искусно отобрать все хорошее, и без всяких усилий! Он станет блистательным мужем в Государственном совете!

— Он прославит род. Как говорится, все весны и осени начертаны в его улыбке. Он станет главой Государственного совета!

Правитель, глубоко потрясенный, воскликнул:

— Главой Государственного совета! Как я могу на это надеяться?! Правда, при мне он легко сдаст экзамены, а если уж сдаст, то не останется же он на всю жизнь в чине шестой степени?!

— Тут и разговора быть не может! Будет если не столпом в Государственном совете, то уж столбом, демоном-стражем при дороге, наверняка станет!

— Да знаешь ли ты, о ком идет речь? — гневно вскричал правитель.

— Говорить-то я говорил, но, по правде сказать, не знаю про кого.

А пока они вели беседу, юноша все ждал сигнала к окончанию работы.

— Слуга!

— Слушаюсь!

— Посмотри-ка, может, уже били в колокол?

— Нет еще.

— Спроси немного погода у прислужника.

Но тут раздался протяжный удар в колокол.

— Вот хорошо! Вот хорошо! Засвети-ка фонарь.

И юноша, взяв с собой еще одного слугу, отправился к Чхунхян. Они старались ступать осторожно.

— У отца еще горит свет, спрячь-ка фонарь!

Быстро миновали они трое ворот. На дорожке играли лунные блики. Этот юнец еще ни разу, как говорится, не сломавший зеленой ивы среди цветов, не знавший любви красавицы — шел провести ночь в доме кисэн. Так не медли, иди скорее!

Так или иначе, они двигались вперед и радовались, что нынче ночь спокойна и безлюдна. Но как неузнаваемо она все изменила вокруг! Смешно, как говорится, неужто рыбак не знает дорогу к Персиковому источнику?^[71] Они подошли к дому Чхунхян. Тихая ночь, никого нет, луна светит — настала третья стража. В воде плещутся рыбки, а золотистые карпы, похожие на пиалы, радуются так, будто видят любимых, журавль в лунном сиянии страстно зовет подругу. Чхунхян проиграла на семиструнном кыме^[72] мелодию «Южный ветер»^[73], но потом прилегла и задремала. Тут появился слуга и, боясь, как бы не залаяла собака, тихонько прокрался под окно в комнате Чхунхян.

— Чхунхян, ты что, спишь?

— Зачем ты пришел? — испугалась Чхунхян.

— Молодой господин пожаловали.

У Чхунхян забилось сердце и на душе стало тревожно. В смущении

она открыла дверь, прошла в соседнюю комнату и разбудила мать.

— Ой, мама, как вы крепко спите!

— Зачем зовешь, чего тебе? — недовольно спросила мать.

— Да разве я у вас прошу чего-нибудь?

— Тогда зачем позвала?

— Молодой господин со своим слугой пожаловали, — потупившись, промолвила Чхунхян.

Мать открыла дверь и окликнула слугу:

— Кто это там пришел?

— Сын правителя, барич Ли пожаловали, — ответил слуга.

— Сандан! — позвала мать Чхунхян.

— Здесь я.

— Неси циновки и лампы во флигель за домом да приготовь там все для гостей! — распорядилась она и вышла к гостям.

Все люди хвалили ее — и не зря! Издревле считается, что дети больше походят на материнскую родню, вот почему у нее такая дочь, как Чхунхян. Посмотрите на нее! Волосы уже с проседью, но изящество сохранила, манеры сдержанны — она все еще привлекает взор. Лицо полное и гладкое — значит, живет счастливо. Она вышла степенно, неторопливо, обутая в башмаки с широкими носками, и подошла к слуге.

Тем временем юноша стоял, озираясь по сторонам, но тут к нему подошел слуга.

— Это мать Чхунхян.

Мать подошла и, почтительно сложив руки, приветствовала его:

— Как изволили здравствовать, молодой господин?

Юноша улыбнулся:

— Так вы матушка Чхунхян... В добром ли вы здравии?

— Да живу помаленьку. Я не знала, придете ли вы, не встретила вас как положено.

— Что вы, зачем это?

Мать Чхунхян прошла вперед, показывая дорогу. Они миновали главные и средние ворота и очутились в садике за домом. В старом флигельке, крытом соломой, горели лампы, а склоненные ветви ивы заслоняли свет, будто жемчужный занавес подвешен на крючьях. С правой стороны стоит павлония, и с ее листьев капает роса, будто журавль вздрагивает во сне, слева растет сосна, ее чуть покачивает свежий ветерок, и кажется — то шевелится старый дракон. На бананах, орхидеях, опунциях, растущих перед окном, распустились листья, а лотос, покрытый нефритовыми бусинками росы, как жемчужина в воде, чуть качается над

волнами. Золотые рыбки, похожие на пиалы, плещутся в пруду, будто, как говорится, хотят превратиться в драконов. Они резвятся, раздвигая молодые листья лотосов. Как сказано в стихах:

У искусственной горы из камня
Пик — как будто лотос золотой.

Горка эта высится ступенями. Журавль под лестницей, увидев людей, испугался, крылья раскрыл и, ковыляя на длинных ногах, закричал: «Курлык-курлык!» Лохматый пес залаял под коричневым деревом, и здесь же, посреди пруда, на волнах качается пара уток, будто ждет: вот, гость придет!

Они уже были возле навеса крыши, когда по приказанию матери из приоткрытого окна, затянутого шелком, показалась Чхунхян. Взгляните на нее! Это ясная круглая луна вышла из-за облаков! Невозможно описать ее восхитительный облик. Она застенчиво остановилась возле флигеля — такая красивая, что сердце тает.

— Ты не устала? Хорошо ли пообедала? — спросил с улыбкой юноша.

Чхунхян засмушалась и, не отвечая на вопросы, стояла молча. Тут мать Чхунхян первая вошла во флигель и, усадив юношу, подала ему чай, табак и веер. Юноша закурил и сел. Он пришел к Чхунхян рассказать о своих чувствах, а совсем не для того, чтобы полюбоваться ее вещами. Еще на улице он знал, что будет говорить, но только вошел и увидел ее — исчезли все слова. Напрасно он покашливал, словно простудился, сколько ни пытался — ничего не мог вымолвить. Тогда он принялся разглядывать комнату.

По стенам было расставлено множество вещей: шкафчики, расписанные фениксами, и драконами, комод с ящичками. Были развешаны даже картины. У Чхунхян нет мужа, откуда же взялись такие свитки и вещи у девушки, занятой учением? Но ведь мать Чхунхян была знаменитой кисэн! Она и собрала все эти вещи, чтобы потом отдать Чхунхян. Здесь были свитки кисти знаменитых в Корее каллиграфов и картины известных мастеров. Вот свиток с феей луны, а на другом — надпись: «Небесный государь сидит в вышине с красным жезлом в руках и по утрам ведет приемы». На этой картине Ли Тайбо — отшельник «Голубой лотос» стоит на коленях перед дворцом «Желтого журавля» и читает «Дао-дэ-цзин»^[74], а там — поэт написал стихи «Башня из белого нефрита»^[75] и теперь восходит на небеса, чтобы сочинить молитвословие «Поднимаем

балку»^[76]. Есть свиток, где Ткачиха с Пастухом^[77] встречаются на мосту Сорок и Ворон в седьмой день седьмой луны, а на другом — Хэнэ, украв напиток бессмертия, ясной лунной ночью сидит в Просторном студенном дворце.

Юноша был просто ослеплен, у него даже дух захватило. А на другой стене свиток, где нарисован Янь Цзылин^[78] с горы Фучуньшань. Он отказался от должности советника, в друзья себе взял белую чайку, а в соседи — обезьяну с журавлем и, облачившись в овечью шкуру, стал удить рыбу в реке Цютунцзян на отмели в семь ли. Все это нарисовано так искусно, что комната напоминает страну бессмертных, только юноше гулять с милой девушкой! Сердечко Чхунхян хочет служить лишь одному суженому, вот она и сочинила стихи, повесив их над письменным столиком:

Мерно шумят
На ветру бамбуки весной.
Жгу благовония,
Читаю порой ночной.

— Превосходно, в стихах таится глубокий смысл — преданность Мулань!^[79] — похвалил он.

Тут заговорила мать Чхунхян:

— Благородный молодой господин оказал такую честь, посетив наше убогое жилище. Я очень волнуюсь.

Эти слова помогли юноше развязать язык.

— Зачем вы так говорите? С башни Простора и Прохлады я случайно увидел Чхунхян, мы с ней очень хорошо провели время. Как говорится, мотыльки и бабочки всегда стремятся к цветам, вот и мое опьяненное сердце загорелось желанием прийти к вам сегодня вечером, чтобы заключить союз на сто лет с вашей дочерью Чхунхян. Что вы об этом думаете?

— Ваши речи, право, меня очень смутили, — ответила мать Чхунхян, — но послушайте, что я скажу. Господин Сон, который жил в столице, в квартале «Пурпурный туман», и служил помощником начальника палаты, был сослан в Намвон и приказал мне служить ему у постели. Не смея ослушаться, я пришла к нему, но через три луны он уехал в столицу, а после этого я вдруг почувствовала дитя под сердцем и вот родила ее. Я ему об этом написала, и он велел мне приехать, как только

перестану ее кормить. Но к несчастью, господин покинул этот мир, и я не смогла к нему приехать. Пока я ее с малых лет растила, так много было тревог и волнений! В семь лет она уже читала «Малое учение»^[80], день за днем училась вести домашнее хозяйство и скромно себя держать. Ведь в ней заложено доброе семя! Она все постигла, даже знает о трех правилах поведения!^[81] Разве скажешь, что она моя дочь? Но мы бедны и не подходим для знатного дома. Ведь знатные и незнатные друг другу не равны! Я дни и ночи думала, как выдать ее замуж? Вот молодой господин говорит, что хочет тут же с моей Чхунхян соединиться узами на сто лет. Не к чему об этом говорить! Проведите с нами вечер и ступайте!

Но на самом деле мать так не думала. Она поняла, что юноша добивается Чхунхян, но как будет дальше, не знала, вот потому из предосторожности и говорила так. А у юноши даже дыхание перехватило.

— Хорошему делу всегда стараются помешать. Чхунхян ведь еще не замужем, и я тоже не женат. Дадим друг другу обещание на словах, и хотя и не будет у нас положенных шести свадебных церемоний^[82], но ведь сын дворянина не может одними устами произнести два прямо противоположных слова!

Мать Чхунхян, выслушав его, заметила:

— А теперь вы послушайте меня! В старину говорили: «Своих подданных лучше всех знает государь, а своих детей — отец». Кому же, как не матери, знать свою дочь? У Чхунхян с малых лет был твердый характер, ее всегда заботило, как бы не сделать в жизни ошибку, она хотела служить только одному супругу. Ее волю, твердую, как металл и камень, можно сравнить лишь с зеленой сосной, изумрудным бамбуком да пихтой, что не меняются четыре времени года. Пусть тутовые посадки превратятся в синее море^[83], но сердце моей дочери останется прежним! Горой положите перед ней золото, серебро, китайские узорчатые шелка — она их не возьмет! Сердце Чхунхян, чистое, как белый нефрит, не поколеблет свежий ветерок, она хочет жить по старым правилам! У молодого господина разгорелось желание, и вы тут же захотели связать с нею свою судьбу. Вы, неженатый молодой человек, без ведома родителей соединитесь с ней в любви, крепкой, как металл и камень, а пойдут сплетни — бросите ее, и тогда моя Чхунхян, чистая, как нефрит, станет вроде сломанного панциря черепахи или разбитого жемчуга, расколотого нефрита. Разве не будет дочь моя похожа на утку-неразлучницу, которая беспечно гуляла по голубым рекам и потеряла своего селеня? Сейчас, господин, у вас на языке то же, что и в душе, но вы еще раз подумайте, а

уж тогда решайте, как поступить.

Юноша совсем пал духом.

— Да вы не беспокойтесь, — уговаривал он. — Я все обдумал, и душа моя полна искренности. Пусть у нас разное положение, но мы с ней соединимся на всю жизнь. Правда, не будет у нас свадьбы с положенным по ритуалу гусем, но разве моя душа, глубокая, как синие волны, забудет о Чхунхян?

Он говорил с такой искренностью! Что, по сравнению с этим, значили бы все эти шесть свадебных церемоний с их пышными зелеными и красными шелками?

— Пусть вас не тревожит, что она у меня первая и я еще не женат, — продолжал юноша. — Разве сердце благородного мужа поступит дурно? Вы уж дайте согласие.

Мать Чхунхян, слушая его, задумалась. Было же знамение во сне! Тут она решила, что это судьба, и радостно согласилась. Как говорится, появился феникс, нашлась и подруга, появился герой — нашелся и конь-дракон. В Намвоне появилась Чхунхян — Благоухание весны, и слива расцвела под весенним ветром!^[84]

— Сандан, ты приготовила столик с вином?

— Все сделала, — ответила служанка и внесла вино и закуску.

Юноша окинул столик взглядом: мясной бульон прозрачен, на большом блюде — тушеная говяжья грудинка, на маленьком — свинина, а рядом шкворчит жареная рыба. В супе из перепелок-резвухек ушки из Ульсана. Их мелко нарезали в виде бровей Мэн Чан-цзюня^[85] ножом с черепаховой ручкой. Здесь и шашлык из сердца, и коровий рубец, и ножки фазана, о котором говорят «весеннего фазана песни сами льются!». На китайском блюде и в миске из Пунвона — лапша, разбавленная холодным бульоном. Были еще поданы вареные и сырые каштаны, кедровые орешки, грецкие орехи и ююбы, рядами разложены гранаты, мандарины, сушеная хурма и вишня, зеленые и желтые груши, величиной с пиалу. Бросил взгляд на кувшины с вином, а тут и кувшин из чистого белого нефрита, и кувшин из коралла, добытого в водах синего моря, и вырезанный из древесины павлонии, про которую говорят «листья падают в золотой колодец». Вот кувшин с длинной, как у цапли, шейкой, а там — в виде черепахи, расписной китайский и позолоченный, кувшин из бамбука с берегов реки Сяосян и озера Дунтин, а среди них выстроились чайники для вина — серебряный, медный и позолоченный. Расскажем теперь, какие в них вина. Здесь виноградное вино небожителя Ли^[86] и вино «Алый туман»,

которое любил пить Ань Цишэн^[87], можжевельный напиток отшельников. А вот смесь белого и прозрачного, рисовое, тысячедневное, стодневное, вино «Золотая роса», искристые рисовые вина. Среди них лучше всего выбрать ароматное вино «Лotosовый лист», налить в чайник, и, вскипятив холодную воду на белом пламени латунной жаровни, опустить в нее чайник и подогреть, чтобы оно стало теплым. Золотые и нефритовые чашки окружают чашу из раковины «попугая», будто распустившиеся цветы лотоса в Нефритовой столице теснятся вокруг лодочки — лotosового листа феи Тайи, словно государственные мужи стоят вокруг веера — бананового листа главы Государственного совета. Все это было расставлено столь искусно, что так и хочется спеть застольную на мотив стихотворения Ли Бо:

Чарка вина, чарка вина
И снова чарка вина!

— Сегодня вечером я вижу у вас такой порядок, какой и в государственном заведении не всегда бывает, — заметил юноша.

— Я дочь свою Чхунхян хорошо воспитала, — начала мать Чхунхян. — Как говорится:

Прекрасная, чистая девушка будет
Достойному юноше доброй женой.

.....

Как лютия и цитра, живите в ладу.

Будете всю жизнь в ладу жить. Когда придут к вам в дом гости — славные герои, знаменитые поэты — как говорится, все друзья по «бамбуковой лошадке», и будут веселиться день и ночь, вы позовите жену из покоев и прикажите ей приготовить вино, закуски. Как бы она исполнила ваше приказание, если бы ее ничему не научили? Ведь неумение жены позорит мужа! Всю жизнь я старалась, чтоб она видела хорошие примеры. Бывало, заведутся у нас деньги, приходит супруга учителя и делает все своими руками, чтобы Чхунхян глазами видела и училась. Ни минуты она у меня не сидела без дела. Вы уж не обессудьте, что мало подано, угощайтесь на здоровье!

С этими словами она налила вина в чашу из раковины и подала

юноше. Он взял чашу и со вздохом проговорил:

— Была бы моя воля — я исполнил бы все шесть свадебных обрядов, но этого делать нельзя. Разве не обидно, что я женюсь как собака в логове. Чхунхян, давай выпьем это вино как свадебное!

Он налил чашу и поднял ее.

— Слушай меня! Первая чарка — заздравная! Вторая — свадебная. Пусть именно в этом вине будет основа нашего счастья! Говорят, что встреча Шуня с Эхуан и Нюйин^[88] имела великое значение, а нашу с тобой судьбу лунный старец^[89] связал союзом на все три жизни^[90]. Пусть сто тысяч лет пройдут — судьба наша не переменится. Внуки будут процветать из поколения в поколение, они получают высокие посты сановников Государственного совета, министров шести палат^[91], а правнуки и праправнуки будут играть у наших коленей. Пройдет сто лет, и мы с тобой, лежа друг против друга, умрем сразу, в один день и один час. Тогда наша судьба станет самой счастливой в Поднебесье! — и он выпил чашу вина.

— Сандан, налей вина и подай своей хозяйке! Теща, это вино радости, выпейте чашку!

Мать Чхунхян, взяв вино, сказала с печалью и радостью:

— Сегодня я на сто лет отдаю вам радости и печали своей дочери. Зачем бы мне грустить? Но вспомню, как ее воспитывала без отца, как росла она сиротой, подумаю с грустью о супруге и затоскую, сердце занает.

— Не надо вспоминать прошлое, — проговорил юноша, — выпейте лучше вина!

Мать Чхунхян выпила три чарки. После этого юноша кликнул слугу и велел ему забрать стол.

— Закуси! И мой слуга пусть поест.

Слуги вынесли столик, все съели, а потом они закрыли главные и средние ворота.

Мать Чхунхян, позвав Сандан, велела приготовить постель. Все спальные вещи были расшиты утками-неразлучницами, подушка как орешек, а ночной горшок сверкает рассветной звездой. Все готово, чтобы лечь в постель.

— Спокойно отдыхать вам, господин, — пожелала мать Чхунхян. — Пойдем, Сандан, сегодня будешь у меня спать. — И они вдвоем ушли.

Чхунхян и юноша, оставшись вдвоем, сидели друг против друга. Что же теперь должно случиться? Вот юноша взмахнул руками, словно

журавль, танцующий в лучах заходящего солнца на самой высокой вершине горы Самгак, и взял нежные, нефритовые ручки Чхунхян, сложенные на коленях. Изысканным движением он поднял подол ее платья и в нетерпении обнял ее тонкий стан.

— Сними юбку!

Для Чхунхян все это было в первый раз. Она смутилась и, опустив голову, отодвинулась от него — качнулась в сторону, будто розовый лотос среди густой зелени чуть склонился от нежного ветерка. Юноша стал снимать с нее юбку, потом нижнее платье, а она, ошеломленная, извивалась, как зеленый дракон Восточного моря.

— Не надо! Оставьте! Не надо!

— Ну, давай... Не надо говорить!

Они возились друг с другом, пока Чхунхян вдруг не запуталась в тесемках от платья, которое валялось под ногами, и оба тут же упали, растянувшись на полу, так и не разняв руки. Чхунхян, раздетая, была белее и прекраснее нефрита с горы Цзиньшань, и юноша отпустил ее, чтобы вдоволь полюбоваться.

— Ох, от нее просто с ума сойдешь!

Чхунхян ускользнула было от него среди брошенного платья, но юноша быстро настиг ее, сорвал рубашку и бросил на кучу одежды в углу. И вот оба лежат, прижавшись друг к другу. Как они?.. Тела их сливаются в таком самозабвенном порыве, что подпрыгивает даже тяжелое стеганое одеяло и в такт звенит латунная ночная посуда, дребезжит крючок на двери и трепещет пламя свечи. Разве бывают наслаждения большие, чем это?

Шли дни. Молодые перестали стесняться друг друга, веселились, шутили, и сама собой сложилась песня о любви. Вот как они радовались счастью!

Любовь, любовь! Любовь моя, любовь!
Необозримо озеро Дунтин,
Чуть только в небе снизится луна.
Как пик Ушаньский высока любовь!
Осыпавшимся листьям нет конца,
И небеса сливаются с водой.
Как синь морская, глубока любовь!
Ясна луна в пятнадцатую ночь.
Сошли туманы с тысячи вершин,
И я люблюсь месяцем в горах.
Как яркая луна, светла любовь!

У нас с тобой такая же любовь,
Как у флейтиста Сяо Ши с Луньюй^[92]:
Когда-то обучалась танцевать,
На флейте попросила поиграть,
Откинут полог, и горит вдали
За башнею жемчужною закат.
Среди цветущих персиков и слив
Сияет наша юная любовь!
Белеет тонкий месяц молодой,
И кажется — улыбку он таит.
Как скрытый лик его, полна любовь!
Мою с тобой горячую любовь
Навеки лунный старец завязал,
И, как супруги верные, в любви
Мы ошибиться не могли ни в чем.
Прекрасная и пышная любовь —
Пион с восточных гор, где дождь цветов.
Так прочно наша сплетена любовь,
Как в тихом море — невод рыбака!
Так крепко наша соткана любовь,
Как шелк Ткачихи с Млечного Пути!
У нас все швы подрублены в любви,
Как в рукоделье у искусных швей —
Красавиц из зеленых теремов!
И так же зелена у нас любовь,
Как ветви ивы около ручья!
У нас плотней уложена любовь
Зерна в амбарах, хлеба на току!
Хранится наша верная любовь,
Как драгоценность в прочном сундуке!
Росой на рододендроне любовь
Сверкает под весенним ветерком
И радуется бабочкам полей,
Что пьют нектар из чашечек цветов!
Подобно утке с селезнем, любовь
Качается на голубой волне!
Встречаемся мы так же, как в любви
Встречаются Ткачиха и Пастух
Раз в год, в седьмую ночь седьмой луны,

И веселимся так же мы в любви,
Как восемь фей и послушник Сончжин,
Наставника Юкквана ученик^[93].
С тобою так же мы сошлись в любви,
Как чуский властелин — с прекрасной Юй!
С тобою так же мы сошлись в любви,
Как танский Мин-хуан и Ян-гуйфэй!^[94]
Прекрасней наша яркая любовь
Шиповника, что вырос на песках!
Любовь, любовь! Ты вся моя любовь!
Любовь, любовь! Любовь, моя любовь!

— Чхунхян, пройди туда! Дай посмотреть, как ты уходишь! А теперь иди сюда. Хочу увидеть, как ты приходишь! Улыбнись и пройдишь мелкими шажками, дай полюбоваться твоей походкой! Мы встретились с тобой в любви! Запрятать бы нашу судьбу, но куда? Любовь родилась еще в прошлой жизни, и после смерти она не исчезнет! Вот чем ты станешь, когда умрешь.

Ты умрешь и станешь знаком в книге,
Иероглифом земли и мрака,
Будешь знаком женщины и девы.
Я умру и тоже знаком стану,
Иероглифом небес и света,
Буду знаком сына и мужчины.
К знаку девы сына знак припишут,
Знак «любовь» из двух частей составят —
В нем мы снова встретимся с тобою.
О моя любовь, моя родная!
Ты умрешь — тогда ты вот чем станешь:
Ты умрешь и ты водою станешь.
Но водой серебряной стремнины,
Водопада, голубого моря,
Чистого ключа, ручья как яшма
Иль рекой широкой ты не будешь.
Тьмы и света родником ты станешь,
Неизменно, вечно полноводным,
Даже в семилетнюю засуху.

А когда умру я — стану птицей.
Но не буду птицею-кукушкой,
Журавлем лазоревым и белым,
Синей птицей и тайфэн чудесной,
Жившими при древних государях, —
После смерти селезем я стану,
Неразлучным со своей подругой.
Как взлечу над родником лазурным, —
Знай, что это я опять с тобою,
О моя любовь, моя родная!

— Нет, не хочу я этого!
— Тогда ты будешь вот чем!

Ты не будешь колоколом в Кёнчжу,
Ты не будешь колоколом в Чончжу,
Колоколом в Сондо ты не будешь.
Колоколом станешь ты в Чанъане,
Я же — колокольным молоточком.
А когда ночной порой созвездья
В тридцати трех небесах заблещут,
Три костра на Чильмасан погаснут,
На горе Намсан огни потухнут, —
В первый раз тут колокол ударит.
Каждый раз, как донесется «тэн! тэн!»,
Люди, голосу его внимая,
Только звон услышат колокольный;
Нам же он совсем другое скажет:
Тэн-Чхунхян и тэн-Моннён ждут встречи,
О моя любовь, моя родная!

— Нет, не хочу!
— Ну, тогда пусть случится так!

Ты умрешь и сделаешься ступкой,
Я умру, и пестиком я стану.

В год и месяц, в день и час, что были
Названы «металл и обезьяна»,
Цзян Тайгун^[95] из камня сделал ступу.
Ттольккудон — по ней ударит пестик,
Ттольккудон — в ушах твоих раздастся,
Знай тогда, что я опять с тобою,
О моя любовь, моя родная!

- Не хочу, все это не нравится мне! — заупрямилась Чхунхян.
— Почему?
— Отчего это я всегда — и в этой жизни и после смерти — должна
быть внизу? Так неинтересно!
— Тогда ты вот чем станешь после смерти:

На песках шиповником ты станешь,
Быстролетным мотыльком я стану.
Лепестки твои возьму устами,
Ты же спрячь мой хоботок в свой венчик.
Вешний ветерок слегка подует,
Вместе будем наслаждаться в танце.
О моя любовь, моя родная!
Здесь и там мою любовь я вижу.
Если б всем любовь такую встретить,
Все бы жили, заболев любовью!
О моя любовь, как ты прекрасна!
Так же улыбаешься ты нежно,
Как король цветов, пион, который
За ночь под дождем едва раскрылся,
И куда я ни взгляну, повсюду
Ты — моя любовь, моя родная!

О чем бы еще спеть? Мы с тобой любим друг друга, давай споем о
нашем чувстве. Я буду петь так, чтоб везде было слово «чувство».

- Послушаю вашу песню!
— Слушай, любимая! Разве мы с тобой не любим горячо друг друга?
Вот стихи о чувстве!

Все время в волнение
Потока Великого воды,
Все время в печали
Пришельца бездомного чувства.
Я вас не могу
Проводить через мост над рекою,
Деревья за дальним потоком
Таят мои чувства.
Провожая вас на южный берег,
Вынести не мог наплыва чувства.
Все, кто видел проводы, узнали,
Что с собой унес мои ты чувства.

А вот еще о чувстве. Ханьский Гао-цзу^[96] чувствовал прелесть беседки Сиюй, а сто чиновников на утренних приемах у трех глав и шести министров^[97] испытывают чувство трепета. В райской земле Сукхавати только высокие чувства... Теплое чувство к родному дому жены. И друзья друг к другу чувствуют привязанность. Наконец в мятежном мире почувствовался покой! А наше с тобой чувство будет жить десять тысяч лет! Ясная луна и звезды чувствуют свет друг друга. Все в мире чувствуют небесного властелина. Беспокойство, тревога — все это чувства! Когда осуждают, тоже взывают к чувствам. У людей бывают добрые чувства... Капризы во время еды — и это от чувств! Поступишь неосторожно — почувствуешь беду! Сосновая беседка вызывает чувства. Чувствуется сразу — это управа, а это — женская или мужская части дома. Названия беседок Люблю Сосну и Небесный Аромат связаны с чувствами. Ян-гуйфэй чувствовала себя легко в беседке Исчезающий Аромат, а жены Шуня переживали чувство скорби у реки Сяосян. А вот беседки Холодная Сосна и Люблю Весну! Здесь чувствуешь благоухание распустившихся цветов. Там, где знаменитый пейзаж «Пик Кирина выплевывает луну», чувствуешь наслаждение в беседке Белые Облака. Мы встретились с тобой — и у нас появилось чувство. По правде говоря, моя душа, как сказано в «Книге Перемен»^[98], — «Изначальное свершение и благоприятная стойкость...» чувств, а твоя душа вся во власти чувств! Но наши чувства слиты воедино, и если одно чувство сломается, то все мои чувства расстроятся и в душе я почувствую боль! Так пускай же наши чувства всегда будут искренними! Вот и все о чувстве!

Чхунхян осталась довольна.

— Это ваше «чувство» просто восхитительно! Только уж лучше бы вы почитали священные книги, чтоб к нам в дом пришло благополучие!

Юноша рассмеялся.

— Ты думаешь, это все? У меня еще кое-что есть. Вот послушай еще о дворцах!

— Ой, как интересно! Даже смешно! Что это еще за дворцы?

— А ты послушай! Здесь много хороших слов. Земля и Небо — это чертог великого единения двух начал. В громе и молнии, ветре и дожде — могущество знамений, и этому дворцу имя — всеединство. Пруды с вином и мясо на деревьях у иньского царя в большом дворце, а у Цинь Шихуана^[99] был дворец Афан... Ханьский^[100] Тай-цзу узнал, как получить Поднебесную во дворце Сяньян. И еще был у него дворец Чанлай. Дворец Чансинь, где жила Бань Цзеюй, и дворец Шанчунь танского Мин-хуана. Один — разлуки дворец, другой — дворец прощанья. Среди дворцов дракона есть Хрустальный, а на луне — дворец Простора и Прохлады. И у нас с тобой дворец — общий на всю жизнь!

Чхунхян засмеялась.

— Не болтайте всякую чепуху!

— А это совсем не чепуха! Теперь, Чхунхян, давай поездим друг на друге верхом!

— Вот что еще выдумали! Как это мы будем ездить верхом друг на друге? Что это за игра такая?

— Да в нее все играют в столице! Это очень просто. Ты и я по очереди будем сажать друг друга на спину и крепко обнимемся, но сначала разденемся. Вот и все!

— Ой, мне стыдно. Я не хочу раздеваться!

— Ну что за девушка! Да тут и говорить не о чем!

Он снял с себя носки, пояс, штаны и куртку и швырнул в угол.

Стоит перед ней — ладный, голый. Чхунхян глянула на него и со смехом отвернулась.

— Прямо демон явился среди дня!

— Это подходит. Слушай, под небесами у всех есть пара, давай и мы с тобой поиграем, как парочка демонов!

— Ну, тогда сперва погаси светильник.

— Что за интерес без света? Скорее... Разденься, сними это!

— Нет, я не хочу так!

Но Моннён раздел ее и начал свою игру, слившись с ней в объятиях. Будто старый тигр с зеленых скалистых гор захватил в пасть добычу, но

тут же отпустил — зубов-то нет, вот и не может сожрать, только по земле таскает. Будто черный дракон — хозяин Северного моря держит в пасти драгоценную жемчужину и забавляется с ней в радужном сиянии. Словно феникс на горе Даньшань клюет бамбуковое семя и резвится среди павлоний. Так одинокий журавль на пяти озерах с орхидеей в клюве играет у хижины пяти отшельников. Его руки ласкали ее тонкую талию, и она вздрагивала от его прикосновений, он целовал ее уши, щеки, брал в рот ее розовый язычок — так горлицы соединяются клювами и воркуют парами на расписном шкафчике, изукрашенном золотом. Юноша повернул ее и с нежностью наполнил руки ее грудями, слегка сжимая их, а Чхунхян, раздетая — без кофточки, юбки и даже нижнего платья, вдруг застыдилась и убежала в угол. Моннён в томлении поглядывал на нее, лицо его горело, и жемчужинки пота выступили на лбу.

— Чхунхян, иди сюда, теперь я тебя понесу!

Но Чхунхян было стыдно.

— Ну чего ты смущаешься? Ты ведь уже все знаешь. Иди скорей, я тебя понесу!

Он посадил ее на спину и в упоении понес на себе.

— О, да ты довольно тяжелая для девушки! Тебе нравится сидеть на мне?

— Очень!

— Хорошо тебе?

— Хорошо!

— И мне. Я буду тебе сейчас говорить приятное, а ты мне отвечай!

— Говорите!

— Ты, наверное, золото?

— Золотом я не могу быть! Когда Чу и Хань враждовали восемь лет, Чэнь Пин^[101], тот самый, что придумал восемь планов, задумал изловить Фань Яфу^[102] и разбросал сорок тысяч золотых монет. Откуда же взяться теперь золоту?

— Тогда ты чистый нефрит?

— И нефритом я не могу быть! Давным-давно славный Цинь Ши-хуан получил нефрит с горы Цзиньшань и сделал печать, на которой знаменитым Ли Сы^[103] высечено: «Получив повеление Неба, вечно процветаю в долголетьи». Эта история передается из поколения в поколение, так как же я могу стать нефритом?

— Кто же ты тогда? Ты, может быть, цветок шиповника?

— Нет, и шиповником я не могу быть. Ведь здесь не десятки ли

чистых песков, как же я могла бы стать шиповником?

— Кто же ты тогда? Может, янтарь, золото, горный хрусталь или чистый жемчуг?

— Нет, и этим я не могу быть! Все эти драгоценности пошли на украшения для шляп трех глав и министров шести палат, правителей восьми провинций и всех других чиновников, а из того, что осталось, сделали кольца знаменитым кисэн столицы и провинции. С янтарем и жемчугом ничего не получится!

— Ну, тогда ты панцирь черепахи или коралл.

— Нет, нет! Ведь из панциря черепахи сделана большая ширма, а из коралла — перила. Как записано на балке дворца у хозяина моря, они стали сокровищами подводных покоев. Панцирь черепахи и коралл не для меня!

— Может быть, ты серп луны?

— И серпом луны я не могу быть! Ведь нынче не начало месяца, так как же могла ясная луна, что поднялась в синем небе, снова стать ущербной?

— Кто же ты тогда? Лиса, меня прельстившая? Мамаша родила тебя и вырастила такой красивой, должно быть, для того, чтобы обольстить и съесть меня? О любовь, моя любимая! Чем бы ты хотела полакомиться? Хочешь жареных или сырых каштанов? Может, круглый арбуз разрезать острым ножом с черепаховой ручкой, потом залить каньинским белым медом и серебряной ложечкой выбрать алую мякоть?

— Нет, не хочу!

— Тогда чего же ты хочешь? Может, поймать для тебя свинью или собаку? А может, меня хочешь съесть?

— Что это вы, мой господин! Неужто вы когда-нибудь видели, чтоб я человечину ела?

— Да я в шутку сказал! Моя любимая! А теперь ты, может, слезешь? Все на свете меняется, сначала я нес тебя на спине, теперь должна нести меня ты!

— Ой, бариц, вы-то сильный, вот и носили меня. А я слабая, мне вас не поднять.

— Нет, можешь! Просто не поднимай меня высоко, пусть ноги волочатся по земле, будто опрокидываешь.

Она посадила юношу и попробовала приподнять.

— Ой, не могу!

— Вот и я сажу верхом у тебя на спине, — заговорил юноша, — качаюсь то туда, то сюда. Тебе нравится? Когда я тебя нес, я говорил хорошие слова, а теперь ты меня несешь, значит, тоже должна сказать мне

что-нибудь приятное!

— Пожалуйста! Мне кажется, я несу Фу Юэ^[104] и Люй Шана. В душе они взрастили большие замыслы и стали сановниками, их имена гремели по всей стране. Их считали преданными подданными — опорой государства. Мне кажется, что я несу «шестерых казненных», «шестерых спасенных»^[105], на мне будто солнце-наставник и учитель-месяц, я несу отшельника Одинокое облако^[106], Прояснившуюся вершину^[107], Ляодунского правителя^[108], на мне Чон Сонган^[109], Чхунмугон^[110], Уам^[111] и Тхеге^[112], Саге^[113] и Мён Чжэ! О супруг мой любимый! Вы сдадите государственные экзамены, будете служить в канцелярии государя, войдете в государеву академию и станете левым помощником в государевой палате, а потом ее начальником. Послужите правителем во всех восьми провинциях, а после в столице станете ведать хранилищем сочинений самих государей и главой государевой библиотеки. Потом станете обучать юношей в конфуцианском училище, получите должность главы шести палат, назначат вас левым, правым помощником, главою Государственного совета, станете подданным-опорой страны, прослужившим на трех тысячах столичных должностей и восьмистах провинциальных. О супруг мой любимый!

— Чхунхян, давай теперь поиграем в лошадки!

— Ой, как смешно! Что это за игра в лошадки?

— Это же совсем просто! — вскричал он так, будто множество раз играл в лошадки. — Ты ползай по полу, а я сяду на тебя и обхвачу ногами твою талию, шлепну ладошкой по мягкому месту и крикну: «Ну-ка», — а ты отзовись и скачи во весь опор. Когда же ты понесешься молнией, я спою песню со словом «ехать». Ну, давай играть в лошадки! Давай!

Бесстрашьем славился властитель Сянь Юань.

У города Чжолу он захватил Чи Ю^[114],

Который все вокруг застлал густым туманом.

Когда же барабан победу возвестил,

Властитель восседал в повозке, что сама

Войскам его на юг дорогу указала.

За девять лет смирил речные воды Юй

И в колеснице стал по суше разъезжать,

Садился Люй Дунбинь^[115] на белого оленя,

Бессмертный Чи Сунцзы на облаке летал,

На небо Ли Тайбо вознесся на ките,

Верхом на ослике Мэн Хаожань^[116] скитался
Парит на журавле волшебница Тайи,
И ездит на слоне китайский Сын Небес,
И ездит Сын Небес корейский в колеснице.
Носилки главным трем министрам подают,
В каретах ездят шесть правителей палат,
В повозке — генерал, что войско обучает,
Начальник волости имеет экипаж,
И у намвонского пуса^[117] — своя карета.
Рыбак же, о котором сказано в стихах:
«Темнеет. На реке Чанцзян — старик рыбак»,
На утлом челноке плывет бросать свой невод.
Хоть было не на чем мне ездить до сих пор,
Но в третью стражу, в час полуночи глухой,
Я нынче сделаю Чхунхян своей лошадкой.
Уж не придется мне тогда шагать пешком!
Я буду конюхом; возьми скорей узду
И медленно ступай вперед с тяжелым грузом.
Потом скачи, как конь, как резвый белый конь!

Они испробовали все забавы. Где еще найдешь таких баловников!
Встретились двое, когда им лет было по две восьмерки, в страсти прошло
три луны, а они даже не заметили!

Но тут вдруг появился слуга.

— Барич, вас папаша зовут!

Юноша отправился домой, и тут отец ему объявляет:

— Из столицы пришел государев указ, мне дали должность
помощника главы канцелярии государя. Я приведу в порядок все дела и
тогда поеду, а ты отправляйся вместе с матерью. Завтра и поезжайте!

Юноша, услышав это, сперва обрадовался, но тут вдруг вспомнил про
Чхунхян и в груди у него защемило, руки, ноги затряслись, а сердце будто
упало. Теплые слезинки навернулись на глаза и потекли по нефритовому
лицу. Отец заметил это.

— Отчего ты плачешь? Думал, я всю жизнь буду сидеть в Намвоне?
Меня повысили в чине, назначили на должность в канцелярии в столице.
Не надо грустить. Нынче же быстро готовься к дороге, а завтра до полудня
отправляйся в путь!

Пробормотав что-то в ответ, Моннён вышел. Заглянул в управу —

здесь все были опечалены. Мать была доброй, и он рассказал ей про Чхунхян, но она принялась так нудно бранить его, что он отправился к любимой. От горя у него перехватило дыхание, но на улице плакать не станешь, и он шел, еле сдерживая слезы, хотя все в нем будто клокотало. Моннён подошел к дому Чхунхян и только ступил на порог, как слезы брызнули из глаз.

— Ой-ой-ой!

Выскочила испуганная Чхунхян.

— Что случилось? Да войдите же в дом! Вас бранили? Может, по дороге какая-нибудь беда стряслась? Говорят, из столицы пришла бумага. Что, нужно траур надеть? Что же случилось, любимый?

Чхунхян обняла его за шею и стала смахивать подолом юбки слезы с нефритового лица.

— Не плачьте, не надо плакать!

А у юноши даже дыхание перехватило. Ведь, если начинают утешать, когда ты плачешь, — расстроишься еще больше! Но тут Чхунхян рассердилась.

— Послушайте, барич, да на вас смотреть тошно! Только и знаете, что нюни распускать! Скажите же наконец, что случилось?

— Папаше пожаловали должность помощника главы канцелярии государя.

— У вас в семье такая радость! Почему же вы плачете?

— Нужно уехать, с тобой расстаться. Как же мне не плакать?

— Вы что же, думали всю жизнь провести в Намвоне? Или, быть может, хотели сразу вместе со мной уехать? Если сперва уедете вы, я быстро продам все ненужные вещи и приеду к вам попозже. Не надо огорчаться! Сделаем так, как я говорю, беды не будет, все обойдется хорошо! Правда, в столице я не смогу жить в вашей семье, вы дадите мне маленький домик или флигелек рядом с вашим домом, — и я буду довольна. Могут пойти слухи, и ваш отец рассердится, но мы даром есть хлеб не станем, хоть и переедем к вам. Да и потом, неужто вы думаете всю жизнь только со мной провести и никогда не жениться? Выберете себе стройную непорочную девицу из дома богатого знатного сановника, женитесь, но когда будете день и ночь служить своим родителям, вы уж про меня не забудьте. Сдадите экзамены, получите большую должность и поедете в провинцию служить, а станут подбирать вам в дорогу наложницу, вы возьмете меня. Кто тогда что-нибудь скажет? Так, по моему, и нужно поступить!

— Что тебе ответить на это? Я о тебе не посмел рассказать отцу, а

матушке во всем признался, она сильно ругала меня, мол, будут люди болтать, что дворянский сынок приехал с отцом из провинции, а уж наложницу с собой привез! Передо мной закроются все пути, чин могу не получить! Мы должны разлучиться, другого выхода нет!

Услышав такое, Чхунхян вдруг изменилась в лице, голова ее задрожала, глаза сузились, засверкали. Она брови нахмурила, зубами закрипела и, задрожав, как лист гаоляна, присела, будто сокол, выслеживающий фазана.

— Ой-ой! Что за речи вы повели!

Она стремительно вскочила и, подбежав к нему, стала рвать на себе волосы, в куски изодрала подол юбки и с силой швырнула ему в лицо.

— Зачем все это мне? Зачем? Мне теперь ничего не нужно! — и она принялась ломать зеркала^[118], маленькие и большие, с грохотом полетели за дверь кораллы, бамбук, а сама топает ногами, размахивает руками и вдруг бессильно упала на циновку. Так жалобно Чхунхян запричитала!

— Как жить Чхунхян, покинутой супругом? Для чьих очей теперь мне наряжаться? Ждет меня доля уличной девки! Разве думала я, что расстанемся на дважды восьмой весне, когда мы так молоды? Из-за ваших лживых обещаний теперь никому не нужна! О моя судьба! — Она отвернулась от него и сказала: — Послушайте, неужели вы сейчас сказали правду? Может быть, вы шутите? Когда мы с вами встретились, вы клятву верности мне дали на сто лет. Разве было на то согласие родителей? Что же вы теперь на них киваете? После минутной встречи на башне Простора и Прохлады вы пришли в мой дом. Глубокой безлюдной ночью в третью стражу вы, барич, сидели там, а я, Чхунхян, — здесь. Тогда вы говорили, что клятва, данная устами, хуже той, что исходит от сердца, а клятва, идущая от сердца, хуже той, что уже выполнена. Это было в прошлом году, ночью пятой луны. Вы тогда взяли меня за руку и вышли в сад, где растут павлонии. Там вы остановились, множество раз показывали на ясное небо и клялись бессчетно. Я поверила в вашу искренность, а теперь вы уезжаете, все рвете и меня оставляете. Как же мне теперь жить без супруга, молодой, на дважды восьмой весне? Как мне коротать долгие осенние ночи одной в пустой комнате? О судьба моя! Жестоки вы, жестоки! Любимый мой жесток! Злой вы, злой! Барич столичный злой! Враги друг другу, враги! Благородные и простые, знатные и незнатные — враги друг другу! Супруги должны жить в любви! Неужто найдется на свете еще такой злодей, как вы? О судьба моя! Барич, вы меня бросаете, потому что я рождена в низком сословии, но не думайте, что это вам забудется! Судьба Чхунхян печальна, еда мне будет не сладка, есть не стану. Постель не

принесет покоя, спать не буду! Сколько я тогда смогу прожить? Заболею, умру от тоски, а гневный дух мой станет духом мщенья! Везде он будет вас преследовать. Плохо вам тогда придется! Нельзя так поступать с человеком. Разве среди законов, придуманных людьми, есть такой? Хочу умереть! Хочу умереть! О как я страдаю! — и слезы тоски полились сами собой.

Мать Чхунхян, не зная, в чем дело, подумала: «Никак, у них любовная ссора? Уж я-то этим сыта по горло, навидалась злобных глаз. Чхунхян так горько плачет!» Она оставила свои дела и тихонько подошла к окну в комнате дочери, послушала и поняла: разлучаются! Да, это уж совсем другое дело!

Ударив в ладоши, она закричала:

— Ой, люди добрые, послушайте! Нынче у нас в доме двое помрут!

Она быстро подошла к комнате Чхунхян и заколотила кулаками в раздвижную стенку.

— Тебе лучше умереть, моя бедная девочка! Зачем теперь жить? Пусть он хоть мертвую тебя унесет! Кто о тебе позаботится, когда этот уедет в столицу? Послушай меня, глупая! Я всегда говорила, что потом раскаешься, но ты не послушалась. Надо было тебе выбрать такую пару, чтобы, как у фениксов, талантом, положением, характером — всем были бы вы с ним равны. Смотрели бы тогда мои глаза, как вы живете рядом со мной, и ты была бы счастлива, и я довольна. Но тебе непременно захотелось отличиться от других. А теперь смотри, что получилось!

Ударяя в ладоши, она подскочила к юноше.

— Потолкуйте-ка со мной! Вы бросаете мою Чхунхян, в чем же ее вина? Прошел почти год с тех пор, как она стала вам прислуживать. Разве она вам не угождала? Иль обхождением была плоха? Иль не умела шить? Или языком зря болтала? Непристойно вела себя, как говорится, была ивой и розой при дороге? Чем она плоха? Отчего вы так переменились к ней? По закону жену нельзя бросать, если нет у нее семи пороков^[119], вы разве этого не знаете? Когда вы день и ночь ласкали мою Чхунхян да обнимали, вы говорили: «Давай не будем расставаться сто лет и тридцать шесть дней!» День и ночь вы с ней забавлялись, а теперь собрались ее бросить. Что станет с мириадами ивовых ветвей-нитей, когда умчится весенний ветер? Разве прилетят опять мотыльки на облетевшие листья и опавшие цветы? Сейчас моя дочь Чхунхян прекрасна, как белый нефрит и цветок, но пройдут годы, и она состарится, вместо румяного личика будет седая голова! Как говорится,

О время, время!
Не вернуть его!

Помолодеть-то ведь невозможно! Что за тяжелый грех на ней лежит? За что ей вековать в тоске? Вы уедете, а моя Чхунхян, горя без любимого, будет маяться глубокими лунными ночами. Задумается молодая о супруге, раскурит трубку на террасе среди цветов и примется ходить перед флигелем, искрой загорится у нее в груди тоска. Она поднимет руку, смахнет слезу, а потом глубоко вздохнет и посмотрит на север: грустит ли вместе со мной любимый в столице или, бесчувственный, он уже забыл меня и даже письмеца мне не напишет? От глубоких вздохов польются слезы, оросят влагой нефритовое личико и алую юбку. Тогда она войдет в свои покои и, даже не сняв платья, обнимет одинокую подушку. Долгие ночи лишь одни вздохи да слезы, как же ей от этого не занемочь? Болезнь страдания не излечишь, умрет несчастная, и тогда я, старуха, останусь без зятя и без дочери, словно клешня краба, брошенная сорокой на горе Тэбэксан. На кого мне, одинокой, опереться? Не покидайте нас! Ох, какое горе! Злодей! Вы хотите погубить сразу двоих! Не берите ее, не надо! Что трясете головой? Страшитесь, двуликий чурбан! — Тут она подскочила к нему и толкнула.

Услышал бы все это правитель. Ну и скандал бы случился!

— Послушайте, теща, если бы я просто взял с собой Чхунхян и все бы устроилось...

— А не возьмете, как она перенесет?

— Не бранитесь, сядьте вот здесь и послушайте меня. Если я возьму Чхунхян, она должна будет ехать в носилках либо на лошади. Все об этом узнают, а значит, так делать нельзя. Вот я с горя придумал одну хитрость, но если мы проболтаемся, опозорим не только себя, но и весь наш род!

— Что же вы такое придумали?

— Завтра, когда поедет матушка, вслед за ней должны повезти поминальные таблички предков, а потом поеду я.

— Так!

— Теперь-то вы поняли, что я хочу сделать?

— Нет, не поняла!

— Все поминальные таблички мы соберем и положим в рукав моего платья. Тогда Чхунхян сможет ехать в повозке. Больше я ничего не могу придумать! Только вы не ругайтесь!

Чхунхян, услышав это, взглянула на юношу и побледнела.

— Не надо, мама, не докучайте баричу! Теперь мы с вами на всю жизнь к нему привязаны, попросим его только, чтоб нас не забывал! На этот раз, уж видно, придется расстаться. Скоро придет пора прощаться, затем же приставать к нему? Я, конечно, буду тосковать, но уж такая моя судьба! Матушка, пойдите в другую комнату, ведь завтра мы с ним разлучимся. О моя злая доля! Послушайте, бариц!

— Что ты хочешь сказать?

— Неужто мы на самом деле расстанемся?

Она зажгла светильник, и они вдвоем сели друг против друга, думали о дороге, о дне разлуки. Душа ее полна страдания, она вздыхает, льет слезы, думает и плачет, трогает его лицо, гладит руки, ноги.

— Через сколько ночей вы опять меня увидите? Об этом тяжело говорить, но сегодня у нас последняя ночь. Позвольте рассказать вам о своих тревогах. Матушке моей уже скоро шестьдесят, нет у нее ни семьи, ни родни, одна лишь я. Вы, бариц, посватались, и она подумала, что я стану благородной. Но все мне приносит беду, и духи на меня злы! Вот и случилось такое несчастье. О моя судьба! Когда вы уедете, кому я доверюсь, как стану жить? Дни и ночи буду вспоминать вас и страдать. Разве смогу я теперь веселиться на берегу ручья, когда пышно расцветут сливы и персики? Пройдет пора желтых хризантем и багряных кленов, но никому не сломать мою верность! Я буду тосковать без вас долгими осенними ночами одна в пустой комнате. Легки мои вздохи, влажны мои слезы! Я стану вроде кукушки, что кукует ясными лунными ночами одна в пустынных горах. Кто запретит кричать гусю, который ищет подругу по берегу в десятки тысяч ли, где ином покрывы высокие стволы багряных кленов? В красотах весны и лета, осени и зимы я увижу лишь печаль, услышу одну только печаль! О-ох! — горько заплакала она.

— Не плачь, Чхунхян, — начал уговаривать ее юноша, — ведь не мы первые расстаемся, вспомни стихи:

Муж служит в войске на заставе Сяо,
Его жена осталась в царстве У.

Мужья далеко на границе, а женщины в княжестве У, тоскуя без любимых, старились одни в женских покоях. А вот еще стихотворение:

Горы, гряда за грядой, и заставы в горах —
Сколько их встретит скиталец на долгом пути?

В нем говорится о супруге, который ушел к пограничным горам.

Лотосы здесь расцвели на воде голубой,
И одинокая женщина лотосы рвет.

И это про великую любовь супругов. Под осенней луной пустынные горы и реки, а жена, собирая лотосы, думает о муже. После того как я уеду, ясная луна взойдет перед окном, но мысли твои будут за тысячи ли. В разлуке с тобой я свои дни разделю на равные части по двенадцать часов, чтобы все время думать о тебе. Не плачь, не плачь!

Но у Чхунхян снова полились слезы.

— Уедет барич в столицу, а там на всех улицах цветы абрикосов и весенний ветерок, пьянящее вино и красотки в каждом доме. Повсюду льется музыка, куда ни пойдете — цветы! Красавчик-барич дни и ночи будет веселиться. Разве вспомните вы тогда хоть на миг о бедной наложнице в далекой провинции? О судьба моя!

— Не плачь, Чхунхян! Пусть в столице, на севере и на юге, найдется много женщин, прекрасных, как нефрит, но для чувства любви, что прячется в женских покоях, нет никого, кроме тебя. Даже если я стану большим сановником, забуду ли я тебя хоть на миг?

От горя у них перехватило дыхание, они так любили друг друга, что никак не могли расстаться. Но тут, запыхавшись, вбежал слуга, который должен сопровождать юношу.

— Скорее, барич, поезжайте! В доме-то — вот беда — папаша изволили спросить, куда подевался молодой барич, а я говорю, он, мол, ненадолго вышел за ворота проститься с другом, с которым вместе любил гулять. Скорее поезжайте!

— А лошадь готова?

— Готова.

Как говорится в стихах:

Зовет с нетерпением хозяина в путь
Протяжное ржанье коня.
Подруга не хочет расстаться со мной
И за полу держит меня.

Конь торопится в путь, бьет копытами, а Чхунхян упала на пол и обхватила ноги юноши.

— Хотите убить меня — уходите! Хотите оставить в живых — оставайтесь!

Не в силах говорить она лежала без чувств. Подбежала мать.

— Сандан, неси скорее холодной воды! Неси чай и приготовь лекарство! Ах ты негодная девчонка! Так-то ты заботишься о своей старой матери! К чему так убиваешься?

Чхунхян пришла в себя.

— О, как мне тяжело!

У матери даже дух занялся.

— Послушайте, бариц, что это случилось с моей дочкой? Она ведь никогда не болела! Если моя Чхунхян умрет от страданий, кому довериться мне — одинокой?

Юноша смешался.

— Чхунхян, что с тобой? Разве ты меня больше никогда не увидишь? Ты вспомни, как бывало в древности:

В Хэляне вечер. На закате солнца
Таит печаль поднявшаяся туча.

Это прощание Су Тунго^[120] с матерью.

Горы, гряда за грядой, и заставы в горах —
Сколько их встретит скиталец на долгом пути?

Так воспета разлука женщин Юэ и У^[121] со своими мужьями. А вот здесь — о братьях на горе Лушань:

На всех цветы кизила... Лишь меня
Недостает в кругу родных людей.

А вот как расставались друзья в Вэйчэне:

Уйдешь на запад из заставы Ян —
И друга не останется с тобой.

Люди расставались часто, но ведь весточки друг о друге они получали! Был же день, когда мы с тобой встретились в первый раз, а теперь я уеду в столицу, выдержу экзамен лучше всех, и тогда мы вместе с тобой отсюда уедем. Не плачь! Все будет хорошо! Станешь проливать слезы — ослепнешь, охрипнешь, голова разболится. Вот возьми камень, каменный столб у могилы. Пройдут десятки тысяч лет, а он не обратится в прах. Или вот сухое дерево, что стоит за окном. Оно не увидит зеленых листьев, даже когда пройдет весенняя пора! А теперь про болезни. Если думать и дни и ночи, можно умереть от сердечного недуга. Хочешь снова меня увидеть, не тоскуй, все будет хорошо!

Чхунхян ничего не оставалось делать.

— Господин, выпейте напоследок хоть вина из моих рук! Вам в дороге нечего будет есть — возьмите с собой мою чашку с едой. Как остановитесь в подворье на ночлег, для вас поест из нее — все равно что на меня взглянуть. Сандан, неси чашку и вино!

Чхунхян наполнила чашку вином и слезами и подала ему.

— Поедете в столицу, увидите по дороге зеленые деревья у реки — вспомните о моих страданиях. Как сказано в стихах:

Беспрерывно весенней порой
Дождевые потоки хлестали,
И у странника сердце в пути
Разрывалось от острой печали.

Боюсь, вы устанете ехать верхом, можете заболеть. В поздний час попадете в густые заросли, вы уж постарайтесь до заката найти себе ночлег, а по утрам, под дождем или если иней выпадет, попозже отправляйтесь в путь. Нет при вас человека, который сдержал бы вашего резвого скакуна! Уж вы поберегите свое драгоценное здоровье. Пусть вам будет спокойно в дороге.

Идет дорога в столицу Цинь ^[122]
Среди зеленых деревьев, —

так говорится в стихах. Лишь написанное слово даст весточку о вас,

чаще пишите мне письма.

— Не бойся, ты обо мне узнаешь, — ответил ей юноша. — Даже Сиванму с нефритового озера послала пару синих птиц, чтобы встретить чжоуского Му-вана^[123]. С далекой дороги, даже из-за нескольких тысяч ли, передавали вести. Или, например, Чжун-ланцзян^[124] при ханьском У-ди, нашел же государь в парке Шанлинь его письмо на шелке! Правда, у нас нет ни белых гусей, ни синих птиц, но неужто в Намвоне не найдется посыльного? Не грусти! Все будет хорошо! — С этими словами он вскочил на коня и распрощался.

У Чхунхян оборвалось сердце.

— Барич наш все говорит: «Уезжаю, уезжаю». Я думала, что это неправда, но он уж и на коня вскочил и поворачивает. И впрямь уезжает!

Она крикнула конюху:

— Я не могу выйти за ворота, придержи коня хоть на миг! Мне нужно кое-что сказать баричу!

Чхунхян подбежала к Моннёну.

— Барич, вы уезжаете, а когда же возвратитесь? Целый год не будет от вас вестей. Провожу я вас, и навсегда все кончится. Вспомните, Бо И и Шу Ци^[125], которые жили среди зеленых бамбуков и сосен, были самыми верными подданными в древности.

Над тысячей гор
Уже птицы летать перестали.
Лежу я больной,
Люди знаться со мной перестали, —

это про меня сказано. Бросили, отвергли преданную душу, все порвали! Для бамбука и сосны нет ни весен, ни осеней, ни лета, ни зимы — они всегда, неизменно зелены! Оставляет меня господин, уезжает, и нет у меня надежд. Буду я спать одна в пустых покоях, хранить свою верность ему и никогда ее не нарушу! Сберегу свои чувства в тоскливом одиночестве, буду дни и ночи о вас думать, а вы хоть весточку пришлите!

Она упала у ворот, и нежные ручки забились на земле.

— О-о! Моя горькая доля! — раздавались стоны. Как сказано у Бо Цзюйи^[126]:

Повсюду желтую пыль
Развеял ветер холодный.

.....

Поблекла яркость знамен,
Померкло яркое солнце.

Она кинулась к его ногам и упала. Сколько мучительных дней ждут ее впереди!

У Моннёна был добрый конь, его, как говорится, только плетью хлестнуть! Юноша, проливая слезы, наказал ей помнить обещание и, подстегнув коня, умчался, как тучка, гонимая ветром.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Чхунхян осталось лишь удалиться в свои покои.

— Сандан, опусти шторы, положи на циновку подушку и закрой дверь. Не знаю, увижу ли я еще когда-нибудь моего любимого, засну, — может, встречу во сне. Хотя и говорят с давних времен: «Не верь любимому, если явится к тебе во сне», — я это знаю, но где же, как не во сне, я могу с ним встретиться? О сон, сон, явись ко мне! Я полна тоски, и сон не приходит. О горькая моя доля!

Людей разлучают дела и заботы.
Как жить мне одной в этом доме пустом?
Тоскуем в разлуке, не видя друг друга.
Кто скажет тебе о печали моей?
Смятенное сердце не знает покоя,
Забыла я рой повседневных забот,
Засну ли, проснусь ли — любимый далёко,
Встает предо мной юный облик его,
В ушах повторяются звонкие речи,
Увидеть бы мне! Увидеть бы мне!
Любимого снова увидеть бы мне!
Услышать бы мне! Услышать бы мне!
Любимого снова услышать бы мне!
Что в жизни минувшей мы сделали злого?
Зачем мы с тобою родились на свет?
Теперь мы тоскуем в жестокой разлуке.
Мы встретились, помнить друг друга клялись,
Клялись не забыть о своем обещанье,
И связаны нашею клятвой навек...
Но радость любви так же быстро исчезла,
Как золото, жемчуг и яшма во сне.

Все в мире связано между собой. Вот ручеек течет, потом становится рекою — все глубже, глубже, глубже. Любовь моя растет, становится горою — все выше, выше, выше, вот уж и вершины не видно, а как заранее узнаешь, когда настанет час ей рухнуть? Злые ли духи навредили, небо ли

позавидовало, но расстались мы с любимым утром, а когда еще встретимся... Теперь уж до конца мне маяться в печали и страданиях. Хоть сказано в стихах:

С лицом, как нефрит,
С волосами, как тучи,
Напрасно о старости дева горюет, —

но солнце и луна бездушны. Почему так долго тянутся зимние и осенние ночи, полные лунного сияния? Зачем так медленно уходит солнце в сезон густых теней и ароматных трав? Даже если бы они знали, как мы тоскуем друг без друга, все равно мне одной коротать ночи в пустой комнате с единственным другом — тоскливым вздохом. Сердце рвется на части, слезы льются и льются! Пусть бы слезы стали морем, а вздохи — ветром, я села бы в челн и поплыла к милому в столицу. Почему бы мне его не повидать? Но когда сияет ясная луна после дождя, я лишь страдаю о любимом — ведь он для меня глубоко упрятан. О мои мучительные сны! Там, где любимый, и месяц светит, и кукушка кукует, а у меня на сердце тоска. Ночь едва-едва светится, лишь светлячки мерцают за окном. Глубокой ночью, в третью стражу сижу я — милый не приходит, лежу — нет сна! Без любимого, без сна! Что же мне делать? О, я несчастная! В старину говорили: «Если много радости, придет и печаль, если горя много, наступит и радость!» Ждать мне придется немало, а я страдаю невыносимо, и только милый избавит от тоски мое сердечко! О светлое Небо, обрати на меня свои взоры! Дай мне снова увидеться с любимым и жить с ним, не разлучаясь, пока не выпадут даже седые волосы. Может, вы знаете, синие реки и зеленые леса, не захворал ли в пути мой любимый? С тех пор как мы с ним расстались, ни весточки! Человек ведь не дерево и не камень, есть же сердце у любимого! О моя бедная доля!

Так она проводила дни, вздыхая и умолая Небо.

Тем временем Моннён ехал в столицу, и ночи не приносили ему сна.

— Как я хочу увидеть мою любимую! Так хочу увидеть! Думы о ней не оставляют меня ни днем, ни ночью. Время я провожу в тоске, и лишь встреча с ней избавит меня от страданий.

Старайся дни и луны, надейся на экзамены!

Через несколько месяцев в Намвон был назначен новый уездный правитель. Это был Пён Хакто из квартала Чахаголь в столице. Он хорошо владел кистью и был человеком широких интересов, увлекался музыкой,

но отличался распутным нравом и подчас вел себя настолько дурно, что даже терял достоинство. Пён Хакто допускал ошибки в делах, и люди, знавшие его, называли невыносимым упрямым.

Представиться ему явились чиновники уезда.

— Посыльные ждут ваших приказаний!

— Делопроизводитель здесь!

— Явились чиновники канцелярии!

— Я старший слуга ведомства!

— Позовите-ка мне делопроизводителя.

— Я делопроизводитель!

— Не случилось ли у вас каких-нибудь происшествий?

— Пока все было спокойно.

— Говорят, у вас народ самый работающий на юге!

— Да, сделают любую работу.

— А еще говорят, будто у вас есть красавица Чхунхян!

— Есть такая!

— А как ей живется?

— Да живет, не тужит!

— Сколько ли отсюда до Намвона?

— Шестьсот тридцать ли!

— Быстро едем! Собирайтесь в дорогу!

Чиновники, представившись правителю, удалились.

— Ну, горе нашему уезду!

Новому правителю назначили день отъезда, и он отправился на место службы. Осанкой важен, восседает в паланкине, поставленном на спину коня, в окнах раздвинуты зеленые занавески. Слева и справа — глашатаи, они все в темно-синих платьях, подпоясаны кушаками из белого шелка, на которых, одно возле другого, привязаны колечки. Их тхоннёнские шляпы украшены черепаховыми кольцами и надеты набекрень, а в руках — железные палки.

— Эй, прочь с дороги! — кричат они, отгоняя простой народ.

Рядом бегут слуги и, ухватившись за ручки паланкина, сдерживают коней.

— Крепче держи!

Вслед за слугами идет пара сопровождающих в войлочных шляпах. Чиновники канцелярии, ведающий казенными работами и выехавший им навстречу делопроизводитель выглядели весьма внушительно. По сторонам дороги парами шагают слуги, посыльные, а впереди — слуга с зонтом. На зонте белого шелка в синюю полосу блестят бронзовые

кольца. Двигается процессия торжественно, впереди и позади раздаются окрики, чтоб простой народ посторонился. Прямо сияющее облако! Правитель прибыл в Чонджу и, огласив приказ государя у подворья перед дворцом наследника престола, посетил военный лагерь. Миновав Чобунмок и перевал Ногу в Манмагване и не задерживаясь в Имсиле, отобедал в Осу. В тот же день он прибыл к месту службы.

А здесь уже тысячник командует войском, и все нижние чины управы очищают для него дорогу. Впереди выставили пару знамен, на которых написано «Путь свободен!», на юге, в области Красной птицы, стоит пара знамен красного цвета, на востоке, владениях Зеленого дракона, — два красно-синих знамени, еще пара синих — на западе, а на севере, которым ведает черепаха, — знамена черного и красного цветов — флаги ждут смотря и приказаний нового правителя, а под ними выстроились высшие и низшие военные чины и двенадцать пар слуг. Все дрожит от боя барабанов и звуков рожков, далеко вокруг разносятся барабанная дробь, пение рожков и окрики погонщиков лошадей.

Новый правитель переменил платье в башне Простора и Прохлады и, у подворья огласив приказ государя, въехал в город, сидя в маленьких носилках. Кругом толпился народ, и правитель, выпучив для устрашения глаза, снова зачитал приказ государя. В уездной управе для него приготовили угощение, а потом для приветствия явились чиновники — высшие военные чины и те, что служили в провинциальных шести ведомствах. Правитель тут же распорядился:

— Позвать мне старшего над казенными рабами! Пусть сделает перекличку кисэн!

Старший над казенными рабами принес книгу, где записаны имена кисэн, и стал их выкликать по порядку. Каждое имя женщины там было вплетено в китайский стих.

Над горами восточными после дождя
Сияющая луна — Мёнволь!

Мёнволь вошла, переступая мелкими шажками. Она подобрала подол шелковой юбки и, прижав его к тонкой талии, представилась и вышла.

— Вот Дохон — Алый персик! Разве на ее лице не играет прелесть весны? Это про нее сказал поэт:

Несет теченьем лодку рыбака,

Его чарует горная весна.

Доходившая плавной походкой, приподняв подол алой шелковой юбки. Представилась и ушла.

На крутой горе Даньшань,
Потеряв подругу,
Оправляет перья он
В голубых утунах,
Дух природы, гор и рек,
Птиц, парящих в небе!
Никогда клевать зерна
В голод он не станет, —
Целомудрие свое
Бережет он стойко,
У ворот дворца Мансюй
Пестрый, яркий феникс —
Чхэбон!

Чхэбон прошла, изящно подобрав шелковую юбку, облегающую стан. Она ступала легко, как говорится, будто шла по лотосам, поклонилась и вышла.

Безмятежный лотос не меняется.
Ты послушай, лотоса цветок!
Так прекрасен облик твой изысканный,
«Совершенный муж» среди цветов!
Так красива сердцевина лотоса —
Ёнсим!

Придерживая шелковую юбку, вошла Ёнсим, она проплыла медленно, чуть поднимая от земли ножки в расшитых башмачках.

Взошел ясный месяц, подобный Хэши,
Над волнами синего моря.
О белая яшма с вершины Синшань,

Прекрасная светлая яшма —
Мёнок!

Появилась Мёнок. Ее красивое лицо, восхитительный облик, манеры — все вызывало восторг. Она шла, осторожно ступая мелкими шажками, и с поклоном удалилась.

Редки облака, и ветер слаб,
Полдень приближается,
Золотится ивовый листок,
Пролетает иволга —
Энэн!

Энэн впорхнула, прижимая, к груди подол красной шелковой юбки. Она представилась и с поклоном вышла.

— Быстрее выкликай! — нетерпеливо приказал правитель.

— Слушаюсь! — отозвался старший над казенными рабами и принялся зачитывать только четыре первых строки.

В Просторном студеном дворце,
В величавом покое,
Прекрасная фея,
Дарящая персик бессмертья,
Приветливо смотрит,
И слышится запах корицы —
Кехян!

— Жду ваших повелений! — промолвила Кехян.

Эй, отрок под сосной! Какую весть
Принес ты об учителе, скажи! —
Он там, на кручах изумрудных гор,
Закутанных в густые облака, —
Унсим!

— Жду ваших повелений!

«Где, скажите, у вас кабачок?» —
К пастуху подошел он с вопросом,
И пастух показал ему вдаль,
На деревню «Цветок абрикоса» —
Хэнхва!

— Жду ваших повелений!

Поднялась ты в лунный дворец,
Чтоб сорвать коричный цветок,
Возлюбившая чистоту —
Эчжель!

— Жду ваших приказаний!

Над вершинами гор Эмэй
Полумесяц осенний светит,
Лунный блик на реке Пинцян,
Где таится речная фея —
Кансон!

— Жду ваших приказаний!

Звуки лютни среди утунов...
О играющая на лютне —
Тхангым!

— Жду ваших приказаний!

— Кымнан — Шелковый карман!

Алого шелка на нем узелки!

— Жду ваших повелений!

— А ну, вызывай за раз по двенадцать, тринадцать, четырнадцать! —
распорядился правитель, и старшин над рабами стал выкликать подряд.

- Ян Тэсон, Воль Чунсон, Хва Чунсон!
- Ждем ваших повелений!
- Кымсон, Кымок, Кымнён!
- Ждем ваших повелений!
- Нонок, Нанок, Хонок!
- Ждем приказаний!
- Накчхун — Радующаяся весне!
- Я здесь!
- Иди, слушай приказ!

Накчхун вошла с таким видом, будто у нее очень красивая походка. Прослышав о том, что люди выщипывают для красоты волосы, она попытаскала все на лбу и даже за ушами. Зная, что у женщин принято пудриться, она купила пудры на целых семь лян, замесила, как известку для забора, и замазала все лицо. Накчхун ввалилась безобразная, ростом с придорожный столб, чуть не до самого носа задрав подол юбки. Она двигалась вразвалку, ковыляя, словно лебедь на топком рисовом поле. Среди кисэн было много красивых, но правитель все ждал имени Чхунхян, а ее, сколько он ни слушал, так и не назвали. Тогда он вызвал старшего над рабами.

— Мне показали всех кисэн, только Чхунхян не было!

— Мать Чхунхян — кисэн, но сама она не кисэн, — почтительно ответил тот.

— Отчего же тогда имя девицы из женских покоев у всех на устах? — спросил правитель.

— Она дочь кисэн, но так хороша собой, что господа знатного рода, даже первые таланты — те, кто приезжал к нам на службу, — умоляли ее о свидании, но мать и дочь и слушать не хотели, а потому всем — и благородным, и подлым по рождению, даже соседям — удастся взглянуть на нее лишь раз в десять лет, но разговоров мы с ней не ведем! Однако судьбу определяет Небо, вот и завязала она крепкие узы на сто лет с баричем Ли, сыном прежнего нашего правителя. Барич уехал в столицу и обещал после женитьбы взять ее к себе. Чхунхян надеется на это и хранит ему верность.

Правитель разозлился.

— Да ты невежда! Болван! Что ты болтаешь? Разве благородный отрок до женитьбы возьмет себе наложницу в провинции? Если такие слова, болван, хоть раз сорвутся с твоего языка, не миновать тебе наказания! Я хочу ее увидеть — и все! Кончай разговоры, иди и позови ее сейчас же!

Услышав приказание позвать Чхунхян, делопроизводитель

почтительно заметил:

— Чхунхян ведь не кисэн, да к тому же она связана крепкими узами с молодым господином Ли — сыном прежнего правителя. Возрастом вы с ней тоже не подходите друг к другу. Надо бы ее пригласить как равную вам, а так, боюсь, не повредит ли это вашему правлению?

Правитель разгневался.

— Если вы сейчас же не приведете Чхунхян, я всех вас велю палками избить! Вы что, не способны приказ выполнить?

Тут все чиновники забежали, а у глав шести провинциальных ведомств от страха душа в пятки ушла.

— Эй, стражники! Ким! Ли!

— Вот беда-то!

— Несчастливая Чхунхян! Супружеская верность обернулась для нее таким горем!

А правитель все орал:

— А ну, пошевеливайтесь! Быстро!

Ведающий наказаниями и стражники подошли к воротам дома Чхунхян. А Чхунхян ничего не знала, дни и ночи она все думала о любимом и плакала. Ведь когда приходит беда, слезы успокаивают! О, одинокая, какую тоску наводят твои стенания! У людей, что видят и слышат твои причитания, разрывается сердце. Ты так страдаешь без любимого, что тебе и еда не сладка, и постель не приносит покоя. Думы о милом мучают твое сердце, иссушают тело и омрачают душу. Только и слышно, как ты приговариваешь, будто песню поешь:

— Я бы пошла! Я бы пошла! Вслед за любимым я бы пошла! И тысячу ли я бы прошла, и десять тысяч ли я бы прошла! Даже сквозь ветер и дождь я бы прошла. Пусть встанут на моем пути высокие вершины, отроги Тонсоннён. Даже соколы — горные, ловчие, северные, — перелетая через них, садятся отдохнуть, но если милый кликнет меня, я сниму башмаки, понесу их в руках и помчусь к нему. Скучает ли без меня любимый в столице? Или, бесчувственный, уже забыл? Любовь ко мне прошла, и он полюбил другую?

Она так горько плакала, что стражники услышали ее печальный голос. Человек ведь не дерево и не камень! Разве не наполнится душа состраданием? И у них сердце растрогалось, как тает весенний лед на бегущих ручьях.

— Как ее жалко. Эх, если мы не спасем такую девушку от этого развратника, мы не люди!

Тут ее окликнул старший:

— Вышла бы!

Чхунхян испугалась и заглянула в дверную щель.

— Ведающий наказаниями со стражей пришли... Ах, да! Совсем забыла! Ведь сегодня третий день, как приехал новый правитель, и они ходят с проверкой! Ну и шум подняли!

Она раздвинула двери и вышла к ним.

— О, стражники! Проходите, пожалуйста! Вот уж не ждала вас! Должно быть, устали, пока ехали с новым правителем? А как они изволят здоровствовать? Не случилось ли вам побывать в доме нашего старого правителя в столице, нет ли мне письмаца от молодого господина? Я прежде все за ним ухаживала, даже глаза и уши были заняты. Господин-то ведь был не простой, вот я и не зналась с вами. Но что уж, у меня сердца нет? Заходите, пожалуйста, заходите!

Стражники Ли и Ким и другие, взявшись за руки, уселись в комнате.

— Принеси-ка столик с вином и закусками! — велела она Сандан.

Напоив их допьяна, Чхунхян открыла дверцу шкафчика и дала им денег — пять лян.

— Ну, а теперь идите! Вина выпили и ступайте себе, да лишнего не болтайте!

Стражники захмелели.

— Да деньги нам вроде ни к чему. Ты думаешь, мы пришли к тебе за деньгами? Забери-ка их!

— Ким, да ты возьми!

— Не положено... Правда, нас тут много...

Он забрал деньги обратно, и только они ушли, как появилась старшая кисэн и ударила в ладоши.

— Послушай-ка, Чхунхян! Такая преданность, как у тебя, и у меня есть, такие добродетели, как у тебя, и у меня есть. Неужели ты одна можешь быть преданной? Неужели ты одна можешь быть добродетельной? Скажи на милость — верная жена, добродетельная жена! Из-за тебя, маленькой негодницы, такой переполох! Все — от важных чиновников до слуг в управе — могут попасть в беду. Быстро собирайся, пошли!

Чхунхян ничего не оставалось делать, как выйти за ворота.

— Ах, тетушка, тетушка! Не надо так со мной! Неужто вам всегда, во всех жизнях, быть кисэн, а мне — Чхунхян? Как говорится:

Умрет человек —

И покончит со всеми делами.

Вот и мы — умрем один раз, а не два! Еле передвигая ноги, вошла она в управу.

— Чхунхян ждет ваших повелений!

Правитель взглянул на нее и обрадовался.

— О, ты действительно благоухание весны! Взойди на площадку!

Чхунхян поднялась в зал и скромно присела. Правитель был восхищен.

— Пусть придет сюда казначей! Тот вошел.

— Посмотри-ка, это и есть Чхунхян! — радостно воскликнул правитель,

— Ха! Девчонка и на самом деле очень хороша! Просто прелесть! Вы, господин, еще когда в столице жили, все изволили говорить: «Чхунхян, Чхунхян... Вот бы хоть раз на нее взглянуть!»

— Ты, пожалуй, будешь у нас сватом, — улыбнулся правитель.

Тот помолчал, а потом сказал:

— Господин не должен был звать к себе Чхунхян. Надо было сначала послать сваху и попробовать все это сделать через нее, так было бы лучше. А то получилось немного неловко. Но раз уж позвали, придется сыграть свадьбу!

Правитель, довольный, приказал Чхунхян:

— Отныне следи за своей красотой, будешь моей наложницей!

— Ваше повеление привело меня в трепет, но я хочу служить только одному мужу и не могу выполнить ваше приказание.

— Красавица, красавица! Какая женщина! — с улыбкой говорит правитель. — Ты поистине добродетельна! Как хороша твоя верность! Конечно, ты права, но молодой Ли — сын большого сановника, он стал зятем в знатной семье, неужто он вспомнит о тебе — как говорится, иве и розе при дороге, которую он одарил любовью на одно мгновение? Ты поистине преданная женщина, и добродетель твоя совершенна, но красота поблекнет, и седые волосы уже не уложишь в прическу. Будешь вздыхать о том, что

Безжалостные месяцы и годы
Подобны убегающим волнам.

Станешь жалкой, несчастной. Зачем же так поступать? Как бы ты ни хранила свою верность, все равно никто не назовет тебя образцовой женщиной! Оставь все это и подумай, что правильней: служить уездному

правителю или верность сохранять мальчишке? Скажи-ка мне сама!

Чхунхян отвечает ему:

— Верный чиновник не служит двум государям, добродетельная жена не выходит замуж дважды! Этот наказ для меня свят. Мне жить тяжело, но преданная жена ни за что не выйдет замуж второй раз. Можете делать со мной, что хотите!

Тут вдруг заговорил ведающий казной.

— Подумайте только, какая строптивая девчонка! Мечта всей жизни правителя — первая красавица Поднебесной, а ты отказываешься! С чего бы это? Да господин желает возвысить тебя! Что ты, певичка, смыслишь в целомудрии? Мы проводили старого правителя и встретили нового. Все это по закону, и если ты чтишь законы, нечего вести такие речи! Откуда бы взяться добродетельности и преданности у такой презренной кисэн, как ты?

У Чхунхян даже дыхание перехватило.

— Добродетельные женщины, верные сыновья и преданные престолу есть и среди благородных, и среди низких. Я расскажу вам о них. Вот возьмем кисэн. Вы говорите, что среди них нет верных престолу и целомудренных женщин. А ведь Нонсон, кисэн из Хэсо, умерла на перевале Тонсон, а кисэн из Сончхона еще девочкой знала о семи пороках жены. Кисэн из Чинджу, Нонгэ, записана в книге верных престолу как героиня, ее дела прославлены теперь на тысячу осеней. Хваволь, кисэн из Чхонджу, тоже знаменита, в ее честь построен трехэтажный терем, а в книгу героев, верных престолу, вписано имя пхеньянской кисэн Вольсон. Еще при жизни слыла образцовой женщиной кисэн Иль Чжихын из Адона, потом ей даже дали звание «целомудренной, почтенной». Так что вы не поносите кисэн! Когда я только встретила с молодым господином Ли, сердце мое дало вечную клятву, такую, как гора Тайшань, как море. Мое сердце преданно, и даже, если бы вы оказались таким сильным, как Мэн Бэнь^[127], душу мою не сумели бы вырвать, и красноречием Су Циня^[128] и Чжан И^[129] сердце мое вам не уломать! Владейте вы умением Кунмина^[130] вызывать ветры, вам никогда не сломать маленькое женское сердце! Сюй Ю^[131] с горы Цзиньшань не стал служить Яо, отказался от почестей, а Во И и Шу Ци с горы Шоуяншань не стали есть чжоуский хлеб. Если бы не было Сюй Ю, кого бы назвали преданным мудрецом? Если бы не Бо И и Шу Ци, развелось бы много мятежников и непочтительных сыновей. Пусть я женщина подлого сословия, но разве я не знаю про подвиги Сюй Ю, Бо И и Шу Ци? Я стала наложницей, и для меня теперь оставить дом и мужа —

все равно что для чиновника на службе забыть страну и государя. А теперь делайте со мной, что захотите!

Правитель рассвирепел:

— Ах, ты негодница! Да знаешь ли ты, что заговор против королевской семьи карается четвертованием, а тот, кто насмехается над чиновником на государственной службе, наказывается как преступник, того же, кто не подчиняется приказам чиновника, отправляют в ссылку? Бойся смерти!

Чхунхян возмутилась.

— Если насилие над замужней женщиной не преступление, так что же это?

У правителя даже дух занялся, так он разозлился. Изо всей силы ударил по столу для письма, сорвал с головы шляпу, растрепал волосы и хрипло заорал:

— Схватить эту девку!

— Слушаемся! — ответили ему слуги при управе, подскочили к ней и поволокли за косы.

— Эй, рабы!

— Слушаемся!

— Хватайте эту девку!

Чхунхян задрожала.

— Пустите! — Она сошла на нижние ступени, и тут налетели рабы.

— Ах ты негодная баба! Ты посмела так отвечать господину и еще думаешь остаться в живых?

Ее бросили в конце двора, и палачи налетели на нее, как свирепые тигры, как стая пчел. Длинные косы Чхунхян, похожие на водоросли, намотали, словно лotosовые стебли в новогодний праздник, будто канат лодочника, как фонарь на бамбуковый шест в восьмой день четвертой луны, и с силой швырнули на землю. Бедная Чхунхян! Она, прекрасная, как белый нефрит, упала на землю. Справа и слева друг против друга стали стражники. В руках они держат палки — с железными наконечниками, те, которыми бьют по ягодицам, пытаются преступников, и красные палки.

— Слушай приказ, судья!

— Слушаюсь!

— Заставь ее покориться!

— Слушаюсь!

А правитель-то разошелся, весь трясется, даже дух у него захватило, так и пыхтит от злости!

— Разве что-нибудь сделаешь с этой бабой? Нечего ее допрашивать,

кладите ее на скамью, привязывайте и бейте по ногам! А потом вздерните на виселицу.

Чхунхян привязали к скамье. Взгляните на палача! Он схватил целую охапку палок — для пыток, для порки — и с грохотом сбросил их у скамьи. А у Чхунхян от этого звука даже в голове помутилось. Палач же то одну палку схватит — погнет, то другую возьмет — погнет. Наконец он выбрал упругую, крепкую и прямую, засучил рукава до самого плеча, взял палку и стал ждать приказа.

— Слушай приказ! Если ты эту девку станешь жалеть и бить чуть-чуть, головой ответишь! Бей как следует!

— Ваш приказ строгий, — ответил палач, — какая уж тут может быть жалость к этой бабенке? Эй ты! Не шевели ногами! Хоть немножко двинешься, кости переломятся!

Вскрикнув, он заплясал против нее и, угрожающе взмахнув палкой, тихонько прошептал:

— Потерпи один-два удара, ничего не поделаешь! Эту ногу здесь держи, а другую — там.

— Бей изо всех сил!

— Начинаю!

Он с силой замахнулся — и поломанная палка с треском отлетела, завертелась в воздухе и упала в нижней части двора. А Чхунхян терпела. Как ей ни было больно, она только зубами скрипела и трясла головой.

— Ой, за что же так?

Ее били палками по ногам, а чиновник, ведающий наказаниями, отсчитывал удары: раз, два, три... Судья и один из чиновников управы стояли друг против друга, наклонив головы, как петухи в драке. Ударят один раз — они одну черту нарисуют, ударят второй — другую, как неграмотный мужик в кабаке черточками отмечает на стене, сколько выпил водки. А эти так начиркали, что получилась одна сплошная линия!

Чхунхян, избитая, горько плачет.

Невелико в груди моей сердечко —

В о д и н лишь пхён^[132],

Но хочет сердце, чтоб владел им только

О д и н супруг.

Безжалостный палач уже нанес мне

О д и н удар.

Прошел с тех пор, как я рассталась с милым,

О д и н лишь год,

Но я ему ни на о д н о мгновение
Не изменю!

А в это время весь Намвон от мала до велика собрался возле управы.
— Какая жестокость! Наш правитель жесток! За что он ее так наказал?
За что избил? Вон палач, глаза вытаращил! Берегись! Смотри, выйдешь,
как бы тебя злая звезда не покарала!

Все, кто видел и слышал это, проливали слезы.

А Чхунхян ударили во второй раз.

Д в у х супруг я свято чту за верность.
Д в у м мужьям в груди моей нет места.
Д в а удара я снесла, но буду
Господина Ли до гроба помнить!

Третий раз ударили.

Т р и обязанности женщин — нерушимый наш закон,
Т р и основы мне известны, пять устоев знаю я,
Т р и ж д ы пусть меня пытаются, пусть сошлют на край земли,
Т р и основы мне известны, пять устоев знаю я,
Т р и ж д ы пусть меня пытаются, пусть сошлют на край земли,
Но вовек я не забуду мужа с улицы Самчхон!

Четвертый раз.

Правитель благороден по рождению,
Но не постиг, как управлять народом,
Живущим в ч е т ы р е х краях уезда;
Он расточает силы на злодейства.
Все с о р о к восемь волостей Намвона
Гнев затаили — знаешь ли ты это?
Пускай меня на месте ч е т в е р т у ю т —
Мне жизнь и смерть глубоко безразличны,
Но милого вовек я не забуду!

Ее ударили в пятый раз.

П я т ь правил я вовеки не нарушу,
Я знаю о неравенстве супругов.
П я т ь сил природы нам судьбу связали.
Пускай судьбу вы нашу разорвете, —
Я все равно о милом буду помнить!
О нем одном я думаю все время.
Ах, если бы во тьме осенней ночи
Увидел ясный месяц, где мой милый!
Быть может, получу письмо сегодня!
Иль вести от него придут завтра?
Не заслужила я позорной смерти!
Ни в чем я не повинна! Не казните
Меня вы после п я т о г о удара!
О горькая судьба моя!

Ударили Чхунхян в шестой раз.

Ш е с т ь ю ш е с т ь — тридцать ш е с т ь,
Это твердо знаю я,
Ш е с т ь д е с я т тысяч раз
Пусть палач казнит меня,
Буду век я верна
Молодой моей любви,
Что в ш е с т ь тысяч частиц
Тела моего вошла!

Ударили в седьмой раз.

В с е м и грехах жены я не повинна,
С е м и пороков у меня не сыщешь, —
За что ж меня с е м ь раз подряд пытаются?
За что же все внутри мне искромсали
Отточенным ножом длиной в с е м ь чхоков?
Уж лучше бы скорей меня убили!
А ты, судья, все повторяешь: «Бейте!»

Не будь ко мне так строг! Не то погибнет
Лицо прекрасное, как с е м ь сокровищ!^[133]

Ее ударили в восьмой раз.

Пророчат в о с е м ь знаков гороскопа^[134]
Счастливую судьбу Чхунхян в грядущем.
Из всех чиновников в о с ь м и провинций
Со мною повстречался самый лучший.
Из всех чиновников в о с ь м и провинций
Один приехал к нам; чего он хочет —
Народом править иль творить злодеяства?

Девятый раз ударили.

Д е в я т ь раз свилось змеею в сердце
Тяжкое, мучительное чувство.
Если бы травой д е в я т и л е т н е й
Обернулись пролитые слезы!
В горных дебрях, где кружит-петляет
Д е в я т ь ю изгибами дорога,
Мне срубить бы ствол сосны высокой,
Погрузить в ладью, поплыть в столицу,
Государю во дворце д е в я т о м
Д е в я т ь раз подать по д е в я т ь жалоб.
А потом мне из дворца бы выйти,
Улицу Самчхон найти быстрее,
Радостно бы встретиться с любимым!
Вот когда утешилось бы сразу
Бедное, истерзанное сердце!

Ударили в десятый раз.

От этой пытки умирают девять
Из д е с я т и людей,
Но я свою решимость буду восемь

Десятьков лет хранить,
Жестокий кат сломить ее не сможет
И на десятый раз!
Для молодой Чхунхян спасенья нету!
Хоть ей шестнадцать лет,
Душа ее сегодня превратится
В забитой жертвы дух!
Уж десять раз я выдержала пытку,
Но не сошла с ума!

Ей нанесли пятнадцатый удар.

Пятнадцатую ночью затерялась
Луна средь облаков,
В столице затерялся мой любимый
На улице Самчхон.
Луна, луна! Ты видишь с небосвода,
Где милый мой?
О, почему увидеть, где любимый,
Я не могу!

На двадцатом ударе она чуть было не потеряла сознания. Ее ударили в двадцать пятый раз.

«Двадцать пять певучих струн на лютне
Зазвучали при ночной луне,
Грусть невыносимую рождая...»
Ты ответь мне, гусь, куда летишь?
Залети в Ханъян ты по дороге,
Милому на улице Самчхан
Обо мне перескажи всю правду
Да взглядись в меня, чтоб не забыть!
Пусть царю на тридцать третьем небе
Скажет юная моя душа,
Как из глаз девичьих льются слезы
И как алая сочится кровь.
У Чхунхян, прекрасной, словно яшма,

— Красные от крови капли слез, —
«В персиковом роднике Улина
Красная от лепестков вода».

— Нельзя так обращаться с молодой женщиной, — гневно говорила Чхунхян, — лучше отрубите мне голову! Забейте до смерти! Нельзя так мучить, — горько плакала Чхунхян, — лучше убейте меня скорее! Я после смерти стану птицей юанья, ясной лунной ночью в пустынных горах заплачу вместе с кукушкой — душой царевича из царства Шу^[135], тогда хоть любимого разбужу от сна!

Она не могла больше вымолвить ни слова и потеряла сознание. Слуги уголовной палаты отвернулись, вытирая слезы, даже палач прослезился.

— Человек не может заниматься таким делом!

Те, кто видел это, и слуги, выполнявшие приказания, стояли вокруг, вытирая слезы.

— Невыносимо смотреть на избитую Чхунхян! О как жестоко, как жестоко обошлись с верной Чхунхян! Она поистине героиня!

Все от мала до велика окружили ее, проливая слезы. А правитель-то!

— Вот видишь, что получилось! Ты зло держала на правителя, за это тебя и наказали. Хорошо ли? И дальше будешь мне противиться?

Чхунхян, еде живая, гневно отвечает:

— А знаете ли вы, правитель, что, если женщину сильно разобидеть, ей уже все равно, что жизнь, что смерть! От ее страданий даже иней может выпасть в пятой или шестой луне. Я погибну, замученная, и моя душа прилетит к трону совершенномуудрого государя, поведает ему о своих горестях. Разве тогда вас оставят в покое? Убейте меня!

У правителя даже дух занялся.

— Эй ты, баба, кончай болтовню! Наденьте ей на шею большую колодку и бросьте в темницу!

На Чхунхян надели колодку, припечатали, и палач, взвалив ее себе на спину, вынес за ворота. Тут появились кисэн.

— О, бедная Чхунхян, приди в себя! О несчастная!

Они гладили ей руки, ноги, дали лекарства выпить и, глядя друг на друга, проливали слезы. И Накчхун пришла, глупая, огромного роста.

— Эхма! Вот хорошо-то! Наконец и у нас в Намвоне нашлось кого вывесить на главных воротах! — Она подошла поближе и взглянула на Чхунхян. — Какая же ты несчастная!

Эти голоса слышала мать Чхунхян, и сердце ее замерло. Она

подбежала, обняла Чхунхян за шею.

— Ой, что же это такое? За что ее избили? Что она такого сделала? Вы, чиновники управы, военные начальники, в чем провинилась моя дочь? Палач, ты за что ее избил? О, о! Моя судьба! Старуха осталась одна без помощи. Я растила свою дочь Чхунхян на женской половине, без мужа, дни и ночи она проводила с книгой, все читала о том, как женщина должна себя держать, и, глядя на меня, говорила: «Не надо! Не надо! Не надо грустить о том, что нет сына! Разве внуки от дочери не станут вам служить?» А как она была привязана ко мне! Разве Мэн Цзун^[136], что жил в чужих краях, больше любил мать, чем моя Чхунхян? Неужто благородные и подлые по-разному любят своих детей? Ведь у меня больше никого нет! Ох, в груди все горит, вздохи дымом выходят! Стражники Ли и Ким! Конечно, приказание правителя строго, но зачем же так избивать? О! Посмотрите на мою дочь! На ножках ее белоснежных, как румяна, алеет кровь. Жены богатых и знатных семей даже слепым дочерям рады. Почему не родилась ты в знатном доме? Почему ты стала дочерью кисэн Вольмэ? Зачем дана тебе такая красота? Чхунхян, очнись! О, о! Судьба моя! Сандан, выйди-ка за ворота, найми гонцов и отправь их в столицу!

Чхунхян, услышав, что мать хочет послать гонцов, проговорила:

— Мама, не надо! Зачем вы это сказали? Если гонец придет в столицу, молодой господин увидит его, а что он может сделать? Ведь там родители! Начнет он заботами маяться и захворает. А моя верность все равно нерушима. Не надо так говорить! Пойдемте в темницу!

Тюремщик на спине отнес ее в темницу, Сандан поддерживала ее голову в колодке, а мать шла следом. Так они подошли к воротам.

— Эй, стражник, открывай ворота! Заснул он там, что ли?

Они вошли в темницу. Посмотрите, как она выглядит! Сквозь поломанную бамбуковую ограду стрелами врывается ветер, стены обвалились, а на драной циновке тут же бросились на Чхунхян полчища блох и клопов. Плачет и вздыхает в темнице Чхунхян.

— В чем моя вина? Я не крада казенного зерна, за что же меня так избили палками? Я никого не убивала, за что же мне надели колодки на шею и на ноги? Я не нарушила ни трех правил, ни пяти основ, за что же мне связали руки, ноги? Не занималась я разбоем и развратом, почему меня так наказали? На листе бумаги, огромном, как голубое небо, я бы рассказала о своем горе и подала бы это небесному государю. От тоски по милому огонь загорается в груди, а вздохи-ветры раздувают горящее пламя, и я умираю без всякой надежды. Не сгибается высокий стебель одинокой хризантемы, тысячу лет неизменно зеленеет в снегу сосна.

Зеленая сосна — это я, а желтая хризантема — мой любимый. От тоскливых дум льются слезы — все стало влажным от них! Вздохи мои! Хотелось бы мне вздохи сделать ветром, а слезы — мелким дождиком, пусть свежий ветер дождь погонит, один подует, другой побрызгает и разбудит милого от сна. Встречаются же в седьмую луну Ткачиха с Пастухом, хотя и разделяет их Небесная река. Какая же река встала на пути моего любимого? Ведь от него даже весточки нет! Чем жить в такой тоске, уж лучше умереть и обо всем забыть. Уж лучше умерла бы я, в горах пустынных стала бы кукушкой, лунной ночью в третью стражу печально закукую под сливовым цветком — пусть милый голос мой услышит! Я буду уткой-неразлучницей и, плавая в прозрачной речке, окликну друга своего. Ах, как хочу увидеть любимого! Пусть бы я стала весенней бабочкой, которая радуется весне, порхая на благоухающих крылышках. Я бы тогда села на платье к любимому. Была бы я светлой луной в синем небе! Взойду, как только ночь настанет, и ясно-ясно, светлыми лучами озарю лицо любимого! Кровью, что сочится прямо из сердца, нарисовать бы мне любимого и повесить этот свиток в комнате над дверью. Как войду — сразу и увижу! Я всего лишь хранила верность, а как жестоко со мной обошлись! словно сияющий белый нефрит с горы Цзиньшань погребли в пыли или ароматную траву с горы Шаншань смешали с сорняками! Будто феникса, что резвится среди павлоний, посадили в терновник. И совершенным мудрецам древности приходилось страдать без вины! Даже государи Яо, Шунь, Юй и Тан томились в темницах из-за жестокости властителей, но потом все же стали правителями. И справедливо управлявшего народом Вэнь-вана злобный Чжоусинь ^[137] бросил в темницу Юли, но в конце концов он стал совершенномудрым государем, а великого мудреца Кун-цзы из-за коварного князя Янь-ху ^[138] заключили в темницу Куан, но Кун все же прославился как великий мудрец. Может, и я, безгрешная, останусь в живых и снова увижу мир? Тоска и отчаянье! Кто же меня спасет? Когда любимый из столицы приедет сюда на службу, я уж умру, разве сможет он вернуть меня к жизни?

«Летом громоздятся облака,
Словно цепь причудливых вершин», —
Оттого ль ты не пришел ко мне,
Что те горы слишком высоки?
Может, ты придешь, когда, как степь,
Станут плоски пики Кымгансан?
Или ты придешь, когда петух,

Вышитый на ширме, оживет,
Крыльями взмахнет и пропоет
Мне в четвертой страже «Рассвет»?

— О! О! Моя злая судьба!

Сквозь щели в зарешеченном бамбуком оконце льется ясный свет луны, а молодая сидит одна и спрашивает луну:

— О луна! Ты видишь? Яснее свети там, где мой любимый! Мне бы тоже посмотреть, спит он или нет? Взгляни на него и Расскажи мне! Развей мою тоску! О! О! — Она заплакала в тоске и вдруг заснула. Во сне, будто наяву, прямо, как сказано в стихах Ли Бо:

Мотылек ли превратился в Чжуан Чжоу^[139],
Или Чжуан Чжоу — в мотылька?

Душа ее, что чуть-чуть теплилась, куда-то полетела морозящим дождиком, облачком, ветерком. А там пустынно небо, просторна земля, горы светлы и прекрасны реки, а в бамбуковой роще виднеется дом, крытый черепицей. Повсюду реют сонмы духов, сдерживают ветер, управляют эфиром, входят в землю и поднимаются в небо. Все уже описано в стихах:

Объят весенним сном, я к изголовью
На миг приник —
И много тысяч ли прошел в Цзяннани
За этот миг.

Чхунхян стала приглядываться. Вот большими золотыми знаками сделана надпись: «Усыпальница Хуанлин^[140] самых верных жен древности». Душа ее затрепетала, и тут вдруг появляются три красавицы. Люйчжу^[141] — любимая наложница Ши Чуна — держит фонарь, подходят Нонгэ — кисэн из Чинчжу — и Вольсон — кисэн из Пхеньяна. Они вводят Чхунхян во внутренние покои, а здесь на возвышении сидят две супруги в белых одеждах, они берут ее за нефритовые ручки и приглашают сесть. Чхунхян смутилась.

— Как худо родной наложнице из суетного мира войти в усыпальницу

Хуанлин?

Супругам это понравилось, и они снова стали ее приглашать:

— Иди, не смущайся! — и просят ее присесть. — Вот какая ты, Чхунхян! Очень хороша! Вчера мы были на пиру у Нефритового пруда. Молва о тебе идет повсюду, и мы решили тебя пригласить, чтобы самим посмотреть. Ты уж прости, что мы тебя беспокоили.

Чхунхян дважды поклонилась и говорит:

— Я невежественна, но читала древние сочинения и мечтала после смерти предстать перед вами. А теперь оказалась в усыпальнице Хуанлин. Я вся трепещу от такой чести!

Жены-божества реки Сян отвечают на это:

— Наш супруг — великий Шунь — отправился на юг страны и скончался на горе Цаньушань. Мы, безутешные, проливали кровавые слезы на бамбук^[142] у реки Сяосян, и на каждой ветке остался знак, на каждом листочке — наша тоска!

С бамбука слезы жен тоскующих
Исчезнуть могут лишь тогда,
Когда гора Цану обрушится
И высохнет в Сяншуй вода.

Об этой тоске нам некому было поведать целых тысячу лет. За твою верность, достойную похвалы, мы тебе рассказали о ней. Тысяча лет прошла после кончины государя, но мы еще не встречали такой преданности, как у тебя! Неужто и в ваши дни играют на пятиструнном кыме песню «О южном ветре»?

Тут одна из женщин говорит ей:

— Чхунхян, ведь я Лунюй, что стала феей, когда

Взошел над Циньской башней ясный месяц
И зазвучала яшмовая флейта.

Я жена Сяо Ши. Мы с ним расстались на горе Цзиньхуа, он скончался, как говорится, улетел на драконе. Затосковала я, стала на нефритовой флейте изливать свою печаль.

Напев оборвался, и я улетела

В какой-то неведомый край.
Когда под горой распускается персик,
На землю приходит весна.

Тут в разговор вступает еще одна жена.

— А я — Ван Чжаоцзюнь из ханьского дворца, которую отправили к гуннам, и теперь после меня остался лишь маленький могильный холмик.

Запела лютня — всадник на коне
Печальную мелодию играет...
Царь видел лишь портрет и знать не мог,
Что, как весна, лицо ее прекрасно, —
И дух Минфэй летает одиноко
Сюда ночами лунными напрасно!

Разве это не грустно?

Только она это сказала, как поднялся ураган, затрепетало пламя светильника и что-то промелькнуло перед огнем. Чхунхян испуганно смотрит: нет ни людей, ни духов, но тут вдруг до нее донеслись чьи-то рыдания.

— Чхунхян, посмотри! Разве ты меня не узнаешь? Я — Ци-фужэнь [\[143\]](#), супруга ханьского Гао-цзу. Когда государь скончался, злая Люйхоу повелела отрубить мне руки и ноги, отрезать уши, выколоть глаза, а потом, отравив меня, велела бросить в отхожую яму. Разве когда-нибудь пройдет моя глубокая бесконечная тоска?

Она заплакала, и тогда жены Шуня говорят:

— У света и тьмы разные дороги, нам надо расстаться, тебе нельзя здесь оставаться так долго.

Они зовут служанку и прощаются. Тут на востоке запел сверчок, легко порхая, пролетела бабочка, и Чхунхян в испуге пробудилась. Это был сон! В тоске и тревоге коротала она ночь, как вдруг донесся крик гуся. Не из тех ли он гусей, что стаями летят на юг над горами Сициншань, озаренными луной? Ночь глубока, третья стража. Льет дождь, пронзительно кричат ночные птицы — будто голоса духов. От ветра хлопает бумага, которой оклеена дверь, и рыдают души тех, кто, жестоко избитый, умер под палками, кто погиб от пыток, умер задушенный. Они рыдали в темнице, а их вой раздавался внутри, под карнизом крыши, даже под полом.

— О-о! Ох!

Крики не давали заснуть, и Чхунхян сначала сидела ни жива ни мертва, но потом поборола страх, тогда стоны духов стали ей казаться то рожком гадалки, то песенками «Самчэби» или «Сеак»^[144].

— Ах вы, противные духи! Хотите меня утащить и поделить между собой, так хоть не изводите! «Быстро, быстро вдруг рассейтесь!» — прочла она заклинание.

А в это время мимо темницы проходил слепой. Слепой из столицы сказал бы: «Хочешь, я предскажу тебе судьбу», но он был из провинции, а потому просто предложил: «Хочешь, я тебе погадаю?»

— Мама, пригласите его! — сказала Чхунхян пришедшей ее навестить матери.

Мать позвала слепого:

— Послушайте, почтенный, вас зовут!

— А кто это? Кто?

— Я — мать Чхунхян.

— Зачем вы зовете меня?

— Наша Чхунхян просит вас ненадолго зайти в темницу!

— Не ждал я такого приглашения, — обрадовался слепой. — Пойду к ней!

Мать Чхунхян взяла его за палку, чтобы провести по дороге.

— Вот сюда идите, почтенный! Тут каменный мостик, а рядом — канава. Осторожнее ступайте!

«Канава... Может, перепрыгнуть?» — подумал он, а потом взял да и прыгнул. Но слепой-то ведь не может сделать длинный прыжок, вот он и подпрыгнул, только не вперед, а вверх и плюхнулся прямо в канаву. Стал выползать, да наткнулся на что-то. Оказалось, собачье дерьмо.

— Ой, да это, кажется, дерьмо?!

Он понюхал руку.

— Нажрался прокисшей каши, вон как воняет!

Встряхнул руку и ударился об острый камень.

— Ой, как больно! — засунул руку в рот и заплакал. Из незрячих глаз ручьем полились слезы.

— О моя злосчастная судьба! Канавку не смог перейти, такая напасть приключилась! Кого винить? Кого ругать? Что у меня за жизнь? Не вижу ни земли, ни неба, не различаю дня и ночи! Проходят четыре времени года, наступает весенняя пора, но цветение персиков и слив не для меня! А осенью не вижу ни желтых хризантем, ни багряных кленов. Не знал я своих родителей, и не было у меня ни жены, ни детей! И друзей нет. Я не

ведаю, как выглядят небо и земля, кто толстый, а кто худой, что длинно, а что коротко, живу, будто ночью. А теперь вот еще одна напасть! Кто здесь виноват? Слепой или канава? Ну конечно же слепой! Канава-то ведь не виновата?! О! — заплакал он от досады.

Мать Чхунхян принялась его утешать.

— Не плачь! Не плачь!

Она вымыла его и привела в темницу. Чхунхян обрадовалась.

— Заходите, пожалуйста, почтенный!

Слепой наслышался о том, что Чхунхян — первая красавица, и радостно сказал:

— Слышу твой голос, и сдается мне, что ты Чхунхян.

— Я и есть!

— Мне надо бы давно навестить тебя, хоть разок к тебе зайти, но у бедняка всегда много хлопот, вот я и не смог. Пришел, когда ты пригласила. Ты уж прости мою нерасторопность!

— Ну, раз так получилось... Ведь вы не видите да и старенький. Как ваше здоровье?

— Ты обо мне не беспокойся! Зачем позвала-то?

— Да вот зачем. Приснился мне ночью дурной сон, вот я и пригласила вас погадать, счастье или несчастье меня ожидает? Вернется ли когда-нибудь мой супруг?

— Хорошо! — И слепой начал гадать. — Прямо к Тайсуй^[145], прямо к небу почтительно обращаюсь я! Что скажет мне небо? Что скажет мне земля? Взываю к вам и спрашиваю вас! Божества и духи усопших, внимлите и окажите мне милость! Не знаю, что скажете мне вы, чем рассеете мое неведение? О чудотворные небесные силы! Не знаю, какой ответ вы дадите? Явитесь, откройтесь, о духи Фуси^[146], Вэнь-вана, У-вана, Чжоу-гуна, Кун-цзы — всех пяти великих мудрецов, души Янь Куая^[147] и Сымэна, десяти совершенномудрых — Чжугэ Кунмина, Ли Чуньфэна^[148], Шао Канцзе^[149], Чэн Миндао^[150], Чэн Ичуаня^[151], Чжу Сианя, Янь Цзюньпина^[152], Сыма Цзюньши^[153], Сунь Биня и Чэнь Сии!^[154] О наставники-даосы в пеньковом одеянии, небожительницы всех девяти небес, Духи Люгэн и Люцзя^[155], божества года, луны, дня и часа! Снизойдите к нам и примите наши жертвы! В какую луну и день освободится из темницы необыкновенная женщина по имени Сон Чхунхян, которая живет в правой провинции Чолла, в уезде Намвон, в деревне Чхонбён и которая родилась в год крысы? В какой день и час прибудет сюда Ли Моннён, что живет в столице, в квартале Самчхон? Падаю ниц и

умоляю вас, духи! Расскажите мне все! — Он встряхнул гадательные палочки. — Ну, давай посмотрим! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь! Хо! Хо! Прекрасно! Первым знаком вышла седьмая гора! Рыба сети рвет, а малое собирается, становится большим. В древности, когда чжоуский У-ван еще был на службе, ему выпал как раз этот знак, и он вернулся в родные края в парчовом платье. Вышло не плохо! Вы связаны друг с другом даже за тысячи ли, скоро встретишь! Супруг придет и развяжет твою тоску! Не страдай, все будет хорошо!

— Да, было бы хорошо, если б все получилось так, как вы говорите, — ответила Чхунхян. — Вот прошлой ночью приснился мне сон. Растолкуйте его, пожалуйста.

— Расскажи, что за сон!

— Мне приснилось, будто зеркало, перед которым я румянюсь, сломалось и цветы вишни перед окном опали, а над дверью повешена кукла. Будто обрушилась гора Тайшань и высохла в море вода. Наверное, этот сон предвещает смерть!

Слепой задумался, а потом говорит:

— Это очень хороший сон. Цветы опали — плоды созреют, зеркало сломалось — будет много шума. Ведь когда созревают плоды, цветы опадают, а зеркало ломается с треском. Кукла висит над дверями — значит, люди будут смотреть на тебя с почтением, когда пересыхают моря, является лик дракона, рушится гора — земля становится ровной! Это очень хорошо! Поедешь в повозке, запряженной парой — вот что значит твой сон! Не беспокойся, ждать осталось недолго!

Только он проговорил, как вдруг прилетел ворон, уселся на каменную стену и прокаркал:

— Ка-ок! Ка-ок!

Чхунхян замахала на него рукой.

— Ах ты, ветреник-ворон! Хочешь меня утащить — хоть не мучай!

Слепой, услышав ее, спросил:

— Постой-ка, этот ворон прокаркал «Ка-ок! Ка-ок!»?

— Да.

— Хорошо! Прекрасно! Знак «ка» значит «красивый», а знак «ок» — «дом». Привалит к тебе неожиданно счастье, и кончатся твои страдания. И беспокоиться не о чем! Денег за гадание я не возьму, но смотри, как станешь богатой и знатной, уж ты тогда меня не обойди! Ну, я пошел.

— Счастливого пути! Еще встретимся.

И опять Чхунхян проводит время в тоске и долгих вздохах.

А в это время в столице молодой господин дни и ночи читает «Книгу

стихов» и сочинения ста поэтов. Стихи он пишет, как Ли Бо, искусством каллиграфии владеет, как Ван Сичжи. Настал день торжественного праздника в стране, и, когда объявили о большом экзамене, он с книгами, прижатыми к груди, вошел на экзаменационный двор, осмотрелся. Здесь толпилось множество народа, ученые — все как один кланяются государю, звучит дворцовая музыка, и под ее чистые, высокие звуки танцуют попугаи. Государь выбрал экзаменатора и дал ему тему для сочинения. Управляющий канцелярией принял ее и повесил на красный занавес. А тема была такая: «Краски весны на весенних прудах и нынче такие же, как и в древности». Ли Моннён внимательно прочел тему. Оказывается, она уже встречалась ему прежде! Он разгладил бумагу, обдумал сочинение, а потом растер тушь в тушечнице, сделанной в виде дракона, и, наполовину обмакнув в тушь кисть из хорьковой шерсти, почерком Ван Сичжи, стилем Чжао Мэнфу^[156] написал сочинение, как говорится, одним взмахом кисти и подал его первым. Экзаменаторы взглянули — и каждый иероглиф отметили красной точкой, а каждый стих — кружком. Прямо, как говорится, дракон взлетел в небеса, гуси уселись на ровный песок! Величайший талант нашего времени! Сразу же объявили имя достойного золотой дщицы, а государь преподнес ему три чаши вина, потом вывесили сочинение лучшего из тех, кто держал экзамен. Когда Моннён покидал экзаменационный двор, голову его украсили цветком, на самого надели платье цвета перьев иволги, а талию подпоясали кушаком, расшитым журавлями. Три дня он навещал родственников, посетил могилы предков, а потом отправился на поклон к государю. Государь милостиво принял его и сказал:

— Ты по своим талантам первый при дворе!

Призвав управляющего канцелярией, он сам изволил назначить Моннёна ревизором в провинцию Чолла. Это была мечта всей его жизни!

Моннёну выдали платье чиновника, табличку для получения лошадей^[157] на станциях и латунный жезл. Низко поклонившись государю, он отправился в родительский дом. Облик его был полон достоинства, а могуществом духа он походил на свирепого тигра в горах!

Простившись с родителями, вновь испеченный ревизор отправился в Чолла. Выйдя за большие Южные ворота с двумя чиновниками и слугой под началом, он взял лошадей на станции Чхонпха и двинулся в путь. Быстро миновал семь-восемь придорожных столбов-указателей, переправился через понтонный мост, пронесся через предместья Папчон и Тончжак и, перевалив через горы Намтхэрён, отобедал в Кванчхоне.

Дальше его путь лежал через Сагын и храм Майтрейи, а в Сувоне он заночевал. Назавтра проехал мост Тэхван, местечки Пёнчжом, Чинги и отобедал в Чинви. Затем дорога повела его через Чхильвон, Соса, мост Эго и Сонхван, где он остановился на ночлег. Назавтра Моннён проехал Верхний и Нижний Ючхон, пообедал в Чхоннане и, миновав развилку дорог, перебрался через гору Тори, после чего на станции Кимдже переменил лошадей. Быстро проехав Старый и Новый Токпхён, заночевал в Вонтхо. Назавтра остались позади беседка Восьми Ветров, школа для стрелков из лука, Кванчжон и Моровон. Возле Кончжу он переправился через реку Кымган и отобедал в Кымёне. А потом по прямой дороге ехал на Согэmun, Оминоль и Кёнчхон, где и заночевал. Назавтра он миновал Носон, Чхопхо, Сагё, Ынджин, беседку Царских Цветов и, перейдя гору Чанэми, остановился на ночлег в Ёнсане, на следующий же день он призвал сопровождавших его чиновников и распорядился:

— Ёнсан — первый уезд провинции Чолла. Запомните! Кто с небрежностью отнесется к государственным делам, кто поведет себя недостойно, будет казнен! — Приказал, будто осенний иней пал.

— Ты пойдешь в левую, восточную часть провинции, — велел он одному из чиновников, — пройдешь по всем восьми уездам — Чинсан, Кымсан, Мучжу, Ёндам, Чинан, Чансу, Унбон, Куре. В назначенный день жди распоряжений в Намвоне! А ты обойдешь уезды правой, западной части — Ёнан, Хамёль, Лимпхи, Окку, Кимчже, Мангён, Кобу, Пуан, Хындок, Кыхан, Чансон, Ёнгван, Мучжан, Муан и Хампхён. В назначенный день жди приказаний в Намвоне! Ты же, — приказал он третьему, — пройдешь по городам Инсан, Кымгу, Тхэин, Чонып, Сунчхан, Окква, Кванчжу, Нанчжу, Чханпхён, Тамъян, Тонбок, Хвасун, Канчжин, Ёнам, Чанхын, Посон, Хынъян, Накан, Сунчхон и Коксон, а в назначенный день будешь ожидать моего приказа в Намвоне!

Сделав все распоряжения, Моннён приготовился следовать дальше. Взгляните, как он выглядит! Чтобы обмануть людей, он к старой шляпе без тульи прицепил тесемку, связанную из разных кусочков. От шапочки, которую надевают под шляпу, остался лишь верх, и он прицепил эту верхушку к волосам черепаховым колечком, а весь изорванный халат подпоясал бумажным кушаком. К рваному вееру с одной-единственной спицей прицепил сосновую шишку. Этим-то веером он и прикрывался от солнца. Ночь Моннён провел в буддийском храме, а на утро с посохом в руках обошел беседки Сингым и Супчон, потом, пройдя через западные ворота, поднялся на южные и огляделся. Здесь прямо Сиху, что лежит к югу от реки Янцзы! Видны все восемь красот Вонсана: «Кири

выплевывает луну», «Синие туманы Ханбёка», «Вечерний колокол в Намго», «Полная луна над Кончжи», «Косой дождик в Тага», «Сбор лотосов на озере Токчин», «Дикие гуси садятся у беседки Пипхо» и «Водопад у Вибона».

Ли Моннён тайно разъезжал по провинции, и правители уездов, прослышав о том, что появился ревизор, начинали ревностно заниматься правлением и даже заботились о делах давно минувших. Слугам-то что... А вот чиновники — те совсем потеряли голову от страха. Растратчики из судейской палаты настропалились бежать, а в управах все просто обезумели.

Тем временем ревизор пришел в окрестности Имсиля, на полях кипела работа, была страдная пора, и крестьяне распевали песни — ну и шум стоял вокруг!

Оёро! Сансадийо!
Когда пора великого расцвета
Повсюду во вселенной наступила,
Сравнялась добродетель государя
С достоинствами царственного Яо,
Который в годы мира и покоя
Внимал напевам своего народа.
Оёро! Сансадийо!
Владыка Шунь при доблестях высоких
Из глины сам лепил горшки и миски
И на горе Лишань трудился в поле!
Оёро! Сансадийо!
Мотыгой, изготовленной Шэньнуном^[158],
Веками обрабатывают землю,
А это ли не важная заслуга?
Оёро! Сансадийо!
Юй, повелитель Ся и царь премудрый,
Сумел смирить потоп девятилетний.
Оёро! Сансадийо!
Владыку царства иньского, Чэн-тана^[159],
Веда постигла: длится сушь семь лет.
Оёро! Сансадийо!
Мы все работы на полях окончим,
Сполна внесем налоги государю,
Оставшимся зерном набьем амбары, —

И будем о родителях мы печься,
Заботиться о женах и о детях.
Оёро! Сансацийо!
Мы на своей земле посеем злаки,
Весь год ухаживать за ними будем —
Ведь жизнь свою мы доверяем злакам!
Оёро! Сансацийо!
Блажен известный добрыми делами.
Нельзя равнять его и наши судьбы!
Оёро! Сансацийо!
Вспахать бы нам поля и рис посеять,
Пожить бы нам и сытно, и спокойно!

Крестьяне пели, а ревизор стоял, опершись о посох, и слушал. Песня понравилась ему.

— Какой богатый урожай! — воскликнул он. А в другой стороне — просто удивительно! Еще крепкие старики собрались вместе и обрабатывают каменистое поле. На них — камышовые шляпы, в руках железные мотыги, и все поют песню о седых волосах:

Подадим прошение! Подадим прошение!
Подадим прошение мы владыке неба!
Что он нам ответит? Что он нам ответит?
Чтобы старики у нас не умирали,
Чтобы молодые люди не старели,
Вот о чем попросим мы владыку неба!
Недруги вы наши, недруги вы наши,
Недруги вы наши — волосы седые!
Как же одолеть нам волосы седые?
Левою рукою мы возьмем секиру,
Правою рукою мы возьмем колючку.
Чтоб не выростали волосы седые,
Острою секирой отсечем их с маху,
Чтобы не сходил с лица у нас румянец,
Мы его колючкой ко щекам приколем!
Но со щек румянец сходит сам собою,
Волосы седые вырастают сами,
За ушами сеткой залегли морщины,

Головы под старость серебром покрылись.
«На рассвете были схожи с черным шелком,
На закате стали белым-белым снегом».
Быстротечны годы, жалости не знают!
В молодости много нам дано веселья,
Но оно с годами в прошлое уходит —
Как не горевать нам от такой напасти?
Снова оседлать бы скакуна лихого
И на быстроногом полететь в столицу,
Только раз единый взглядом бы окинуть
Красоту природы, гор и рек великих,
Погулять бы вволю с девушкой красивой...
От рассветов свежих, пахнущих цветами,
От луны полночной, от прекрасных видов,
Летних и осенних, зимних и весенних,
Помутились очи и оглохли уши.
Ничего не видишь, ничего не слышишь, —
Что осталось в жизни? На душе тоскливо!
В край какой отсюда мы, друзья, уходим?
С шелестом осенним сыплемся, как листья
Рдеющего клена в месяце девятом.
Там и сям внезапно исчезают люди —
Словно меркнут звезды на рассветном небе!
Оёро! Мы только пашем наше поле.
Радость мимолетна, словно сон весенний!

Они пропели песню, и тогда один из них вдруг поднялся и предложил:
— Закурим, закурим! Давайте закурим!

Надвинув на лоб соломенную шляпу, он сел на меже, неторопливо вынул трубку из красной глины и, пошарив у себя за пазухой, вытащил кисет. Поплевав на табак, примял его в трубке большим пальцем, коротким и толстым, а потом пошевелил огонь в жаровне и раскурил трубку. Он затаился, и что-то у него запищало, как мышонок. Раскуривая, он втянул щеки, раздул ноздри — и вот повалил густой дым. Старик стоял и курил в стороне, тут к нему подошел Моннён и заговорил доверительно:

— Вы человек бывалый, хорошо бы вы мне рассказали кое о чем.

— О чем?

— Да, говорят, будто в здешней округе Чхунхьян пошла в наложницы к

правителю, подарков много получила и вредит делам правления. Правда ли это?

Крестьянин разозлился:

— Да откуда ты взялся такой?

— Где бы я ни жил...

— Как это, где бы ты ни жил? У тебя что, глаз нет, ушей нет? Наша Чхунхян не стала наложницей и за это избита палками, в темницу брошена! О таких славных женщинах даже в песнях редко поют! А таким голодранцам, как ты, болтающим всякое про нашу Чхунхян, чистую, как нефрит и снег, и попрошайничать нечего, подымай с голоду! А этот, в столицу уехал... юнец-молодец! Сгинул — и никаких вестей! Вот как люди поступают. Небось в большой должности состоит, а не... не может!

— Почему это вы позволяете себе говорить о нем в таких выражениях?

— А тебе-то какое до него дело?

— Да, собственно, никакого... Просто не хорошо говорить так о чужих людях.

— Э, да ты уж не соображаешь, что несешь! — проговорил крестьянин и отвернулся.

«Хо! Хо! Сразу поверил!» — подумал Моннён и крикнул: — Эй, мужички! Счастливо поработать!

— Стараемся!

Расставшись с ними, он скрылся за поворотом, и здесь ему навстречу попался какой-то мальчик с палкой, который нараспев говорил:

— Какой сегодня день? Как долго мне мерить шагами тысячи ли до столицы? Вот бы мне такого скакуна, что через реку перенес Чжао Цзылуна^[160], я б в тот же день попал в столицу! Несчастливая Чхунхян! Не захотела отказаться от супруга Ли — и брошена в темницу, погибнуть может в одночасье. Так жаль ее! А этот негодный Ли уехал, и нет ни весточки о нем. Разве назовешь такое поведение благородным?

Моннён, услышав его речи, крикнул:

— Эй, ты откуда?

— Я из Намвонского уезда!

— А куда идешь?

— В столицу.

— Зачем тебе туда?

— Несу письмо Чхунхян в дом к нашему бывшему правителю.

— Послушай, дал бы ты мне взглянуть на это письмецо!

— Э, да вы, почтенный, видно, совсем дурак!

— Почему же?

— Да сами подумайте! Просто чужие письма — и то читать нельзя, а вы хотите заглянуть в письмо чужой жены!

— А ты послушай, что сказано в старинных стихах:

Пред тем, как путник-письмонос ушел,
Письмо я снова распечатал.

Вот как говорят! Если я немного почитаю, что от этого случится?

— Вид у вас уж больно страшный... Но вы человек, видно, знающий. Читайте поскорей да отдавайте!

— Ах ты, негодник!

Он взял письмо, развернул и стал читать, а там написано:

«Сразу после разлуки не было от вас вестей, но я надеюсь, что вы с родителями пребываете в добром здравии. Вашу наложницу Чхунхян, как говорится, на тракте Цзянтай преследует чиновник, и я теперь на краю гибели! Жду смерти, и тогда душа моя отлетит к усыпальнице Хуанлин, скроется в загробном мире. Пусть я десять тысяч раз умру, но добродетельная женщина ведь не выйдет замуж второй раз! Не знаю только, что станет с матушкой после моей смерти? Уж вы, супруг мой, позаботьтесь, подумайте о ней!»

А в конце письма было приписано:

Давно ли в дорогу я вас проводила,
Давно ли расстались вы с милой?
Я думала — жизнь проживу с вами вместе,
Но в полночь поднялся неистовый ветер,
И дождь обернулся метелью, —
Стать горсточкой праха в намвонской темнице
Ужели судьба мне сулила?

Письмо написано кровью, будто гуси оставили след на ровном песке, и кровь отпечаталась густо. Такой скорбью от него повеяло, что у Моннёна даже слезы полились из глаз, падая капля за каплей.

— Что это вы плачете над чужим письмом? — удивился мальчик.

— Э-э! Хотя оно и чужое, но такое грустное, что я невольно заплакал.

— Распустили нюни! Запачкали чужое письмо, еще порвете! А одна

бумага стоит десять лян!^[161] А ну платите за письмо!

— Послушай-ка, господин Ли мне, как говорится, друг по бамбуковой лошадке — с детства вместе. Он едет вместе со мной сюда, но задержался в Ваньяне, а завтра мы с ним договорились встретиться в Намвоне. Пошли со мной, ты ему там и покажешь это письмо.

— Ты думаешь, столица тут, рядышком? — завопил мальчишка и подскочил к нему. — Отдавай письмо!

Завертевшись перед Моннён, он схватил его за тесемки халата и заглянул внутрь: талия нищего была подпоясана шелковым кушаком, а на нем вещичка, похожая на жертвенную тарелочку! Мальчишка тут же отскочил.

— Это откуда?

На него будто ветром холодным подуло.

— Если ты, негодяй, разболтаешь тайну, тебе конец!

Предупредив мальчишку, Моннён вошел в Намвон, поднялся на холм Паксок и оглядел все вокруг. И горы прежние! И рекой когда-то любовался! Он пошел к южным воротам.

— Как поживаешь, башня Простора и Прохлады? А у тебя, мост Сорок и Ворон, все ли хорошо? Вот ива стоит, та, которая воспета в стихах:

Заезжий двор — в тени зеленых ив,
Прекрасных обновленною красой.

К ней я привязывал осла. В чистых водах реки, упомянутой в стихах:

Скрывает мост через реку Ло
Густая синь облаков, —

я когда-то омыл ноги, а по широкой дороге, про которую сказано:

Идет дорога в столицу Цинь
Среди зеленых деревьев, —

когда-то я ходил!

Под мостом Сорок и Ворон женщины и девушки стирали белье.

— Вот беда-то!

— А что случилось?

— Ох, как жалко! Как жалко Чхунхян! Жестокий, жестокий! Жестокий у нас правитель! Властью своей хотел приневолить Чхунхян, такую чистую. Неужто он думал, что Чхунхян испугается смерти? Ведь у неё сердце твердое, как железо и камень! Какой бессердечный! Какой бессердечный этот молодой барич Ли!

Болтая за стиркой белья, девушки выглядели не хуже красавиц из «Облачного сна девяти»^[162] — принцесс Ёнян и Нанян, наложниц Чин Чхэбон, Ке Сомволь, Пэк Нынпха, Чок Кёнхон, Сим Ёён и Ка Чхунун. Нет только Ян Сою! Интересно, кого они ждут?

А Моннён поднялся на башню и стал смотреть вокруг: солнце уходит на запад, и птицы улетают на ночь в лес. Вон там стоит ива, к ней моя Чхунхян привязывала качели! И тут он представил ее себе — такую очаровательную на качелях. На востоке, среди зеленых деревьев, дом Чхунхян, и садик во внутреннем дворе такой же, как прежде! А там, за каменной стеной, — темница, и в ней моя Чхунхян. Бедная! Бедная!

Солнце село за горы на западе, и в сумерках он подошел к дому Чхунхян. Флигель обветшал, и сам домик утратил былое изящество. В зарослях стоит павлония, поломанная ветром, а под оградой ходит, ковыляя, с печальным криком белый журавль, перья у него выпали, словно его собаки трепали. Под окном дремлет рыжий пес — совсем как мертвый. Он не узнал гостя и залаял.

— Эй, пес, не лай! Ведь я все равно что хозяин! А хозяйка твоя где? Неужели ты один меня встречаешь?

Он посмотрел на ворота, где его рукой были сделаны надписи. Вот здесь — иероглиф «верность», его верхняя часть — знак «середина» — куда-то подевалась, осталась лишь нижняя — знак «сердце». Над раздвижными дверями качаются под ветром парные надписи по случаю прихода весны. Они навевают такую печаль!

Он медленно вошел в дом. На внутреннем дворе никого не оказалось. А мать Чхунхян! Посмотрите на нее! Она разводит огонь под котлом с рисовым отваром.

— О, о! Моя лихая судьба! Как он жесток! Как он жесток! Как жесток этот молодой Ли! Совсем, наверно, мою дочку позабыл, даже весточки от него нет! О, какая тоска! Сандан, иди разведи огонь!

Водой из ручья она вымыла седые волосы, расчесала и, поставив на алтарь кувшин с холодной водой, склонилась в молитве.

— Духи Неба и Земли, солнце, луна и звезды! Все вместе внимайте мне! Я, одинокая, лелеяла свою дочь Чхунхян, как золотой кусочек.

Думала, что внуки позаботятся о жертвах моему духу, но ее, невинную, наказали палками и бросили в темницу. Нет ей спасенья! Помогите, о духи Неба и Земли! Ли Моннёна, что живет в столице, высоко поднимите на лазоревом облаке — пусть он получит высокую должность и спасет мою дочь Чхунхян!

Она кончила молитву.

— Сандан, раскури-ка мне трубку!

Взяв трубку, мать Чхунхян закурила, стала вздыхать и плакать. А Моннён, услышав, как искренне она просит, подумал: «Я-то считал, что получил свой чин по милости предков, а оказывается — заботами тещи!»

— Есть кто здесь? — спросил он громко.

— Кто это?

— Это я!

— Кто это — я?

Моннён подошел ближе.

— Я Ли!

— Ты Ли?.. Ах да! Ты, наверно, Ли — сын Ли Пхунхона?

— Хо-хо! Давненько мы с вами, теща, не виделись! Забыли меня, забыли!

— Да кто вы такой?

— Ну вот, говорят, что зять — гость навеки, а вы меня не узнаете!

Мать Чхунхян обрадовалась.

— Ой, ой! Да что же это такое? Где вы были? Откуда пришли? Может, вас сюда принесло сильным ветром? Может, прилетели вы на облаках — на тех, что собираются у горных вершин? Вы узнали про Чхунхян и пришли ее спасти? Да заходите же скорее!

Она взяла его за руку, провела в комнату и, усадив перед светильником, принялась разглядывать: да он стал нищим из нищих! У матери даже дыхание перехватило.

— Что случилось?

— Дела у меня так плохи, что и сказать невозможно. Когда мы приехали в столицу, отцу отказали от должности, и мы разорились. Батюшка пошел служить учителем, а матушка ушла жить к своим родителям. Так и разбредлись все. А я вот пошел к Чхунхян. Думал взять у вас тысячу монет, но теперь вижу, что дела у нас одинаково плохи.

Мать Чхунхян, услышав такое, даже задохнулась.

— Бессердечный ты человек! После разлуки от тебя не было ни одной весточки! Вот каким ты оказался! Я-то надеялась на тебя, а вышло вон как хорошо! От тебя толку, как от выпущенной стрелы или пролитой воды. Но

пенять теперь не на кого! Что же будет с моей Чхунхян?

В ярости она подскочила к нему и укусила за нос.

— Кто же виноват, нос или я? Теща гонит меня. Как бессердечно небо, шлет все напасти — ветер, дождь, гром и молнию!

Тут мать Чхунхян просто онемела.

— Конечно, когда господа неправы, они всегда стараются выкрутиться!

Моннёну захотелось посмотреть, как она будет вести себя дальше.

— Я прямо умираю с голоду! Дайте мне хоть ложку каши! — попросил он.

— Риса нет! — отрезала мать.

Неужто у нее не было еды? Конечно, она сказала это в сердцах!

А Сандан, услышав сердитый голос хозяйки, забеспокоилась. Не находя себе места от волнения, она тихонько заглянула в дверь: да это наш господин! Вот хорошо-то! И она стремительно вбежала в комнату.

— Здравствуйте, господин! Как изволит поживать ваш батюшка? А матушка здорова ли? Все ли спокойно было в дальней дороге?

— У вас тут такая беда...

— Да я-то что... Ах, хозяйка, хозяйка! Старая хозяйка! Не надо так! Не надо! Ради кого же он пришел издалека, из-за тысячи ли? Почему вы так плохо его встречаете? Если барышня узнает, отругает нас!

Она пошла на кухню и к оставшемуся рису добавила свежего перца, квашеной капусты и пряностей, потом налила полную чашку холодной воды и подала на деревянном подносе.

— Закусите, прошу, пока я приготовлю горячее. Ведь вы проголодались!

— О рис, давненько я тебя не видел! — обрадовался Моннён и, вывалив все в одну миску, перемешал, без палочек, прямо руками сгреб к одной стороне и съел так быстро, словно краб упрятал глаза от ветра.

— Ого! Да ты уже научился лопать как попрошайка! — воскликнула мать. А Сандан, думая о судьбе своей барышни, не смела громко плакать и только слезы глотала да приговаривала:

— Что же это будет? Что же это будет? Как спасти нашу барышню, такую хорошую? Как же так? Как же так?

У Моннёна сердце замирало, когда он смотрел на нее, всхлипывающую.

— Сандан, не надо плакать! Не надо! Твоей барышне сейчас очень плохо, но разве она непременно умрет? Если мы постараемся, придет день спасения!

— Ого! Да ты спесив! — заметила мать Чхунхян. — Прямо как настоящий барин! Только почему это у тебя такой вид?

— Вы не обращайте внимания на слова хозяйки, — сказала Сандан. — Ей уже много лет, любит поворчать. А тут еще такая беда! Стоит ли сердиться на слова, сказанные в сердцах? Кушайте, пожалуйста, горячее!

Моннён взял столик с едой, но думы о Чхунхян не давали ему покоя. Гнев поднялся у него до небес, в душе все кипело, все внутри клокотало, и ужин потерял всякий вкус.

— Сандан, убери столик!

Он вытряхнул пепел из трубки.

— Послушайте, теща! Я должен ненадолго увидеть Чхунхян.

— Конечно, должен! Если б ты не пошел к ней повидаться, кем бы ты был?

— Ворота сейчас закрыты, — заметила Сандан. — Вот ударит колокол — сразу и пойдем!

Тут как раз прозвенел колокол: «Тэн! Тэн!» Сандан поставила на голову столик с едой, взяла фонарь, а Моннён с матерью Чхунхян пошли следом. Они дошли до ворот темницы. Кругом было тихо, даже тюремщика нет.

А Чхунхян в это время, то ли во сне, то ли наяву, видит, будто приходит к ней супруг в золотой шапке на голове, в парадном красном одеянии. Всем сердцем тоскуя, обнимает она его за шею и говорит: «Я так много думала о вас!»

— Чхунхян! — позвали ее, но она не отвечала.

— Крикни громче! — посоветовал Моннён.

— Нельзя! Здесь же рядом управа. Будем громко кричать, правитель, чего доброго, спрашивать станет. Уж вы немного подождите!

— Зачем ему спрашивать в такое время? Я позову тихонько. Чхунхян! Чхунхян встрепелась.

— Этот голос! Во сне он или наяву? Как он мне мил!

А у Моннёна даже дыхание перехватило.

— Скажите, что это я пришел!

— Если сказать, что пришел ты, ей станет плохо. Уж лучше помолчи!

Чхунхян испугалась, услышав голос матери.

— Мама, зачем вы пришли? Вы все ходите здесь, все думаете о своей негодной дочери. Так ведь и упасть недолго! Не надо ко мне ходить!

— Ты не беспокойся, приди в себя! Пришел...

— Пришел? Кто пришел?

— Да так, пришел...

— Я умру от тоски! Скажите! Я во сне видела любимого и говорила ему, что все время думала о нем. Может, пришло письмо из столицы? Что, он приедет? Чиновником?

— Ох, не надо страдать! Твой, как его там, хозяин ли, муж ли, нищим вернулся!

— Ой, что это значит? Мой супруг пришел? Неужто я увижу наяву любимого, что приснился мне во сне?

Через щель в дверях она взяла его руку и ни слова не говорила, даже не дышала.

— Кто это здесь? Наверное, мне он снится. Неужели я вижу любимого, о котором так тосковала? Теперь не стану горевать о смерти! Отчего так бесчувственна злая судьба? После разлуки с вами мы с мамой все время грустили, долго тянулись месяцы и дни. Печальная у меня судьба, теперь я умираю, избитая палками. Вы пришли меня спасти?

Она радовалась, пока не пригляделась к нему. Как тут не встревожиться?

— Любимый, я не горюю о смерти, но с вами-то что случилось?

— Чхунхян, ты не тоскуй! Судьбу человека вершит небо, и ты сейчас страдаешь, но не умрешь!

Чхунхян позвала мать.

— Мы ждали супруга из столицы, как ливня в семилетнюю засуху, но сломалось посаженное дерево, разрушилась башня, сложенная с великим трудом! Несчастливая моя судьба! Ничто теперь меня не спасет! Матушка, после моей смерти вы уж сделайте так, чтобы не было мне обидно. Шелковое платье, что я носила, лежит в сундуке, украшенном фениксами. Вы его продайте, а взамен купите хансанского полотна, сделайте ему платье с длинными рукавами, да так, чтоб красиво было. Продайте юбку белого шелка, купите шляпу чиновника и башмаки. В моей шкатулке есть янтарь, ножички и кольцо из нефрита, продайте все это и сшейте ему рубашку с шароварами, чтоб не выглядел он так безобразно. Я ведь умру, не сегодня завтра покину суетный мир, и мне ничего не нужно! Продайте по любой цене все вещи из сундуков, украшенных фениксами и драконами, готовьте ему лучшие яства, а после моей смерти ухаживайте за ним так, будто я жива. Теперь вы, супруг, слушайте меня! Завтра у правителя день рождения, и, когда там все напьются до потери разума, велят привести меня. Ноги мои покалечены и, как бы я ни старалась, идти не смогу. От мучений моя голова как в дурмане, все кружится перед глазами. Я умру от пыток, и тогда вы наймитесь в услужение, чтобы снести меня на спине в тихое место, в Лотосовую беседку, где мы провели нашу первую ночь.

Обрядите меня своими руками и утешьте мою душу. Платье с меня не снимайте, похороните на солнечном месте, а когда достигнете высокой должности и подниметесь на лазоревом облаке, не оставляйте меня! Запеленайте в тонкое полотно и положите на высокое ложе для мертвых. Когда же станете выбирать место для могилы, идите прямо в столицу и похороните меня у горы, где покоятся ваши предки. А на могиле сделайте надпись: «Усыпальница Чхунхян, что погибла без вины, храня верность», напишите всего лишь восемь слов. Ах, почему я не стала скалой^[163], ожидающей мужа? Солнце уйдет за горы на западе, а завтра снова взойдет, но если бедная Чхунхян умрет, она никогда не вернется. Отомстите за мои обиды! О горькая судьба! Несчастливая мать останется без меня, проживет все, что у нее есть, и станет нищей. Будет ходить из дома в дом, вымаливать кусок хлеба и ночевать под горой, а когда силы оставят ее, она умрет. Налетят на нее стаей, распластав крылья, вороны с горы Чирисан и с карканьем повькляют ей очи. Кто ее пожалеет? Кто их прогонит? О-о! — заплакала она в тоске.

— Не плачь! Что бы ни случилось, всегда найдется какая-нибудь лазейка. Плохо же ты обо мне думаешь, если так отчаиваешься.

Моннён распрощался с ней и ушел. А Чхунхян... Ночью, в третью стражу, любимый блеснул перед ней, словно молния, и теперь она сидит одна и вздыхает.

— Ясное синее небо всех людей сотворило равными. За какие же грехи я осталась без любимого на дважды восьмой луне? Трудная моя жизнь, так за что же еще и палками избили? Горюю в темнице три или четыре луны, все дни и ночи ждала любимого и вот сегодня наконец увидела, но не зажглась для меня надежда. Когда умру и уйду к Желтым истокам^[164], что я смогу рассказать государям царства мертвых? О-о! — снова заплакала она в тоске. Силы оставили ее, и она лежала как мертвая.

Тем временем Моннён, выйдя из дома Чхунхян, решил не спать всю ночь и подслушать, что говорят. Он пошел к управе, а там делопроизводитель подозвал слугу и говорит:

— Послушай-ка, я слышал, будто ревизора зовут Ли. Давеча, в третью стражу, тут ходил какой-то нищий с фонарем, а впереди шла мать Чхунхян. Выглядел он очень подозрительно. Завтра на пиру у правителя следи за всеми внимательно. Смотри, чтоб без происшествий! Будь в десять раз осторожней!

«И откуда они узнают обо всем!» — услышав это, подумал про себя ревизор.

Он зашел в военное ведомство. Взгляните, как ведет себя воинский начальник!

— Стража, нищий, что шатался тут по улице возле тюрьмы, выглядит очень странно. Наверно, это ревизор. Запишите-ка поподробнее, как он выглядит, да смотрите в оба!

— Эти шельмы все знают! — заметил Моннён и отправился к канцелярии. Казначей говорил то же самое. Обойдя все шесть управ, он возвратился в дом Чхунхян. Так прошла ночь.

Назавтра после утреннего приема начали собираться все высокие чины из волостей уезда. Приехал генерал из Унбона, военачальники из Курё, Коксана, Сунчхона, Окква и Чинана. Слева — военные, справа — гражданские, а в середине сам хозяин — правитель уезда. Призвав слугу, он стал распоряжаться:

— Пусть повар готовит угощение, мяснику вели забить большого быка! Распорядителю церемониями заняться барабанщиками! Слуги должны натянуть тент, а стражники — чтоб никого из народа не пускали!

Кругом стоял шум, в воздухе реяли знамена, звучала музыка. Кисэн в зеленых и алых юбках танцевали, вскидывая белые руки в пестрых рукавах. Возгласы, музыка разволновали Моннёна.

— Эй, стража, скажите-ка своему господину, что издалека пришел нищий и увидел этот прекрасный пир. Пусть он даст мне закуску и вина!

Взгляните-ка на этого стражника!

— Ты куда лезешь? Наш господин запретил тут шляться нищим! — И он вытолкнул Моннёна в спину. Наверняка хочет выслужиться!

А генерал из Унбона, увидев эту сцену, обратился к правителю:

— Вон у того нищего шляпа совсем износилась, а выглядит он как потомственный дворянин. Может, посадим его где-нибудь с краю, дадим выпить чарку вина... Как вы думаете?

— Поступайте как считаете нужным, генерал, но...

Это «но» прозвучало довольно зло, и Моннён подумал: «Ага! Боится, я схвачу что-нибудь, но схватят-то тебя сегодня!»

— Пусть тот человек войдет! — приказал генерал из Унбона. Моннён вошел и осмотрелся. Перед всеми гостями в зале расставлены яства, звенят песни. Он взглянул на свой столик. Как тут не рассердиться? На покосившемся столике с отломанным углом лежат деревянные палочки, кожура от бобов да чашка с мутным вином. Он отпихнул все это ногой и, ткнув генерала из Унбона в ребро, проговорил:

— Я хотел бы отведать ребрышка!

— Да кушайте хоть все! — ответил генерал из Унбона и обратился к

гостям: — На таком пире скучно только музыку слушать. А не попробовать ли нам сочинить стихи?

Все согласились, и генерал назвал рифмы. Когда рифмы расставили по порядку, Моннён сказал:

— Правда, я нищий, но смолоду читал китайские стихи. Раз уж я попал на хороший пир, напился и наелся, было бы бессовестно с моей стороны уйти просто так. Я напишу стихи по заданным рифмам.

Генерал из Унбона с удовольствием выслушал его, дал ему кисть и тушь. Гости не успели опомниться, как он уже сочинил стих. Моннён писал, думая о чувствах народа и правлении.

В бокалах золотых — прекрасное вино,
Но пристальней взглядишь — ведь это кровь народа!
На блюдах яшмовых — обилие тонких яств,
Но пристальней взглядишь — ведь это плоть народа!
Когда с дворцовых свеч по каплям воск течет,
То капли горьких слез текут из глаз народа.
Когда же громкие напевы здесь звучат,
То громко здесь звучит и гневный глас народа!

Смысл этого стихотворения вот в чем: красивое вино в золотых чарках — это кровь десятков тысяч людей. Прекрасная еда на нефритовых блюдах — плоть десятков тысяч людей. Когда со свечей капают капли воска, льются слезы народа, а там, где звучат песни, громко раздается ропот народа.

Правитель смотрел и ничего не понимал, а генерал из Унбона только взглянул, как тотчас сообразил: «Ну, здесь сейчас начнется...»

Моннён тем временем распрощался и ушел. Он призвал трех главных чиновников и повелел:

— Готовьтесь к делу!

Ведающему казенными работами приказал беречь имущество, войсковому начальнику — караулить почтовых лошадей, а чиновника, обязанного следить за столом уездного правителя, отрядил учесть все продовольствие. Тюремщик обязан был доложить о преступниках, военный чин — перечесать орудия пыток, а судья — приготовить бумаги. Начальнику патруля он велел собрать всех стражников. Моннён устроил такой переполох, а правитель так ничего и не понял.

— Послушайте, унбонский генерал, вы куда это собрались? —

недоуменно спросил он.

— Да так, как говорится, по малой нужде!

— Быстро приведите Чхунхян! — приказал правитель. Видно, в голову ему ударило вино.

А Моннён дал сигнал своим спутникам. Посмотрите-ка на них! Вот они кликнули посыльных с почтовых станций, пошептались с ними то здесь, то там. А как выглядят эти спутники ревизора и посыльные! На них шелковые головные повязки, шляпы на глаза надвинуты, а на ногах бумажные носки и соломенные сандалии. Сами в полотняных шароварах и халатах с длинными рукавами, все с дубинками длиной в шесть мо на шнурах из оленьей кожи. Улицы Намвона так и кишат ими. Взгляните-ка на посыльных из Чхонпха! Будто лучи солнца сверкнули у них в руках латунные знаки, круглые, как луна.

— Прибыл тайный ревизор! — закричали они так громко, что казалось, будто обрушились горы и реки, содрогнулись небо и земля, от страха затрепетали даже травы и деревья, птицы и звери. У южных ворот кричат: «Едет!», у северных — «Едет!», у восточных, у западных крики «Едет!» сотрясали синее небо.

— Три главных чиновника, слушать! — раздался приказ, и у чиновников всех шести палат душа в пятки ушла, а этих троих вытолкали в спины.

— Ой, конец нам пришел! — вопили они.

— Ведающий казенными работами!

Услышав приказание, тот примчался с бумагами.

— Я делал только то, что мне велели! За что меня-то?

И ему надавали тумачков.

— Ой, избивают!

Левый помощник правителя совсем потерял голову, а делопроизводитель и казначей — те от ужаса упали в обморок, слуги и стражники спасались бегством, помчались все чиновники. Взгляните только на них! Один потерял шкатулку с печатью — подхватил черпак из тыквы, другой несется с лепешкой в руках вместо войскового знака. Этот миску деревянную на голову надел, а тот — столик взгромоздил. Комунго, барабаны — все переломали! А один от страха стал в ножны мочиться, сам правитель наложил в штаны и бросился в свои покои, как мышь под циновку.

— Ой, холодно! Дверь сильно дует! Закройте ветер! Вода пересохла! Дайте горло!

Ведающий трапезой правителя потерял столик и выскочил со створкой

двери на голове, но подбежали посыльные с почтовых станций и принялись его дубасить.

— Ой, конец пришел!

Тут Моннён отдал распоряжение:

— В этом уезде правил мой батюшка, прекратите беспорядок! Отправьте их всех на постоянный двор!

Он занял место во дворе управы и приказал:

— Правителя освободить от должности и опечатать ведомственные склады!

Его приказание выполнили и ко всем четырем воротам прикрепили знак «свободны».

Тогда Моннён призвал тюремщика.

— Приведи сюда всех преступников!

Преступников доставили, и каждого из них он спросил, в чем его проступок, а невиновных отпустил на свободу.

— А это что за девушка?

— Она дочь кисэн Вольмэ, — почтительно доложил судья. — Брошена в темницу за то, что воспротивилась желанию чиновника!

— Что же она сделала?

— Правитель позвал ее к себе в наложницы, но она заявила, что добродетельна и верна супругу и в наложницы к нему не пойдет. Это и есть та самая Чхунхян, которая оказала сопротивление правителю.

— Ты что же думаешь, что девица вроде тебя может назвать себя добродетельной и отказать чиновнику? Неужто надеешься остаться в живых? Нет, ты достойна смерти! Ну, а ко мне в наложницы тоже не пойдешь?

У Чхунхян даже дыхание перехватило.

— Все вы чиновники, что приезжаете в провинцию, одним славитесь. Слушайте меня, ревизор! Неужели ветер может повалить высокие крутые скалы? Разве от снега пожухнет зелень бамбуков и сосен? Не давайте мне таких приказаний, а лучше скорее убейте! Сандан, — позвала она, — посмотри, где мой супруг. Ведь я так просила его давеча ночью, когда он приходил ко мне в темницу. Куда же он ушел? Разве не знает, что я должна умереть?

— Подними голову, посмотри на меня! — велел ей Моннён.

Чхунхян подняла голову и взглянула на возвышение: ее супруг, что приходил нищим, теперь восседает на месте ревизора! Она заплакала, потом засмеялась.

— О, какое счастье! Мой супруг стал ревизором! Какое счастье! В

Намвон пришла осенняя пора и облетели с деревьев листья, а на подворье весна! Мой Ли — цветок сливы и весенний ветер дали мне жизнь! Не сон ли это? Боюсь проснуться!

Чхунхян ликовала, тут и ее мать пришла. Она так обрадовалась, что и рассказать невозможно. Ярко засияли высокие добродетели Чхунхян. Ах, как хорошо все получилось!

Когда Моннён-ревизор навел порядки в Намвоне, Чхунхян, ее мать и Сандан он отправил в столицу. Сборы в дорогу были обставлены так пышно, что люди, видевшие это, не могли не восторгаться.

А Чхунхян, прощаясь с Намвоном, загрустила. Она, конечно, стала знатной, но ведь покидала-то родные места!

— Счастливо тебе, Лotosовая беседка, где я впервые узнала любовь! И вам, башня Простора и Прохлады, мост Сорок и Ворон, павильон страны бессмертных Инчжоу, счастливо оставаться!

Трава весною зеленеет в поле
Из года в год,
А вот скиталец — он придет обратно
Иль не придет?

Это про меня написано в стихах. — Она простилась со всеми, пожелав им здравствовать многие годы. Ведь ей снова их уж не увидеть!

Моннён объехал левую и правую провинции, сам проверил, как правят народом, а потом прибыл в столицу и предстал перед государем. Все его доклады были переданы на рассмотрение в Государственный совет, и, после того как там все проверили, государь его высочайше похвалил. Моннёну тотчас пожаловали высокую должность в ведомстве просвещения, а Чхунхян наградили званием «добродетельной, образцовой жены». Низко поклонившись государю и поблагодарив его за милости, Моннён удалился, чтобы предстать перед родителями, и те поздравили его с высочайшими наградами.

По службе Моннён прошел все должности левых и правых помощников министров при палатах чинов и казне, а после отставки сто лет прожил в счастье со своей верной, добродетельной супругой. Они родили трех сыновей и двух дочерей, которые отличались мудростью, служили своим родителям, а их потомки из поколения в поколение получали чины первой степени.

Братъѣ Хынбу и Нольбу

Не то в Чхунчхондо, не то в Чолладо, а может быть, и в Кёнсандо жил-был сючай^[165] из рода Ён. Оставил он после себя двух сыновей: старшего — Нольбу и младшего — Хынбу.

И вот что удивительно: родились братья от одной матери, а характеры имели совсем непохожие. Хынбу был добр, чтит примерно родителей, горячо любил старшего брата. По-другому вел себя Нольбу. Не соблюдал он сыновнего долга и не питал теплых чувств к брату.

У всех людей пять органов и шесть полостей^[166]. У Нольбу же, судя по его злому нраву, их было семь: видно, был у него еще один лишний орган — средоточие злобы и упрямства; находился он где-то у печени и, если случалось, что он шевельнется, причинял тогда Нольбу много хлопот окружающим.

Был Нольбу охотник выпить и мастак ругаться. Не отставал он и в драке. У дома, где скорбят по умершему, он пляшет, у жилища роженицы — режет собаку^[167], на пожаре — веером раздувает огонь. Появится Нольбу на базаре — силой навязывает людям свои товары.

Поймает мальчишку — заставит его есть дерьмо и доведет до слез. Или вдруг ни за что ни про что залепит невинному человеку пощечину. Ему ничего не стоило увести за долги женщину из дому, схватить за ворот почтенного старца или ударить беременную.

Любимые забавы Нольбу — нагадить у колодца, спустить воду на рисовом поле, набросать земли в горшок с кашей, повыдергивать колосья, проделать отверстие в запруде или пробить колом незрелые тыквы. Мог он также повалить на землю горбуна и топтать его ногами, толкнуть справляющего нужду, ударить калеку в подбородок или перебить изделия горшечника. Переносят прах предков — он спрячет кость, наступит ночь — он принимается тревожить громким криком сон супругов. Не прочь он был обесчестить вдову или расстроить чужую свадьбу.

То пробуравит дырку в днище лодки, то закидает комьями грязи купающихся. А то возьмется лечить простуженного и колет его иглою в нос или насыплет в больные глаза перцу. Страдает человек зубами — он норовит ударить его в щеку, дитя попадет на глаза — не преминет его ущипнуть. Или вдруг ни с того ни с сего откажется от улаженной сделки. Случится ему повстречать монаха — свяжет его бамбуковыми жгутами, словно бочку. Охоч он был и до таких проделок: вырыть на людной тропе

яму-ловушку или заставить кричать петуха как раз в то самое время, когда соседи приносят жертву духам предков, а в проливной дождь — открыть чаны с соей...

Таков был этот человек. С душою, покореженной, будто ствол китайской айвы, перекрученной, словно гаоляновые листья от дыхания восточного ветра и тумана, он все делал наперекор здравому смыслу.

Совершенно иным был Хынбу. Человек кроткий и добрый, он горестно вздыхал, глядя на бесчинства старшего брата, временами смиренно пытался усовестить его, но все было тщетно. Так и жил он: не проронив ни слова, ел то, что сунет ему брат, покорно делал все, что тот пожелает, — жестокосердый Нольбу не ведал угрызений совести. Как нам тут удержаться от негодования!

Создание злое и алчное, Нольбу прибрал к рукам все наследство, оставленное родителями: много денег, слуг, обширные поля и скот. С Хынбу же он обходился как с последним псом. Но младший брат был неизменно кроток и безропотен.

В ту пору, о которой идет речь в нашей повести, Нольбу безраздельно владел всем домашним имуществом, всеми пашнями и, как говорится, сладко ел и красно одевался. Но в день памяти усопших родителей Нольбу не очень-то тратился на поминальный обед. Вместо этого раскладывал он на поминальном столике бумажки и на одних надписывал стоимость жертвенных хлебцев, на других — цену фруктов... Закончив поминальный обряд и спрятав столик, он сетовал: вот, мол, хоть и решил на этот раз не тратиться, ан нет же... Пять грошей на свечу — да это же чистое разорение!

И вот однажды этот негодяй, подобных которому немного сыщется на белом свете, подумал: «А ведь сколько выгадал бы я на хлебе, если бы прогнал из дому Хынбу! Да и прочие расходы поубавились бы...»

Поделившись своей мыслью с женой, Нольбу позвал брата и сказал ему следующее:

— В детстве братья живут вместе. Когда же они обзаводятся семьями, то должны жить порознь. Таков закон. Так что забирай-ка ты жену со своим отродьем и ступай прочь!

Услышав такое, испугался Хынбу и со слезами на глазах отвечал брату:

— Братья — словно руки и ноги: если мы, два брата, станем жить врозь, не будет тогда в семье мира и справедливости. Одумайтесь, брат, молю вас!

Но достаточно было взглянуть на Нольбу, чтобы стало ясно: он и не подумает оставить брата в доме, не уступит ему даже комнатенки. Более

того! Он явно собирался выпроводить брата как есть — с пустыми руками. Услышав же, что младший брат ему перечит, Нольбу рассвирепел, вытаращил глаза и, засучивая рукава, заорал:

— Ах ты, скотина! Хорошо ли я живу, плохо ли — это моя забота. Долго ты еще будешь есть мой хлеб? Может быть, ты собираешься вечно сидеть на шее старшего брата? Хватит болтать, живей проваливай!

Добрый Хынбу подумал: «Такая уж у моего брата натура. Если я подниму шум и обо всем проведуют соседи, то брат еще пуще разгневается».

Поэтому, ни слова более не сказав, отправился он на свою половину и стал советоваться с женой, что предпринять.

Жена Хынбу, как и ее супруг, была женщина добродетельная и кроткая. Она слушала, и из глаз ее катились тихие незлобивые слезы.

— Что с деверем поделать! — сказала она. — Но куда идти? Ведь у нас нет своего угла. Где мы с детьми найдем пристанище?

Так горевали они всю ночь напролет, и вот уже заалел восточный край неба. А Нольбу тут как тут — горланит у дверей:

— Ты слышал, что я тебе вчера сказал, мерзавец? Почему ты еще здесь? Коли сейчас же не уберешься с глаз долой, отколочу палкой до полусмерти и вышвырну вон!

Долго ли можно выносить такое обхождение!

Ничего не ответил ему Хынбу. С женой и малыми ребятами молча вышел он за ворота и отправился куда глаза глядят.

Перебрались через гору. Там, у ее подножия, Хынбу вырыл пещеру. В ней они скоротали ночь, сбившись в кучку.

Как ни раскидывал умом Хынбу, а податься было некуда. Ничего другого не оставалось, как здесь же, вблизи от родных мест, сложить убогую хижину в два-три кана^[168].

И вот он уже строит... Нет, он не поднимался на зеленую, изрезанную бесчисленными уступами гору, и не звенел там его топор о могучие стволы. Не возводил высокий и просторный дом о четырех углах с внутренним двором, женской половиной, главным залом и помещениями для слуг. Не ладил карнизов в виде веера, не клеил цветной бумаги по стенам, не ставил затейливо выточенные фигурки меж столбов, не сооружал красную веранду и не прилаживал раздвижных решетчатых дверей и окон...

Остро наточил Хынбу серп и, воткнув его в чиге^[169], отправился на старое заброшенное поле. Там он нарезал большую вязанку стеблей

гаоляна и полыни. Затем мотыгой расчистил на кривой горушке место и принялся за работу.

Еще далеко было до полудня, а у Хынбу уже готовы и женская половина, и главный зал, и службы. Да еще целых полвязанки гаоляновых стеблей осталось!

Взгляните-ка на женскую половину — ну разве не просторно?!

Когда ложится Хынбу — ноги до лодыжек проходят сквозь стену и торчат оттуда, будто у преступника в колодках. Запомнявав, встанет во весь рост — голова протыкает крышу, словно ему на шею за пьянство и азартные игры надели кангу. Когда же Хынбу потянется во сне, ноги его попадают во двор, кулаки оказываются за стенами хижины, а зад — за плетнем. Проходят мимо соседи из деревни — спотыкаются и бранятся: убрал бы, мол, свой зад. В испуге вскакивал тогда Хынбу и, громко плача, сетовал на судьбу:

— О горе мое горькое, участь печальная! Бывает ведь людям удача. Дарует им судьба чины высокие и титулы почетные. И советники-то они, и министры... Живут в хоромах, наслаждаются богатством и славой, в шелка одеты, на столе рис белее белого нефрита. В удел же таким, как я, достаются лишь нужда да прозябание в убогой лачуге. Сквозь крышу видны звезды, и если на дворе чуть накрапывает дождик, то в доме льет как из ведра — точь-в-точь как в стихах: «Когда из праздной тучки в синем небе вдруг мелкий дождь заморосит, в мое жилище низвергаются потоки». От задней двери осталась лишь решетка, а на передней и той нет, и ледяной осенний ветер пронизывает, словно стрелы. Самый младший просит грудь у матери, а постарше — кланчит кашу. Нет больше сил у меня, горемычного, жить так дальше!

Нужда нуждой, но по ночам он трудился усердно, и что ни год, то прибавление в семействе. Дети росли, будто грибы. А во что одеть эту ораву? И старшие и младшие в чем мать родила толкуются в одном углу. Откроешь дверь в хижину — а там ни дать ни взять берег реки по время купания: полным-полно нагих ребятишек.

Удрученный Хынбу прикидывал и так и этак, во что бы ему одеть свое нагое потомство. Но что мечтать об одежде, когда досыта поест и то удастся в лучшем случае раз в три месяца! И дни и ночи думал он, но ничего так и не смог придумать.

«Ага, есть выход!» Выпросив где-то большой кусок соломенной рогожи, Хынбу проделал в нем дыры по числу голов ребятишек. Затем согнал всех в один угол и напялил на них рогожу. Словно проросшие бобы, выглядывают из рогожи головы детей, и, если бежит за нуждой один,

следом мчатся, будто свита важного сановника, и все остальные.

Ко всему прочему они постоянно что-нибудь клянчат.

— Ой, мама, поесть бы лапши с мясным бульоном! — просит один.

— А мне тушеных овощей с мясом и яиц! — вторит другой.

— Хочу лепешку из пареной репы! — хнычет третий.

— Цыц, пострелята, — со вздохом отвечает им мать. — В доме нет даже тыквенной похлебки, а вы чего захотели.

— Мама, я хочу жениться, — пристаёт между тем старший.

Так докучали им дети. Однако чем же их все-таки кормить? Ведь в доме нет даже горсти крупы. Поломанный обеденный столик с разъехавшимися в стороны ножками в глубоком молитвенном поклоне припал одним краем к земле. Горшки и плошки, все с отбитыми краями, по три-четыре дня лежат опрокинутые на полке, а день, когда в котелке варится рис, — счастливое событие, которое, как говорится, по календарю бывает раз в шесть декад. Глупая мышь трудилась две недели, силясь отыскать зернышко риса, но лишь натерла лапки и так пищала, бедная, что слышно было за три села. Как тут не горевать!

— Не плачь, мой маленький, не проси молока. Откуда ему быть у голодной матери? И вы, дети, не просите риса. Где я вам его возьму?

Но даже в эти горькие минуты Хынбу по-прежнему был добр; ему неведомы ни злоба, ни хитрость, душа его чиста, как белый нефрит с Куньлуня. Считая добродетель образцом, он был далек от зла, не знал ни зависти, ни жадности и не искал утех в вине. Как можно надеяться приобрести богатство и чины, имея такую душу?!

— Выслушайте меня, — обратилась как-то к Хынбу его супруга. — Оставьте ваше бесполезное благородство. Смирennemудрый Янь-цзы^[170] отправился к праотцам в грязном захолустье в тридцать лет. Братья Бо И и Шу Ци со своей скромностью умерли голодной смертью в горах Шоуяншань, покинув неутешных молодых жен. Вот так же нет никакого толка и в вашей честности и бескорыстности. Попробуйте-ка лучше накормить своих детей. Прошу вас, ступайте к деверю и попросите у него хоть малую толику риса или денег.

— У брата нам не выпросить ничего. Вот только разве ячменем^[171] он угостит... — отвечает ей Хынбу.

Простодушная супруга Хынбу возразила:

— Скажите на милость! Что же, по-вашему, ячмень не еда? Ячмень — это хлеб в неурожайный год. Да ежели распарить его в горшке, так он будет посытнее риса!

А Хынбу ей в ответ:

— Э, жена, да ты, никак, вообразила, что я говорю о том ячмене, который бывает озимым, яровым или поздним! Если мой брат увидит у кого-нибудь хоть объедки со своего стола, он не посмотрит на то, родственник перед ним или нет: мигом поколотит дубовой или ясеновой палкой. Как бы мне у него такого «ячменя» не отвесть!

— Ну что вы такое говорите? — упорствовала жена. — Ведь есть же пословица: «Милостыни не подадут, но и по руке протянутой не ударят». Попытка не пытка, попробуйте прежде, а там и возвращайтесь назад.

Выслушав супругу, Хынбу скрепя сердце отправился к старшему брату.

Взгляните-ка на Хынбу! Старый мангон^[172] на лбу его давно уже распустился, шнурки у мангона надвязаны ремешком от прялки. Шляпа с отвалившейся тульей сплошь прошита нитками, завязкой к шляпе служит тонкий побег молодого бамбука. От халата остался почти один ворот, живот стянут связанным в нескольких местах кушаком с кистями. Изодранные штанины перехвачены внизу тесемками из травы, на ногах развалившиеся соломенные туфли. В руках Хынбу — веер из трех перьев. Сзади на поясе болтается маленький мешочек.

Пошатываясь, словно хворый под порывами ветра, Хынбу кое-как добрался до дома Нольбу.

Глянул вправо, глянул влево — куда ни ступишь, всюду во дворе высятся груды зерна, прикрытые циновками.

Радость простодушного Хынбу была беспредельна. Но как-то еще обойдется с ним Нольбу! Припомнились тут Хынбу прежние побои, и, еще не увидев старшего брата, он уже испугался и задрожал, как осинový лист.

Смирненно приблизился Хынбу к крыльцу и, почтительно сложив руки на животе и часто кланяясь, осведомился о здоровье старшего брата.

Другой на месте Нольбу тотчас подбежал бы к брату, взял его за руку и со словами приветствия ввел бы в свое жилище. Какие-де разговоры с дорогим гостем во дворе!

Но Нольбу никогда не ведал справедливости. Смекнув, что Хынбу пришел просить у него денег или риса, Нольбу прикинулся, что не узнает брата, и несколько раз переспросил его, кто, мол, он такой.

— Я — Хынбу, — сдавленным голосом ответил ему брат.

— Какой еще Хынбу? Не знаю никаких Хынбу! — заорал Нольбу.

Горько заплакал тогда Хынбу:

— О брат, зачем вы так говорите? Умоляю вас, помогите нам!

Несчастные дети уже не держатся на ногах от голода, а мне нечем их накормить. Поборов стыд, пришел я к вам просить о помощи. Вспомните о братских чувствах, не откажите в малой толике риса. Я отработаю за него сторицей. Ужель я не смогу отплатить за ваше благодеяние, ужель останусь в долгу перед вами! Подумайте — мы ведь братья. Спасите погибающих!

Ну, а что же Нольбу? Услышав призывы брата о помощи, он подскочил, будто свирепый тигр, выпучил свои злые, налитые кровью глазищи и с бранью обрушился на Хынбу:

— Бессовестная тварь! Послушай же, что я тебе скажу. Небо не рождает человека без дохода, земля не рождает травы без названия. Почему же ты несчастен? Почему лезешь ко мне со своей докукой? Тошно слышать твои речи!

— Нет более мочи голодать с малыми детьми, — отвечал ему сквозь слезы Хынбу. — Вот и пришел я, бессовестный, просить старшего брата о милости. Умоляю вас, дайте какой-нибудь пищи. А коли нет ее — хоть три монетки... День-другой мы бы на них прокормились.

Пуще прежнего разгневался Нольбу:

— Слушай, мерзавец! Много риса в амбарах моих, да чтобы тебе дать — мешок надо развязывать. Немало его у меня и во дворе в грудях лежит, да коли тебе дать — придется груду рассыпать. Деньги тоже водятся в моем доме, да тебе дать — надо новую связку развязывать ^[173]. Дал бы тебе муки, да кувшин станет неполным. Из одежды тебе дать чего-нибудь — значит оставить раздетыми слуг. Дал бы тебе ложку холодного риса, да нечем пса будет накормить, дал бы тебе балды, только тогда свинья с поросятами будут некормлены. Коли дать тебе мешок бобов, так ничего не останется моим четверем волам. Нет у тебя ни капли совести, бесстыжая тварь!

— Ваши упреки, наверное, справедливы, но не дайте же погибнуть своему младшему брату! — продолжал умолять Хынбу.

Вконец рассвирепел Нольбу. Громовым голосом кличет он слугу Мадансве и приказывает ему:

— Ну-ка, открой задний амбар. Там, как войдешь, свален в кучу ячмень.

Услышал это Хынбу и обрадовался:

«Видно, сжалился брат надо мною и решил дать мне мерку ячменя».

А Нольбу тем временем с помощью Мадансве разобрал груду впрок заготовленных топорищ, что спрятаны были за мешками ячменя, выбрал топорище по руке и набросился на Хынбу. Для начала хватил кулаком по

затылку, а затем принялся колотить его палкой, — ни дать ни взять монастырский служка, ловко орудующий метелкой, или буддийский монах, выбивающий дробь на своем барабанчике перед статуей Будды!

— Ай! Что вы делаете, брат! — вскричал Хынбу. — Ведь даже злодей Чжэ^[174], гордыней обуянный, святой в сравнении с вами, а коварные Гуаньшу и Цайшу^[175] — совершеннейшие люди! Разве не братья мы с вами? Не хотите дать — не надо. Зачем же бить? Ой, умираю!

Куда там! Жестокосердый Нольбу не унимался и колотил брата по чему попало. Но вот наконец Нольбу совершенно выбился из сил. Тогда он швырнул топорище в сторону и, тяжело дыша, проговорил:

— Смотри, мерзавец, не попадайся мне больше на глаза!

Затем он круто повернулся, с шумом хлопнул дверью и скрылся в доме.

От этой выволочки тело у Хынбу обмякло, а в голове была единственная мысль: как бы убраться поскорее восвояси. Но может быть, что-нибудь у супруги брата удастся выпросить?

И вот Хынбу на четвереньках пополз к очагу — там, кстати, как раз варилась каша.

Мало того что Хынбу был нещадно избит, в его желудок уже несколько дней кряду не попадало ни крохи. И когда до него донесся запах варева, внутри у Хынбу будто все перевернулось. Приблизившись к очагу, Хынбу обратился к жене Нольбу со следующими словами:

— О невестка, дай хоть ложку риса! Сжался над младшим братом!

Но подлая баба была под стать своему муженьку. Стремительно обернувшись, она отрезала:

— У баб свои заботы, у мужиков — свои. Куда ты лезешь?

И, выхватив живехонько черпак из горшка, наотмашь стукнула им Хынбу по правой щеке.

У Хынбу от такого угощения из глаз посыпались искры и голова пошла кругом. Но когда тронул он украдкой щеку, то обнаружил, что к щеке прилип комок вареного риса. Подобрав его языком, Хынбу проговорил:

— Стукнуть-то ты меня стукнула, да заодно и кашей накормила. Премного тебе благодарен. Не посчитай же за тяжкий труд, ударь и по левой щеке. Да захвати черпаком побольше каши. Будет на что взглянуть моим ребятишкам!

Вредная баба отложила черпак в сторону и, схватив кочергу, так огрела ею Хынбу, что тот не мог ни охнуть, ни вздохнуть. Делать нечего.

Горько рыдая, поплелся Хынбу прочь, полный отчаяния.

А в это время жена Хынбу кормила грудью плачущего младенца и уговаривала старших — грустное зрелище, которое любому бы сдавило сердце болью. Вращая свободной рукой прялку, она утешала детей:

— Не плачь, моя крошка, не плачь... Ну, а вы чего ревете? Вчера вечером я рушила рис у достопочтенного Кима, принесла с собою целую мерку и все сварила вам. А ведь у нас с отцом до сих пор во рту не было ни крошки. Ваш отец ушел к дяде. Вот принесет он денег или риса, тогда сварю и кашу и похлебку. И вас накормлю, и сама поем... Не плачь, малютка, не плачь!

Но тщетны все уговоры. Разве уймешь отчаянно ревуших ребятишек, не накормив их чем-нибудь!

Покуда жена Хынбу, сложив руки на голове и устремив взор вдаль, поджидает своего супруга, взглянем на нее! От ее ветхой кофты уцелел лишь ворот, стеганные штаны изодрались вконец, а от старой юбки остался один перед. На ногах — матерчатые носки в сплошных дырах и соломенные туфли без пяток...

Взад и вперед ходит она у дверей своего жилища и, уговаривая детей, ждет возвращения Хынбу.

Ждет так, как ждали некогда дождя в Семилетнюю засуху, как ждали солнечных лучей в Великий девятилетний потоп^[176], как Чжугэ Лян, молясь на холме духу семи звезд, ждал юго-восточного ветра, как Цзянтайгун ждал на берегу Вэйшуй чжоуского правителя Вэньвана. Она верит, как верят прославленному полководцу его воины. Ждет так, как дети ждут, когда вернется с жертвенными хлебцами мать, ушедшая к шаманке, ждет, как может ждать в пустом жилище одинокая супруга своего мужа...

Ждут с нетерпением возвращения Хынбу и дети, не евшие целый день.

Как быстро минул вчерашний день и как невыносимо медленно тянется время сегодня. Нет, неправду говорят стихи: «Ход времени неумолимый стремительному бегу вод подобен!»

Но вот показался наконец Хынбу. Охмелевший от палок, он едва тащился, покачиваясь из стороны в сторону.

— С благополучным возвращением, супруг! Родственники-то, видать, раздобрились. Вон как напились у брата! Ну, входите скорее! Коли рис у вас, кашу мигом сварю, а коли деньги — пойдем к Киму и купим у него съестного хотя бы на раз.

Слушает Хынбу жену, а к горлу будто комок подкатил.

— Сладкие речи твои, что урожайный год...

Но, будучи по природе своей человеком дружелюбным и

братолюбивым, Хынбу не осмелился сразу рассказать о случившемся в доме старшего брата. С деланным спокойствием он начал:

— Ну вот, слушай, жена. Пришел я к брату. Брат и невестка вышли навстречу, пожали мне руку и спрашивают, почему, мол, раньше не приходил. Потом пригласили в дом, угостили добрым вином и горячим обедом — кушай-де на здоровье. Брат дал пять лянов денег и три мерки риса, а невестка добавила еще три ляна да две мерки бобов. «Ступай, говорят, скорее и накорми детей». Позвал брат слугу и велел ему отнести ношу ко мне домой. А я говорю слуге: «Не надо, я сам». Вышел я от брата, поднялся на гору, а там откуда ни возмись разбойники. Все как есть отобрали. Вот и пришел я ни с чем.

Рассказывает Хынбу, а между тем из глаз, будто дождь, льются слезы.

Жена, должно быть, приняв в соображение характер деверя и его супруги, не поверила Хынбу.

— Полно вам! Неужто я не понимаю? Знаю я и деверя и невестку. Какие там пять лянов и три мерки риса! Зачем вы рассказываете мне эти небылицы?

И тут, приглядевшись внимательно к мужу, она увидела, что супруг ее весь в крови, лицо распухло, а на теле живого места нет.

Дух зашелся у жены Хынбу. Опустившись на землю, она запричитала:

— О, что же это такое! Ведь не хотел супруг мой обращаться к старшему брату за помощью! Но горько стало ему от моих попреков. Пошел он. И вот что получилось! О я, несчастная! Даже своему супругу я служить не в состоянии, и теперь мне приходится быть свидетельницей такого печального зрелища. Зачем мне теперь жить на белом свете! Как жестоко побил его этот бессердечный, злой янбан^[177], этот сквалыга, которому жаль мерки риса, горами насыпанного у него во дворе!

Из сострадания к жене Хынбу не стал пересказывать слова, которые ему довелось услышать от старшего брата, и принялся утешать ее:

— Не горюй, жена. Как гласит пословица: «Всю голь не накормить и государству». А уж что говорить о моем брате! Пойдем-ка мы с тобой на поденщину. Авось как-нибудь и прокормимся.

Жена Хынбу покорно согласилась, и вот супруги отправились на поденную работу.

Супруга его рушит рис, процеживает вино в трактирах. Преставится кто-нибудь в деревне — она шьет для семьи усопшего траурную одежду. Отмечают семейный праздник — моет посуду. Или готовит жертвенные хлебцы в доме, куда пригласили колдовать шаманку. Случалось ей и выгребные ямы очищать. Когда же сходил снег, она собирала в горах

съедобные травы, сеяла ранний ячмень. Чего ей только не приходилось делать! А Хынбу во вторую луну, когда дуют ветры, пахал землю, а в третью-четвертую луны сеял рис. Работал он и на суходольных и на орошаемых полях. А как минет страда, Хынбу принимается ходить из дома в дом: кому крышу покроем соломой, кому циновки сплетет. Пробовал он торговать дровами, нанимался возчиком к торговцу рисом и посыльным в уездную управу. Погрузит кому-нибудь поклажу — дадут пять грошей, лошадь подкует — два гроша, очистит яму — грош. И веники он вязал, и, встав чуть свет, подметал дворы, и воду носил соседям. В управе Чонджу таскал на спине связки денег, а в управе Тэгу переносил поклажу...

Но как Хынбу ни выбивался из сил, жить иначе, как впроголодь, ему не случалось.

И вот однажды, не видя никакого другого выхода, надумал Хынбу идти в уездный город и просить мешок риса из государственных закромов.

— Послушай, жена. Мне надобно сходить по делу в уезд, — сказал он супруге и, умолчав о цели своего путешествия, стал собираться в дорогу.

Надел на голову разлезшийся от времени мангон, натянул ветхую рубаху и штаны, сквозь которые то тут, то там проступало обнаженное тело, подвязал повыше под коленями тесемки потрепанных холщовых поножей, на шляпе без тульи потуже затянул бамбуковую завязку. Для пущей внушительности Хынбу дополнил свой наряд латаным-перелатаным янбанским халатом, взял в руку трубку в одну пядь длиной и, спотыкаясь и выписывая вензеля, будто пьяный, двинулся в дальний путь.

Придя в уездную столицу и отыскав присутствие, Хынбу с трудом поднялся в помещение, где восседал начальник канцелярии, и небрежно — хотя и был ни жив ни мертв от страха — обратился к чиновнику:

— Ну, что у вас тут новенького? В благополучии ли изволят пребывать их милость, правитель города? А знаешь, я, пожалуй, присяду. Тридцать ли сюда шел, поясницу ломит...

И Хынбу принялся набивать трубку.

— Что угодно сюцаю Ёну? — спросил его писец.

— Да вот пришел просить риса из государственных закромов. Не мог бы ты распорядиться на этот счет?

— Как нищий смеет просить о том, чтобы ему выдали бесценное государственное зерно! Впрочем, не случалось ли сюцаю когда-нибудь отведать батогов?

У Хынбу при этих словах сердце ушло в пятки.

— Чего это ты о батогах завел речь? Лучше бы помог мне добыть риса. Я бы хоть ребятишек своих накормил.

— Риса, сючай, не просите. А вот батогов — это извольте. Здешнего богача Кима кто-то оклеветал перед губернатором, и уже пришел приказ заключить его под стражу и передать по инстанции. А богач этот возьми да и заболей, и на всю родню его тотчас же напала хворь. Поэтому Ким хочет послать вместо себя замену и просил меня помочь ему найти охотника. Если сючай Ён пойдет вместо Кима в губернскую управу и даст себя наказать батогом, то получит вознаграждение в тридцать лянов. Ну как? Угодно ли сючаю лечь на скамью вместо другого?

Слова начальника канцелярии несказанно обрадовали Хынбу. О том, сколь трудно вынести такое наказание, он нимало не размышлял.

— А велико ли наказание?

— Да уж раз тридцать-то вас вытянут.

— И за те тридцать ударов, которые я получу, мне дадут тридцать лянов?

— Конечно. За каждый удар — один лян.

— Смотрите, только никому другому не говорите, — забеспокоился вдруг Хынбу. — Если папаша Квесе из нашей деревни проведаст об этом, то примчится туда раньше меня. Никому не сообщайте эту новость.

Начальник канцелярии вручил Хынбу пять лянов на дорожные расходы и сопроводительную бумагу в губернскую управу.

— Отправляйтесь туда поскорее. Вот это письмо отдадите стражникам в губернской управе. Бить будут вас несильно, только для вида. Кроме того, богач Ким отправит следом сотню лянов в губернский гарнизон. Ступайте и не тревожьтесь.

От радости Хынбу, так непочтительно начавший давеча свой разговор с начальником канцелярии, теперь вдруг стал необычайно вежлив.

— Я непременно приду, ваша милость, господин начальник, — низко кланяясь, заверил он на прощание чиновника.

Затем завернул в пояс полученные пять лянов и направился домой, напевая «тхарён»^[178].

Еще издали заметил он свою супругу и закричал :

— Погляди-ка, жена! Некогда Ли Шань^[179] за свою преданность был пожалован золотом. А прославленному ханьскому полководцу Гуань Юю^[180], когда попал он в страну Вэй, преподнесли тысячу мер золота, пока сидел он в седле, да сотню мер, как сошел с коня. Вот и я, ничтожный, сподобился нынче: стоило мне показаться в уездном городе — и на меня в тот же миг невесть откуда свалилось тридцать лянов. Эй, жена, отодвинь-ка полог!

Обрадованная жена выбежала ему навстречу.

— Что это вы там кричите о деньгах? Неужели взяли в долг под проценты?

— Ну что ты! Разве я смогу выплачивать проценты?

— Тогда, должно быть, нашли на дороге?

— Эти деньги в самом деле — дар судьбы, — посмеиваясь, отвечал супруге Хынбу.

— Ну конечно, вы нашли их на дороге! А как горюет теперь потерявший эти тридцать лянов! Послушайте, супруг. Ступайте скорее и положите деньги на то место, где вы их взяли. Будет искать пропажу владелец, а вы тут как тут. Он поблагодарит вас и, глядишь, даст лян-другой. Вот это будет справедливый поступок!

А Хынбу ей в ответ:

— Твои слова, жена, конечно, достойны того, чтобы следовать им. Но выслушай меня. Не на дороге я нашел эти деньги, и никто не дал мне их даром. Был я в уездном городе. А там, оказывается, кто-то оклеветал тамошнего богача Кима и настрочил на него донос в губернскую управу. Богач же этот нынче болен, и тому, кто согласится пойти вместо него в управу и получить тридцать ударов батогами, дадут тридцать лянов да еще пять лянов на дорогу. Не счастливый ли это случай? Разве это не удача — не моргнув глазом, отхватить тридцать лянов за какие-то там тридцать ударов?

Услышав это, супруга Хынбу испугалась.

— Зачем вы продали себя? Ведь вам даже неведома вина этого человека, а вы собираетесь принять на себя его грех! А вдруг он убил человека, или кого-нибудь ограбил, или же хитростью завладел чужим добром? Когда вас, голодного да тощего, начнут в управе бить батогами, помрете вы там от самой малости. Умоляю вас, откажитесь от этой затеи. Если же вы решили поступить по-своему, то прежде убейте меня и похороните. Мертвой я уже ничего не буду знать, и вы тогда будете вольны делать все, что угодно. Но покуда я жива, вы никуда не пойдете. Заклинаю вас, не ходите, послушайтесь меня. Если вы умрете под батогами, мы все погибнем. Не отвергайте же моей просьбы.

Пока Хынбу внимал настойчивым мольбам своей супруги, он был согласен с ней. Но тридцать блестящих монет вновь и вновь рисовались его воображению. Не в состоянии побороть соблазн заполучить такие большие деньги — и притом всего-навсего за несколько ударов батогами, Хынбу принялся уговаривать жену:

— Ты только представь себе, как бы тогда сложилась наша жизнь!.. Я

бы выдержал в числе первых государственные экзамены и разъезжал в чиновничьей коляске или стал бы командующим пяти столичных полков и красовался бы в седле полководца. Или назначат меня губернатором одной из восьми провинций, и буду я восседать в своем приемном зале. А то стану начальником канцелярии в уездной управе или хотя бы старостой в нашей деревне. Будут меня тогда усаживать на почетное место. Какой мне сейчас прок от моих ягодиц? А пойдя я в губернскую управу да вытерпи там всего лишь тридцать ударов, так будут у нас тридцать лянов. На десять лянов куплю мяса для поправки после наказания, на другие десять лянов куплю риса и досыта накормлю всю семью. На остальные же деньги куплю вола. За два года я откормлю его с кем-нибудь на паях, потом мы его продадим и женим старшего сына. Будут у него дети, а у нас с тобой внуки. Ну не счастливый ли это случай?

«Все это заманчиво, — думала жена Хынбу, — но идти по такому пути нельзя». И она упорно продолжала противиться уговорам супруга.

Тогда Хынбу, занятый единственной мыслью: как бы ему поскорее добраться до управы, вынужден был прикинуться сраженным доводами жены и сказал ей:

— Ладно, будь по-твоему. Никуда я не пойду. Вот только наведаюсь к достопочтенному Киму: попрошу у него охапку соломы, чтобы сплести туфли.

Обманув таким способом жену, Хынбу прямехонько направился в губернскую управу. Добирался он туда, конечно, не в седле, а шел пешком по сто семьдесят ли в день в надежде заработать тридцать лянов и через несколько дней прибыл в управу.

Впервые в жизни Хынбу взирал на здание губернской управы. Не зная где что, он растерянно топтался перед главными воротами. Как раз в ту пору у входа прохаживался стражник в полной форме. Увидев его, Хынбу расхохотался:

— Экая у него потешная шляпа! С красной шишечкой!

Наконец Хынбу решился пройти в ворота. И тут у него от страха подкосились ноги: во дворе было полным-полно стражников и прочего управского служилого люда; то тут, то там позвякивали колокольчики, и протяжные возгласы караульных неслись в голубое небо.

— Не иначе, как на тот свет я попал! — в ужасе заголосил Хынбу. — Как ни верти, а живым мне отсюда, видно, уж не выбраться. Не послушался я жены, заупрямился...

Но в ту минуту, когда Хынбу уже было раскаялся в содеянном, звякнули колокольчики и раздался возглас: «Повинуюсь». Перепуганный

Хынбу снял шляпу, обнажив на голове связанную в узел косицу, и, приблизившись к начальнику стражи, обратился к нему:

— Ваша милость, я пришел первым! Пустите меня вперед!

— Что за сумасшедший янбан? — удивился тот. — Ступайте прочь!

— Не издевайтесь же над человеком. Проведите меня поскорее! — взмолился Хынбу.

— Кто вы такой и что вам здесь нужно? — спросил у Хынбу начальник стражи.

— Я хочу принять на себя наказание, назначенное богачу Киму из нашего уезда.

— Так это вы сюцай Ён из деревни Подокчхон?

— Да, ваша милость.

Кликнув одного из управских стражников, начальник приказал ему:

— Вот этот янбан пришел вместо богача Кима. Забери его и учини допрос. Да смотри, бей полегче. К нам в канцелярию пришло письмо и сто лянов.

Подивились на Хынбу прочие стражники и принялись его утешать и успокаивать.

Но вдруг донесся голос глашатая: «Слушайте, слушайте!» — и в воротах показалась процессия с носилками, на которых восседал чиновник. Сойдя на землю, чиновник огласил королевский указ.

— Именем короля все преступники, кроме убийц, во всех провинциях и уездах освобождаются из-под стражи.

Тут снова появился начальник стражи.

— Ну вот, сюцай Ён, ваше дело улажено, — обратился он к Хынбу.

— Стало быть, я смогу заменить Кима? — обрадовался Хынбу.

— Всех преступников велено освободить. Ступайте домой.

Хынбу приуныл.

— Послушайте, я же пришел сюда как раз за тем, чтобы меня наказали батогами. Ведь уговорились: за каждый удар — один лян. Если я вернусь с пустыми руками, рухнут все мои надежды.

— Вот что, сюцай Ён, — сказал начальник стражи. — Вы пришли сюда по делу богача Кима. Если он откажется заплатить вам, ссылаясь на то, что вы, мол, не побывали под батогами, приходите к нам в управу. Мы как-нибудь выжмем из него хотя бы грошей сто в вашу пользу. Ну, а теперь идите.

Делать нечего. Несолоно хлебавши Хынбу отправился восвояси. Проходя мимо канцелярии волостного правителя, он увидел, как бьют батогами несчастных, не сдавших свою долю риса в государственные

хранилища, и горестно вздохнул:

— Вот где богатый урожай на батога!..

Горько сетуя на свою судьбу, купил Хынбу хлеба на один лян, оставшийся у него от дорожных денег, взвалил его на спину и зашагал к дому.

А между тем жена Хынбу, догадавшись, что ее супруг отправился в губернскую управу, сложила позади хижины жертвенник, поставила на него чашку с водой, зачерпнутой из колодца на рассвете, и принялась возносить моления:

«Молю о милости! Рожденный в год «Ыльчхук» хозяин дома господин Ён ушел с намерением принять на себя чужой грех. Молю несчетно тебя, всевышний, и вас, о добрые духи земли и неба, пусть он вернется невредимым!»

Свершив молитву, преданная супруга вернулась в хижину. Одинокая, сидела она в пустом жилище и горько плакала:

— О мой супруг, непорочный и чистый, как небеса! Зачем из-за беспросветной нищеты обрек ты себя на истязания? Увижу ли я теперь тебя живым? Как мне узнать, что случилось с тобою? Может быть, ты сейчас лежишь ничком и кожа на твоей спине вздулась от жестоких побоев. Может быть, ты уже кончаешься под батогами палача, за которым зорко следит свирепый надсмотрщик...

Но вот показался Хынбу. С радостными возгласами жена кинулась навстречу супругу.

— Что я вижу: вернулся мой супруг! Конечно, вас признали невиновным и отпустили! Или... неужто вас все-таки пытали? Как вы смогли вынести такое жестокое наказание? Дайте же взглянуть на ваши раны!

Раздосадованный своей неудачей, Хынбу в сердцах принялся бранить жену:

— Спрашивает меня о ранах! Спроси о них у своего дедушки! Синяки, раны... Откуда им взяться, глупая баба, когда меня ни разу не ударили?

— Ну вот и хорошо! — воскликнула жена Хынбу. — Ну не чудесно ли: супруг, уже было совсем готовый лечь под батога, возвращается невредимым! Да есть ли на свете большее счастье! С того дня, как вы ушли в губернскую управу, я неустанно возносила моления перед жертвенником за нашей хижинкой. И вот по милости неба вы благополучно вернулись домой. О, как я счастлива! Если бы вас, голодного и худого, избili в управе батогами, вы бы непременно померли. Как же мне не радоваться!

Глядит Хынбу на то, как ликует его супруга, а к горлу подкатывает

комок. Невесело у него на душе. Задумался он о своей горькой доле, о том, как ему спасти детей, и неутешная печаль овладела им пуще прежнего. Дождем покатались слезы из глаз, и судорожные рыдания сотрясли грудь Хынбу. В отчаянии он стал колотить себя руками в грудь.

Взглянула жена на Хынбу — и куда девалась ее радость. Вновь охватили ее горестные мысли, и она заплакала вслед за супругом.

— Не плачьте, — успокаивала она мужа сквозь слезы. — Вспомните, как праведник Янь Юань^[181] терпел лишения и нужду и не роптал на свою участь. Ведь и Фу Юэ клал прежде стены в Фуяне, а повстречался со справедливым государем — обрел и славу и богатство. А шанский министр И Инь!^[182] Был он простым хлебопашцем в Синье, а встретил такого праведного государя, как Чэн-тан, и стал его правой рукой. Или ханьский полководец Хань Синь^[183]. Немало горя хлебнул он в молодости, а ведь у Гао-цзу он стал крупным военачальником. Да разве перечислишь все, что было на свете! Недаром говорили в старину: «Того, кто трудится прилежно в поле, не может сделать нищим даже Небо». Как знать: быть может, и для нас, коль будем мы праведны и усердны, наступят светлые времена?

Согласившись с супругой, Хынбу сидел в глубоком раздумье.

Как раз в это время мимо проходил племянник богача Кима. Прослышав о возвращении Хынбу, он заглянул к нему в хижину.

— Как это вы, едва держась от голода на ногах, ухитрились перенести наказание в управе? — подивился молодой Ким.

Хынбу, в надежде получить несколько лянов, совсем было уже собрался поведать о том, как его нещадно избили батогами. Но по природе своей человек прямодушный, он в конце концов выложил все начистоту.

— Оно, конечно, было бы неплохо, кабы меня побили батогами, но ничего не вышло, — закончил он свою грустную повесть.

Внимательно выслушав Хынбу, молодой Ким молвил:

— Доброй души вы человек! Об этом мне от кого-то уже приходилось слышать. Однако согласитесь, что вам не следует просить денег лишь за то, что вы благополучно вернулись домой. Вот у меня как раз есть семь или восемь лянов. Возьмите их и купите себе мерку риса.

И, попрощавшись с Хынбу, племянник богача Кима отправился дальше.

Долго смотрел вслед гостю Хынбу, думая про себя:

«Меня в управе не ударили ни разу, а я спокойно взял чужие деньги. Нет у меня совести! Но ведь недаром говорят: «Проголодав десять дней, достопочтенным мужем не станешь». Что мне еще оставалось делать?»

Часть этих денег Хынбу потратил на рис, а на остальные купил приправы. Так они прожили еще несколько дней.

И вот опять нечего есть. Что же предпринять?

«Попробовать, что ли, плести на продажу туфли из соломы?» — подумал однажды Хынбу и обратился к жене со следующими словами:

— Сходи-ка к соседу, достопочтенному Киму, и попроси у него одну-единственную охапку соломы. Без поля не займешься земледелием, без денег не начнешь торговли. А мне нужна солома: буду плести туфли.

Но жена заупрямилась:

— Как в чем нужда, мы тотчас к ним бежим просить. И вот вы опять про то же... Придешь к ним — от стыда не можешь слова вымолвить.

Вспылил Хынбу.

— Довольно! Схожу сам! — и отправился к Киму. На стук вышел хозяин.

— Что тебе угодно?

— Нет у меня более мочи жить впроголодь с такой семьей, — взмолился Хынбу. — Решил я плести туфли на продажу. Не откажите в милости: дайте охапку соломы!

Выслушав Хынбу, достопочтенный Ким молвил:

— Горемыка ты несчастный. Брат твой — богач, а ты живешь в такой нужде. Как мне не пожалеть тебя!

После этого он отправился на задворки, разворошил стог рисовой соломы и связал несколько охапок.

Несчетно поклонившись в благодарность за оказанную милость, Хынбу взвалил солому на спину и побрел восвояси.

Дома Хынбу сплел несколько пар туфель и продал их на базаре, с грехом пополам выручив три мелкие монеты. На них купил он риса да приправы — едва хватило один раз накормить семью.

Но ведь не станешь всякий раз выпрашивать солому!

И снова Хынбу тяжело вздыхает, утешая детей. А по лицу сами собою катятся горячие слезы.

Болью наполнилось сердце жены Хынбу, и она вслед за супругом заплакала, причитая:

— Что за жизнь мне выпала: одна беспросветная нужда! Как больно мне смотреть на своих дорогих детей — раздетых и голодных! Никто на этом свете не придет голодному на помощь, никто не поможет ковшом воды рыбе, задыхающейся в лужице на дороге. Ужели в этой жизни есть что-нибудь еще, кроме нужды да мук! Страдания растерзанной на части наложницы Ци, печаль наложницы Бань-цзеюй, сидящей одиноко средь

распустившихся цветов во дворце Чансиньгун, скорбь неутешных Нюйин и Эхуан, орошающих кровавыми слезами сяосянский бамбук, тоска Янгуйфэй в роковой день в Мавэе, горе юной Сукхян^[184], томящейся в лоянской темнице!.. Да разве можно сравнить страдания этих жен с моими муками?!

И жена Хынбу в отчаянии принялась колотить руками по земле.

У кого хватит сил спокойно взирать на слезы! Хынбу, глядя на свою супругу, осушил мокрое лицо и стал утешать ее:

— Исстари говорят: «И бедность и богатство — не на три века». Не может быть, чтобы нам пришлось терпеть нужду до третьего поколения. Коль будем мы праведны и не станем творить зла, Небо, конечно, не оставит нас, и мы не погибнем от голода. Не плачь, жена, не убивайся!

II

Так тщетно старался Хынбу одолеть нужду. А время между тем все шло да шло, чередой сменялись месяцы, и вот наступила чудесная весенняя пора.

Припомнил Хынбу к случаю несколько иероглифов, из тех, которым некогда учился, и в честь праздника Весны вывел их на стенах гаоляновой хижины.

Вот иероглиф «тон» — зима. За ним знак «чху», что значит — осень. Прекрасны в эту пору и земля и небо! Но всех чудесней молодости время — весна. Ей — иероглиф «чхун», а следом — «нэ», что значит — приходить. Вот иероглиф «пи» — порхать. Он вызывает в памяти тенистые деревья, благоухание цветов и порхающих над ними бабочек. Для твари бессловесной — иероглиф «су» — дикий зверь, для тех, что вьются в небе, — иероглиф «чо» — птица. А чуть пониже — иероглиф «ён» — коршун. Напомнит всякому он стих из «Книги песен»^[185]: «В синеве весенней кружит коршун...» А кто не вспомнит о ярких весенних красках, увидев иероглиф «чхи» — фазан! Для звуков грустных в третью стражу лунной ночью — знаки, передающие пение кукушки. Кто парами стремительно снует весеннюю порою? Конечно, белогрудые касатки! Им иероглиф «ён» — ласточка. Отыскивают ласточки жилища праведных людей, лишь к ним они влетают. И поэтому за ласточкою вслед алеют «сим» — искать и «чо» — влетать.

Уж если луна и солнце тянутся во время затмения друг к другу, если даже Ян и Инь, светлое и темное начала природы, сливаются весною воедино, то неужели не быть счастьем у людей!

Подошел наконец и третий день третьей луны. Загоготали стаи сяосянских гусей на прощание: «До встречи, улетаем!» «А вот и мы!» — тотчас защебетали ласточки, вернувшиеся из Цзяннани.

Сторонясь роскошных хором и палат, резвятся ласточки, снуют взад и вперед, то взмоют ввысь, то стелются долу... Увидели птицы Хынбу и радостно защебетали: видно, пришлись им по душе иероглифы на стенах хижины.

Приметил Хынбу ласточек и принялся их увещевать:

— Неужто мало вам просторных и красивых домов? Зачем летите вы к гаоляновой хижине и вьете на ней свое гнездо? А если от затяжных дождей в шестой и седьмой луне развалится мое жилище? Ведь вам тогда придется

худо! Поверьте мне, пичуги, послушайтесь совета! Найдите хороший дом, свейте гнездо и выводите там себе птенцов на славу.

Но тщетны все увещания. Не внемлют ласточки речам Хынбу — по-прежнему таскают в клювиках комочки глины и строят свое жилище.

Едва лишь вылупились на свет птенцы, как ласточки принялись ревностно учить их летать. И любо было родительскому сердцу следить за тем, как дети то стремглав взмывают вверх, то молнией несутся к земле.

Но однажды неизвестно откуда приползла огромная змея, набросилась на птенцов и мигом пожрала их.

Дух занялся у Хынбу при виде этого злодеяния.

— Ах, гадина! — вскричал Хынбу. — Мало тебе, что ли, другой еды, что ты взялась за невинных птенцов? У, чудище зловредное! Ведь эти ласточки ведут свое племя от славного и мудрого царя. Они не трогают злаков, что идут в пищу человеку, безвредны для людей и возвращаются всегда к старому хозяину. За все это они любимы человеком. Не уберегли родители своих птенцов: всех слопала в мгновение ока, злодейка! Неужто нет в тебе ни капли жалости, подлая тварь? Уж не дух ли ты Белого владыки, которого Пэй-гун^[186] поразил своим цюаньлунским мечом? А длинная-то какая!.. Или, быть может, ты то самое чудовище, что причинило столько бед прекрасной Сукхян? Вонловища-то какая страшная!

С этими словами Хынбу схватил топор и отсек голову гаду.

Но в тот же миг откуда-то сверху на землю упал птенец. Бедняжка истекал кровью и дрожал как осиновый лист. Заметив птенца, Хынбу в мгновение ока подбежал к нему, взял осторожно в руки и ласково проговорил:

— Бедная ласточка! Не бойся меня! Хоть я живу и не в благословенные времена иньского царя Чэн-тана, но птиц и зверей люблю!

Туго обернув лапку птенцу нежною кожицей золотоголовой рыбки, что водится в море Чхильсан, он попросил супругу:

— Дай-ка, жена, шелковую нитку! Перевязать ласточке лапку...

Жена Хынбу быстро сыскала нитку китайского шелка, сохранившуюся у нее еще с тех времен, когда она выходила замуж, и Хынбу осторожно перевязал птенцу лапку, а затем положил его в прохладную росу.

Прошел день, миновал другой, а на десятый раненая лапка молодой ласточки полностью зажила.

И вот уже пичуга снова реет в вышине или сидит на бельево́й веревке и щебечет.

Говорят, что если вслушаться внимательно, то в чирикание ласточки будто можно угадать китайскую пословицу: «Чжи чжи вэй чжи чжи, бу чжи вэй бу чжи, ши чжи е». — «Зная что-либо, говори, что знаешь, не зная, говори, что не знаешь — вот что такое истинное знание». А Хынбу чудилось, что певунья щебечет: «В давние времена, когда Жу Цзин был заключен в темницу, радостную весть принесла ему сорока. Был и такой случай, когда опальный сановник был восстановлен в должности именно после того, как он услышал воробья. Хотя я и не видная пичуга, но милосердный поступок я, конечно, вознагражу».

Но вот пришла пора ласточкам собираться в путь. Загоготали сяосянские гуси: «А вот и мы!» — а ласточки, улетающие на зиму в Цзяннань, стали прощаться: «До встречи, улетаем!»

Оставив позади тысячи ли, предстала наша птица пред царем ласточек. И спросил ее царь:

— Отчего ты хромаешь?

Ответствовала ему ласточка:

— Родители ничтожной, прилетев в страну Чосон, свили гнездо на хижине некоего Хынбу. Но однажды случилось вашей покорной служанке познать ярость змеи. Со сломанной ногой была она на краю гибели, но спас ее от смерти хозяин хижины — Хынбу. Если бы государь соблаговолил помочь Хынбу избавиться от бедности, ничтожная служанка ваша этим хоть в какой-то мере вознаградила бы его за милосердие.

Выслушав ласточку, царь сказал:

— Сострадание к ближнему — первое чувство в сердце благочестивого, и вознаградить благодеяние — долг совершенного человека. А Хынбу поистине добрый человек. Так почему же нам не воздать ему за милостивый поступок! Мы благоволим дать ему семечко тыквы-горлянки. Возьми его и отнеси своему спасителю.

Поблагодарив повелителя за подарок, ласточка покинула дворец.

Незаметно минула зима. А с наступлением весны птицы стали собираться в обратный путь.

Взглянем на нашу ласточку.

Вот она нанесла прощальный визит царю ласточек, а затем с семечком тыквы в клюве взвилась высоко в бескрайнее небо и стремительно понеслась, часто-часто взмахивая крылышками.

Вскоре показался Чэнду. Взглянув на развалины дворца двух жен Лю Бэя^[187] — Ми и Гань, ласточка задержалась на минутку у моста Чанфань, где некогда Чжан Фэй^[188] неистово бранил коварного Цао Цао^[189].

Пролетая над Янцзыцзяном, она полюбовалась на места, где в прежние времена отдыхал на лоне природы Су Дунпо. В Яньцзине ласточка опустилась передохнуть на столичные ворота Цзинхуамэнь, окинула взглядом столицу — и снова взмыла ввысь.

Быстро промелькнули внизу Великая стена и город Шаньхайгуань. Остались позади Семьсот ли Ляодуна, Крепость фениксов, и вот она уже за рекою Амноккан. Взглянув сверху на Ыйджу и павильон Тхонгунджон, ласточка опустилась на стены Крепости белой лошади, еще раз бросила взгляд на город Ыйджу и полетела дальше.

Где-то внизу проплыли Пхеньянская управа, холм Моранбон, река Тэдонган. Следом промелькнули казармы в Хванджу, древние развалины на горе Сонаксан, и вот вдали уже показалась Трехглавая гора.

Все тут словно на картинке — и величественные горы, и живописные долины. Полубовавшись с Колокольной башни бесчисленными лавками и базарами столицы, пешеходами, расхаживающими по улицам, всевозможными товарами, ласточка поднялась над горным кряжем Намсан, оглядела сверху Голову шелкопряда, а затем опустилась на храм и снова полюбовалась видом столицы. До чего же приятно взглянуть на это обилие домов, частых, словно зубья гребня!

Прошмыгнув под сводами Южных ворот, ласточка пересекла реку Тонджаккан и спустя некоторое время прилетела прямо в одну из южных провинций: не то в Чхунчхондо, не то в Чолладо, а может быть, и в Кёнсандо — в деревню, где живет Хынбу.

Взгляните, как резвится наша ласточка: то вверх взмывает, то стрелой несется вниз. Как будто Черный дракон Северного моря играет меж разноцветных облаков с волшебной жемчужиной в пасти, будто то молодой даньшаньский феникс развлекается среди утунов с семечком бамбука в клюве или золотистая иволга, полная любовной страсти, снует в ивовых зарослях, поглядывая по сторонам.

Первой резвящуюся ласточку заметила жена Хынбу. Обрадованная, она стала звать супруга:

— Идите-ка сюда скорее! Смотрите, вон летает прошлогодняя ласточка! И что-то в клюве держит!..

Мигом выбежал Хынбу на улицу и подивился на ласточку. А ласточка, покружив над головой Хынбу, уронила прямо перед ним то самое семечко, которое она принесла с собой.

Хынбу тотчас подобрал его и воскликнул:

— Послушай, жена! Ведь это та самая ласточка, которой мы в прошлом году лечили сломанную лапку! Это она бросила вот эту штуку!

Что-то желтое... Уж не золото ли? Но почему оно тогда такое легкое?

— Внутри там что-то желтоватое проглядывает. Может быть, и впрямь золото? — сказала жена Хынбу.

— Какое там золото! — отвечал ей Хынбу. — Разве тебе неизвестно, что Чэнь Пин во время распри между царствами Чу и Хань разбросал в лагере противника сорок тысяч кынов^[190] золота, чтобы изловить Фань Яфу? Смекай сама, откуда теперь взяться золоту!

— Тогда это, наверное, яшма!

— А про яшму люди вот что рассказывают. Однажды в горах Куньлуня случился пожар, и вся яшма и прочие камни сгорели. А из той яшмы, что кое-где уцелела, Чжан Цзыфан^[191] смастерил себе флейту и печальной игрой на ней в лунную ночь на горе Цзиминшань привел в смятение восемь тысяч цзяндунских воинов. Нет, это, конечно, не яшма.

— Может быть, это та самая жемчужина, что сияет даже ночью? — терялась в догадках жена Хынбу.

— Э, нет этих жемчужин более на свете. Циский Вэй-ван^[192] разбил больше десятка шэнов^[193] таких жемчужин у вэйского Хуэй-вана^[194], и нынче их уже не сыскать.

— Тогда янтарь?

— А янтаря и подавно теперь не найти. Сперва его прибрал к рукам чжоуский Ши-цзун^[195], а позже весь этот янтарь пошел на кубки Тангалю. Подумай, откуда быть нынче янтарю!

— Ну, значит, железо?

— Нет ныне и железа. В царствование Цинь Ши-хуана железо собрали по всем девяти округам Китая и изготовили из него для вящего могущества императора двенадцать печатей. С тех пор этот металл исчез.

— Возможно, это щит черепахи или коралл?

— Ну что ты! Ведь черепаший панцирь — это ширма, а красный коралл — перила. И когда Гуанли-ван^[196] строил свой подводный хрустальный дворец, он, понятно, извел на него все сокровища моря. Нет, это и не щит черепахи, и не коралл.

— Уж не семечко ли это?

Эта же мысль мелькнула и в голове Хынбу. Присмотревшись внимательнее, он обнаружил в самом центре семени надпись из трех иероглифов: «Тыква — награда добродетели».

— Кажется, это и в самом деле семя тыквы-горлянки, — проговорил Хынбу. — Так же змея из озера Суйху принесла некогда в пасти жемчужину и наградила ею своего спасителя. Не принесла ли ласточка это

семя в дар за нашу доброту? Ну что ж! Что дают, то и бери. Будем считать подарок золотом, даже если это комок земли, примем его за яшму, если даже это простой камешек. Будем считать его за счастье даже в том случае, если он — зло.

Выбрав по календарю благоприятный день, Хынбу вскопал у плетня на восточной стороне клочок земли и посадил семечко.

Дня через два-три взошел росток. На четвертый или пятый день стали виться побеги, и в узлах показались листья. Вслед за этим на каждом стебле распустились цветы и завязалось пять тыкв. Тыквы были круглые-прекруглые, и каждая величиной своей напоминала лодку с реки Тэдонган, или колокол со столичной улицы Колоколов, или же, если хотите, большой барабан преподобного Юкквана^[197].

Бывало, любитесь Хынбу тыквами и рассуждает, пересыпая свою речь китайскими оборотами:

— В июне распустились и отцвели цветы, а в июле уже налились плоды. И все они как в поговорке: «Крупные — что кувшины, маленькие — что горшки». Как тут не порадоваться!.. Послушай-ка, жена! Недаром говорят: «Все шелка — за чашку риса». Давай сорвем одну тыкву! Нутро изжарим и съедем, а пустые половинки высушим и продадим на черпаки. Купим риса, наварим каши и поедем на славу!

А жена отвечала ему:

— Эти тыквы не простые: они могут созреть даже за один день. Вот будут достаточно крепкими — тогда и сорвем!

Тем временем уже подошел праздник осени — Чхусок^[198]. А в хижине Хынбу голод пуще прежнего.

— Ой, мама, как хочется есть! — наперебой кричат голодные дети. — В доме у Оллонсве какие-то белые шарики катают! Как снежки! Раскатывают ладошками, делают дырку и туда кладут бобы. Потом слепят два острых уголка и бросают шарики на стол. Что это такое?

— То сонпхён^[199], — отвечала им мать. — Их непременно готовят на праздник Чхусок.

— А у Тэгалсве на праздник черного теленка закололи! — спешит с известием еще один сорванец.

— Это, наверное, была свинья, — засмеялись Хынбу с женой.

Прошло еще немного времени, и Хынбу от голода окончательно слег.

Тогда жена Хынбу, потуже затянув поясok на юбке, сходила в дом к плотнику и принесла пилу.

— Вставайте, вставайте! — взялась она расталкивать супруга. —

Сорвем тыкву, сварим ее и наедемся.

С трудом поднявшись, Хынбу сорвал одну тыкву и плотничьим шнуром отбил на ней ровную линию. Затем супруги взяли пилу и принялись пилить.

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
Не горюй, что мы бедны, —
Знать, такой уж наш удел.
Отчего живем в нужде?
Оттого, что родились
Под злосчастною звездой,
Оттого, что нам себе
Не добыть работой хлеб,
Оттого, что для могил
Наших дедов и отцов
Выбрать места не смогли,
Оттого, что денег нет.
Так не сетуй на нужду!

А супруга Хынбу в ответ:

— Если мы терпим лишения оттого, что неудачно выбрали место для могилы предков, то почему тогда сладко живет старшему брату? Или могила предков приносит счастье только старшей ветви рода?

Эйёра, ходи пила!
Ну, наддай. Сама пошла!
Нужно тыквенной мешалкой
Рис мешать на тагане.
В час, когда холодный месяц
В северном рябит окне,
Черпаку ль не пригодиться
В доме, где из рода в род
Сыновья живут и внуки,
Незнакомые с нуждой!
Как распилим нашу тыкву,
Пусть польются из нее
Небывалые богатства.

Золото и серебро!

Плавню водит пилу в лад с супругом жена Хынбу.

Вдруг тыквa с треском разделилась, кверху поднялись разноцветные облака, и следом показались два отрока в голубых одеждах.

— О, горе мне! Что же это такое, — вскричал испуганный Хынбу. — В тыкве, оказывается, были люди! Самим есть нечего, а тут еще едоки на голову свалились!

Но взгляните на отроков! Если они и не из числа тех, что сзывали журавлей на горе Пэнлай, то непременно те самые, что собирали волшебные травы на священной горе Тяньтай. В левой руке у каждого кувшин, в правой — черепаховая шкатулка. Подняв сосуды и шкатулки высоко над головами, отроки приблизились к Хынбу и преподнесли их ему, молвив при этом:

— В серебряном кувшине напиток, возвращающий душу мертвым. В яшмовом кувшине вино, от которого прозревают слепые. В обертках из позолоченной бумаги трава, исцеляющая немых, трава, которая избавляет от недуга горбунов и паралитиков, и трава, исцеляющая глухих. А в свертках панты, женьшень, медвежья желчь и разные сорта киновари. Если все эти снадобья прикинуть на деньги, то наберется более десяти тысяч раз по сто миллионов лянов. Пожалуйста, торгуйте ими себе на пользу.

Словно зачарованный, слушал отроков Хынбу. А когда он наконец набрался духу спросить, откуда все это, отроков уже и след простыл.

Посмотрите-ка на Хынбу! Пустившись в пляс, он напевает:

Ольсиго чоыльсиго чотха!
Чихваджа чоыльсиго!
Слушайте, добрые люди!
Вздумал я тыквы отведасть,
Вдруг привалило мне счастье!
Много богатых на свете,
Много добра у богатых,
Но среди них не найдется
Равного мне богача!

— Хорошо бы открыть аптеку в нашей хижине, — сказала супруга Хынбу.

— Если мы сейчас откроем аптеку, кто будет об этом знать? — возразил ей Хынбу. — Когда еще придут к нам покупать лекарства! А для меня теперь нет лучшего снадобья, чем рисовая каша!

— Это-то так. Может быть, вон в той тыкве каша? Давайте распилим еще одну!

И супруги принялись за следующую тыкву.

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
В трех провинциях на юге
Бедняками слыли мы.
Вдруг богатство привалило,
Стали слыть за богачей.
Как же нам не веселиться,
Как не радоваться нам?

— Не подсчитать ли, что стоят все эти лекарства? — предложила Хынбу его супруга.

— А ты разве умеешь считать?

— На пальцах только, это правда... Но отчего же не попробовать?

И она принялась считать вслух:

Девятью девять — восемьдесят
«Один анахорет по имени И Гуанлао
Гостил у Чи Чжун-цзы»^[200].
Восьмью девять — семьдесят
«Два друга, Ли Бо и Цуй Цзунчжи»^[201],
Любовались луной на реке Цайшицзян».
Семью девять — шестьдесят
«Три мудреца бессмертных развлекались,
Летая в небесах на журавлях».
Шестью девять — пятьдесят
«Четыре седовласых старца
Играли в шашки на горе Шаншань».
Пятью девять — сорок
«Пять раз шестьдесят ударов плетью
Нанес Пинвану У Цзысуй»^[202].
Четырежды девять — тридцать

«Ш е с т ь детей с женою вместе
Лу Сюфу^[203] столкнул в пучину
И погиб, врагу не сдавшись».
Т р и ж д ы д е в я т ь — д в а д ц а т ь
«С е м ь посольств возглавил кряду
Ци Луцзю^[204] — советник хитрый
В век «Сражающихся царств».
Д в а ж д ы д е в я т ь — д е с я т ь и
«В о с е м ь боевых порядков — это план расположения
Войск героя Чжугэ Ляна».
О д и н о ж д ы д е в я т ь
«Д е в я т ь диаграмм в «Великом плане»
Знаки Хуанхэ, а также
Письмена Лохэ содержат».

— Что-то около сорока тысяч пятисот лянов выходит!

— Ого! — смеется Хынбу и принимается считать по-простецки, то и дело сбиваясь и начиная вновь.

Мерно ходит взад и вперед пила.

Крак! — тыква с треском разделилась на две половинки, и из нее посыпалась всевозможная утварь.

Чего тут только не было! Платяные сундуки, украшенные ракушками, шкафчики с изображением драконов и фениксов, рисовые лари из древесины японского маслоплодника, резные шкафы с тремя отделениями и замочками, точеные вешалки, деревянные полочки для гребней с изображением пары драконов, метелки из перьев фазана с ручкой в форме драконовой головы, бронзовые подсвечники, оловянная посуда и даже комнатные горшки и плевательницы, сверкающие словно Утренняя звезда...

Горою громоздились на сундуке, соперничая в украшениях, парчовые одеяла с узорами в виде облаков и атласные тюфяки, покрывала и подушки с вышитыми на них мандаринскими утками, круглые подушки, расшитые шелковыми кедровыми орешками.

Пленяя взор, стояли попеременно письменный столик драконового дерева, шкатулка с прибором для разведения туши: каменная тушечница в форме дракона и сосуд для воды, изображавший черепаху, черепаховый столик, янтарный стаканчик для кистей...

Тут же возвышалась груда книг: «Тысячесловие», «Разряды и

сочетания», «Начальные наставления отрокам»^[205], «Краткая история», «Зерцало всеобщее»^[206]... Были там также «Беседы и суждения»^[207], «Мэн-цзы», «Книга песен», «Книга исторических преданий», «Великое учение» и «Учение о Середине и Постоянстве».

Подле книг — очки из настоящего стекла в черепаховой оправе, палисандровое трюмо. Из кораллового стаканчика выглядывали палочки туши различных марок — «лучшая», «танская» — и мягкие кисти для письма из меха ласки.

Следом посыпалась бумага всех сортов и названий: великолепная «экзаменационная бумага», «белая особая», «лощенная», бумага для писем, свитки белой писчей бумаги и серая оберточная бумага из коры тутового дерева, а также дождевые накидки на шляпы, плащи из промасленной бумаги и листы такой же бумаги, которыми укрывают пищу на столе...

Едва кончилась бумага, как заструился водопад всевозможных тканей. Вот тонкий холст из Кильчжу и Мёнчхона, вот замечательный холст из Хверёна и Чонсона, танское полотно, холст «весенний», ткань из Юкчина, киповый холст, полотно в четыре шэна, полотно из Чынсана...

За холстом показались хлопчатобумажные ткани: добротная ткань из Канджина и Хэнама, великолепная ткань с полей Кояна, которая шла на платье придворным чиновникам, полотняные ткани из Ыйсона, Ансона и Ядари, плотные и тонкие прочные ткани, сотканые мастерами Имчхона и Хансана из волокон китайской конопли.

Хлопчатобумажные ткани сменились шелком самых различных расцветок. Узорами небесного персикового дерева, плоды которого вкушает Сиванму в своем дворце у Яшмового пруда, сияли ослепительные шелка под названиями «солнечный блеск» и «лунный блеск». Сверкал белизною целомудренный шелк «сонджодан» с видами заснеженных пустынных пиков. Вот шелк «тэдан» с изображением Конфуция, взошедшего на Тайшань, откуда великому философу вся Поднебесная показалась маленькой. Вот шелк «дремлющий дракон» с изображением двух несравненных мужей древности в Наньянской хижине.

Один за другим появлялись куски шелка «янтхэмун» с крупными узорами в виде колец, напоминающих поля круглой шляпы, и штуки всеми любимой шелковой ткани «сугапса», шелк «ынчжонса» — «серебряные полосы» и шелк «поксудан», усеянный иероглифами «пок» — «богатство», «су» — «долголетие». Был там и дешевый шелк «кунпхо» — утеха тех, кто, как говорится, ест девять раз в три декады.

На одной ткани — узоры в виде следов конских копыт, по полю

другой разбросаны следы птичьих лапок.

Клубами громоздился воздушный шелк «унмундан» с узорами в виде белых облаков, безбрежным океаном расстился шелк «чогэдан» с рисунком в виде двустворчатой раковины.

Затем явились изделия мастеров Хэджу и хлопчатобумажная ткань из Монгольских степей, отливающий блеском шелк «мобондан» и плотный киперный шелк «мочходан», ворсистый шелк для одеял и легкие прозрачные ткани «ёнчхо» и «кванса». Далее последовали летняя узорчатая ткань «кильсанса», травчатый шелк «сэнсу», шелковые ткани из Китая и Японии, добротная ткань «капчин» и узорчатые шелка «сэнчхо» и «чхунса».

При виде этого богатства жена Хынбу запрыгала от восторга.

— И красный шелк, и синий шелк! Да как много! Для полного счастья нам остается лишь одеться во все шелковое!

Теперь у супруги Хынбу все из шелка: шелковая головная повязка, шелковые ленты, шелковые кольца, шелковая кофта, шелковая блузка и обе юбки с шароварами. Даже носки — и те из шелка!

— А мне-то во что же одеться? — воскликнул Хынбу.

— Сделайте из шелка шляпу, мангон, тесемки... Пусть будут шелковыми и колечки на мангоне... Если вам мало этого, сшейте из шелка большой мешок и наденьте на себя!

— Ты что же, хочешь, чтобы я в нем задохнулся? — смеется в ответ Хынбу. — Давай-ка примемся за следующую тыкву.

Отбив шнуром прямую линию, Хынбу приставил пилу к тыкве.

Эйёра, ходи пила!

Суйжэнь^[208] добыл огонь и научил

Людей на нем варить и жарить пищу.

Фуси сплел сеть и научил людей

Ловить в потоках рыбу и сеять злаки.

Владыка Желтый^[209] пробовал на вкус

Растения, настаивал лекарства.

Цаньцун^[210] стал листья тутов собирать

И научил людей носить одежду.

Иди^[211] дал людям терпкое вино,

Нюйва^[212] свирель искусно смастерила,

Цай Лунь^[213] бумагу первый изобрел,

Мэн Тянь^[214] же для письма придумал кисти.

Все вещи на земле — творенья тех,
Кто думал и заботился о людях.
Давай-ка создадим, жена, и мы
Искусство перепиливания тыквы!
Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Мерно ходит пила, мягко врезаясь в тыкву.

Крак! — тыква с треском разделилась, и показался сундук чистого золота, запертый золотым замочком в виде черепахи. А вслед за этим послышался голос:

— Открой сундук, Хынбу!

Ликуя в душе, Хынбу опустился на колени и приоткрыл крышку: сундук был доверху наполнен золотом, чистым серебром, черным самородным серебром, серебром высшей пробы и прочими металлами. Были там также янтарь разных сортов, кораллы, жемчуг, киноварь, мускус, камфара и ртуть.

Когда же Хынбу опорожнил сундук, тот вновь до краев наполнился сокровищами. Опорожнил еще раз — а сундук все так же полон.

Радости супругов не было предела. Не в состоянии ни есть, ни пить, они шесть дней и шесть ночей подряд торопливо опустошали неисчерпаемый сундук. В мгновение ока Хынбу стал великим богачом.

Восхищенный Хынбу сказал жене:

— Для такой уймы вещей наше жилище тесновато. Недурно было бы все это где-нибудь сложить. Давай-ка распилим еще вон ту тыкву. Попробуем построить себе дом!

С этими словами Хынбу сорвал еще одну из оставшихся тыкв, и супруги весело принялись за работу.

— Ну-ка, жена, наберись еще немного сил! Тяни пилу посильней!

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
Вспоминаю нашу жизнь,
Как дурной вчерашний сон,
Мы страдали горше всех —
Сделались богаче всех,
Как не радоваться нам!
Плавно ходит пила,

Ну, наддай! Сама пошла!

Мерно ходит взад и вперед пила.

Крак! — тыква раскололась на две части, и из нее валом повалили мастера-плотники, а потом — зерно всех видов.

Плотники прежде всего выбрали благоприятное место для постройки жилища, затем расчистили площадку и взялись за сооружение дома.

Построили они его о четырех углах — с женской половиной, главным залом, помещениями для слуг и амбарами, с карнизами в виде веера, цветной бумагой по стенам, верандой, с раздвижными решетчатыми дверями и с такими же окнами.

В саду перед домом и позади него чудесные работники посеяли удивительные цветы и редкие травы. На солнечной стороне установили рисорушку, в тенистом месте вырыли колодец. У ворот посадили ивы, а за оградой — дыни.

Амбары засыпали зерном: в восточный амбар — десять тысяч кулей неочищенного риса, в западный — пять тысяч кулей белого риса, в амбары перед домом и позади — по пяти тысяч кулей бобов и разных злаков да еще по три тысячи кулей кунжута.

Кроме того, они насыпали зерно грудями — наверное, не меньше десятка куч, — да к этому прибавили еще двести девять тысяч лянов денег.

На несколько тысяч лянов внесли всевозможной утвари в спальню, а кладовые завалили шелком всех сортов и драгоценностями.

Затем явились стройные и сильные рабы, преданные рабыни и проворные мальчики, которые сразу же принялись прислуживать. Следом показались тяжело груженные волы — с рогами, загнутыми и внутрь и назад. Быков тотчас разгрузили — и вот опять перед домом и на заднем дворе громоздятся новые горы мешков с зерном.

Вне себя от восторга, жена Хынбу закружилась в веселом танце.

— Послушай, жена! — заметил ей Хынбу. — Наплясаться ты успеешь и завтра. Там вон среди зарослей осталась еще одна тыква. Давай распилим и ее!

А жена в ответ:

— Не пилите эту тыкву!

— Да почему же не попользоваться, коли счастье привалило? — удивился Хынбу. — Брось-ка пустые разговоры да тяни посильнее пилу.

Плавно ходит пила!..

Ну, наддай! Сама пошла.

Крак! — тыква с треском развалилась на две части, и появилась писаная красавица, которая почтительно приветствовала Хынбу положенным числом поклонов.

Изумленный Хынбу поспешил с ответным приветствием.

— Кто вы и почему оказываете мне такие знаки почтения? — спрашивает он.

А красавица мило отвечает:

— Я — Чанъэ, фея Лунного дворца.

— Так почему же вы пожаловали в мой дом?

— Царь ласточек из Цзяннани повелел мне стать вашей наложницей, и вот я явилась к вам.

Услышав это, Хынбу возликовал. Иное дело — супруга Хынбу: та даже изменилась в лице и проговорила, негодуя:

— Вот тебе раз! Терпели мы неслыханную нужду, теперь наконец обрели счастье... И пожалуйста вам! Не говорила ли я давеча: «Не будем пилить эту тыкву»?

Отвечал ей Хынбу:

— Не тревожься! Неужто я оставлю без внимания супругу, делившую со мной все горести и лишения?

С этими словами Хынбу повел жену и наложницу в высокий и просторный дом и зажил в нем с той поры в свое удовольствие.

III

Слух о богатстве Хынбу дошел и до Нольбу. Прослышав об удаче младшего брата, этот злобный, погрязший в грехах человек подумал: «Не иначе, как кого-нибудь ограбил. Вдруг ни с того ни с сего разбогател... Схожу-ка я к нему. Если обойтись с ним покруче, половина добра наверняка будет моя».

Не медля ни минуты, Нольбу помчался к брату.

И вот уже он изумленно взирает на новое жилище Хынбу: такой красоты и роскоши ему еще не доводилось видеть. Всюду высокие и просторные хоромы, на крышах по углам висят колокольчики, позванивающие от порывов ветра.

При виде этого великолепия Нольбу охватила алчность. «Ишь ты, на стрехах колокольчики висят... Откуда все это? Непременно где-то стащил!» — подумал он и, приняв грозную позу, заорал во весь голос:

— Эй, Хынбу!

Случилось же так, что Хынбу как раз в это время был в отлучке и супруга его осталась дома одна. Кликнула она служанку и сказала:

— Никак, у ворот гость? Поди-ка взгляни.

Прелестная служанка повиновалась и, выйдя за ворота, учтиво обратилась к Нольбу:

— Откуда пожаловал гость?

Впервые в жизни видел Нольбу такое чудо. Опешив от неожиданности, он проговорил:

— Ничтожный приносит вам свое почтение. Не скажете ли вы, куда девался хозяин этого дома, мерзавец Хынбу?

Смущенная женщина кинулась прочь и, вернувшись в дом, доложила хозяйке:

— Пришел какой-то странный человек, с виду помешанный. Супруга вашего мерзавцем обозвал, а передо мной рассыпался в любезностях. Характер у него, видать, сварливый...

Догадываясь, кто ее гость, супруга Хынбу спросила у служанки:

— Каков собою этот янбан?

Та отвечала:

— Голова совиная, глаза — будто у коршуна, рот — словно клюв у цапли, шея жабы. А жадность и злоба так и лезут наружу!

— Ну-ну, довольно трещать! — остановила служанку жена Хынбу.

Перевязав заново ленты на кофте и торопливо оправив юбку, она вышла приветствовать гостя.

А Нольбу, не отвечая на приветствие, заложил руку за пояс и с надменным видом принялся озираться вокруг. Богатое платье супруги Хынбу и явное довольство в доме привели его в бешенство, и он прохрипел со злостью:

— Хм, блистает, что твоя кисэн из губернской управы...

Пропустив эти слова мимо ушей, супруга Хынбу обратилась к гостю с вопросом:

— Как здравствует ваша семья?

Однако Нольбу искал, видимо, лишь повода для ссоры.

— А если и не здравствует, тебе-то что за дело?

Забеспокоилась супруга Хынбу, уж не обошлась ли она с гостем неучтиво, и, положив на пол циновку, а сверху шелковый тюфяк, пригласила деверя:

— Прошу вас, садитесь.

Шагнув к циновке, Нольбу сделал вид, будто поскользнулся, и, выхватив нож, принялся кромсать пол.

— Слишком гладок твой пол! Коли так оставить, можно свернуть себе шею!

Затем взглянул на иероглифы, расписанные по стенам, и с понимающим видом заметил:

— Зачем нужно было столько раз рисовать луну?

Приметил цветник:

— Ежели хочешь, чтобы те цветы сейчас же распустились, то положи в цветник три-четыре вязанки хвороста и подожги их. В одну минуту расцветут!.. А у того журавля слишком длинные ноги. Кому он такой нужен? Давай-ка его сюда! Я ему их малость обломаю.

И, закашлявшись, Нольбу сплюнул на стену. Увидев это, супруга Хынбу сказала:

— Вот бронзовая плевательница из Сончхона, вот фарфоровая из Кванджу. Там вон стоят китайская плевательница из Ыйджу и японская из Тоннэ... Зачем же вы плюете на стены?

А Нольбу в ответ:

— Мы от рождения такие: куда глядим — туда и плюем.

Супруга Хынбу позвала служанку и распорядилась подать обед.

— Есть такая мудрая пословица, — проговорил Нольбу. — «В доме, где женщина берется командовать, не жди ничего хорошего». Ну, ладно. Тащи сюда рис и приправу. Да побольше и повкуснее!

Можно было подумать, что в доме ждут по меньшей мере королевского посланника со свитой: такая закипела всюду работа.

Добела обдирали рис и варили его так, чтобы он был не слишком жидок и не слишком крут. Накладывали на блюда куски жареной говядины, жаркое из бычьего сердца, минтай, устриц, маринованных моллюсков и соленые жабры. Расставляли тарелки с пареной говядиной и мелкими ломтиками вареного мяса, с тонко нарезанными свежей рыбой и сырым мясом, уксус с соей и приправу. Наполняли миски всевозможными овощами, густо наперченным и жареным в масле мясом, маринованной капустой и редькой. Варили на пару мелко нарубленных речных окуней, расставляли чашки с тонкими кусочками вяленой рыбы и мяса, омаров, жареную кефаль и мякоть морского ушка. Раскладывали по столикам серебряные ложки и палочки для еды, ставили серебряный чайник и чарки, грели вино.

Проворные слуги внесли заставленные снедью столики в комнату, почтительно поставили перед гостем, и один из них извиняющимся тоном произнес:

— Госпожа покорно просит простить ее за скромное угощение: обед готовили в спешке.

Отродясь не видывал Нольбу такого богатого стола, и у него тотчас же пропала охота есть. Лишь разбив вдребезги обеденный столик, Нольбу смог бы найти утешение. Схватив ложки и палочки для еды, он принялся что есть силы колотить ими по столу.

— Сколько же вы отдали за все эти посудины? А чашки ваши чересчур велики, миски слишком широки, соусники малы. Тарелки должны быть помельче.

Проговорив это, Нольбу пуще прежнего заколотил по столику.

Супруга Хынбу осторожно заметила:

— Китайский расписной фарфор — вещь хрупкая, того и гляди, сломается. Прошу вас, не стучите так сильно!

— Ах, так! — рассердился Нольбу. — обойдусь и без твоих яств.

И он с силой ударил по столику ногой. Столик рухнул, загромыхали соусники, зазвенели осколки тарелок и чашек, дробно застучали по полу ложки и палочки, во все стороны побежали ручейки бульона.

— Послушайте, деверь! — проговорила супруга Хынбу. — Пусть вы недовольны, но зачем же бить посуду? Бейте, коли на то пошло, людей!

Подняли с пола сломанный столик, подобрали осколки разбитой посуды и куски раскиданной пищи, все насухо вытерли тряпками и полотенцами.

— Вареный рис!.. Какая это драгоценность! А вы опрокинули столик с рисом! Когда рис подают королю, его называют «сура»; когда его вкушает янбан — это «чинджи», когда рис ест слуга — он называет его «ипси», промеж друзей ему имя «пап», а когда рис предлагают духам предков, его называют «чинме». Вот он в каком почете, этот рис! Если о вашем поведении проведают в деревне — тотчас же прогонят из села с позором. Если это дойдет до уездных властей, вам непременно дадут палок. А уж коли узнают в губернской управе, не миновать вам ссылки.

А Нольбу в ответ:

— Коли и вздумают изгнать меня из села, то вместо старшего брата прогонят младшего. Коли будут бить палками, то не меня, а младшего брата. Решат отправить в ссылку — опять же вместо меня упекут брата или его детей.

Но вот показался и сам Хынбу. С благоговением он пал ниц перед старшим братом.

— Неужто к нам пожаловали, братец?

И по лицу Хынбу побежали слезы.

— Ты что? Получил уведомление о чьей-нибудь смерти, что ли? — проговорил Нольбу.

Позвал Хынбу слугу и отдал распоряжение:

— Подай другой обед господину!

Затрясся в ярости Нольбу.

— Слыхал я, будто ты, негодяй, повадился нынче шататься по ночной росе!

— Какая ночная роса? — оторопел Хынбу.

А Нольбу с бранью продолжал:

— Расскажи-ка, сколько раз ты таскался по ночной росе и много ли наградил?

Испугался Хынбу:

— О, зачем вы так говорите, брат?

И подробно рассказал старшему брату обо всем случившемся.

— Коли так, давай-ка оглядим твой дом получше!

С этими словами Нольбу, сопровождаемый хозяином, отправился бродить по дому и все выглядывать. Увидел Нольбу все богатства брата, и в груди его зажглась лютая зависть. А тут еще вдобавок показалась Лунная фея.

— Кто эта женщина? — спросил Нольбу.

— Это моя наложница.

— Что? Твоя наложница? — вознегодовал Нольбу. — Не рассказывай

небылиц и отправь ее ко мне!

— Эта красавица пожалована мне самим повелителем ласточек из Цзяннани и уже была моей. Отдать ее вам было бы неудобно, — отвечал брату Хынбу.

— Пожалуй, верно, — согласился Нольбу. — А как называется вон тот славный шкафчик?

— Это платяной шкаф — хвачходжан^[215].

— Тебе эта штука не подходит. Отошли ее ко мне.

— Ой, ведь я даже еще и не притронулся к нему!

— Ах, негодяй! Мое это твое, а твое — это мое. Твоя жена — моя жена, моя жена — твоя. Разве это имеет значение? Но бог с тобой, не хочешь отдать мне свою бабенку — не надо. А вот этот хвачходжан ты отошли ко мне. Если же и его не отдашь, подпалю дом со всех сторон!

— Хорошо, хорошо. Пришлю вам его со слугой, — молвил Хынбу.

— Какие там слуги! Тащи-ка этот шкаф сюда. И дай веревку. Я сам понесу его.

Делать нечего: пришлось Хынбу перевязать шкаф веревкой. А Нольбу, скинув верхнее платье, положил его на шкаф, затем взвалил шкаф на спину и зашагал восвояси. Но по дороге забыл название и вернулся к дому Хынбу.

— Эй! Как, говоришь, этот шкаф называется?

— Хвачходжан, — напомнил ему Хынбу.

Снова взвалил Нольбу шкаф на спину и, чтобы не забыть его названия, стал приговаривать в такт шагам:

— Хвачходжан-джан-джан.

Но когда перебирался через ров, встретившийся на его пути, название шкафа вновь вылетело у него из головы.

— Тьфу, черт! Как же он называется-то? Канджан, сонджан, чхонджан?.. Нет, все не то.

Так бормоча себе под нос, Нольбу подошел к своему дому. А навстречу уже спешит супруга.

— Ой, что это такое?

— Разве ты не знаешь?

— Как эта штука называется — не знаю, но она, право, недурна!

— Так ты и впрямь не знаешь? — спрашивает ее Нольбу.

— Такой же шкаф есть в доме у янбана на той стороне, — отвечала жена. — Там его называют хвачходжан.

— Да, да! Он самый — хвачходжан! — обрадовался Нольбу.

А надо вам сказать, что жадностью жена Нольбу превосходила даже

своего супруга. Один лишь вид хорошей вещи приводил ее в беспамятство. Когда случалось ей быть на базаре и видеть, как кто-нибудь раскладывает свой товар или считает деньги, она от зависти обмирала и без чувств падала на землю. Тогда Нольбу на спине тащил ее домой, и она по три месяца отлеживалась в постели. А когда она, бывало, приходила к кому-нибудь в дом на свадьбу — поглядеть на подарки новобрачным, то оставалась невредимой только потому, что укутывалась новеньким одеялом невесты и потела под ним до седьмого пота. Вот такая была эта женщина.

Наглядевшись на шкаф, жена Нольбу принялась расхваливать своего супруга:

— Счастливый человек мой муж! Ведь случая еще такого не было, чтобы он пришел откуда-нибудь с пустыми руками. Приметит ложки или палочки для еды — заткнет их за поясной мешочек и несет домой. Щипцы или совок попадутся на глаза — принесет их под полкой. Под шляпой, смотришь, тащит рисовую чашку, а в рукаве — щенка. Попусту он у меня не ходит! А этот шкаф особенно хорош!.. Где же вы его взяли?

— Коль хочешь в точности все знать, — отвечал Нольбу, — иди сюда и слушай. — И продолжал: — Досада-то какая! Хынбу ведь богачом стал...

Жена Нольбу мигом придвинулась поближе.

— Как так стал богачом? Ограбил, что ль, кого?

И Нольбу рассказал ей все, что слышал:

— В прошлом году у Хынбу под крышей свила гнездо пара ласточек. Вывели они было себе птенцов, да только всех их слопала змея, а один выпал из гнезда и сломал лапку. Хынбу перевязал ее, а ранней весной эта ласточка принесла Хынбу в награду за благодеяние семечко тыквы-горлянки. Хынбу его посадил, и у него выросло пять тыкв, а когда он их распилил, то стал богачом. Вот бы и нам найти ласточку со сломанной лапкой!..

Была еще не то одиннадцатая, не то двенадцатая луна, а Нольбу уже взялся караулить ласточек. Прихватив с собой привязанную к шестам сеть, он отправился на ловлю. Нашел удобное местечко и стал ждать. Наконец прилетела какая-то птица.

— А вот и ласточка пожаловала! — обрадовался Нольбу.

Подняв повыше сеть, он приготовился набросить ее на ласточку... И вместо ласточки вспугнул голодную ворону с горы Тхэбэксан, которая, так и не отведав остатков мяса на какой-то кости, с карканьем взвилась высоко в синее небо.

Вытаращил Нольбу свои водянистые глаза, проводил ворону взглядом

и отправился домой ни с чем.

Одна лишь дума у Нольбу: как бы ему заманить ласточек. Но на скорый прилет ласточек не было никакого намека, и Нольбу не находил себе места от нетерпения и досады.

Между тем какой-то человек решил надуть Нольбу и говорит ему:

— Не дожидаться тебе ласточек, как ты их ни карауль: ведь ты не знаешь, где они водятся. Есть такие люди, которые чувствуют этих птиц еще за много дней до того, как они прилетят. Если пойдешь со мной, я тебе кое-что смогу рассказать о ласточках.

Нольбу очень обрадовался и пообещал двадцать лянов за каждую ласточку, которую увидит этот человек.

Затем они поднялись на высокую гору, откуда обманщик стал пристально всматриваться в даль.

— Ага, — проговорил он, — одна ласточка уже покинула Цзяннань. Скоро она будет возле твоего дома... Но прежде уплати за первую ласточку.

Обрадованный Нольбу вручил обманщику двадцать лянов, после чего тот снова принялся внимательно вглядываться в даль. Поглядев так некоторое время, он сообщил Нольбу:

— А вот и еще одна ласточка летит. Эта тоже направляется к твоему дому.

Страшно довольный этим известием, Нольбу уплатил обманщику столько, сколько он просил, и стал ждать.

Кое-как промаялся Нольбу зиму, и лишь только подошла весенняя пора, он не мешкая отправился заманивать ласточек.

Взгляните-ка на Нольбу! Со скомканною сетью на плече, сплетенной, наверное, еще самим Фуси, шагает он, охваченный единственным желанием — поскорее заманить ласточек к своему дому.

А вот и сами ласточки несутся — навстречу белоснежным облакам, смело пронзая черные тучи.

— Киш-киш! — засуетился Нольбу. — Куда это ты направляешься? Заворачивай-ка к моему дому!

Горький же удел ожидал ту ласточку, которая поселилась под крышей у Нольбу!

Натаскав соломиноку и комочков глины, ласточка свила под крышей гнездо и положила яйца. Пока ласточка высиживала птенцов, Нольбу целые дни проводил у ее гнезда и, сгорая от нетерпения, то и дело трогал яйца. Они от этого, разумеется, все испортились. Осталось лишь одноединственное яйцо, из которого спустя некоторое время вылупился птенец.

Дни шли за днями, птенец мало-помалу рос и уже начал учиться летать.

Денно и ночью ждет Нольбу змею, но той все нет и нет.

Тогда обеспокоенный Нольбу решил сам пригнать змею к своему дому. С десятком работников он принялся кружить в окрестностях в надежде найти какую ни на есть змею: будь то удав нынгурони, гадюка, удав хыккурони или токкурони, уж муджасу, сальпэам или юльмути. Бродили несколько дней кряду — но даже ящерицы не видали. Лишь по дороге к дому наткнулся Нольбу на старую, похожую на валец, сорочью змею.

— Эй, тварь! — закричал обрадованный Нольбу. — Ну-ка, ползи к моему дому. В тот день, когда ты прошуршишь у гнезда, ласточка и ее птенец упадут на землю, я стану богачом. А я твое благодеяние вознагражу вполне: дам тебе целый выводок цыплят да десяток яиц. Ползи живей!

Змея рассердилась и обнажила жало. А когда Нольбу попытался отшвырнуть ее ногой, разъяренная змея ужалила его.

Нольбу широко раскрыл рот и завопил:

— Ой-ой!

От боли у него потемнело в глазах и помутился разум. Мигом прибежал он домой, проколол рану иглой и обмазал ее серным цветом.

Жестокое создание, Нольбу, конечно, выжил.

Потом, прикинувшись змеей, Нольбу вытащил птенца из гнезда и сломал ему обе лапки, а сам сделал вид, что страшно напуган, и закричал:

— Бедная ласточка! Какая же это ползучая тварь сломала тебе лапки? Бедная ты, несчастная ласточка!

Выразив таким образом свое сочувствие ласточке, он, подражая Хынбу, обернул лапки птенцу кожицей золотоголовой рыбки, что водится в море Чхильсан, а затем стал обматывать их крепкими волокнами травы. Но, будучи по природе своей человеком грубым, сделать это осторожно Нольбу не смог. Перевязывая лапки, он орудовал, словно матрос якорным канатом на реке Ханган или торговец штукой шелка, словно в руках у него была бечевка от шестиугольного бумажного змея.

После перевязки Нольбу положил птенца обратно в гнездо. Насилу выжил птенец.

Но вот настал девятый день девятого месяца, и ласточки стали собираться в путь. Покинула дом Нольбу и ласточка со сломанными лапками. Взмыв высоко в небо, она прощепетала на прощанье:

— Жестокий Нольбу! Весною в будущем году я снова вернусь сюда и тогда отблагодарю тебя за сломанные лапки. А пока будь здоров! Чи-чи-

ви! Чи-чи!

Вскоре ласточка предстала пред своим царем.

В ту пору царь как раз производил высочайший смотр ласточкам, прибывшим из различных мест. Приметил царь хромающую ласточку и спрашивает ее:

— Отчего ты хромаешь? Отвечала ласточка:

— В прошлом году ваше величество изволили пожаловать Хынбу семечком тыквы, и он стал богатым человеком. Тогда его старший брат, Нольбу, изловил вашу покорную служанку и сделал калекой.

И она поведала царю обо всем, что с ней произошло.

— Молю ваше величество, отомстите Нольбу!

Выслушав ласточку, царь страшно разгневался:

— У этого негодяя дом ломится от добра, добытого несправедливым путем, а его полям и амбарам нет числа. Однако он и не подумал помочь своему добродетельному брату. Пяти устоев он не соблюдает, и ко всему тому у него отвратительный нрав. Нет, этого нельзя так оставить. Я непременно воздам ему за его злодеяние. Вот, возьми семечко тыквы!

Глянула ласточка на семечко, а на нем выведено золотыми иероглифами: «Тыква возмездия». Поблагодарила ласточка повелителя и, откланявшись, улетела.

Едва лишь наступил весенний месяц март, как ласточка с семечком тыквы в клюве покинула Цзяннань. Высоко взвилась она в синее небо и полетела, не отдыхая ни днем, ни ночью.

И вот уже вдали показалось жилище Нольбу.

Подлетев к дому, ласточка принялась резвиться: то взмлет вверх, то понесется стрелою вниз. Увидел ее Нольбу и закричал, довольный:

— Какая преданная ласточка! Где же побывала ты? Всю зиму о тебе не было вестей, а нынче, в прекрасную пору весны, сама пожаловала! Безмерно рад тебе!

Тем временем ласточка весело сновала взад и вперед с семечком тыквы в клюве.

Испугался Нольбу, как бы ему не потерять семечко в траве. Опрокинул большую тростниковую шляпу и с нею в руках кинулся догонять ласточку.

Наконец ласточка уронила семечко. Дрожа от радости, Нольбу схватил его обеими руками и принялся внимательно разглядывать. На семечке размером в один чхи отчетливо виднелись иероглифы: «Тыква возмездия». Но откуда мог знать это невежественный Нольбу? Он-то думал, что семечко тыквы — награда за его «благоддеяние».

Ликующий Нольбу выбрал благоприятный день и под стеною дома, на восточной стороне, посадил семечко в унавоженную землю.

Уже на четвертый или пятый день пробились первые ростки. Через день развернулись листья. А еще через три дня потянулись плети. Стебли у тыквы были толстые, как корабельные мачты, листья — каждый размером с большую корзину.

И так разрослись эти тыквы, что закрыли собою всю деревню. Тогда Нольбу отправился к односельчанам и стал их уговаривать:

— Послушайте меня, знатные и подлые, мужчины и женщины, старики и молодые! Не обрывайте стеблей у моих тыкв! Если дом у кого-нибудь рухнет, построю новый. Если утварь пострадает — уплачу в десять раз больше. А когда из тыкв повалит шелк, я дам вам по куску на шапки и жилеты. Только не трогайте стеблей.

Плети у тыквы разрослись необычайно густо. Из каждого узла вырос лист, на каждом стебле распустился цветок, и некоторое время спустя завязались десять с лишним плодов. Величиной каждый был с большую лодку, что плавают в безбрежном океане. Словно то был не плод тыквы, а столичная башня Белых Облаков или скала.

Чрезвычайно довольный этим, Нольбу говорит своей жене:

— Хынбу стал богачом с пятью тыквами, а у нас их завязалось более десятка. Распилим эти тыквы и станем самыми богатыми людьми на свете. Заткнем за пояс самого И Дуня^[216], а Ши Чун будет у нас на побегушках. Незачем нам будет завидовать даже Сыну Неба!

С нетерпением ждал Нольбу дня, когда созреют тыквы, и негодовал, что время тянется так долго.

А время между тем шло своим чередом, минули три летних месяца, и в августе тыквы созрели. Все они были без единого изъяна и крепкие, как железные палки.

IV

Взгляните на Нольбу! Вне себя от радости, спешит он распилить тыквы и заполучить сокровища. Срывает для начала одну тыкву, самую спелую и крупную, и принимается с женою пилить ее. Да только ничего у них не вышло: тыква была крепка, словно железо.

Хочешь не хочешь, а пришлось приглашать плотников из соседней деревни — чтобы приходили они со всеми их плотничьими шнурами и баночками с тушью.

Созвали всю деревню: и калек и здоровых. Закололи гостям собаку и свинью, трижды подавали вареный рис, пять раз обносили вином.

От такого разорения Нольбу чуть не хватил удар. Знать, пришла его погибель. Ведь прежде он никогда ложки риса не подал гостю и не готовил пищи даже для жертвоприношений предкам. А нынче в ход пошли кувшины вина и мешки риса — собрал всю деревню, обильно накормил гостей и пообещал щедрую плату за работу.

В числе пришедших находились два деревенских силача — Горбун и Заячья Губа. В селе, пожалуй, никто не смог бы сладить с ними. Обрадовавшись случаю легко подзаработать, немедля выскочили они вперед, и Заячья Губа обратился к Нольбу с такими словами:

— Если дашь в задаток за каждую тыкву двадцать лянов, мы вдвоем выполним всю работу.

Горбун тотчас же подхватил:

— Где ты найдешь дураков, которые подрядятся на такую трудную работу меньше чем за двадцать лянов?! А ты воспользовался тем, что мы соседи, и установил до смешного скудную плату. Это ты учти и, как получишь свои сокровища, подумай о прибавке.

Нольбу, предвкушая несметные богатства, без лишних разговоров вручил им задаток — двести лянов. Горбун и Заячья Губа поделили деньги пополам и принялись за дело. Приставив пилу к тыкве, Горбун затанул:

Плавно ходит пила!..

Заячья Губа подхватил:

Флавно ходит фила!..

— Дьявол тебя побери, Заячья Губа! — рассердился Горбун. — Что это еще за «фила»?

— Как же я могу хорошо петь с такой губой? — стал оправдываться Заячья Губа. — Ну, ладно. Теперь постараюсь петь правильно, не беспокойся!

Снова затянул Горбун:

Эйёра! Ходи пила!
Наддай сильней! Сама пошла!

А Заячья Губа прихватил рассеченную губу, и у него получилось следующее:

Эйёра! Ходи хила!
Наддай хильней!..

— Ты что, негодяй, дразнить меня!.. — зашипел Горбун и залепил Заячьей Губе оплеуху.

— Да провалиться мне на этом месте, если я вздумал дразнить тебя! — обиделся Заячья Губа.

— Ай-яй, выходит, я тебя понапрасну стукнул?.. Ну, ничего. Когда ты в самом деле заслужишь пощечину, будем считать, что ты ее уже получил.

Утешив таким образом Заячью Губу, Горбун начал сызнава:

Эйёра! Ходи пила!
Наддай еще! Сама пошла!..

Заячья Губа подхватил следом:

Эйёра! Ходи фила!

— Тьфу ты, скотина! — вышел из себя Горбун. — Кто за работу получил сполна? Кто чужой рис и вино жрал до отвала? Взялся пилить тыквы с сокровищами, а все гнусишь свое «ходи фила»! Смотри, не

залепил бы я тебе и с другой стороны!

— Что ты все бьешь меня по щекам? — разозлился Заячья Губа. — Или на них написано, что меня можно колотить? Или я, может быть, какой-нибудь прощельга, что ты то и дело закатываешь мне оплеухи? Как бы я сам не поправил твою горбатую хребтину!

Горбун немного струсил и заговорил примирительно:

— Ну, ладно, давай пилить. Только не говори «фила».

И он снова затянул:

Эйёра! Ходи пила!..

А Заячья Губа протяжным голосом стал вторить ему:

Эйёра! Ходи фила!

Наддай еще! Сама фашла!

— «Эйёра! Ходи пила!» — поет Горбун.

— «Эх, ходи моя фила!» — старательно выводит Заячья Губа.

Между тем пила мало-помалу вреза́лась в тыкву.

Крак! — тыква с треском разделяется на две половины, и оттуда выходит янбан, который громким голосом нараспев читает первую главу «Мэн-цзы»^[217]:

— «Мэн-цзы встретил лянского правителя Хуэй-вана...»

За ним показывается другой янбан, читающий первый том «Зеркала всеобщего»:

— «...Год двадцать третий. Сначала он назначил цзиньских сановников Вэй Сы, Чжао Ди и Хань Цзиня удельными князьями...»

Следом появляется молодой янбанский отпрыск. Этот бубнит «Тысячесловие»:

— «Тянь — небо, Ди — земля, Сюань — темный, Хуан — желтый....»

Голову старого янбана украшала четырехугольная волосяная шапочка с открытым верхом, на голове молодого была бамбуковая шляпа, на отроке — халат с длинными рукавами.

Ошеломленный Нольбу спрашивает пожилого янбана:

— Где изволите держать государственный экзамен?

В ответ ученый господин набросился на Нольбу с бранью:

— Эй, Нольбу, подлое отродье! Отец и мать твои, подлые рабы,

бежали тайно темной ночью и вот уже много десятков лет повсюду разыскиваются. Оценены они в три тысячи лянов. Немедля выкладывай деньги!

И тут же кличет слугу Опсве.

Невесть откуда взявшийся Опсве в мгновение ока скрутил Нольбу крепкой бельевой веревкой и, подвесив его повыше на старую сосну, принялся охаживать дубовым пестом.

А янбан тем временем допрашивал Нольбу:

— Сколько у тебя братьев?

— Один я, — отвечает ему Нольбу, у которого от страха помутился разум.

— И сестер нет?

— Есть три сестры.

— Сколько лет старшей?

— Нынче исполнилось двадцать два года.

— И она еще живет у тебя?

— Отдал в наложницы сеульскому богачу, который держит большие лодки на Хангане.

— А вторая? — допытывается янбан.

— Вторая, девятнадцати лет, в наложницах у сборщика налогов в Сеуле, в Чайном переулке.

— А где же третья?

— Третьей шестнадцать лет. Пока не пристроена.

Услыхав это, янбан обрадовался.

— Мне наскучило сидеть одному в тылке. Покажи-ка свою сестру! Если она удалась лицом, возьму ее в наложницы.

Насмерть перепуганный Нольбу отправился за сестрой.

Представить сестру, когда она есть, — не задача. А вот что делать, если у вас ее и не бывало никогда?

Когда жена Нольбу узнала о распоряжении янбана, ей сделалось не по себе, и она с досадой проговорила:

— О том, как богато живет ваш брат, вы не обмолвились ни словом. Зато выдумали несуществующую сестру, и теперь этот янбан требует показать ее. Вот не было заботы!

Нольбу хватил себя кулаком по затылку.

— Так ведь я же и хотел опорочить Хынбу! Но почему-то с языка срывались совсем другие слова и имена!.. Придется тебе заплести девичью косу и показаться этому янбану хоть на минутку.

А жена в ответ:

— Как же я покажусь ему? Ведь он сказал, что хочет взять вашу «сестру» в наложницы. Скажите, что ее нет.

При слове «наложница» Нольбу затрясся от страха и, выйдя к янбану, стал умолять его:

— Пощадите ничтожного! Сестра испугалась и куда-то убежала.

Янбан страшно разгневался и рявкнул на Нольбу:

— Что значит «убежала»? Куда убежала? Найди немедленно и приведи ко мне!

Пуще прежнего испугался Нольбу и стал потихоньку совать еще три тысячи лянов.

— Не погубите, будьте милосердны!

Тогда янбан, сделав вид, что никак не может заставить себя успокоиться, сердито крикнул Нольбу:

— Кончатся деньги — приду опять! И с этими словами исчез.

Жена Нольбу приуныла.

— Там, у вашего брата, в первой же тыкве были сокровища. А у нас почему-то в ней оказались янбаны. Оставьте эти тыквы, не пилите их!

Нольбу отвечает ей:

— У Хынбу в первой тыкве наверняка тоже были янбаны. Неужто у него обошлось дело без такой же вот стаи мошенников?

Но тут откуда-то вылез прятавшийся до сих пор Горбун.

— Вот так сокровища! — захихикал он. — Оказывается, они и ругаются, и даже отбирают деньги!

За ним показался и Заячья Губа.

— Эй, Нольбу! Не ты ли давеча говорил, что, мол, когда из тыквы повалит шелк, то каждый из нас получит по куску на мошну? А что получилось на деле? Слуга, что сопровождал этих янбанов, отобрал у меня последнюю холщовую мошну! Как вспомнишь, сколько лиха я натерпелся от этого наглеца, так и шелк твой становится не мил. Больше я, пожалуй, не буду пилить.

Возразить Заячьей Губе было нечего, и Нольбу с раздражением сказал ему:

— Оттого-то сокровища и превратились в мерзость, что ты пилил не так, как надо, а вместо песни вопил что-то несусветное. Впредь не издавай ни звука и посильней тyani пилу!

Заячья Губа, жаждавший во что бы то ни стало заработать на этих тыквах, промолчал и, пообещав сделать так, как велел Нольбу, принялся с Горбуном за следующую тыкву.

Ну, наддай! Сама пошла!
Плавно ходит пила.

На этот раз Горбун пел один: Заячья Губа водил пилу молчком.

Крак! — тыква развалилась, и из нее с шумом и гамом высыпала компания людей с двенадцатиструнными каягымами и гонгами в руках.

— Прослышав о великой доброте Нольбу, — кричали они, — мы нарочно завернули сюда. Давайте сыграем ему разок, а он, конечно, нас щедро одарит!

Тут они ударили в свои гонги, запрыгали и подняли отчаянный гвалт, требуя у Нольбу, чтобы он дал им мешок риса, сто лянов, вина и закусок.

У Нольбу от этой картины волосы стали дыбом. «Самое лучшее, что можно придумать в моем положении, — это поскорее избавиться от них», — подумал Нольбу и отдал тем людям сто лянов денег и мешок риса. А когда они удалились, Нольбу сорвал следующую тыкву, и Горбун с Заячьей Губой снова взялись за работу.

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Мерно ходит пила, врезаясь в тыкву.

Крак! — тыква распалась на две половинки, и появился старый буддийский монах. Голову монаха покрывала большая бамбуковая шляпа, на черную рясу с шеи опускались четки из ста восьми бусинок. Опершись на бамбуковый посох о трех коленях, монах непрерывно бормотал молитвы:

Я молю тебя, Амитаба Будда!
Я молю тебя, Авалокитешвара-бодисатва, и ты,
Махастамапрапта-бодисатва!..

Следом за ним показались почтенные монахи с гонгами, колокольчиками, трещотками и барабанами в руках.

Приблизившись к Нольбу, старый монах молвил:

— Нольбу! Наш досточтимый учитель сорок девять дней усердно молился духам земли и моря о благополучии твоего дома. Труд его стоит,

надо думать, несколько десятков тысяч лянов. Но так и быть, уплати всего пять тысяч.

— Какие такие молитвы о моем благополучии? — изумился Нольбу.

— Негодяй! — сердито закричал старик монах. — Тщетны твои надежды на богатство. Как смеешь ты мечтать о несметных сокровищах, не принеся даров Будде?

— И тогда в следующий раз явятся сокровища? — спрашивает Нольбу монаха.

А старик монах ему в ответ:

— Человек, который выйдет из следующей тыквы, верно, доподлинно знает об этом.

Услыхав, что монахи уже вознесли моления Будде, чтобы он ниспослал ему удачу, Нольбу не пожалел денег и отдал им пять тысяч лянов.

— Ну что? Опять я виноват? — ехидно засмеялся Заячья Губа.

Раздосадованный Нольбу с бранью набросился на Заячью Губу, но быстро опаматовался, вспомнив слова монаха о том, что следующая тыква принесет ему богатство. Тотчас срывает он другую тыкву и принимается уговаривать обидевшегося Заячью Губу попробовать распилить ее.

Жена Нольбу попыталась остановить супруга.

— Ради бога, не пилите эту тыкву! Если вы распилите ее, вы разоритесь и погубите себя. Прошу вас, не пилите!

— Что может знать лукавая баба со своим легкомыслием! — рассердился Нольбу.

И, стукнув супругу кулаком, он прогнал ее прочь.

Снова заходила пила.

Плавно ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Крак! — тыква развалилась пополам, послышалось позвякивание колокольчиков, и показались два человека: один нес траурный флажок с написанными на нем именем и званием умершего, а другой — сверток погребального холста. За ними шествовали носильщики, которые на перекинутых через плечо веревках несли похоронные носилки и в такт шагам пели:

Нохо, нохо, нохо!

Давно открыли Южные ворота,
И медный гонг давно уж прозвучал,
Пропели петухи, и встало солнце,
Залив сияньем горы и потоки.
Нохо, нохо, нохо!
Эй, впереди идущий Пхён Дольнам!
Уж скоро солнце сядет за горою!
Так отчего ж ты топчешься на месте?
Эй, позади идущий Ким Дольсве!
У нас у всех давно устали ноги!
Зачем же ты так медленно шагаешь?
Нохо, нохо, нохо!

Похоронную процессию замыкали пять родственников умершего — все до единого калеки: горбун, слепец, заячья губа, глухой и немой.

Бедный слепец! Взгляните на него! Горько рыдая, идет он за носильщиками; но вот носильщики, желая посмеяться над слепцом, внезапно умолкают и двигаются тихо-тихо: без песнопений и звона колокольчиков. Почувствовав неладное, слепец кричит:

— Негодяи! Зачем обманываете слепца? Вас за это крепко накажут!

В этот момент до его слуха доносятся слова песни: «Нохо, нохо...», и слепца нагоняет какая-то другая похоронная процессия. «Вот они где!» — радуется слепец и, присоединившись к погребальному шествию, опять принимается голосить.

— Послушайте, вы не ошиблись, — говорит ему один из носильщиков.

«Ну нет, тебе не удастся провести меня», — думает про себя слепец и отвечает:

— Кого ты обманываешь? Ведь я же слышал, как вы пели: «Нохо, нохо!»

И продолжает следовать за чужими носилками.

Но тут с другой стороны вновь слышится песня:

Эй ты, слепец! Иди сюда!
Нохо, нохо, нохо!
Как говорят, Нольбу богат
И потчует на славу.
А не накормит нас Нольбу —

Сумеем мы и сами
Его на славу угостить
Жердями от носилок!
Нохо, нохо, нохо!

Опустив похоронные носилки во дворе Нольбу, носильщики закричали:

— Эй, Нольбу! Коли быка, готовь обед на сто человек!

А старший отпрыск умершего молвил:

— Мы прибыли сюда из Цзяннани, дабы предать земле прах усопшего родителя в том месте, где сейчас стоит твой дом. Поэтому сноси немедленно дом и пусти в продажу все свои поля. А мы положим здесь надгробную плиту, поставим у могилы пару каменных столбов да жертвенник для вознесения молитв духу предка и уйдем.

— Нольбу! — снова загревели сердитые носильщики. — Если отдашь нам десять тысяч лянов, мы обещаем унести носилки обратно. Тогда тебе не о чем будет тужить. Ведь «без покойника похорон не бывает»!

«Они, пожалуй, правы», — подумал Нольбу. Спешно продал он за бесценок свои земли и после долгих уговоров и призывов к сочувствию сошелся с носильщиками на трех тысячах.

Носильщики подняли погребальные носилки и зашагали прочь. Но тут Нольбу догнал их и спросил:

— Скажите, в других тыквах тоже нет сокровищ?

А те в ответ:

— Что в каждой тыкве, про то мы не ведаем. Но золото в одной из них есть непременно.

«Ага, все-таки есть золото!» — обрадовался Нольбу и сорвал следующую тыкву.

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Мерно ходит то взад, то вперед пила.

Крак! — с треском разошлись половинки тыквы, и из нее хлынула толпа шаманок, собравшихся, наверное, со всех восьми провинций. Тотчас загрохотали барабаны, зазвенели гонги, и шаманки принялись на разные голоса заклинать духов.

Одна из них выкрикивала:

— Молю, из Мира чистого явись, дух Тэбуджин!^[218]

Молю, явитесь, сорок государей-драконов и восемьдесят тысяч небесных владык!

Владыка моего жилища, хранитель дома с черепичной крышей! Владыка твоего жилища, хранитель дома, крытого соломой! Владыка этого жилища, хранитель соломенного шалаша! Вас заклинаю я, явитесь друг за другом!

Три владыки Очага: первый владыка — семнадцати лет, средний владыка — двадцати семи лет и последний владыка — пятидесяти семи лет! Молю, явитесь!

Другая шаманка пела:

На храме хранителя стен городских
Зачем ты кукуешь, кукушка?
Ответила птица: «Чтоб древний самшит
Оделся зеленым нарядом».
Подумала я: «Неужели на нем
Опять заколышутся листья?»
О духи зеленых развесистых ив
И горных вершин одиноких!
Лишь мы разлучаемся с миром навек,
Путем неизвестным уходим.

А третья заклинала так:

О ветер!
О луна!
Дух Лунного сияния!
Вас заклинаю: помогайте всем его делам — ежечасно,
Ежедневно, двенадцать месяцев в простом году и тринадцать в високосном!
Духи кумирен Ангвандан и Куксудан!
Дух кумирни полководца Чхве Хёна^[219] на горе Тонмульсан!
Дух кумирни Агиссидан на Вансимни!
Молю вас, будьте к нему благосклонны!

Глядя на все эти священнодействия шаманок, Нольбу сморщился, словно кошка, попробовавшая уксуса.

Покончив с заклинаниями, шаманки набросились на Нольбу и принялись колотить его в грудь своими барабанами, да так, что у него искры посыпались из глаз. В гневе и отчаянии Нольбу взмолился сквозь слезы:

— За что это вы меня? Уж если помирать, так знать хотя бы, за какие прегрешения, не было б обидно. Смилоствитесь, пощадите!

— Эй, ты, Нольбу! — закричали шаманки. — Не о твоём ли благополучии мы так усердно молили духов? Выкладывай живо пять тысяч лянов, и ни монетой меньше. А будешь упрячиться — снесем тебе башку!

Насмерть перепуганный Нольбу отдал шаманкам пять тысяч лянов и, всячески умоляя оставить его в покое, выпроводил их наконец со двора, а затем в ярости изрек:

— Если удача — так большая, коли крах — то полный! Попробую распилить еще одну тыкву!

И стал уговаривать Заячью Губу:

— Тыквы, которые ты до сих пор пилил, не принесли удачи, и виной тому судьба. Тебя теперь никто не станет упрекать, так что пили спокойно.

Но Заячья Губа заупрямился:

— А если я после твоих тыкв захвораю? Кого тогда я буду просить о помощи? Нечего говорить вздор. И так всем известно, что ты пустомеля.

Как ни упрашивал Нольбу Заячью Губу, тот ни в какую не соглашался.

— Найди себе работника поудачливей, а меня, несчастливую, не проси!

— Экий ты, право! — сказал Нольбу. — Уж если я пообещал больше не упрекать тебя, то так и будет. Отколоти меня, как последнего пса, если я еще раз затею ссору!

И он дал Заячьей Губе еще двадцать лянов сверх тех, которые были положены ему по уговору. Лишь после этого Заячья Губа, как бы нехотя взяв деньги и сунув их в поясной мешочек, принялся за работу.

Плавню ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Не допилив до конца, они попробовали заглянуть в тыкву: там виднелось что-то желтое. Нольбу это понял по-своему и, обрадованный, проговорил:

— Эй, Заячья Губа! Ты видишь? Тыква-то и впрямь полна золота. Давай скорее допилим ее!

Крак! — тыква развалилась, и — о Небо — оттуда, словно горох, посыпались коробейники, все с ярко-желтыми коробами на плечах.

Ошарашенный этим зрелищем, Нольбу обратился к коробейникам с вопросом:

— Послушайте, почтенные, что это у вас на плечах? А те в ответ:

— Там у нас стекло.

— Какое такое стекло?

— Ручные зеркальца и зеркала, подзорные трубы, увеличительные стекла для разглядывания картинок, а также наказания для тебя^[220]. Смотри, какие тут все чудесные картины! Просто загляденье! Вот вид Яшмового пруда, вот возлюбленная Ли Сона^[221] — прекрасная Сукхян и любимая наложница танского государя — Ян-гуйфэй, тут же подруга чуского правителя — красавица Юй и наложница Люй Бу — Дяочань!^[222] А это восемь чудных фей^[223]: принцессы Нанъян и Енъян и красавицы Чин Чхэбон, Ка Чхун, Кё Самволь, Чок Кёнхын, Сим Нёён и Пак Нынпха! Видывал ли ты когда-нибудь такую красоту?

От гама, поднятого коробейниками, у Нольбу волосы стали дыбом на голове. Желая поскорее испробовать другую тыкву, он дал коробейникам три тысячи лянов и стал их уговаривать:

— Послушайте меня, почтенные. Я из-за этих тыкв совершенно разорился. Три тысячи, конечно, не большие деньги, но если вы их сложите со своими, вам на дорожные расходы хватит. Ушли бы вы поскорее... А я испытаю еще одну тыкву.

Тогда коробейники пошептались меж собой и так сказали Нольбу:

— В следующей тыкве, кажется, уйма золота и серебра. Так что не сомневайся и пили.

Сказали и вмиг исчезли.

А Нольбу снова взялся за пилу.

Плавno ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Все глубже врезается в тыкву пила... Крак! — и из тыквы устремилось наружу бесчисленное множество людей в масках. Они тотчас же принялись бесчинствовать, громко распевая:

О ветер! О ветер! Откуда ты дуешь?
Не с юго-востока ли ты прилетел?

— А теперь, — закричали маски, — давайте грянем песню с рифмой «башня»!

Жестокими царями Цзе и Чжоу
Возведены две Яшмовые башни.
Царь Чжоу дни и ночи развлекался
С наложницей Дацзи в Оленьей башне.
В далекой дали высится на юге
Прославленная Фениксова башня.
А там, в Гусу, уж так пленяет взоры
Владыкой У воздвигнутая башня.
Незыблемой останется навеки
Прославленная Фениксова башня.
Из благовонных балок кипариса
Воинственный У-ди построил башню.
Дано название «Воробья из бронзы»
Воздвигнутой при Цао Цао башне.
Как много их построено на свете!
О тысяча и десять тысяч башен!

— Хватит про башни! Примемся теперь за Нольбу!
С этими словами маски набросились на Нольбу, схватили его за шиворот и повалили на землю.

— Ой, ой! Зачем так, уважаемые маски? Молвите только словечко — все сделаю по-вашему!

— Мерзавец Нольбу! — крикнули маски. — Что тебе дороже: деньги или жизнь?

— Сначала появился человек, а потом уже деньги. Как же деньги могут быть дороже?

— А коли так, выкладывай без промедления пять тысяч лянов!

Делать нечего; отдал Нольбу маскам пять тысяч лянов и сказал:

— Денег я вам дал столько, сколько вы велели. Прошу вас, расскажите мне теперь про содержимое остальных тыкв.

На это маски ответили так:

— Что в прочих тыквах, мы не знаем, но золото в одной из них есть, вне всяких сомнений. Если ты распилишь все тыквы, то непременно найдешь его.

И с этими словами исчезли.

Слова масок еще более распалили пустые надежды Нольбу. Бегом побежал он на гору и вернулся с тыквой на спине.

Но тут Заячья Губа с притворным участием стал убеждать Нольбу:

— Брось ты эти тыквы! Как можно верить каким-то маскам? «Выворачивать мошну, когда навалится беда», — положим, дело обычное, но я не в силах смотреть, как тебя колотят.

— Пустяки! — отвечал Нольбу. — Деньги у меня еще есть, попробую рискнуть: распилю все оставшиеся тыквы. Посмотрим, чем все это кончится...

— Раз уж таково твое желание, — сказал Заячья Губа, — не смею препятствовать. Но я бы на твоём месте еще не раз подумал, прежде чем пилить эти тыквы.

Тогда Нольбу в сердцах швырнул Заячьей Губе еще десять лянов и принялся за следующую тыкву.

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
Как распилим нашу тыкву,
Пусть на этот раз увидим
Небывалые богатства,
Золото и серебро!

С шумом упали наземь половинки тыквы, и из нее вырвалась толпа бродячих танцовщиц и музыкантов. Колотя в свои бубны, они с гиканьем и кривляниями распевали:

Я лунною, светлою ночью
Брожу средь осенних утунов.
Свежа во мне память о милом, —
Наверно, и он меня помнит!
Пою: «На-ни-на! О горы!»

Едва смолк хор, как одна из танцовщиц завела «тхарён»:

Неторопливым шагом прохожу
Я через горный перевал Паксок.
Вот ива, мне знакомая давно.
Не про нее ли сказано в стихах:
«Заезжий дом — в тени зеленых ив,
Прекрасных обновленною красой?»
Я сам к ее высокому стволу
В былые дни привязывал осла.
«Шел утром дождь над городом Вэйчэн,
И уличная пыль увлажнена».
Ручей сверкает брызгами дождя;
Я в нем когда-то ноги омывал.
Привет тебе, великолепный Терем!
Приветствую тебя, Сорочий мост!
Пятнадцатую ночью января,
Когда вы поклоняетесь Луне,
Не забывайте чтить отца и мать!
Они вам подарили плоть и кровь.
Как им воздать за их бесценный дар,
Неизмеримый, словно небеса?
Печален и уныл конец зимы.
Но в Дни холодной пищи^[224], в феврале,
Когда мы душу Цзе Цзытуя чтим,
Сойдет на горы дальние весна
И оживет сожженная трава.

Пока одни танцовщицы поют песни или декламируют старинные стихи, а другие распевают застольную, выделявая при этом всевозможные фигуры, взглянем на бродяг-музыкантов. Вот они все в ярко-желтых косынках и бамбуковых шляпах швырнули наземь свои дорожные котомки и под неистовый грохот барабанов пустились в пляс, покачивая в такт музыке бедрами и заигрывая с танцовщицами.

Так они прошлись по кругу раз и два и вдруг увидели Нольбу.

— А, вот ты где! — завопили бродяги и, схватив Нольбу за руки и ноги, принялись таскать его по земле, будто соху.

Нольбу показалось, что внутри у него все перевернулось, а глаза вот-вот выскочат из орбит.

— Да что ж это такое? — закричал он истошно. — Велите, что хотите!

Только не губите!

В ответ на его мольбу бродяги в один голос заявили:

— Хочешь остаться в живых — отдай нам все крепости на свои поля и земли. А будешь упираться — помрешь, не сходя с места!

С треском открыл взбешенный Нольбу комод и отдал бродягам бумаги, а те поделили их между собой и тотчас исчезли.

Глядя на все это, Заячья Губа решил, что пришла пора уносить ноги, и так сказал Нольбу:

— У меня дома неотложное дело. Я мигом обернусь.

— Э, приятель, — отвечал ему Нольбу, — начатое дело на полпути не бросай! Тыков у нас осталось еще порядком, а в какой-то из них, говорят, много золота. Неужто мы не найдем его, если распилим одну за другой все тыквы? Отныне я буду добавлять тебе денег за каждую распиленную тыкву.

Тут уж Заячья Губа не мог устоять и снова взялся за пилу.

Плавно ходит пила.

Ну, наддай!

Крак! — и из развалившейся тыквы, стараясь опередить друг друга, стали выскакивать мужланы: Говорун, Упрямец, Нанджуги, Мошка, Жучок, Кунпхёни, Здоровяк, Есуги, Мусуги, Хагони, Погони, Коротьшка, Дубинка, Крючок, Злюка, Лоскут, Плакса, Крепыш... Выбравшись из тыквы, мужланы тотчас же схватили Нольбу, крепко-накрепко скрутили его бельевой веревкой и подвесили на дереве. Затем отыскиали промеж себя молодчика, ловко орудующего палкой, и приказали ему:

— Бей этого мерзавца что есть силы!

Молодчик засомневался.

— А что, если он очокурится от такой взбучки? Разве получена бумага, что с ним можно обращаться как с убийцей?

Часть мужланов, посоветовавшись, решила:

— Не будь такой бумаги, нас бы не стали собирать всех вместе. Потешимся вдосталь над этим негодяем, а напоследок разорвем его на части и разоидемся. Прекрасный способ убить время.

— Правильно! — закричали остальные.

Пока одна половина мужланов готовила казнь Нольбу, в центре внимания прочих оказался Тхольпхёни.

— Пусть каждый, — предложил он, — как умеет, споет одну

коротенькую песню. А кто не сможет открыть рта, того накажем штрафным хлебом!

И с этим уговором Тхольпхёни первым начал песню:

Иней выпал предрассветный,
День встает. Проснитесь, дети!
Там, на северной вершине,
Вырос папоротник пышный.
Отправляйтесь спозаранку
Рвать его, наварим нынче
Для вина закуски свежей.

Следом за ним какой-то мужлан запел:

Возможно ли поспорить человеку
Со справедливой волею небес?
Уж если мы безнравственным поступком
Зовем поджог дворца Афан в Саньяне,
То что сказать о княжиче Иди^[225],
Утопленном в реке Биньцзян убийцей?

Затем вперед вышел Кунпхёни и спел песню — смесь из коротких стихов:

«Не каждый мог назвать
Любимую любимой,
Не каждый тосковал
И сетовал в разлуке».

«Неслышно Имчжинган
И Тэдонган струятся,
И грустное «куку»
Звучит с гробницы царской».

«Так нацеди вина
Нам поскорее, мальчик!
Мы нынче будем пить

И будем веселиться!»

Упрямец спел несколько строф из разных стихов с рифмою «ветер»:

«Перед воинами был
В травах и деревьях ветер».

«Челн, плывущий по Бяньши,
Обвеваает дальний ветер».

«С веток персиковый цвет
В сумерках роняет ветер».

«Молит духов Чжугэ Лян
О юго-восточном ветре».
Как связать мне меж собою
Это множество «ветров»?

Здоровяк спел песенку подобного же рода с рифмою «лет»:

«В краю пустынных рек и диких гор
Безмолвие царит уже сто лет».

«Ночной порой, при ветре и луне,
В Цзяннани я тоскую много лет».

«Неразделимы радость и печаль,
Так на земле ведется сотни лет».

«За жизнь свою не может человек
Изведать дважды счастье юных лет».

«Год кончен — миновали холода,
Но не считаю я идущих лет».

За ним снова запел Упрямец — на этот раз его песенка была с рифмою

«людей»:

«На зелень ив устремлены глаза
Поток переплывающих людей».

«Цвет тополя вселяет грусть в сердца
Переправляющихся вброд людей».

«На всех — цветы кизила... Лишь меня
Недостает в кругу родных людей».

«Уйдешь на запад из заставы Ян —
Не будет близких у тебя людей».

Далее последовала песня Крючка о временах года:

Весной цветы повсюду расцветают,
А летом в рощах зеленеют листья.
По осени прекрасен клен багряный
И яркие желтеют хризантемы.
Зимой кружатся в воздухе снежинки
И сходят воды, обнажая камни.
Что было бы без четырех сезонов?
Что было бы без верности на свете?^[226]

Злюка сложил песню на тему «благодаяние»:

Как может жизнь свою прожить спокойно,
Ни разу не свершив благодаянья,
Тот, кто на свет родился человеком?
На десять тысяч лет свой род продолжив,
Потомкам суждено прославить предков.
Оставив дом почтительным потомкам,
Благодаянье предки совершают,
Суйжэнь содеял благо, обучая
Людей, как на огне готовить пищу.
Дав воинам для битв щиты и копья,

Сюань Юань^[227] свершил благое дело.
Помянем заодно «благодаянье»^[228].
Лю Сюаньдэ, который правил царством
Во времена «трех государств» в Китае;
«Благодаянье» Чжан Идэ, который
В стране Си-Шу был славным воеводой;
«Благодаянье» Пан Дэ, который
В стране Си-Лян был видным полководцем;
«Благодаянье» полного коварства
Цао Мэндэ, героя Века смуты.
Но что нам эти все «благодаянья»?
Посмотрим, что Нольбу за благодетель!

Есуги тоже сочинил песенку — с рифмою «занятие»:

В эпоху Троецарствия, когда кругом раздоры,
сражение — подходящее занятие.
В луну шестую страждущим от духоты и зноя
обмахиваться веером — занятие.
На берегу под дождиком, что зарядил надолго,
рыбачить — тоже славное занятие.
В горах с лесною чащею, в глуши ущелий горных
и топором орудовать — занятие.
Сгребать листву опавшую в лесу осеннем в кучи —
конечно, тоже дельное занятие.
Игла мелькает быстрая в руке у молодежи...
Весьма необходимое занятие!
У старикашки дряхлого язык все мелет, мелет...
Что говорить, полезное занятие!

А Плут пропел:

Бил наотмашь в грудь горбатых,
Бил беременных в живот,
Искры первые пожара
Со злорадством раздувал,
Колотил горшки и миски

В мастерской у гончара,
У жилища роженицы
Пса бродячего убил,
В месте, где болели оспой,
В землю колья забивал
И везде, где только мог он,
Людям ногу подставлял!

Натешившись песнями, мужланы сели и принялись расспрашивать друг друга, кто где живет и кого как зовут.

— Ты где живешь? — спросили одного.

— Я живу в Ванголе, — отвечал тот.

— Вот как? Купил, говоришь, тростнику для циновок?^[229]

— Да нет же! Я говорю, что мой дом находится в Ванголе.

Тогда вперед выскочил Кунпхёни и принялся растолковывать остальным, что такое Вангол.

— Понятно! Этот парень хочет сказать, что он из Ванголя. «Ван» значит «король», а «гол» — «поселок». Выходит, что ты живешь где-то около королевского дворца в Сеуле?

— Да, да! Именно там я и живу.

— А ты где живешь? — спросили другого.

— У самого неба, — отвечал мужлан.

— Он, верно, живет на улице духов, у ворот Мудонмун, — пояснил Кунпхёни.

— А ты, дружище, откуда?

— Я живу снаружи за оградой внутри ограды.

Кунпхёни мигом растолковал и этот ответ:

— Ага! Ты, верно, живешь между внутренними воротами Чханыймун и внешними воротами Ханбунмун. Вот и получается, что твой дом «и в ограде и за оградой». Это где-то возле Бумажной управы, не так ли?

— Нет, не там.

— Тогда понятно, — сказал Кунпхёни. — Ты, видно, живешь между большими и средними воротами дома. Так ты, значит, холопий сын? Отойди-ка вон туда!

— А ты где живешь? — спросили еще одного мужлана.

— В никакой переулке.

Кунпхёни призадумался.

— Что-то я никак не могу припомнить такого места.

— У меня нет своего дома, живу где придется, — объяснил мужлан.

— Ну, а ты, уважаемый!.. Вот тот, который позади всех уселся! Где ты живешь и как твоя фамилия?

— Моя фамилия — «два человека борются», — ответил мужлан загадкой.

— Борющихся людей, — стал рассуждать вслух Кунпхёни, — напоминают написанные рядом два иероглифа «дерево». А сдвоенное «дерево» значит «лес» и читается «лим». Выходит, что твоя фамилия — Лим.

— А как твоя фамилия? — спросил Кунпхёни следующего.

— «На дереве шляпа», — последовал ответ.

— На дереве шляпа... Ясно! Тебя зовут Сон.

— А тебя, уважаемый, как кличут?

— «Под коричневым деревом стоит Сын Неба».

— Понятно, — сказал Кунпхёни. — Ты — Ли.

— Ну, а ты, дружище, кто такой?

Мужлан, совершенный невежда, — из тех, которые, увидев букву «г», полагают, что это нарисована железная скоба, — в ответ понес несусветную чушь:

— Моя фамилия, стало быть, такая: «под деревом Карлица стоит сынишка Екчоксве». То бишь я хочу сказать, что меня тоже зовут Ли.

— А как тебя зовут? — обратился Кунпхёни к другому мужлану.

— Поверни вокруг четыре раза «гору», и ты узнаешь, как меня зовут, — ответил тот.

Кунпхёни подумал немного про себя и сказал:

— Если повернуть иероглиф «гора» четыре раза вокруг вершины, то получится иероглиф «поле», который читается «чон». Стало быть, твоя фамилия Чон.

Мужлана, к которому обратился Кунпхёни, звали Пэ, и славился он тем, что никогда не мог ничего запомнить. Поэтому, чтобы не забыть свою фамилию, он постоянно носил с собою в поясном мешочке грушу^[230]. Услыхав вопрос, Пэ, не говоря ни слова, развязал мешочек и полез за грушей. Но та как сквозь землю провалилась. В растерянности мужлан хватил себя по затылку и выругался:

— Чертова фамилия! Сколько я уже натерпелся из-за нее! Вот и нынче какой-то прохвост стянул ее у меня. С тех пор как я появился на свет, моя фамилия обошлась мне уже в восемнадцать монет. А сегодня она, видно, разорит меня окончательно...

И снова принялся лихорадочно шарить в поясном мешочке.

Тогда Кунпхёни стал бранить мужлана:

— Друзья спрашивают у него фамилию, а он знай молчком копошится в своем мешке. Куда это годится?

— А ты не придирайся, коли не можешь понять, в чем дело. Моя фамилия известна каждому! — сердито отвечал ему мужлан, шаря по всем уголкам мешка.

Но груша исчезла. Вместо нее из мешочка вывалился лишь грушевый черенок.

— Наконец-то! Не мог он никуда деваться! — воскликнул мужлан.

Подобрав торопливо черенок, он замахал им в воздухе.

— Вот она, моя фамилия!

— Так, значит, твоя фамилия Черенок?

— Да, да! Именно так: Черенок!

— Кто там еще? — спросил Кунпхёни.

— Я! Моя фамилия простая: если ты прибавишь к знаку «ан» — «седло» знак «пу», что значит «лопнуть», а напоследок приставишь иероглиф «дон» — «дубинка», то ты смекнешь, что меня зовут Ан Пудон.

— А тебя как звать? — обратился Кунпхёни к следующему.

В ответ мужлан вытянул вперед два крепко сжатых кулака.

— Вот моя фамилия!

— Понятно, — засмеялся Кунпхёни, — твоя фамилия, по-видимому, Чу, а имя — Могви^[231].

— Верно! Так меня и зовут!

— А это кто там стоит в стороне? Давайте уж представимся друг другу все до единого человека. Поведай и ты, друг, свою фамилию.

— Я сын Дубинки.

— А ты кто такой?

— Чо Чхиан.

Жучок с бранью напустился на мужлана, назвавшегося Чо Чхианом:

— Послушай! Знакомиться друг с другом — стародавний обычай, которому не меньше как полтысячи лет. Что значит «дрянь»?^[232]

Мужлан, громко смеясь, ответил:

— Чо — моя фамилия, а Чхиан — имя. Сам посуди: кому придет в голову сказать при знакомстве «дрянь»?

— Это, пожалуй, так, — согласился Жучок.

Вдруг один из мужланов выскочил вперед и сказал:

— Слушайте, братцы! У нас еще будет случай погулять. А сейчас давайте расправимся с Нольбу!

Его поддержали еще несколько молодчиков:

— Мы так увлеклись знакомством, что совсем забыли про Нольбу. Неладно у нас получилось. Давно бы уже можно было растерзать мерзавца в клочья!

Не теряя времени, мужланы набросились на Нольбу и принялись хлестать его по щекам, пинать ногами и щипать. Затем они стали пытаться его: продев две палки меж связанных у щиколотки ног, крутили ему «ножницы», стегали розгами, до хруста в костях стягивали тетивой ноги у лодыжек, вставляли между пальцев горящие фитили, прикладывали к телу раскаленные железные прутья...

Будь Нольбу из железа, и то бы ему не устоять под такими пытками. Отплевываясь кровью, он стал на все лады умолять мужланов:

— Пощадите, будьте милосердны! Не убивайте меня! Велите уплатить деньги — дам денег, хотите риса — дам рис, велите отдать жену — отдам и ее. Только не лишайте меня жизни!

Тогда мужланы напоследок еще раз-другой сдавили палками ноги Нольбу и сказали:

— Так вот, мерзавец, слушай! Мы идем любоваться видами Кымгансана и нуждаемся в деньгах на дорогу. Выкладывай не мешкая пять тысяч лянгов. Не то мы тотчас прикончим тебя!

Онемевший от страха Нольбу отдал мужланам деньги, и ватага тут же исчезла.

После перенесенных пыток Нольбу не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Однако он по-прежнему не оставлял своих пустых надежд. Уверенный в том, что теперь его безусловно ждет удача, Нольбу на четвереньках взобрался на горушку, извлек из зарослей еще одну тыкву и убедил Заячью Губу распилить ее.

Плавно ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Наддай еще!..

Крак! — тыква распалась на две половинки, и из нее валом повалили слепцы со всех восьми провинций. Постукивая палками и устрашающе сверкая белками глаз, слепцы кричали:

— Теперь-то, негодяй, ты от нас никуда не скроешься — ни на крыльях, ни ползком. В поисках тебя мы обошли всю округу, были в Мугедоне и Сангедоне, не пропустили ни одного дома в окрестных селах.

А ты, оказывается, вон где! Сейчас мы тебе покажем свою сноровку!

И слепцы, размахивая посохами, двинулись на Нольбу.

Нольбу без памяти кинулся бежать, но слепцы — а ясновидцы проворней зрячих! — в один миг сцапали его. Поняв, что ему не спрятаться от слепцов, Нольбу взмолился:

— Чем прогневал я вас, почтенные слепцы? Умоляю, не губите меня! Исполню все, что только прикажете.

Но тут слепцы оставили Нольбу и под рокот своих барабанов стали читать молитву:

— «Тысячерукая и Тысячеокая Авалокитешвара бодисатва, благостная и любвеобильная, чудесная и вечная, великая и совершенная, милосердная сострадательница! Южный огненный царь, Западный золотой царь, Северный водяной царь! Владыка звезд, дух Таи! Вас заклинаем: ниспошлите погибель негодяю Нольбу! Молим, да исполнится это!»

Помолившись, слепцы снова бросились на Нольбу и принялись колотить его палками, словно собаку, предназначенную на убой.

Некоторое время Нольбу крепился, но скоро ему стало невмочь. Отдал он слепцам пять тысяч лянов и подумал:

«Денег в доме не осталось ни гроша. Все состояние пустил на ветер! Как мне теперь жить — не знаю. Но «начато — кончай», а еще говорят так: «Сладкое за горьким». Не может быть того, чтобы мне не повезло в конце концов!»

С этими мыслями Нольбу снова отправился на горюшку и, отыскав среди густых плетей другую тыкву, сказал Заячьей Губе:

— Смотри, какая белая и славная на вид эта тыква. Должно быть, битком набита драгоценностями. То-то на славу ты заживешь, когда мы завладеем ими. Ну, берись смелее за пилу! Посмотрим, что там такое.

И Нольбу приставил пилу к тыкве.

Плавно ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Немного попилив, Нольбу и Заячья Губа осторожно приложились ухом к тыкве и прислушались — оттуда, словно раскаты грома, неслись возгласы: «Фэй! Фэй!»

Испуганный Нольбу понял, что его опять ожидает какая-то беда, и, положив потихоньку пилу, попятился от тыквы. Заячья Губа тоже шарахнулся в сторону и уже собрался дать тягу, как вдруг из тыквы кто-то

рявкнул сердито:

— Чего вы там копаетесь? Почему бросили пилить? Мне страшно неудобно сидеть в тыкве, нет сил терпеть. Пилите же скорее!

Дрожа от страха, Нольбу проговорил:

— Вы только что изволили упомянуть о каком-то «фэй». Не откажите в милости, растолкуйте, что это значит.

В ответ из тыквы донеслось:

— Фэй, фэй, скотина!

— Вот вы все говорите «фэй», — продолжал Нольбу. — Хотелось бы узнать, прежде чем допиливать тыкву, кого вы имеете в виду: наложницу ли танского государя Ян-гуйфэй или кого-нибудь другого.

На это из тыквы последовал ответ:

— Нет, я говорю о себе. Я команду лестницей — Чжан Фэй по прозвищу Идэ, уроженец Янь, побратим дядюшки Лю, потомка правящего дома Хань. И если ты сейчас же не распилишь тыкву, я не ручаюсь за твое благополучие.

Нольбу при имени Чжан Фэя в трепете повалился наземь и потихоньку запричитал:

— Ай-яй, Заячья Губа! Что же нам теперь делать? Денег-то ведь уже нет. Видно, пришел нам с тобой конец.

Заячья Губа отвечал ему с ядовитой усмешкой:

— Ты-то, положим, сдохнешь поделом. А мне за какие грехи помирать? Ляпнешь в другой раз этакое, я тебя первый отправлю на тот свет!

— Ну, ты оставь свои шуточки! — рассердился Нольбу. — Давай-ка лучше допилим тыкву да посмотрим, чем все это кончится.

И он нехотя взялся за пилу.

Взвизгнула в последний раз пила, и в ту же минуту из тыквы проворно выскочил полководец. На черном, будто облитом тушью, лице полководца остро выпячивался вперед тонкий подбородок и свирепо поблескивали огромные глаза, над головой возвышалось длинное копье с наконечником в виде восьми змей.

— Негодяй Нольбу! — зычным голосом закричал полководец. — С тех пор как ты явился на свет, ты ни разу не выказал почтения к родителям, с братом не дружишь, с родичами в ссоре. Грехов у тебя, что волос на голове. Могло ли Небо остаться равнодушным к этому? Верховный Нефритовый владыка повелел мне разорвать тебя на десять тысяч частей, дабы тем самым искупить твои неисчислимые грехи. За этим я и прибыл сюда. Ну, а теперь крепись!

Молвив это, полководец своею мягкою, но сильною рукой схватил Нольбу и стал его подбрасывать и вертеть, словно пустую тарелку.

Нольбу от страха лишился чувств, а придя в себя, заплакал и стал умолять о пощаде.

Тогда полководец сжалился и, отпустив Нольбу, так сказал ему:

— Ты, вне всяких сомнений, стоишь того, чтобы тебя разорвали на десять тысяч частей. Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что тебя можно простить. Не смей отныне обижать своего доброго брата, живи с ним в мире.

И тут же исчез.

А Нольбу, не успев даже как следует опомниться от учиненной ему встряски, побежал на гору: там еще оставались две тыквы. Притащив одну из них, Нольбу принялся уговаривать Заячью Губу:

— Посочувствуй мне хоть ты, Заячья Губа! Хотел я стать обладателем сокровищ, а вместо этого потерял все свое добро и оказался нищим. Неужели все тыквы такие? Сдается мне, что на этот раз нам наконец повезет. Давай-ка без лишних слов примемся за дело.

Заячья Губа не стал ему перечить и снова взялся за пилу.

Как распилим нашу тыкву,
Пусть на свет потоком хлынут
Небывалые богатства,
Золото и серебро;
Получу я столько денег,
Сколько у Хынбу в кармане!

— Что до сокровищ, пусть их будет побольше. Не дай лишь бог наложницу вроде той, что явилась Хынбу, — вставила стоявшая неподалеку жена Нольбу.

— Экое же ты создание! — рассердился Нольбу. — Вот ведь уже нищая, у которой ничего нет за душой, а туда же — ревновать! Поди прочь, лукавая баба!

Вжик-вжик! — взад-вперед ходит пила.

Спустя некоторое время Нольбу прижался ухом к тыкве и послушал: на этот раз оттуда не доносилось ни звука.

— Тыкву уже почти что распилили, а ничего не слышно! Верно, из этой тыквы будет толк, — сказал Заячьей Губе обрадованный Нольбу и стал торопливо водить пилой.

Но когда они распилили тыкву, то оказалось, что в ней ничего нет. Тыква была совершенно пуста!

Нольбу это несказанно обрадовало, а Заячья Губа подумал: «Тут что-то не так. Сколько уж тыкв распилили, и в каждой непременно была какая-нибудь пакость. Почему же эта тыква не похожа на остальные?»

И, отойдя за угол будто бы за нуждой, он со всех ног пустился наутек.

Долго ждал его Нольбу и, не дождавшись, стал рубить тыкву топором. Но, кроме беловатой, довольно аппетитной на вид мякоти, в тыкве ничего не было. Тогда Нольбу позвал жену и сказал ей:

— Послушай, я уже проголодался. А тыква эта так и просится, чтоб ее съели. Свари-ка из нее похлебку. Подкрепимся всем семейством и с новыми силами примемся с тобой вдвоем за последнюю тыкву. В старину люди говаривали: «Сладкое — за горьким». Вот на меня поначалу и навалилась всякая нечисть, а под конец улыбнется счастье. Неужто Небо оставит меня? Уж так ведется: кто задумал обзавестись богатством, тот с малых лет подвергается тяжким испытаниям. Ставь поскорее варить похлебку.

Повеселевшая супруга Нольбу нарубила мякоть тыквы крупными ломтями, приготовила соевый соус, доверху налила в большой котел воды и развела такой сильный огонь, словно собиралась варить не тыкву, а говяжий мосол.

К полудню похлебка была готова, и каждый член семьи отведал по чашке.

Когда с едой было покончено, Нольбу с раздувшимся после похлебки животом повернулся к жене и, рыгнув, проговорил:

— Уф, хороша нынче похлебка. Тан-дон!

— Да, похлебка вышла на славу. Тан-дон! — согласилась жена.

— Ой, как вкусно! Тан-дон! — в один голос заявили дети.

— Что за чертовщина? — изумился Нольбу. — Как поели этой тыквы, так все отчего-то стали после каждого слова добавлять «тан-дон»! Тан-дон!

— И точно! — подтвердила супруга. — У меня тоже после этой похлебки изо рта невольно вылетают какие-то странные звуки!.. Тан-дон!

— И мы, мама, тоже теперь почему-то стали говорить «тан-дон». Тан-дон! — закричали дети.

— Ох, дети, впрямь что-то неладное творится! Тан-дон!

Тогда Нольбу с бранью набросился на супругу:

— Ты у меня не дури! Тан-дон! Какой это похлебки ты наелась, что без конца теперь твердишь «тан-дон»?.. Тан-дон!

— Простите, виновата... Тан-дон! — отвечала супруга.

А между тем звонкое, как всплеск струн каягыма, «тан-дон» гуляло уже по всему дому. «Тан-дон!» — кричала дочь Нольбу, «тан-дон!» — вторил ей брат, «тан-дон!» — бранилась тетка Нольбу, «тан-дон!» — вопили дети слуг.

В ту пору мимо проходил сюцай Ван. Услыхав странные звуки, доносившиеся из-за плетня, Ван спросил Нольбу:

— Послушай, Нольбу! Чего вы там наелись все, что издаете такие звуки?

Нольбу почтительно отвечал ему:

— Выросла у меня, недостойного, тыква, и мы сварили из нее похлебку, а когда отведали ее, из нас стали сами собой вылетать эти звуки.

Сюцай не поверил Нольбу и сказал:

— Что за чепуху ты говоришь! Где это видано, чтобы человек, поев тыквенной похлебки, стал издавать такие звуки? Ну-ка, зачерпни мне немного в чашку твоего варева!

Нольбу подал сюцаю чашку с похлебкой.

Попробовав похлебку, сюцай нашел, что она великолепна, и с аппетитом съел всю чашку, а затем проговорил:

— Похлебка у тебя отменная! Тан-дон!.. Ой, я тоже, кажется, сказал «тан-дон!». Тан-дон!

И он против своей воли повторил несколько раз кряду «тан-дон». Раскаялся Ван, что вздумал попробовать похлебку, и, проклиная Нольбу, отправился восвояси.

Призадумался и Нольбу. Сажал он тыквы, чтобы стать богачом, — и вот чем кончилось: потерял большое состояние да претерпел злоключения, какие никому не снились. А тут вдобавок новая напасть: весь дом твердит «тан-дон»! Такого, верно, еще ни у кого не бывало!

Кляня свою судьбу, Нольбу с серпом в руках взобрался на гору и принялся с остервенением кромсать тыквенные, плети, как вдруг увидел: под побегами, в тени, лежит тыква — величиною с огромный колокол и весом не меньше чем в тысячу кынов.

Гнев Нольбу тотчас же растаял, будто снег. Вновь ожила в его душе надежда, и он молвил про себя:

— Наконец-то тыква с сокровищами в моих руках! Судя по ее весу, в ней сплошь одно золото. Потому, наверное, она и спряталась среди стеблей, подальше от чужого глаза, что в ней заключены несметные богатства. А я-то сокрушался понапрасну! Выходит, что те господа в масках, которые давеча явились из тыквы, не обманывали меня, когда говорили, что в одной из них есть золото. Эх, знай я раньше, что тыква с

золотом лежит именно здесь, я бы не стал пилить остальные тыквы, а начал сразу с этой!

И ликующий Нольбу покати́л тыкву вниз, весело напевая:

Чоыль, чоыль, чоыльсиго!
Чихваджа чоыльсиго!
Жалкий горбун не дождался
И убежал раньше срока —
Вот вам и все его счастье!

Но тут навстречу ему выбежала жена и закричала:

— Что вы делаете? Перестаньте! Неужели вам еще не опротивели эти тыквы? А если из нее снова вылезут дурные люди? Зачем вы притащили ее?

— Ступай прочь, глупая баба! — отвечал ей Нольбу. — Эта-то тыква как раз и есть золотая. Разве ты не станешь важной птицей, когда мы будем обладателями сокровищ? Перестань говорить чепуху да берись за пилу.

Установив тыкву перед собой, Нольбу приставил к ней пилу и принялся за работу.

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Когда пила углубилась в тыкву почти до половины, Нольбу с волнением заглянул в щель: вся полость тыквы была заполнена чем-то желтым-прежелтым, похожим на чистое золото.

— Наконец-то! — воскликнул Нольбу. — Загляни-ка, жена, в эту тыкву! Видишь, как там все отливает желтым? Это слитки золота!

Жена отвечала ему:

— По цвету и впрямь будто бы похоже на золото, да только что-то уж больно мерзкий дух идет из этой тыквы. С чего бы это?

— Экие глупости ты говоришь! — сказал Нольбу жене. — Разве ты не знаешь, что тыквы бывают перезревшие и недозревшие? Эта тыква слишком перезрела, вот она и пахнет так скверно. Давай-ка поскорее распилим ее!

Но вот пилить осталось уже совсем немного. Тогда супруги остановились и, опутившись на корточки, с опаской и любопытством

заглянули каждый со своей стороны внутрь тыквы. Внезапно оттуда рванул ветер, послышался гул, и хлестнула струя зловонной жижи, заставившая Нольбу и его супругу шарахнуться в сторону.

В мгновение ока бурлящий поток нечистот, который мог бы сдвинуть с места гору Тайшань и заставить выйти из берегов море, заполнил доверху все помещения в доме.

Испачканные с головы до ног, супруги бросились бежать прочь, а когда оглянулись, то увидели, что их жилище целиком погребено под нечистотами. Узнай о них торговцы удобрениями из Вансимни, Нольбу мог бы стать обладателем круглой суммы.

Ошеломленный Нольбу затопал ногами и закричал:

— Что же нам теперь делать, жена? Чаяли мы обрести сокровища — и промотали все свое добро. А эта мерзость лишила нас даже одежды! Что будем есть мы с малыми детьми в долгие дни лета, во что оденемся студенной выюжною зимой? О горе, горе нам!

Пока Нольбу горестно стenal, зловонный поток достиг домов живших по соседству янбанов и стал заливать их жилища. Тогда янбаны посовещались меж собой и, спешно позвав слугу Кодусве, приказали ему схватить немедленно Нольбу и доставить к ним.

Словно на крыльях, помчался Кодусве к Нольбу, на которого он уже с давних пор точил зуб, схватил его за шиворот и поволок на расправу.

Когда Нольбу оказался на коленях перед янбанами, один из них обратился к нему с такими словами:

— Слушай меня, мерзавец Нольбу! Ты никогда не чтил своих родителей, с братом рассорился, ни с кем из родичей не ладишь — одни лишь деньги у тебя на уме. Мало того что ты хуже всякого разбойника, еще и какое-то пагубное дело затеял. Нам, здешним янбанам, уже все уши прожужжали про то, как на твой дом обрушились несчастья и как ты погубил себя. Это тебе возмездие за грехи, но из-за твоих прегрешений пострадали также дома янбанов. Мыслимо ли найти еще где-нибудь такого негодяя? За свои преступления ты в скором времени предстанешь перед судом, а сейчас ты обязан до захода солнца убрать все эти нечистоты. Будешь медлить — не быть тебе живу.

Затем янбан велел Кодусве связать Нольбу, поставить его коленями на черепицу и колотить большим пестом для обдирания риса, не отпуская до тех пор, пока он не уберет нечистоты.

Вконец убитый горем, Нольбу настолько растерялся, что не мог выговорить ни слова, а когда вышел из оцепенения, то, стоя по-прежнему на коленях, велел жене взять пятьсот лянов и поскорее нанять работников.

Созвала жена Нольбу торговцев удобрениями со всех предместий столицы: из Вансимни, Ангамнэ, Итхэвона, Тунгоми, Чхонпхэ, Чхильпхэ, установила им щедрую плату, и только после того, как они убрали все нечистоты, Нольбу был отпущен на свободу.

Обнялись бесприютные супруги и горько зарыдали.

Но вот о разорении и позоре Нольбу узнает Хынбу. Глубоко потрясенный, тотчас велит он слугам снарядить двое носилок с парой лошадей, отправляется к Нольбу и, усадив брата с супругой и племянников в носилки, везет к себе домой. Там он отвел гостям женскую половину, щедро снабдил их всем необходимым и часто принимал у себя, всячески выражая им сочувствие.

Тем временем Хынбу выбрал подходящее место, построил за большие деньги дом на манер своего и поселил в нем брата, выделив ему домашнюю утварь, платье и пищу — все точь-в-точь такое же, как у него самого.

Благородство Хынбу глубоко растрогало даже такого закоренелого негодяя, как Нольбу. Покаялся он тогда в своих дурных деяниях, и братья зажили в мире и согласии, какие редко встречаются у людей.

Хынбу и его супруга счастливо прожили в богатстве и почете до восьмидесяти лет. А у яшмового дерева и ветви яшмовые: в счастье и радости пребывали также дети и внуки Хынбу, и дом их из рода в род был полная чаша.

С тех пор народ не устает славить доброту Хынбу, и имя его будут помнить многие века.

Подвижница Сим Чхон

Весной, в благодатную пору цветов и зеленеющих ив, вся природа ликует. Овеваемые весенним ветерком, распускаются по ночам цветы персика и сливы — неисчислимое множество бутонов.

Вешние воды в озерах и реках,

Горными кручами мчат облака...^[233]

По долинам журчат ручейки; над зелеными холмами станицами летят журавли; золотистые иволги порхают меж ивовых ветвей; с рек Сяо и Сян тянутся к северу вереницы диких гусей. Опадающие лепестки цветов — словно бабочки, а бабочки — словно лепестки — кружатся, кружатся в воздухе, бессильно падают в мрачные воды Имдансу и, вестники чарующей весны, уносятся волнами и бесследно исчезают там, где в уезде Хуанчжоу уютится селение Персиковый цвет.

Жил в этом селении Сим Хаккю, потомок знатного и могущественного рода. Судьба обидела Хаккю — еще юношей он потерял зрение, и вот теперь бедствует в захолустье. Кроме жены, нет у него ни родных, ни близких. Ну кто, казалось бы, станет водиться с нищим слепцом? Однако жители Персикового цвета относились к нему с почтением: как-никак потомственный янбан, к тому же человек честный, бескорыстный, доброжелательный! Жена его, госпожа Квак, также была женщина достойная — в ней соединялись добродетельность королевы, красота Чжуан^[234] и преданность Мулань. Чуть ли не наизусть знала она «Книгу церемоний»^[235], «Домашние обряды»^[236], а также поэзию, в том числе стихи из «Книги песен». Госпожа Квак почитала мужа, заботливо и старательно вела хозяйство, ладила с соседями, отличалась гостеприимством и как положено совершала обряд поклонения предкам.

Супруги жили в большой нужде, как Ян-цзы, но были преданны друг другу, как братья Бо И и Шу Ци. Ютась в крошечной хижине, не зная никакого ремесла, не владея ни землей, ни слугами, они еле сводили концы с концами: питались овощами, пили ключевую воду. Бедная госпожа Квак не щадя сил трудилась на поденной работе: шила, стирала, красила материю, на свадебных торжествах готовила угощение, настаивала вино, пекла рисовый хлеб, и в такой вот работе, ни минуты не отдыхая, она проводила весь год. Все заработанные деньги она откладывала. Когда скапливалась достаточная сумма, она отдавала их в рост надежным лицам из окрестных мест, а потом тратила их на весенние и осенние поминальные обряды, на еду и одежду для себя и Хаккю. Ни нужда, ни болезнь мужа не тяготили ее. Односельчане уважали госпожу Квак, хвалили ее, и она не считала свою жизнь совсем уж безрадостной.

Так и шел за годом год. И лишь одно печалило Хаккю — не было у них с женой детей. Однажды слепец позвал госпожу Квак и сказал:

— Где ты, жена? Сядь-ка да послушай, что я тебе скажу. Ты знаешь: каждый смертный ищет себе подругу или друга жизни. А ведь частенько бывает и так — возьмет здоровый человек, не калека плохую жену, да и мается с ней. И вот не пойму я, за какие такие мои достоинства ты согласилась стать мне женой, трудишься день и ночь, ухаживаешь за слепым мужем, как за малым ребенком, следя, как бы он не замерз да не проголодался, и все время хлопчешь — то еду готовишь, то шьешь... Про себя скажу: у меня никаких забот, а вот ты совсем извелась от такой жизни! Прошу тебя, не надрывай ты свои силы на тяжелой работе! Много ли нам с тобой надо?

И еще одно заботит меня: нам обоим уже за сорок, а где же наше потомство — кровиночка наша родная? Ведь некому будет чтить память предков, когда оба мы уйдем в другой мир! С каким же лицом мы предстанем там перед ними? А кто зароет в землю наши останки и свершит похоронный обряд? Кто будет справлять большие и малые поминки? Кто принесет на могилу хоть чашку риса да глоток воды? Родилось бы хоть какое-нибудь дитя, хоть уродец, пусть девочка, пусть мальчик, — сбылось бы мое заветное желание. Право, не знаю, что и делать! Попробуй-ка помолиться с усердием духам священных гор и больших рек!

— В древних книгах сказано: «Есть три тысячи видов непочтительности к родителям, но хуже всего — не продолжить род». И есть ли на свете такой человек, который не хотел бы иметь детей? Я — грешная, бездетная женщина, но я смогла прожить до сего времени только благодаря вашему великодушию, и разве я пожалею себя, чтобы угодить вам? Не зная ваших благородных намерений, я не могла заводить разговор первая. Теперь же, когда вы сами помянули об этом, я охотно постараюсь исполнить ваше желание. Могу ли я отказать вам в чем-либо?

Так ответила госпожа Квак и с этого дня стала молиться, принося в дар Небу все то, что она зарабатывала своим трудом. Она молилась в даосском Храме духов священных гор и больших рек, в конфуцианском Храме предков, в буддийском монастыре Согванса. Она молилась Каменному бодисатве^[237], бодисатве Майтрейе^[238]; готовила рис для приношения духам, участвовала в постройке кумирен; жертвовала на алтари семи звезд, архатов^[239] и Индры^[240]. Она поклонялась даже простым монахам. Так она приносила молитвы всем духам и всем святым. Она исправно соблюдала посты, делала подарки монахам, зажигала свечи перед изваяниями святых, подавала бедным, чинила мосты и расчищала дороги на благо людям и даже прибегала к колдовству. Разве рухнет,

думала она, пагода, в которую вложено много трудов; разве обломится дерево, возвращенное заботливой рукой?

В год «Капча», на восьмой день четвертой луны, приснился госпоже Квак необыкновенный, чудесный сон: как бы в благостном знамении небо и земля озарились ярким светом, и вот, окруженная разноцветными облаками, спускается к ней на журавле с небесной высоты прекрасная фея: на голове у нее венец из живых цветов, стан окутан одеянием цвета солнечных лучей в легком тумане, по плечам раскинулось мелодично позванивающее яшмовое ожерелье, в руках — веточка коричневого дерева. Грациозно ступив на землю, она дважды поклонилась и стала приближаться к госпоже Квак. Казалось, будто фея Чанъэ выходит из Лунного дворца, будто бодисатва Авалокитешвара^[241] возвращается в Южное море. Госпожа Квак стояла как вкопанная от изумления, а божественная дева ласково обратилась к ней:

— Я — дочь богини Запада, Сиванму; несла Небесному владыке плод персика бессмертия да встретила в пути красавицу Ян-гуйфэй и, заигравшись с ней, немного опоздала. Тогда Небесный владыка, чтоб наказать меня, изгнал на землю, к людям. Неведом был мне путь земной, и вот великий Лао-цзы^[242], богиня земли и Повелевающий небесами Индра указали мне этот дом. Возрадуйтесь же моему приходу!

Фея стала подходить все ближе и ближе, и тут госпожа Квак проснулась. «О! Это вроде сон о муравьином царстве Нанькэ!» — подумала она. Когда же Квак поведала обо всем мужу, а Хаккю рассказал жене, что видел во сне он, оказалось, что им приснилось одно и то же. И они решили, что сон предвещает рождение ребенка, и сердца их возликовали. И вот, велением ли духов, милостью ли Неба, но с этого дня госпожа Квак стала носить дитя под сердцем. Сжалилось над ней Небо, над безутешными мольбами супруги Хаккю!

Во всех своих поступках госпожа Квак старалась соблюдать крайнюю осторожность: она не ложилась там, где было опасно или неудобно, избегала долго стоять без движения, не сидела скорчившись, пищу принимала только ровно нарезанную, непристойных речей не слушала, от некрасивых вещей отворачивалась. И вот пришел день, когда начались схватки и госпожа Квак не в состоянии была уже встать с постели и только стонала. Испуганный Хаккю побежал за соседкой и попросил ее помочь любимой жене разрешиться от бремени. Затем он принес охапку соломы для подстилки, поставил на столик фарфоровую чашку с чистой водой и, сев поудобнее, стал с нетерпением ждать... Внезапно в воздухе разнесся

благоуханный аромат, комната наполнилась разноцветным дымком, и на свет появилась чудесная девочка, подобная фее. Соседка перевязала пуповину, уложила малютку и распрощалась. Тут и госпожа Квак очнулась:

— Вот, дорогой супруг, я и сделала свое дело... Девочка это или мальчик?

Счастливый слепец, тихо поглаживая руками ребенка, ощупал его и, улыбнувшись, ответил:

— Насколько я могу разобраться, это, пожалуй, не мальчик!

Все женщины до родов желают одного — лишь бы все окончилось благополучно, однако, разрешившись от бремени, каждая надеется, что родился именно мальчик. Поэтому, опечалившись, госпожа Квак промолвила:

— Обидно, когда в мои годы первый ребенок — девочка.

— Не скажи, женушка, — отвечает ей Хаккю. — Хоть и говорят, что дочь хуже сына, но ведь может случиться, что сын окажется дурнем? Только предкам позор от него! Да я хорошую дочку не променяю на плохого сына! А ведь мы свою доченьку хорошо воспитаем, обучим ее сначала благодетельности и почтительности к старшим, потом приучим к рукоделию, а когда она вырастет, найдем ей хорошего жениха! Молодые счастливо заживут и подарят нам много внуков, и все они станут почтенными людьми!.. Не говори больше так!

Хаккю снова позвал соседку и, когда она быстренько приготовила первую похлебку для роженицы, накрыл стол в честь Трех духов^[243], оправил на себе одежду и, смиренно преклонив колени и сложив ладони, вознес молитву Трем духам:

— О, пресветлые духи неба бодисатв, неба Индры и его тридцати двух побратимов, духи двадцати восьми созвездий! Внемлите единым сердцем моим мольбам! На пятом десятке лет вы помогли моей жене и даровали нам дочь, и потому истлеют наши бранные тела, но не забудется в наших сердцах великая милость Трех духов! Она у нас — единственное дитя, и я молю вас: даруйте ей пять благ: долголетие Дунфан Шо^[244], богатство Ши Чуна, почтительность великого Шуня и Цзэн-цзы^[245], таланты Бань Чжао^[246], знатность и почет. Пусть растет она здоровой, пусть умнеет год от года, пусть живет счастливо много-много лет!

Кончив молиться, Хаккю накормил жену рисовой похлебкой и снова погрузился в размышления. Ну и что ж, что родилась девочка? Все равно душа его полна несказанной радости и гордости. Слепой, он не мог видеть

свое дитя и потому принялся тихонько поглаживать девочку и напевать:

— Спи, малютка, доченька моя! Ты для меня и дочь и сын сразу, и ни за какие деньги, ни за какие драгоценные камни я не отдам тебя! Спи, моя дочурка! Ведь ты для меня — что посох, один на десятерых слепых; ты — нефритовый подсвечник на столе в богато убранных покоях; фонарик из цветного шелка; ты — утренний ветерок, жемчуг, что вплетают в косы; ты — словно карп в ледяной проруби^[247]. Спи, моя дочурка! Я радуюсь тебе гораздо больше, чем если бы приобрел вдруг обширные поля и пашни или нашел бы разноцветные жемчужины. Наверно, это Сукхян с реки Пхёджинган обернулась тобой! А может, ты — Ткачиха с Серебряной реки? Баю-бай, доченька, баю-бай!

Дни и ночи проводит счастливый Сим Хаккю у постели своей дочурки, и душа его поистине блаженствует. И вот уже взгрустнувшая было госпожа Квак радуется вместе с ним, и радость супругов беспредельна!

Как жаль, однако, что ни радостями, ни печалью не в силах управлять человек, а жизнь и смерть подвластны одному лишь року, и потому грешному телу человеческому самой судьбой не дано жить вечно! В дом Хаккю пришло несчастье: госпожа Квак заболела родовой горячкой — свело дыхание, пропал аппетит, она лежала почти без сознания и только стонала. Перепуганный Хаккю позвал лекаря и приготовил лекарство, как тот велел, он читал сутры^[248] и прибегал к заклинаниям, но, как ни бился, болезнь не проходила. Убитый горем Хаккю присел возле больной и, наклонившись к ней, заговорил:

— Очнись, женушка! Скажи мне что-нибудь! Может, ты больна оттого, что потеряла аппетит и обессилела? Уж не наваждение ли это Трех духов или Повелевающего небесами Индры? Тогда ничто уж не спасет тебя! Что же будет со мной, если случится непоправимое? Я слеп, родных у меня нет, и негде мне приклонить голову, некуда деться. И еще болит у меня сердце: что я стану делать с девочкой? Ведь она только родилась...

Госпожа Квак задумалась. Она поняла, что болезнь ее уже не излечить. Тяжело вздохнув, она взяла мужа за руку и начала свою исповедь:

— Выслушайте меня, муж мой! Хотели мы с вами дожить вместе до седых волос, да от судьбы, видно, не уйдешь, я покидаю вас... Смерть не страшна мне, я только думаю: что же будет с вами? Ведь я всегда помнила: чуть недогляжу за больным мужем — быть беде; и потому я в жару и стужу не покладая рук работала на чужих людей из окрестных сел и,

заработав на рис и приправу, что получше — оставляла вам, сама же ела кое-как. И все время душа у меня болела — как бы вы не остались голодным, как бы не замерзли... Но, видно, на то воля Неба, — нам суждено расстаться, должна я покинуть вас навсегда. Кто теперь будет чинить вам одежду, кто накормит вас утром и вечером? Ведь вы остаетесь один-одинешенек, без родных и близких, и негде вам приклонить голову. Я словно воочию вижу, как вы бредете с палочкой и то падаете в яму, то спотыкаетесь о камень и жалобно стонете, как вы ходите по дворам и со слезами на глазах просите: «Подайте горсточку риса!» Да разве будет душа моя спокойна на том свете? Ну, а дитя, о котором я день и ночь молила Небо, которое я родила после того, как мне перевалило за сорок?! Ведь девочка так и не узнает вкуса материнского молока! Кто выкормит сиротку, кто позаботится о том, чтобы она была одета? Да как же я могу спокойно попрощаться с вами, как отправлюсь в далекий путь, если горькие слезы туманят мне глаза?!

Запомните, муж мой: я отдала на хранение почтенному Киму, что живет напротив, десять лянов. Живите на эти деньги первое время после моей смерти, да расходуйте бережно. Вон там стоит кувшин с едой — я запасла ее на время родов. Ешьте ее в первые дни после похорон. Выньте из сундука завернутый в платок пояс тайного королевского ревизора Чина, который я взяла, чтобы вышить на нем журавля. Не успела я... Отнесите эту дорогую вещь ее владельцу, пока я жива. Мамаша Квидок, наша соседка, мне словно родная. Идите после моей смерти к ней с ребенком и попросите покормить девочку — она вам не откажет. Если, даст Небо, малютка выживет, прошу вас, когда она сможет сама ходить, покажите ей дорогу к моей могиле. И вы скажите ей: «Дитя! Здесь могила твоей матери». Дайте ей повидаться со мною хотя бы так... Видно, мне на роду написано оставить свою малютку на руках у слепого мужа, а самой уйти туда, откуда не возвращаются. Не убивайтесь же, и дай вам Небо доброго здоровья на долгие годы!

Затаив в сердце заветную мысль — встретиться с мужем на том свете и никогда уж больше с ним не расставаться, — госпожа Квак тяжело вздохнула, повернувшись к дочери и, прикоснувшись нежно к ее личику, запричитала:

— О, как жестоки Земля и Небо, как безжалостны духи! О, хоть бы ты родилась раньше или я пожила бы дольше, а то не успела ты появиться на свет, как я расстаюсь с тобой навек. Безгранично горе в моей душе! За какие грехи матери суждено покинуть своего едва родившегося ребенка?! Прижмись же в последний раз к моей груди! Будь счастлива, дитя мое!

Потом она снова обратилась к мужу:

— Чуть не забыла! Девочку нашу назовите Чхон. Бусы из яшмы и жемчуга, которые я мечтала подарить ей, лежат в красной шкатулке; вы наденете их на доченьку, когда она начнет сама переворачиваться со спинки на животик. Наденьте так, будто это делаю я. Ох! О многом мне нужно еще сказать, да не могу — дышать трудно...

Она замолчала. Ее прерывистое дыхание напоминало порывы осеннего ветра, по лицу, словно моросящий дождь, текли слезы. Два-три раза она вздохнула, и дыхание ее оборвалось — госпожа Квак покинула этот мир. Горе, горе! О Небо, как можешь ты оставаться равнодушным к человеческим страданиям?

Сим Хаккю был слеп и не мог знать, что подруги его уже нет в живых. Ничего не подозревая, он обращается к ней:

— Послушай, женушка! Не всегда же люди умирают от болезни! Ты еще поправишься! Вот я сейчас схожу к лекарю, принесу лекарство... Успокойся же!..

Хаккю сходил за кореньями и, вернувшись домой, развел огонь в жаровне, приготовил снадобье и, процедив его через холщовый платок, понес больной:

— Дорогая, вставай! Выпей лекарство!

Он поставил чашку со снадобьем возле постели и хотел было осторожно приподнять жену, как вдруг его охватил непонятный страх. Руки ее висели безжизненно, дыхания не было слышно... Только теперь слепой Сим понял, что жена его покинула этот мир. Обезумев от горя, он зарыдал:

— О-о! Неужели ты умерла?

Он колотил себя в грудь, рвал на себе волосы, топал ногами и горько причитал:

— Уж лучше бы умер я, а ты осталась бы жить и вырастила нашу девочку! Но я жив, а тебя нет — как быть мне теперь с малюткой? Мы и с тобой жили бедно — как же будем жить без тебя? Во что я одену девочку, когда подует холодный северный ветер, чем накормлю, когда она заплачет?! Мы с тобой клялись когда-то всю жизнь прожить не расставаясь, но ты покинула меня, ушла далеко, в царство Янь-вана! [\[249\]](#) Вернешься ли когда-нибудь? Может, придет весна, и ты возвратишься вместе с ней? Но нет! Ты ушла за десятки тысяч ли, так далеко, что уж обратно не вернуться. Не увела ли тебя на пир богиня Сиванму в свой дворец, где растут чудо-персики? Или с Чаньэ ты улетела на луну готовить снадобье бессмертия? А может, ты ушла к гробнице Хуанлин молиться

женам правителя Шуня?

От рыданий у Хаккю перехватило дыхание, что-то заклокотало в горле. Он ничего не ел и все плакал, горько плакал. Слушая его стенания, и стар и мал в селении Персиковый цвет сокрушались. Да и кто бы не сокрушался? Меж собой люди говорили:

— Почтенная Квак скончалась — какое горе! И как жаль слепого Сима! В нашем местечке больше ста дворов, а ведь известно: с десятерых по ложке каши — и ты сыт; давайте же соберем по горстке риса да по монетке и похороним добрую женщину!

Сельчане, все как один, принялись готовиться к похоронам. Покойница была из бедных, но жители Персикового цвета всеми силами старались устроить ей приличные проводы. Позолоченный гроб госпожи Квак поставили на только что сооруженные погребальные носилки, где были разложены флажок с обозначением имени и фамилии покойной, холщовое погребальное покрывало и опахало. Сами носилки были убраны очень красиво: на них возвышался шелковый шатер с белыми шторами, отороченными синими и зелеными каемками; красные ленты исписаны золотыми иероглифами, ручки выкрашены золотой краской и увиты хризантемами. По обеим сторонам носилок — юные послушники, хранители четырех сторон света, в темном одеянии, со связанными в пучок волосами на макушке. Впереди носилок и позади них несут оранжевые полотнища с изображением зеленого дракона и фениксов: с восточной стороны — зеленый феникс, с западной — белый, с южной — красный, с северной — черный, в центре — желтый. Носильщики одеты в траурные одежды, головы их повязаны белыми холщовыми платками, на ногах у них — холщовые обмотки. Покачиваясь на ходу, они несут на плечах гроб с телом усопшей и тихо напевают:

— Тэн-гыран, тэн-гыран, охва-номчха-ноха!

А в это время слепой Сим, завернув дочь в пеленки, отдал ее па присмотр мамаше Квидок, затем надел траурное платье и, держась дрожащей рукой за носилки, поплелся, усталый и измученный, за гробом жены, причитая:

— Куда ты ушла от меня, дорогая жена?! Я тоже пойду с тобой, пойду хоть за тысячи ли! О, почему ты так жестока? Разве тебе не дорого собственное дитя?! Я все равно умру от голода или от холода, возьми же меня с собой!

— Охва-номчха-ноха!

Безудержно рыдает Хаккю, заунывно тянется песня носильщиков.

Бедная Квак была честная женщина,
Жаль, что она умерла!
Охва-номчха-ноха!
Не говори: далеко до кладбища,
Вон оно, там — на горе!
Охва-ноха-ноха!
Люди все смертны, и каждый однажды
Этой дорогой пройдет!
Охва-номчха-ноха!
Бедная Квак! Ты в могилу отправилась,
Семьдесят лет не прожив!
Охва-ноха-ноха!
Поют петухи, и луна уже спряталась.
Ветер над лесом шумит.
Охва-номчха-ноха!

Траурная процессия поднялась на гору, где должно было состояться погребение. На склоне, освещенном солнцем, могильщики вырыли глубокую яму, опустили гроб и засыпали могилу землей. После этого на могильном холме начали справлять поминки по усопшей: с восточной стороны холма была разложена рыба, с западной — мясо; хурму и ююбу разложили на восточной стороне, каштаны и орехи — на западной. Сим Хаккю был слеп не от рождения, он лишился зрения, когда ему едва исполнилось двадцать лет, и потому был человеком начитанным. Вот он сочинил и произносит надгробное слово:

Прощай, жена! Прощай, моя голубка!
Одна была ты сердцу дорога!
Давным-давно мы, помнишь, обещали
Друг друга никогда не покидать!
Но ты ушла и больше не вернешься,
Ты умерла, и нет тебя со мной!
Малютка дочь осталась сиротою —
Без матери не выживет она!
Теперь приют твой — сосны и катальпы,
Ты спишь в тени их непробудным сном...
Да! Навсегда исчез твой милый образ,
Навек твой голос для меня умолк!

Луна за ветви тополя укрылась,
В горах пустынных наступает ночь,
Какие-то тревожные звучанья,
Как шум дождя, печалют сердце мне...
Пути господни неисповедимы,
Постичь их смертным людям не дано!
Ты в мир иной ушла, я жить остался —
Нет утешенья сердцу моему!

— Прошу вас, добрые соседи, хоть стол наш и не так богат, отведайте вина, берите фрукты, мясо и возвращайтесь домой!

Сказав надгробную речь, Хаккю со словами: «Прощай, жена! Я ухожу, а ты остаешься здесь!» — упал на могильный холм и зарыдал вновь:

— Ты ушла от всего земного, осталась глубоко в горах под сенью сосен и тополей. Наверно, ты подружишься с кукушкой и будешь беседовать с ней светлыми лунными ночами в горах Цанъушань. Подумай же и обо мне: как мне жить, на кого надеяться? Ведь я теперь что желудь в собачьей похлебке, что коршун, упустивший фазана!

Долго и безутешно плакал Хаккю, обнимая могильный холмик, и не было никого, кто бы не утешал его:

— Не надо! Не убивайтесь так! Забудьте на время об умершей супруге, подумайте лучше о маленькой дочери!

Придя в себя и немного успокоившись, слепой Сим сердечно поблагодарил односельчан, проводивших в последний путь его жену, попрощался с ними и побрел к дому.

Похоронив жену, оставив ее одну в лунную ночь на пустынной горе, Хаккю, убитый горем, вернулся домой. Кухня пуста, в комнате никого нет, и только запах курений витает в воздухе. Расхаживая по комнате, он предался печальным размышлениям. В это время мамаша Квидок принесла ребенка, за которым присматривала, пока Хаккю не было дома. Она отдала девочку отцу и тотчас ушла. Хаккю взял дочь на руки и уселся, одинокий и ненужный никому, как клешня краба, брошенная вороной с горы Чирисан. Ребенок, лежавший у него на руках, то и дело плакал, и Хаккю, сам весь в слезах, стал его уговаривать:

— Не плачь, не плачь, дитя! Твоя мама ушла далеко. Она ушла в беседку «Грушевый цвет», что на восточной окраине Лояна, взглянуть на Сукхян. Она ушла к гробнице Хуанлин молиться женам правителя Шуня.

Ты тоже плачешь по умершей матушке? Не плачь! Такая твоя доля! Семи дней от роду, еще в пеленках, ты лишилась матери. Не плачь! Не печалься, бабочка, порхающая над цветком айвы, об увядающих травах! Придет весна, и они снова буйно зазеленеют. Но наша матушка ушла туда, откуда не возвращаются. Нельзя забыть ее, добрую и ласковую! Солнце скрывается за холмами — я думаю о ней; шум дождя на горах Башань возвещает о приходе осени — я снова думаю о ней! Я тоскую, подобно дикому гусю, потерявшему подругу. Вот он смотрит на белый песок, на синее море и с тоскливым криком летит на север. Ты тоже потеряла любимую и тоже ищешь ее? Наши судьбы, твоя и моя, одинаковы!

Всю ночь голодный ребенок плакал и к утру стал терять силы, темные глазки его потускнели. Хаккю был в отчаянии. Когда заалел восток и до ушей его донесся стук колодезной бадьи, он понял, что настал день. Тогда он открыл дверь и вышел на улицу.

— Кто здесь у колодца? Выслушайте меня: мой ребенок, потерявший мать на седьмой день своего рождения, умирает от голода, его некому покормить. Помогите мне!

— Мне нечем вам помочь. Однако здесь, в селении, много кормящих матерей; возьмите дитя и попросите одну из них покормить его. Разве посмеет кто отказать вам?

Поблагодарив за совет, Хаккю уложил дочь за пазуху и, взяв палку, отправился в обход селения, расспрашивая по пути, в каком доме есть грудные дети. У каждого порога он останавливался и умоляющим голосом просил:

— Я не знаю, чей это дом, но я прошу только об одном — помогите мне!

Хозяйка бросала работу, быстро выходила к нему и сочувственно отвечала:

— Мы наслышаны о вашем горе. Расскажите, как вам живется и за какой помощью вы пришли?

— Вы хорошо относились к моей бедной жене, так пожалейте теперь сиротку! Если осталось у вас молоко после вашей малютки, накормите, пожалуйста, и мое дитя.

Так ходил он повсюду и просил добрых людей о милости. И даже женщина с каменным сердцем не отказала бы ему, даже злодей Чжэ не отнесся бы к нему бессердечно.

В седьмую луну, в праздник Звезды огня он обращался к женщинам, отдохавшим после прополки: «Покормите мое дитя!» Он обращался к женщинам, отдохавшим после стирки возле ручья: «Покормите мое дитя!»

Женщины окрестных селений хорошо знали слепого Сима и, сочувствуя ему, кормили Сим Чхон и, возвращая девочку, говорили:

— Послушайте, слепой! Не стесняйтесь, приходите и завтра и послезавтра. Разве мы оставим ребенка голодным?

— Вы искренни и милосердны, поэтому делаете доброе дело. Нет в мире женщин лучше, чем в наших селениях! Пусть будут все они здоровы и счастливы!

Прославляя женщин-матерей, Хаккю с ребенком на руках возвращался домой, клал девочку и, поглаживая ее по животику, приговаривал:

— Ого! Моя доченька сыта! Пусть же будет так все триста шестьдесят дней в году, всю жизнь! Великое спасибо женщинам нашего местечка! Скорей, скорей подрастай, дочурка! Будь такой же доброй и послушной, как твоя матушка! Расти на радость своему отцу! Уж если в детстве тебе не повезло, значит, будешь богатой и знатной, когда вырастешь!

Запеленав и уложив дочь, он уходил просить милостыню, пока она спала. Прикрепив к холщовой суме две тесемки, он надевал суму через плечо и, нащупывая палкой дорогу, ходил от дома к дому. Он брал рис, холст — всё, что ему подавали, и бережно нес домой. Шесть раз в месяц он бывал на рынке, заходил в лавки. Там он покупал рис и сахарную муку дочке на кашу и, усталый, возвращался в селение, — всякий при взгляде на него проникался к нему жалостью! Каждый месяц, первого и пятнадцатого числа, не пропуская ни одного дня, он поминал предков.

А тем временем Сим Чхон подрастала. Она росла здоровой девочкой, ибо ей помогали духи земли и неба, зная, что человека этого ждет необычное будущее. Шло время, ей исполнилось шесть лет, затем семь, и она уже служила отцу поводырем. А в одиннадцать лет она слыла красавицей, была необыкновенно почтительна к отцу, начитанна и отличалась многими талантами. Утром и вечером она молилась за отца, в назначенные дни поминала мать, почитала старших. Все хвалили ее.

В мире независимо только время, бесчувственна только нужда. В одиннадцать лет Сим Чхон жилось нелегко с больным, дряхлым отцом. На кого было ей, юной и слабой, надеяться? Однажды она сказала отцу:

— Батюшка! Даже безъязыкая ворона в глухом лесу, где нет солнца, заботится о своих престарелых родителях. Го Цзюй^[250] был любящим сыном — он был так предан матери, что вместе с женой лишал своего четырехлетнего ребенка еды, чтоб накормить мать. Мэн Цзун тоже был почтительным сыном — холодной снежной зимой он сумел добыть побеги бамбука для своей матери. Мне уже больше десяти лет, и хотя я не такая почтительная дочь, какие бывали в древние времена, но все же я, поверьте,

смогу прокормить вас. Ведь вы слепой: на неровной дороге можете оступиться и упасть, а в ненастье — простудиться и заболеть, — вот что беспокоит меня. Лучше оставайтесь дома, а пропитание я сама добуду.

Хаккю рассмеялся:

— Конечно, ты говоришь как любящая дочь. Но разве я буду спокоен, если отправлю тебя, ребенка, а сам останусь сидеть дома, на всем готовом? И не думай об этом!

— Не говорите так, отец! Цзылу^[251] был добродетельным и носил родителям рис за сто ли! Тиин^[252] в древние времена продала себя и тем искупила вину своего отца, заключенного в Лояне! Такие люди были во все времена! Почему бы и мне не последовать их примеру? Не удерживайте меня!

В конце концов Хаккю согласился:

— Ты любящая и преданная дочь! Слова твои мне по душе. Делай как хочешь!

С этого дня Сим Чхон сама стала ходить за подаванием. Когда она отправлялась из дому, за горой еще только вставало солнце, а в селе, что виднелось впереди, из труб уже подымался дымок. Бедная! Колени у нее обмотаны лоскутьями холста, от драного халата остались, казалось, одни завязки, на голове — вылинявшая зеленая шляпа, дырявые соломенные туфли надеты на босу ногу, в руках — тыквенный ковш. Она смотрит на лежащее впереди село.

Осенние птицы уже не летят
Над тысячью гор седых,
На тысячах троп не видно следов —
Снег замечает их^[253].

Колючими стрелами пронизывает тело холодный северный ветер. Словно вороненок, потерявший мать и одиноко летящий в сумерках по заснеженному лесу, идет Сим Чхон, съежившись и согревая руки дыханием. Достигнув селения, она обходит дома, переступает пороги кухонь и жалобно просит:

— У меня умерла матушка, а мой слепой отец не может добыть пропитание; подайте хоть горсточку риса!

Тронутые ее жалким видом, хозяева давали ей, от щедрого сердца, риса, соленых овощей и сои:

— Входи, девочка! Грейся, кушай!

— В холодном доме меня ждет старик отец. Как же могу я есть одна? — отвечала Сим Чхон, неотступно думая об отце.

Двух-трех плошек еды, что ей подавали, вполне хватало им на день, и она спешила домой. Еще с порога она окликала отца:

— Батюшка! Вы, наверно, замерзли и проголодались? Мне пришлось обойти много домов, потому я и задержалась.

Хаккю очень беспокоился, когда дочь уходила. Услышав ее милый голос, он торопился открыть дверь:

— Ох, доченька! Это ты пришла?

Он брал ее за руки.

— Не замерзли у тебя ручки? Погрей их над жаровней!

Для родителей нет иной отрады, как пожалеть свое дитя! Всклипывая, Хаккю причитал:

— Тяжко мне! Бедная моя дочь! Ну чем я, слепой и нищий, могу облегчить твою судьбу? Я лишь обрекаю тебя на тяжелую жизнь!

Сим Чхон ласково утешала отца:

— Не печальтесь, батюшка! Ведь это естественно, что дети заботятся о своих родителях, а родители пользуются почетом и уважением своих детей! О чем же тут сокрушаться?

Так она заботилась об отце и весь год напролет, весной и летом, осенью и зимой, без единого дня отдыха, ходила за подаванием. Она незаметно подросла, стала подрабатывать шитьем и другой женской работой и по-прежнему чтит своего отца.

Шло время, Сим Чхон исполнилось пятнадцать лет: красавица, почтительна к старшим, талантлива, образованна! Она усвоила пять вечных добродетелей и три нравственных начала^[254], исправно вела хозяйство. Она была словно создана Небом, среди женщин — совершенство, как феникс среди птиц или пион среди цветов! Молва о девушке широко распространилась по окрестным селениям, соседи славили ее неустанно:

— Она такая же замечательная, как и ее мать!

Однажды вдова вельможи Чана, переселившаяся из столицы в местечко Улин, прослышав о Сим Чхон, послала служанку пригласить к себе «девочку Сим». Сим Чхон, получив приглашение, обратилась к отцу:

— Батюшка! Жена вельможи Чана прислала за мной служанку. Можно мне пойти с ней?

— Видно, неспроста она за тобой послала! Что ж, иди, но будь осмотрительна: госпожа Чан — вдова первого сановника государства!

— Хорошо. А чтобы вы не проголодались, если я задержусь, я

поставлю на столик еду. Поешьте без меня, а я постараюсь поскорее вернуться.

Сим Чхон попрощалась с отцом и последовала за служанкой госпожи Чан. Медленно, изящной походкой шла она и наконец достигла ворот дома сановника. Пять ив цветут перед домом весенним цветом, во дворике редкостные цветы и травы как бы сплетаются в живую изгородь. За ней — великолепное здание в пышном убранстве. Сим Чхон подошла к крыльцу. Приятная женщина лет пятидесяти в строгом наряде приветливо встретила ее, поздоровалась и взяла за руки.

— Ты действительно Сим Чхон! Точно такая, как о тебе говорят!

Она усадила девушку и стала внимательно ее разглядывать. «Какая красавица! Лицо у тебя чистое, без всяких следов пудры и румян, а сидишь так пугливо, словно осторожная ласточка на берегу светлого, прозрачного ручья, готовая улететь при малейшей тревоге. Глаза твои напоминают утреннюю звезду на ясном предрассветном небе; брови изогнулись полумесяцем; щеки горят лotosовым цветом, губы алы, зубы белы! Нет, ты не знаешь, какова ты! Ты — фея, поселившаяся в деревне Персиковый цвет. Да, феи, обитающие в Лунном дворце, потеряли одну подружку! Я живу в Улине, но когда родилась ты в своем селении, в Улин пришла весна. Ты словно дух, опустившийся на землю. Ты несравненна!»

— Сим Чхон, послушай! Муж мой умер, сыновья уехали в столицу и служат там, а других детей у меня нет и внуков тоже нет. И нет возле меня друга, с которым я могла бы перемолвиться Словечком. Сплю ли я, проснусь ли одна в пустом доме — вижу лишь горящую свечу. Длинными зимними ночами я читаю древние книги. Я думала о твоей жизни: ты из янбанского рода, но живешь в нищете. Будь моей приемной дочерью! Я стану помогать тебе в твоих девичьих занятиях, стану учить тебя грамоте, до конца дней своих буду обращаться с тобой, как с родной дочерью! Что ты на это скажешь?

Сим Чхон ответила так:

— Судьба моя несчастна: на седьмой день после рождения я потеряла матушку. Слепой отец едва выходил меня: он брал меня на руки и отправлялся по деревням просить чужих матерей покормить крошку. Я не знала матери, это печалило меня. Вот почему в память о матушке я не могу отказать в заботе чужим родителям. Сегодня вы, высокочтимая госпожа Чан, не считаясь с моей бедностью, хотите удочерить меня. Я благодарна и признательна вам, как родной матери. У вас мне будет, конечно, хорошо, но кто же круглый год будет одевать и кормить моего слепого отца? Каждый человек должен заботиться о тех, кто его вырастил, а я тем более

должна быть благодарна своему отцу. Как же я могу хоть на минуту оставить его одного?

У нее сжалось горло, она не в силах была продолжать. Слезы выступили на глазах и капля за каплей потекли по щекам, словно ветка персика окропилась росой под дуновением весеннего ветерка.

Выслушав девушку, госпожа Чан похвалила ее:

— Твои слова — слова истинно любящей и преданной дочери. Я не могла и мечтать, что в старости встречу такую, как ты!

Тем временем наступил вечер. Сим Чхон поднялась и обратилась к знатной собеседнице:

— Благодаря вашей доброте я отдыхала целый день. Здесь очень хорошо, но уже вечереет и мне пора домой!

Сим Чхон пришлась по душе госпоже Чан, и потому она щедро одарила девушку на прощанье шелками, старинными украшениями и зерном. Отправив с дарами свою служанку, сановница вернулась к девушке.

— Сим Чхон, послушай! Не забывай меня! Считаю меня своей матерью!

— Вы очень добры! Я не забуду вас!

Сим Чхон попрощалась и вернулась домой.

Хаккю, отослав дочь в Улин, сидел дома и ждал ее возвращения. От голода живот его прилип к спине. В комнате было холодно и пусто. Умолкли птицы; где-то вдалеке прозвонил монастырский колокол. Думая о том, что темнеет, Хаккю забеспокоился:

— Пора бы ей уже вернуться! Почему ее до сих пор нет? Или она не заметила, что день уже подходит к концу? Может, госпожа Чан ее не отпускает? А вдруг сильно похолодало и Сим Чхон замерзла в пути? Нет, моя Сим Чхон — примерная дочь! Она придет и в дождь и в бурю!

Прилетают ли с шумом птицы — «Сим Чхон, это ты?», зашуршат ли опадающие листья — «Сим Чхон, это ты?». Он напряженно прислушивался, но в безлюдных горах не слышно было ни звука.

Хаккю встревожился. Он взял палку и вышел навстречу дочери. Медленно, ощупью шел он по дороге, но неожиданно поскользнулся и свалился в глубокую канаву. Лицо его залепила красная глина, одежда вмиг промокла. Протирая слепые глаза, он пытался выбраться из канавы, но тело его погружалось все глубже, кругом шумела, бурлила вода. В страхе Хаккю кричал:

— Есть здесь кто? Помогите! Вот он уже по пояс в воде.

— Ой! Тону!

Все глубже и глубже погружался он, наконец вода дошла ему до горла. Хаккю стал захлебываться.

— Ой, ой! Тону!

Но тщетно взывал он о помощи — никого не было поблизости, кто мог бы спасти.

А в это время настоятель монастыря «Пригрезившееся облако» с приходной книгой в руках возвращался от человека, который щедро пожертвовал деньги на ремонт монастыря. Лицом он белей яшмы с гор Цзиньшань; глаза — что волны рек Сяо и Сян; уши длинные и большие, руки — ниже колен; на голове у настоятеля — колпак из конского волоса, а поверх него монашеская шляпа из тонкой материи; над ухом — золотой шнур; широкая ряса опоясана алым кушаком, на котором висит серебряный кинжал в ножнах, оправленных сплавом меди, цинка и никеля; на шее у него — четки, на руке — жемчужный браслет. Он весело шагает, опираясь на бамбуковую палку в двенадцать колен. Что же это за монах?

Не Сонджин ли это, что отправился по приказу преподобного отца Юоквана в Драконов дворец и, хмельной от вина, развлекался с восемью феями на каменном мосту? Не Самёндан^[255] ли это, сложивший такие строки:

Чтоб отличаться от мирян, волос не носим длинных,
Но бороду растим, чтоб показать, что мы мужчины.

Настоятель «Пригрезившегося облака» возвращался от благодетеля монастыря. Горы окутались мраком, и месяц восходил на небе. Он шел узкой, освещенной луной дорожкой, веселый и довольный собой. Внезапно ветер донес до него отчаянный крик о помощи. Настоятель остановился. Что это? Может, это вопль Ян Гуйфэй, умирающей под покровом ночи в Мавэе? Или это плач посланника Су^[256], расставшегося в ненастную погоду в засыпанных снегом северных землях со своим сыном Су Тунго? Что же это?

Настоятель поспешил на крик. Видит: какой-то человек барахтается в воде и уж почти тонет. Без раздумий монах скинул шляпу, стащил платье, отбросил палку в двенадцать колен, сдернул носки, снял стеганные брюки, зажал их под мышками и влез в канаву на манер белой цапли, вошедшей в озеро ловить рыбу. Он легко ухватил Хаккю за пояс, взвалил на плечо и вынес на берег. Потом внимательно всмотрелся в спасенного: да это же слепой Сим, которого он не так давно встречал! Ого! Что это с ним

страслось?

Хаккю наконец пришел в себя.

— Кто спас меня?

— Настоятель монастыря «Пригрезившееся облако».

— Значит, вы Будда-спаситель! Вы спасли мне жизнь! До самой смерти не забуду вашего благодеяния.

Настоятель взял Хаккю за руку, отвел его домой, помог ему снять промокшую одежду и надеть сухую. Затем стал расспрашивать, как он очутился в канаве. Хаккю, сокрушаясь, рассказал ему все, как было.

— Будда нашего храма, — сказал вкрадчиво монах, — обладает целительной силой. Не бывало, чтобы кто-нибудь просил о милости и не получил ее. О чем ни проси, Будда во всем поможет. Если ты пожертвуешь Будде триста соков ^[257] риса и помолишься ему искренне, он избавит тебя от слепоты, и ты увидишь небо, землю и все предметы, станешь снова зрячим.

При словах «избавит от слепоты» Хаккю, забыв о своей бедности, оживился:

— Послушайте! Запишите в своей книге, что я жертвую храму триста соков риса!

Настоятель рассмеялся.

— Написать нетрудно. Да тебе, пожалуй, не набрать столько, хоть обшарь весь дом!

Слепой рассердился:

— Слушайте, за кого вы меня принимаете? Какой безумец посмеет поминать всуе имя Будды? Вы думаете, если я слеп, так можно надо мной смеяться? Сейчас же пишите, или я пушу в ход нож!

Монах, смеясь, записал в книге на первом, красном листе: «Сим Хаккю — триста соков риса», — и расписался за него, после чего попрощался и ушел. Проводив настоятеля, Хаккю стал сожалеть о том, что поступил так неосмотрительно: «Хотел я сделать подношение Будде, но что будет, если не сдержу своего обещания? Ведь это грех!»

Думы одолели его. Заплакал Хаккю, сетуя на судьбу: «Небо и земля справедливы, для них нет разницы между великим и ничтожным! Но какова моя судьба? У меня нет счастья, глаза мои темны, они не различают даже солнце и луну. Даже таких близких людей, как жену и дочь, и то никогда не видел! Была бы жива покойная жена, у меня не было бы постоянных забот о пище и жилье! Моя дочь обшивает несколько селений, а едва зарабатывает на завтрак и ужин! Откуда ж мне взять триста соков риса? Зря соблазнился я предложением монаха, зря обещал пожертвование!

Что же мне теперь делать? Как ни раздумывай, а ничего не получается! Ведь если даже продать все кувшины и плошки, на вырученные деньги не купить и горстки риса! Если продать всю одежду — не выручить и пяти лянгов. Ну, а если продать дом? Да я сам не купил бы его — он такой ветхий, что даже не защищает от дождя и ветра! Себя продать — кто купит слепого? У кого же в этом мире счастливая судьба? Конечно, у тех, у кого глаза и уши целы, у кого хорошее здоровье, у кого есть руки и ноги, у кого вдоволь зерна и всякого другого добра, про кого говорят: «Зачерпнул — не иссякло, взял — не убавилось». У меня ничего этого нет. За какие грехи мне такое несчастье? О! О! Тяжко мне!»

Так он плакал и сокрушался, когда наконец домой, торопясь, вернулась Сим Чхон. Распахнув дверь, она позвала:

— Батюшка!

Увидев плачущего отца, Сим Чхон, испуганная, подбежала к нему.

— Ой, что случилось? Вы выходили из дому встретить меня и вас кто-нибудь обидел?

Взгляд ее остановился на грязной одежде.

— Вы, наверно, упали в воду? Ой, батюшка! Представляю, как вам было холодно и страшно!

Она попросила служанку госпожи Чан развести огонь, подолом юбки вытерла слезы, быстро приготовила еду и поставила перед отцом.

— Откушайте, батюшка!

Но Хаккю почему-то отказался:

— Я не буду есть.

— Вы оттого не хотите есть, что плохо себя чувствуете? Или сердитесь, что я поздно вернулась?

— Нет, не потому. И вообще, незачем тебе знать...

— Батюшка! Почему вы так говорите? Я верю вам, вы всегда доверяли мне, обсуждали со мной все дела — и большие и малые! Так почему же сегодня вы говорите: «Тебе не надо знать...» Пусть я в ваших глазах непочтительная дочь, но мне обидно, что вы от меня что-то скрываете.

Сим Чхон всхлипнула. Хаккю внезапно испугался:

— Дочка! Доченька! Не плачь! Мне нечего скрывать от тебя, но я сразу не сказал тебе всего потому, что знал твою любовь ко мне и не хотел тебя огорчать. Вечером я вышел за ворота встретить тебя, но упал в канаву с водой и чуть было не утонул. Меня спас от смерти настоятель монастыря «Пригрезившееся облако». Он расспросил меня о моей жизни, и я рассказал ему все, что со мной было. Монах этот выслушал и сказал: «Наш Будда никому не отказывает в милостях. Если ты пожертвуешь ему триста

соков риса, он избавит тебя от слепоты и ты увидишь небо, землю и все, что на ней есть». Я, не подумав о своей бедности, расписался в книге пожертвований. Как я раскаиваюсь теперь!

— Что толку? — рассудила Сим Чхон, внимательно выслушав отца. — Если, как вы говорите, Будда может вернуть зрение вашим слепым глазам, надо во что бы то ни стало добыть эти триста соков риса.

— Что там ни говори, как ни сетуй на бедность и как ни уповай на великое Дао^[258], положение наше таково, что нам и сто соков не набрать!

— Не говорите так, отец! Вспомните-ка о делах прошлого: Ван Сян растопил лед на реке теплом своего тела и достал карпов; Мэн Цзун пролил слезы в лесу, и из-под снега показались побеги бамбука. Вот образец сыновней любви! Но любовь и преданность родителям умели хранить не только в древности. Не беспокойтесь ни о чем!

На другой день Сим Чхон, выбрав в саду место для вознесения молитв, очистила его от мусора и соорудила из глины алтарь. По обеим сторонам алтаря она развесила гирлянды из еловых веток, поставила на стол чашку свежей колодезной воды, а затем зажгла курения, как перед Алтарем семи звезд, смиренно преклонила колени и начала молиться:

— Внемли мне, всемогущее Небо, творец небесных светил! Внемли и ты, богиня Земли, и вы, хранители городов и селений, и ты, Индра, повелевающий небесами, и ты, Шакьямуни-Татхагата!^[259] Внемлите и вы, восемь духов-хранителей^[260] и все бодисатвы! Небо сотворило солнце и луну, и потому люди способны видеть. Если б не было небесных светил, они не смогли бы различать друг друга. Мой отец, рожденный в год «Маджа», ослеп на третьем десятке лет и ничего не видит. Молю вас: ценой моей жизни верните отцу глаза! Ниспошлите ему подругу жизни и даруйте им пять счастливых даров!^[261] Пусть будет у них много-много детей!

Дни и ночи молилась Сим Чхон, и наконец духи неба вняли ее мольбам, приняли ее жертвоприношения, и с этого времени судьба ее была предрешена.

Однажды приходит к Сим Чхон ее кормилица, мамаша Квидок, и говорит:

— Удивительные вещи видела я сегодня, доченька!

— Что за удивительные вещи?

— Представь себе: ходят какие-то странные люди, человек десять, и спрашивают, нельзя ли где купить молодую девушку лет пятнадцати. За ценой, говорят, не постоим!

Сим Чхон выслушала эти слова с затаенной радостью.

— Да неужели? Если это правда, пригласите, пожалуйста, ко мне самого почтенного и надежного из этих людей. Только осторожнее, чтоб никто ничего не знал!

Кормилица вышла и через некоторое время вернулась, ведя за собой гостя. Прежде всего Сим Чхон попросила матушку Квидок узнать, для чего этому человеку нужна молодая девушка.

Гость ответил:

— Мы из столицы; плаваем на корабле по торговым делам за тысячами. На этот раз путь наш лежит через Имдансу, море коварное: чуть зазеваешься — пропал! Но если принести в жертву морю пятнадцатилетнюю девушку и при этом вознести молитву, путешествие наше будет благополучным и в делах нам повезет. Вот мы и ходим, ищем, где бы купить девушку, хотя это, конечно, мерзкое занятие. Если у вас есть на примете такая девушка, скажите! За деньгами дело не станет!

Теперь уж в разговор вступает сама Сим Чхон:

— Я здешняя; отец мой слеп — ничего-то на белом свете он не видит. Всю жизнь он молил Небо вернуть ему зрение, и вот настоятель монастыря «Пригрезившееся облако» сказал, что, если мы пожертвуем Будде триста соков риса, у него откроются глаза и он снова будет видеть. Но мы живем бедно, нам нечем расплатиться, и я решила продать себя, чтоб умиловить Будду. Купите меня! Разве я не подхожу вам — мне как раз пятнадцать лет!

Выслушав Сим Чхон, мореплаватель взглянул на нее и затем некоторое время стоял смущенный, опустив голову и не смея взглянуть на девушку снова. Наконец он проговорил:

— Из ваших слов я понял, что вы беспримерно любящая и преданная дочь!

Однако дела — прежде всего, и потому гость, отдав должное великодушию Сим Чхон, согласился ее купить.

— Когда же вы отплываете?

— В пятнадцатый день следующего месяца. Не забудьте!

Договорившись обо всем, гость ушел, и в тот же вечер торговцы отвезли в монастырь «Пригрезившееся облако» триста соков риса.

Напомнив несколько раз мамаше Квидок, что сделка должна храниться в тайне, Сим Чхон пошла к отцу.

— Батюшка!

— Что, дитя мое?

— Монастырь «Пригрезившееся облако» получил свои триста соков

риса!

Хаккю несказанно удивился:

— Этого не может быть! Где же ты взяла столько риса для храма?

Такие любящие дочери, как Сим Чхон, никогда не лгут и не обманывают своих отцов, но Сим Чхон вынуждена была сказать неправду:

— Я была у вдовы сановника Чана, и она предложила мне стать ее приемной дочерью. Я не хотела соглашаться на это, пока вы живы, но она настаивала, и я дала слово. Госпожа Чан очень обрадовалась и велела отослать в «Пригрезившееся облако» триста соков риса. Так что теперь я ее приемная дочь.

Не поняв сути всего происшедшего, Хаккю возликовал:

— Это же превосходно! А когда придут за тобой?

— Сказали, что в будущем месяце, на пятнадцатый день.

— Я очень рад за тебя — там ты не будешь нуждаться, как дома.

Внушив отцу мысль, что все складывается как нельзя лучше, Сим Чхон с этого времени неотступно думала о том дне, когда ей придется последовать за торговцами. Ее волновало и то, что на шестнадцатой весне она должна уйти из жизни, так и не узнав ее, и то, что придется навек расстаться со слепым отцом... Работа не шла ей на ум, пропал аппетит, все время она проводила в думах. «Теперь я — пролитая вода или рассыпанное зерно, — говорила она себе. — Кто же будет круглый год заботиться об отце, когда я умру? Приготовлю-ка я ему, пока жива, одежду на все времена года!» Она завернула в холст весеннюю и осеннюю, летнюю и зимнюю одежду отца и сложила все в сундук; купила ему новую шляпу, повесила ее на стену и после этого стала ждать пятнадцатого числа.

И вот — последняя ночь. Наступила третья стража. Заблестела Серебряная река, померкло пламя свечи. Сим Чхон села, обхватив руками колени, и задумалась. Но от дум на душе становилось тяжелее, и тогда она решила заштопать в последний раз отцовские носки. Она вдела нитку в иголку, взяла в руки носки, и тут из глаз ее полились горячие слезы. Всклипывая и стараясь удержать рыдания, чтоб не разбудить отца, она наклонилась к нему, нежно касалась его лица, гладила ему руки и сквозь слезы шептала:

— Пройдет эта ночь, и я больше не увижу вас! Кто будет опорой вам, одинокому, когда я покину этот мир? Сердце мое разрывается от горя! Когда я подросла, то уже сама ходила собирать милостыню; теперь же, после моей смерти, вы будете нищенствовать круглый год! Сколько презрения, сколько унижений вам придется испытать! И если бы даже мне пришлось потерять вас, сегодня моя печаль не была менее горькой — ведь

мы оба живы, но должны расстаться навек! Как жестоко Небо! Вы останетесь один-одинешенек, и некому будет заботиться о вас днем и ночью! Несчастной будет ваша жизнь! А если вы умрете, кто будет оплакивать вас, кто похоронит и справит поминки, кто принесет вам на могилу чашку риса и кружку воды? Проклятая судьба! Семи дней от роду я потеряла мать, теперь же приходится расставаться с отцом... Кому выпало такое?

Расставался Су Тунго с отцом:

Солнце в Хэляне зашло,
С тучей печаль прилетела... [\[262\]](#)

Покидали друг друга братья в горах Луншань:

Прогалиной среди цветов кизила
То место вечно будет пустовать... [\[263\]](#)

Разлучались со своими возлюбленными красавицы из У и Юэ:

В далекий путь уходит милый —
Застав отсюда не видать!.. [\[264\]](#)

Прощались друзья в Вэйчэне:

Выйдешь ты из Янгуаня
И останешься один... [\[265\]](#)

Но ведь те, о ком здесь говорится, остались живы и потому могут когда-либо встретиться или услышать весть друг о друге. Наша же разлука совсем не такая: я уйду навсегда из этого мира, и нам уже не встретиться и друг о друге не услышать! Моя покойная матушка ушла на небо, а я попаду в подводное царство и не смогу свидеться с матушкой — ведь в небесное царство ведет одна дорога, а в царство подводное — другая. Ну, а если даже я доберусь до небесного царства, как узнает меня моя матушка и как я узнаю ее? А если она узнает меня и спросит об отце, что я отвечу? О,

если бы можно было удержать солнце в Сяньчи^[266] в пятую стражу и восход завтрашнего дня — на востоке и еще раз повидаться с батюшкой! Но кто в силах помешать окончанию ночи и наступлению дня?

Природа неумолима — вскоре запели петухи, и Сим Чхон встрепенулась:

— Не пой, не пой, петушок! Не идет в полночь к Циньской заставе Мэнчан-цзюнь^[267]. Когда ты запоешь — настанет день. Настанет день — и я покину земной мир. Умереть я не боюсь, мне тяжело оставить отца одиноким!

Всю ночь Сим Чхон провела в слезах. Когда же заалел восток, она вышла во двор, чтоб приготовить отцу завтрак. За калиткой уже ждали ее торговцы. Увидев Сим Чхон, они закричали:

— Сегодня отплываем! Поторапливайтесь!

При этих словах из глаз Сим Чхон хлынули слезы. Выйдя за калитку, она сдавленным голосом взмолилась:

— Добрые купцы! Я помню, что сегодня вы уходите в море, но мой отец еще не знает, что я должна покинуть его. Подождите немного — я приготовлю бедному батюшке поесть, а когда он позавтракает, расскажу обо всем и последую за вами.

Тронутые ее просьбой, торговцы согласились:

— Пусть будет по-вашему!

Сим Чхон вошла в дом и, приготовив рис пополам со слезами, поставила перед отцом столик с едой, а сама села напротив, следя, чтобы отец наелся досыта. Она подала ему очищенные стебли морской капусты, принесла палочки для еды и, завертывая рис в капустные листья, стала класть кушанье прямо в рот, приговаривая:

— Кушайте, батюшка, вволю.

— Спасибо, доченька! Все съем — сегодня твой завтрак особенно вкусен. Что, у кого-нибудь нынче поминки?

Слезы душили Сим Чхон, и она, всхлипывая, старалась удержать их. Однако у слепого Сима был хороший слух.

— У тебя что-нибудь болит, дитя мое? — обратился он к дочери. — Может, ты простудилась? Подожди! Какое сегодня число? Не пятнадцатое ли?

Кровные узы связывают дочь и отца, и потому не мог Хаккю не предчувствовать беды. Вот начал он рассказывать свой сон:

— Снился мне этой ночью сон: будто села ты в большую повозку и уехала в ней далеко-далеко. В такой повозке ездят ведь только знатные

люди, вот, наверно, сегодня и пришлют за тобой носилки от госпожи Чан из Улина.

Выслушав его рассказ, Сим Чхон поняла: этот сон предвещает ее гибель. Сердце ее было полно печали, но она старалась казаться спокойной, чтобы не удручать отца.

— Чудесный сон! — воскликнула она и, убрав столик, подала отцу раскуренную трубку. Решив перед уходом из дому в последний раз посетить родовую молельню, она старательно умылась, чтобы уничтожить следы слез, переоделась в чистое платье и вышла. Тихо-тихо открыла она дверь молельни, поставила на алтарь вино и фрукты и, дважды поклонившись, произнесла:

— Грешница Сим Чхон продала себя за триста соков риса купцам из Южной столицы, чтоб вернуть зрение слепому отцу, и теперь должна погибнуть в море Имдансу. Я готова к этому, но пусть отец мой прозреет, пусть возьмет себе хорошую жену, и, когда та подарит ему детей, пусть все они зажгут светильник на алтаре предков!

Вознеся молитву, она закрыла дверь молельни и дала волю слезам.

— Кто будет открывать и закрывать эту дверь, когда я умру? Кто будет носить вино и фрукты по праздникам: в День зимнего солнцестояния и в Дни холодной пищи, в праздник начала лета и в праздник осенних сумерек? Кто будет зажигать здесь курения? Нет счастья нашим предкам, коль так случилось! Бедный мой отец! Без родных и близких, слепой, нищий — куда он денется? Как я оставляю его?

Со всех ног кинулась она домой к отцу, упала перед ним и зарыдала, повторяя одно:

— Батюшка! Батюшка!

Хаккю не на шутку встревожился:

— Что с тобой, доченька? Тебя кто-нибудь обидел, оскорбил? Так ведь собака лает — ветер носит. Ну что случилось? Говори же!

Придя в себя, Сим Чхон подняла голову:

— Батюшка!

— Что?

— Я непочтительная дочь: я обманула вас. Ну кто даст мне триста соков риса?! Я продала себя за триста соков риса купцам-мореходам из Южной столицы и теперь должна быть принесена в жертву водам Имдансу. Сегодня уходит корабль, так что вы слышите меня в последний раз!

Давно известно, что от большого горя у человека на миг может остановиться сердце. Хаккю оцепенел. Он не зарыдал, только прошептал

едва слышно:

— Что ты говоришь?! Это правда или ты шутишь? Нет, я не верю! И ты сделала это по своей воле, даже не спросив меня?! Конечно, было бы хорошо, если бы я прозрел и ты была бы со мной, но какая радость мне от того, что я открою глаза, а тебя уже не будет? Твоя мать умерла вскоре после родов, и я, слепой, носил тебя на руках и просил чужих матерей покормить тебя. Я вырастил тебя, и у меня не болела душа о твоей судьбе. Что же ты наделала?! Выходит, вместо того чтоб ценой своих глаз спасти твою жизнь, я приобрету зрение ценой твоей жизни? Но на что мне тогда оно?! За что такая судьба: потерять жену, затем дочь — все четыре несчастья?^[268]

Его обуял гнев:

— Проклятые торгошники! Занимайтесь себе торговлей! Где это видано, чтобы человека приносить в жертву духам? Не будет вам благословенья Неба, не видать вам милостей духов! Как вы могли купить единственную дочь в тайне от слепого отца? Не надо мне риса, не надо денег, не надо и зрения! Бессердечные торгошники! Вспомните, как бывало в старину! Во время знаменитой семилетней засухи хотели принести Небу человеческую жертву. Тогда добрый государь Чэн Тан сказал: «Я молюсь о благе народа, но если нужна жертва, возьмите меня!» И он пожертвовал собой, обрезав волосы и ногти и окутавшись ковылем. Он молился в тутовой роще, и по всей земле на тысячи ли хлынул дождь! Вот как бывало в старину! Так не лучше ли будет, если я пожертвую собой вместо дочери? Ну убейте меня! Всю жизнь я желал смерти и умру без страха. Не знаю только, поможет ли это вам. Бездушные убийцы! Или вы не знаете, как карает за убийство «Великое уложение»?

Хаккю уже неистовствовал, он то угрожал купцам, то впадал в отчаяние. Сим Чхон успокаивала его:

— Батюшка, успокойтесь! Никто в этом не виноват!

Отец и дочь обнялись и зарыдали. Все жители селения Персиковый цвет горестно вздыхали. Купцы тоже плакали навзрыд. Наконец один из них выступил вперед:

— Господин старшина купцов! Не буду говорить о девушке — преданной и любящей дочери, скажу лишь об этом янбане. Право, жаль слепого старика! Нас, купцов, здесь больше тридцати. Давайте же поможем ему, чтоб прожил он остаток дней своих, не нуждаясь в пище и одежде! Как говорится, с десятерых по ложке каши — и ты сыт!

Все закричали: «Правильно!» — и вскоре во двор были принесены триста лянов серебра, сто соков риса. Кроме того, каждый торговец

прислал по тюку хлопчатой ткани и холста. Затем торговцы обратились к жителям местечка:

— На триста лянов купите старику рисовое поле и отдайте его в аренду надежным людям. Из ста соков риса пятнадцать выдайте старику на этот год, а остальные отдайте под проценты в долг — старик на всю жизнь будет обеспечен рисом. А из тканей сшейте ему по паре одежды на каждый сезон.

Сельчане посовещались, согласились и тут же составили бумагу о распределении даров.

А в это время жена вельможи Чана из Улина, узнав, что Сим Чхон продала себя в жертву Имдансу, призвала служанку и наказала ей:

— Дошло до меня, что Сим Чхон должна умереть. Ступай сейчас же к ней и передай: я хочу ее видеть перед тем, как она покинет этот мир.

Выслушав приказ, служанка отправилась к Сим Чхон, передала ей слова хозяйки и вместе с ней вернулась в Улин. Госпожа Чан вышла навстречу Сим Чхон, взяла ее за руки и заплакала:

— О бессердечная! С тех пор как я узнала тебя, я считала тебя своей дочерью. А ты забыла обо мне! Я слышала, ты продала себя и хочешь умереть, чтоб вернуть зрение отцу? Ты любящая дочь, это верно, но почему ты думаешь, что твоя смерть поможет ему? Уж коль на то пошло, почему ты не пришла ко мне и не рассказала обо всем? Может, я сумела бы что-нибудь для тебя сделать!

Она ввела Сим Чхон в дом и, усадив ее, строго сказала:

— Я дам тебе триста соков риса. Верни его торговцам и выброси из головы свои глупые планы!

После недолгого раздумья добрая девушка ответила:

— Разве я могу отказаться от данного слова? А потом, если человек искренне хочет пожертвовать собой ради тех, кто дал ему жизнь, он не должен рассчитывать на чужое добро. Пусть я верну купцам рис, но ведь тогда я подведу их и мне будет неловко. Уж если человек продал себя и получил плату сполна, он не может брать свое слово обратно. Да он не посмеет тогда смотреть людям в глаза! Я знаю: умереть, оставив в одиночестве старика отца, — значит причинить ему горе, а не радость. Но что я могу поделать? А вам за вашу доброту, за теплые и ласковые слова я буду на том свете вязать травы!^[269]

Потрясенная словами Сим Чхон, госпожа Чан взглянула на девушку и, видя, что та непреклонна в своем решении, оставила уговоры. Ей жаль было расставаться с Сим Чхон, и потому, дав волю слезам, она промолвила:

— Узнав тебя, я привязалась к тебе и полюбила, как родную дочь. Мне всегда было нестерпимо тяжело и грустно разлучаться с тобой даже на день, даже на час. Могу ли я спокойно смотреть, как ты на моих глазах идешь на смерть? Подожди немного! Я позову живописца, он сохранит мне на память твое лицо, твой облик... Останься ненадолго!

Тотчас госпожа Чан кликнула служанку и послала ее за художником. Когда тот явился, она изложила свои требования:

— Посмотри сюда! Вглядиись внимательно в лицо, фигуру, одежду, весь печальный облик этой девушки! Если ты хорошо нарисуешь ее, я щедро тебя награжу. Постарайся, чтоб все было, как есть на самом деле!

Принесли раму, обтянутую шелком. Художник взял в руки уголек, внимательно оглядел Сим Чхон и очертил контуры будущего портрета. Потом разложил кисти и краски и начал писать. На холсте появились блестящие, черные как смоль волосы, печальное белоснежное личико со следами слез, наконец, стройная фигура, красивые руки, ноги... Ни дать ни взять — настоящая Сим Чхон! Когда законченный портрет поставили рядом с оригиналом, в комнате появилась как бы вторая Сим Чхон. Госпожа Чан обхватила правой рукой шею девушки, левой прижала к себе портрет и зарыдала. Сим Чхон, тоже вся в слезах, обратилась к ней:

— Верьте, добрая госпожа, вы всегда были для меня как мать. Сегодня мы расстаемся, и кто знает — встретимся ли когда-нибудь? Я напишу на портрете прощальные стихи, и, когда вы будете их читать, вспоминайте меня!

Растроганная госпожа Чан подала ей кисть, и Сим Чхон стала писать стихи. Она писала, и слезы падали из ее глаз капля за каплей и превращалась в кровь, а кровь — в бутоны цветов. Казалось, цветы эти источают аромат.

Вот ее стихи:

И жизнь и смерть нам кажутся лишь сном!
Зачем же льем мы слезы о былом?
Мы плачем потому, что горше горя нет,
Чем навсегда покинуть белый свет!

Госпожа Чан поразилась:

— Твои стихи — творение, достойное кисти богов! Видно, судьба твоя предначертана Небом и не по своей воле уходишь ты из мира!

Госпожа Чан, в свою очередь, оторвала лист бумаги, быстро написала

что-то и отдала Сим Чхон. Вот что она написала:

Нежданный ночью ураган пронесся,
Сорвал цветок, в волну его швырнул...
Ужели ты, о Небо, не добьешься,
Чтоб дряхлый старец дочь себе вернул?

Сим Чхон взяла стихи и спрятала их на груди. Когда она стала прощаться с госпожой Чан, обе они плакали навзрыд. И все жители Улина от мала до велика сокрушались, глядя на них.

Сим Чхон вернулась домой. Хаккю кинулся к ней, обнял ее и в исступлении заголосил:

— И я с тобой! И я с тобой! Я не пущу тебя одну! Жить — вместе, и погибать — вместе! Ты не оставишь меня одного! Пусть мы пойдем на корм рыбам, но зато вместе!

Сим Чхон, глотая слезы, молвила в ответ:

— Разве по своей воле нарушаю я предопределенные Небом устои? Разве по своей воле покидаю я этот мир? Ведь все несчастья от судьбы; ведь жизни человека есть предел! Ничего не поделаешь — уж такова моя доля! Не думайте, отец, о своей непочтительной дочери! Желаю вам снова открыть глаза и увидеть белый свет. Возьмите себе в жены хорошую женщину, и пусть у вас будет много детей и внуков!

Протестующим жестом Хаккю поднял руку.

— Нет! Нет! Не говори так! Если бы мне суждено было иметь жену, разве случилось бы такое? Нет, ты не можешь уйти от меня!

Тогда Сим Чхон взяла отца за руку, вывела его к жителям Персикового цвета и, плача, взмолилась:

— Почтенные соседи! Мужчины и женщины! Я ухожу на смерть и оставляю вам своего одинокого отца. Прошу вас, позаботьтесь о нем!

С этими словами она поклонилась и направилась к купцам. Все жители селения, мужчины и женщины, старики и дети, провожали ее печальным взглядом.

Заливаясь слезами, Сим Чхон брела за купцами. На лице ее лежала печать глубокого горя, волосы были растрепаны, слезы кровавым дождем лились из глаз, увлажняя одежду. Безжизненным взором оглядела она соседский дом.

— Старшая дочь почтенного Кима! Мы с тобой одних лет и живем по соседству. Я мечтала, что мы вырастем и будем жить дружно, как сестры,

до самой старости будем вместе наслаждаться земными радостями, вместе переживать горе. Жаль, что должна я покинуть этот мир. Такова уж моя судьба! Я умру, а мой одинокий отец останется в печали и горе — вот что не даст мне покоя и на том свете! Если я дорога тебе, не забывай о моем несчастном отце! Прошу тебя!

А ты, младшенькая? С кем ты теперь будешь заниматься рукоделием? Помнишь, как в прошлом году, в пятый день пятой луны, в праздник начала лета мы с тобой качались на качелях? А в этот год, в седьмой день седьмой луны, в праздник осенних сумерек мы собирались просить Ткачиху научить нас вышиванию! Всему этому не быть. Ради отца я покидаю этот мир, и если ты любишь меня, то утешь, прошу тебя, моего несчастного родителя, когда он будет в горести оплакивать меня. Ведь когда мы дружили, твоя семья была моей семьей, а моя — твоей. Пока мы обе были живы, я всегда доверяла тебе! Я надеюсь, что, когда батюшка скончается и мы встретимся с ним в загробном мире, он расскажет мне о твоих добрых делах!

Видно, знало Небо о прощании Сим Чхон — солнце скрылось, голубой купол заволокло темными тучами. Дождевые капли падали, словно слезы; прекрасные бутоны цветов завяли и лишились своих красок; уныло качались травы и деревья, покрывшие окрестные холмы, ивы склонились к воде.

— О чем тоскуешь ты, иволга? Я не ведаю твоей тоски! А знаешь ли ты о моей безнадежной печали?

Вдруг закуковала кукушка: «Лучше бы вернуться!»

— Зачем в лунную ночь ты покинула реки и горы? Зачем тревожишь сердце мое тоскливым напутствием? Как ты ни пой, сидя на ветке, свое «Лучше бы вернуться», я продала себя, получила плату сполна и не могу вернуться назад.

К щеке Сим Чхон пристал гонимый ветром лепесток цветка. Она сняла его, осмотрела.

Говорят, весенний ветер,
Как ребенок, неразумен.
Налетает вихрем буйным,
Ломит нежные бутоны...

— Разве цветы опадают потому, что хотят опасть? Нет, их лепестки обрывает ветер! Не душа моя, но горькая судьба подобна этому цветку.

Разве я хочу погибнуть?! Но такова уж моя судьба, и ее не изменишь!

Сделает она шаг — слезы польются ручьем, сделает другой — оглянется назад. Так Сим Чхон покинула родные края. С этого времени и начинаются самые горькие дни ее жизни.

Достигнув устья реки, торговцы-мореходы взошли по трапу на корабль, проводили Сим Чхон в каюту, а затем подняли паруса и снялись с якоря. С песнями, под грохот барабанов отплыли они в далекие края.

Корабль вышел в открытое море. В безбрежном просторе гуляют зеленые волны; белоголовые чайки стремятся к берегу, поросшему красной осокой; на прибрежный песок садятся дикие гуси с Трех рек; откуда-то доносится серебристый звук, словно гудит рожок рыболовного судна. Звук умолкает, но людей нигде не видно, лишь зеленеет вокруг вода да жалобно скрипят снасти. «Они печалятся обо мне», — думает Сим Чхон.

Миновали Чанша: куда же делся великий наставник Цзя И?^[270]

Взглянули на реку Мило: где душа преданного Цюй Юаня^[271], нашедшего приют в брюхе у рыб?

Подплыли к башне Желтого Журавля, вспомнили стихи Цуй Хао^[272]:

Солнце скрылось,
В тумане река.
Где моя родина?
В сердце тоска!

Достигли Палаты феникса. Здесь пировал Ли Бо.

Трех гор зеленые вершины
Закрыли неба половину,
А в междуречье, к мели ближе,
Я остров Белой цапли вижу.^[273]

А вот и Синьянцзян! Почему же не видно Бо Цзюйи? Отчего умолкла музыка его цитры?

Река под Красною стеной! Разве можно не влюбиться ею? Здесь все осталось таким, каким было при Су Дунпо! А где-то теперь прославленный герой Цао Мэндэ?

Глубокой ночью, когда уже скрылась луна, закаркали вороны и

зазвонили колокола в обители Ханьшань, корабль причалил к стенам Гусу.

Наутро проплыли Цзоухуайшу. Торговки вином на той стороне реки не печалились и не грустили о падении государства — они распевали веселую мелодию «Цветок в женских покоях»:

Над рекой расстилается дым,
А над берегом месяц гуляет...

Корабль вошел в устье рек Сяо и Сян, на берегу которого высится Павильон горного солнца. На юго-восток от него видны горы царства У и реки царства Чу.

Вот орошенный слезами жен императора Шуня крапчатый бамбук; блесит луна над горой Ушань, и синее небо сливается со своим зеленым отражением в водной глади озера Дунтинху^[274]. Темным туманом окутала ночь усыпальницу Хуанлин в горах Цаньушань. Ропот волн, шелест ветра, тоскливые крики обезьян, призывающих детенышей... Сколько еще в мире отверженных!

Сим Чхон полюбовалась с корабля восемью достопримечательностями рек Сяо и Сян и хотела было уйти в каюту, но в это время в воздухе разнесся благоуханный аромат, слышался звон нефритовых подвесок, и меж бисерных штор в легком тумане появились две женщины в венцах небожителей и одеяниях цвета солнечных лучей.

— Девочка Сим! Ты не узнаешь нас? Наш мудрый повелитель Шунь почил в горах Цаньушань, объезжая и осматривая Южные владения. Безутешно рыдали мы, проливая горячие слезы на реках Сяо и Сян, и вот на каждом коленце бамбука появились пятна, а листья поникли...

Если рухнет гора Цаньушань,
Если высохнут Сяо и Сян,
И тогда не исчезнуть с бамбука
Нашим горестным вдовьим слезам!

С тех пор прошли тысячи лет, но некому нам было поведать свою печаль. Ты самая любящая и преданная дочь, и тебе мы открылись без страха. А помнишь ли ты песню «Южный ветер», что пел задолго до кончины великий Шунь, играя на пятиструнной цитре? Не забывай ее и будь осторожна — твой путь еще долг!

Сказали — и сразу же исчезли. «Это жены государя Шуня, духи рек Сяо и Сян, — догадалась Сим Чхон. — Право же, странно, что они посоветовали быть осторожной мне, плывущей на гибель!»

Миновав это место, корабль достиг вскоре горы Хуэйцзишань. Внезапно поднялась буря, подул холодный ветер, и перед Сим Чхон предстал человек — глаза его плотно закрыты, тело обернуто собственной кожей, а сам он горько плачет:

— Девочка Сим! Узнаешь ли ты меня? Я — У Цзысюй, бежавший в царство У! Мой повелитель поверил клевете Бай Пи и велел перерезать мне горло острым мечом, а потом, после казни, снять с меня кожу, завернуть в нее мое тело и бросить в эту реку. Не сдержав гнева, я сказал: «Пусть вынут мои глаза и повесят их над Восточными воротами столицы, чтобы я увидел, как властитель Юэ уничтожит царство У». Увидеть-то я увидел, но кто же вдохнет жизнь в мою плоть, кто вернет мне глаза?

Сказал — и тут же исчез. «Это душа У Цзысюя, верного сановника из царства У», — подумала Сим Чхон.

Корабль плыл дальше, и вдруг на поверхности реки появились два человека. Стоявший впереди имел царственную осанку и такие же манеры, хотя и был одет в лохмотья. Видно было, что человек этот претерпел беду. Заливаясь слезами, он проговорил:

— Печаль и гнев одолевают меня — я пленник царства Цинь. Три года обитал я в Угуане, надеясь возвратиться на родину, а теперь обречен умереть на чужбине. Много лет я лелеял желанья, но стал кукушкой, призывающей души умерших. С удовольствием слушал я удары железных палок в Боланша и напрасно кружился в вихре при луне на озере Дунтинху.

Человек, стоявший сзади (мертвенно бледен был лик его, а тело — сухой скелет), сказал:

— Я — Цюй Юань из царства Чу; служил я правителю Хуай-вану, но, оклеветанный Цзыланем^[275], бросился в эти воды, чтоб смыть грязь, которой мне облили душу. Я верил: добрый повелитель похоронит меня после смерти. И вот как он меня похоронил — ты видишь!

Покойный мой отец Боюном звался,
Чжуань, Сын Неба, — славный предок мой!

Цветы, деревья, травы увядают,
И дни красавца князя сочтены^[276].

Сколько на свете талантливых поэтов! Я погиб из-за любви к правителю, а ты, Сим Чхон, погибнешь из-за любви к отцу — ведь преданность государю и преданность отцу одно и то же! Я пришел, чтоб утешить тебя. Счастливого пути тебе в синем море!

«Много лет после смерти люди эти остаются блуждающими душами, — говорила себе Сим Чхон, — разве не удивительно, что они вышли ко мне? Это значит: я наверняка умру!» И она печально вздохнула.

Сколько дней прожито на корабле, сколько ночей проведено на воде! Текли, словно волны, четвертое, пятое новолуния...

Золотой осенний ветер
На закате прошумел,
Широко раскрылось небо,
Где теперь ему предел?

Заря вечерняя летит
Навстречу одинокой птице;
Осенняя волна реки
Зарничным цветом золотится.

Зреют мандарины близ речной волны —
Золотыми слитками берега полны!

Ветер шумит в камышах,
Стаи снежинок кружатся... [\[277\]](#)

Так пели листья ив в Саньпу, так пел чистый от росы ветер. Горели огни одиноких рыбацких судов, перекликались песни рыбаков:

Воды морские так глубоки!
Горные пики так высоки!

Солнце зашло в Чанша,
Осени цвет далек.
Где оплакивать мужа?
Что послал ему рок?

О чем сейчас думает Сим Чхон? А вот о чем: «Не здесь ли сложил Сун Юй^[278] свою «Оду печальной осени»? Не корабль ли это Цинь Ши-хуана, переполненный молодыми девушками и посланный за снадобьем бессмертия? А может, это судно ханьского императора У-ди, отправившееся на поиски даосских святых? Да нет, здесь ведь не было заклинателей духов! Хотела бы я сейчас умереть, но меня охраняют мореходы! А еще больше мне хочется жить — только не в этом мире, где люди не ведают счастья!»

Наконец судно достигло Имдансу; корабельщики спустили паруса и бросили якорь. Внезапно налетел ураган, вздыбились водяные валы, напоминая схватку драконов. Вдали от берегов снесло мачты, сорвался якорь, поломался руль, корабль сбился с курса. Свистит ветер, бьют волны, все кругом окутано туманом... А впереди еще тысячи ли пути! Вокруг — непроницаемая тьма, небо и земля слились в один сплошной черный круг. Громадные волны бьются о борт корабля, и кажется: вот-вот захлестнут его. Корабельщики в сильном страхе — душа ушла в пятки. Вот они готовят приношение духам, чтобы отвести опасность: варят целый мешок риса, режут большую свинью, разделявают ее. Потом выносят три сорта фруктов и пять сортов сладостей, убивают крупного быка, катят бочки с вином. Окончив приготовления, они велели Сим Чхон вымыться и переодеться в чистое платье, а затем усаживают ее на носу корабля. Начинаются молитвы. Мореходы ударяют палочками в барабаны: тун-дун, тун-дун, тури-дун-дун.

— Сюаньюань первый создал лодки и связал то, что не было связано. Потомки переняли его пример и сделали мореплавание промыслом. Сколь велики заслуги Сюаньюаня! Государь Юй, основатель династии Ся, во времена Великого девятилетнего потопа, сев в лодку, обуздал воды. А когда, установив округа пяти повинностей, стал объезжать все девять областей, он также пользовался лодками. Чжугэ Лян своими заклинаниями вызвал северо-восточный ветер, и Чжоу Юй устроил «огневое нападение» на многотысячную армию Цао Цао. Разве можно было в этой битве у Красной стены обойтись без судов?

Вспомните, как в сочинении Тао Юаньмина: «Вот лодку мою качает, качает, легко подымая».

Вспомните «Возвращение в Цзяндунь» Чжан Ханя:

Сегодня в безбрежное море
Уходит парусник наш...

А как веселился Су Дунпо, когда

В седьмую Луну года «Жэньсьюй»
На воду ч е л н спустил...

Шутят рыбаки, перекликаются, поют, плещут веслами.

Наши л о д к и идут не пустыми —
Лунным светом полны до краев!

Вспомните песню девушек:

Красавицы из У и Юэ
В ч е л н а х резвятся и ликуют,
Рвут лотосы на дремлющей реке.
Украсив весла яркими цветами,
Плывут в тот край, что манит вдалеке
Аира благовонного садами.

А это разве не о купеческих судах поется:

Мне грустно: ваши к о р а б л и
В далекий град Янчэн ушли!

Нас двадцать четыре единоверца, и торговля — наше ремесло. С юношеского возраста, вот уже несколько лет, мы бороздим моря и реки. Сегодня мы приносим в жертву морю Имдансу. Эмэй, владыка Восточного моря! Чжужун, владыка Южного моря! Цзюйчэн, владыка Западного моря! Сюнцзян, владыка Северного моря! Повелитель вод! Духи рек и озер! Примите наши приношения и ниспошлите нам удачу в делах, чтоб вернулись мы с барышами! Дух ветра! Даруй нам попутный ветер! Морской дух! Укажи нам путь! Тун-дун, тун-дун.

Окончив молитвы, купцы заторопили Сим Чхон:
— Бросайся же в воду!

Взгляните на Сим Чхон: она встает на носу корабля и, сложив ладони, начинает молиться Небу:

— Молю! Молю тебя, Небо! Себя мне ничуть не жаль, я умираю лишь затем, чтоб сбылась заветная мечта моего слепого отца. Смилуйся же, Небо! Внемли моим мольбам, сделай ясными глаза батюшки!

Она села на прежнее место и обратила взор в сторону Персикового цвета.

— Батюшка, я погибаю! Да поможет вам Небо прозреть!

Заломив руки, она встала и обратилась к корабельщикам:

— Торговцы! Мореходы! Счастливого вам пути! Прошу вас: когда на обратном пути, уже с барышами, вы будете проплывать эти места, призовите мою душу, чтоб не скитаться ей на чужбине!

Она закрыла свои лучистые глаза и, накинув на голову подол юбки, подошла, пошатываясь, к борту корабля. Еще миг, и в море Имдансу упала дочь слепого Сима Сим Чхон. Цветок, медленно опустившийся в мрачные воды Имдансу, оказался похороненным в брюхе у рыб!

Мореходы задохнулись от горя:

— О! О! Какое несчастье!

Купцы прослезились, а вся корабельная прислуга бросилась на палубу и зарыдала.

— Преданнейшая из преданных и любящая из любящих, Сим Чхон! Какое несчастье! Какое горе! Это ужасней, чем если бы погибли наши родители и братья!..

А в это время вдова вельможи Чана из Улина, расставшись с Сим Чхон, пребывала в глубокой печали. Она положила у изголовья своего ложа портрет девушки и каждый день смотрела на него.

Однажды портрет вдруг потемнел, на нем выступила вода... Госпожа Чан испугалась:

— Она погибла!

Не в силах сдержать горя, госпожа Чан залилась горячими слезами, словно у нее вынули печень, словно грудь ее разрывалась на части. Но вот портрет вновь принял свой обычный вид, и госпожа Чан обрадовалась.

— Видимо, кто-то спас Сим Чхон, и она ожила! Но как узнать, что произошло в синем море, за тысячи ли отсюда?

В ту же ночь, в начале третьей стражи, госпожа Чан приготовила жертвоприношения и, сопровождаемая служанкой, отправилась к реке. На чистом белопесчаном берегу она разложила вино, фрукты, сушеное мясо и, громко прочитав ритуальную молитву, призвала душу «девочки Сим».

Затем госпожа Чан приступила к обряду жертвоприношения, восклицая:

— В прибрежном селении наступает ночь, все кругом тихо. Сим Чхон!

Как я скорблю о тебе, Сим Чхон! Всю жизнь ты мечтала вернуть зрение слепому отцу и, любящая дочь, решила наконец гибелью своей помочь ему. И вот ты стала добычей рыб — как тяжело, как больно мне! Почему же Небо позволило погубить тебя? Почему духи не спасли тебя, тонущую? Уж лучше бы ты не рождалась на свет! Уж лучше бы я не знала тебя! Зачем суждено нам было расстаться? Ведь теперь мы никогда уже не увидимся! Луна закатилась до срока. Цветок увял раньше, чем настал конец весны! Плывет на востоке луна, и мне кажется, будто я снова вижу лицо твое! Цветы, влажные от росы, напоминают о тебе! Ласточки, сидящие на каменных столбах, что-то щебечут твоим голосом! С каждым днем все блее волосы у меня на висках!.. Мирское зло погубило тебя, и ты, погибнув, не ведаешь о моей безнадежной печали! Я осталась жить, и горе мое бесконечно! Утешься же хоть чаркой вина! О, как мне жаль тебя, прекрасная душа!

Окончив молитву, госпожа Чан зажгла благовонные курения. А небо в это время низко висело над землей, словно прислушиваясь к ее стенаниям; по реке стлался туман, напоминавший разноцветные облака; тихо журчат волны, и кажется, будто это всхлипывает Дракон; безмолвны зеленые горы в печали сегодняшнего утра; спавшие на белопесчаном берегу чайки в испуге проснулись и подняли головы; остановились рыбацьи суда с зажженными фонарями.

Госпожа Чан бросила свои приношения в воду. Чарку вынесло волной на песок, и ей показалось, будто это душа Сим Чхон выбросила ее на берег...

Бесконечно опечаленная, госпожа Чан вернулась домой. На другой день, взяв с собой множество драгоценностей, она зарыла их на высоком берегу и на этом месте соорудила беседку «Мольба о дочери». Каждый месяц, первого и пятнадцатого числа, три года подряд она приходила сюда молиться и всякий раз, входя в беседку, тосковала по Сим Чхон.

Жители селения Персиковый цвет очень жалели любящую и преданную Сим Чхон, которая пожертвовала жизнью ради слепого отца. Они поставили возле беседки «Мольба о дочери» каменную плиту и высекли на ней:

Отца слепого исцелить желая,
Дочерний долг исполнила она;
Судьба Сим Чхон и жизнь ее младая
Владыке вод — Дракону вручена!
Река темна, покойна, величава,

В седую дымку берег погружен, —
Из года в год здесь зеленеют травы,
Чтоб люди не забыли о Сим Чхон!

Плита уложена в устье реки, и потому все мореходы, проплывавшие мимо, читали эту надпись и не могли при этом сдержать слез.

Суров и безжалостен мир Поднебесной. Бедному и слабому трудно сохранить в нем дарованную Небом душу и рожденное матерью тело. Даже такая любящая и преданная дочь, как Сим Чхон, в конце концов оросила горячими слезами море Имдансу. Но тот мир, куда она ушла, расставшись со всем живым, — божественный мир, в котором властвуют божественные силы. Слепленные алчностью люди и безмолвный Будда не могли спасти Сим Чхон, но могли разве оставаться равнодушными духи моря Имдансу?

Нефритовый владыка обращается к владыкам четырех морей:

— Завтра в первую четверть послеполуденного часа в море Имдансу будет брошена преданнейшая дочь своего отца — Сим Чхон. Вы должны встретить ее, препроводить в Хрустальный дворец и, дождавшись моих велений, вернуть обратно в мир людей. Ни одному из духов четырех морей не уйти от моей кары, если приказ не будет исполнен!

Напуганные грозным повелением, драконы — повелители четырех морей — собирают своих сановников и придворных, полководцев многотысячных войск и неисчислимых прислужниц, велят им готовить белонефритовый паланкин и ждать. Как только настала первая четверть послеполуденного часа, в море упала красавица девушка. Феи окружили ее, подхватили и хотели было посадить в паланкин, но тут Сим Чхон пришла в себя и запротестовала:

— Смею ли я, ничтожная, сесть в паланкин морского владыки?

Божественные девы в один голос объясняют ей:

— Такова воля Небесного повелителя. Если же мы не исполним ее, царству четырех морей грозит гибель. Не медлите, садитесь!

Не смея больше отказываться, Сим Чхон села в паланкин и, сопровождаемая феями, направилась в подводный дворец. Там ей была приготовлена пышная встреча. Взглянуть на девушку Сим вышли все феи и духи: Тайи^[279] на журавле, Ань Цишэн на фениксе, Чи Сунцзы на облаке, бессмертный старец Гэ^[280] на льве; по обеим сторонам дороги, ведущей в замок, выстроились попарно духи в голубых и пурпурных одеждах; здесь были Чанъэ из Лунного дворца и богиня Сиванму, небожительница

Магу^[281], феи реки Ло и повелительница восьми фей^[282] с Южных гор. Их одежды украшены красивейшими драгоценностями; воздух напоен ароматом, гремит оркестр: флейта царевича Цяо, барабан затворника Го^[283], флейта Лунной, рожок Юань Цзи^[284] и цитра Цинь Гао^[285]. От громкой музыки сотрясаются стены подводного дворца.

Сим Чхон вошла в Хрустальный дворец. Какое великолепное убранство! Янтарные колонны на пьедесталах из белого нефрита, перила из черепаховых панцирей, коралловые и жемчужные занавеси — все сверкает ярким блеском. Сам дворец — из разноцветных ракушек, словно три небесных светила^[286], сообразующиеся с небом. Словно олицетворение пяти счастливых даров у людей. Сим Чхон взглянула на восток — там на ветке китайской розы висит багряный диск солнца. Она взглянула на юг — там парят огромные грифы цвета индиго. Она посмотрела на запад — там, призывая детей и указывая перстом вдаль, шествует повелительница фей, Сиванму, а ее сопровождает пара синих птиц. Она повернулась к северу:

Я глянул вдаль: там ты, земля Китая,
Высокой горной цепью зеленеешь!^[287]

Она взглянула вверх:

Исполнились заветные желанья —
Народ от бед освобожден!

Она глянула вниз:

Прозрачным утром выхожу из дома
И слышу шум каких-то церемоний —
То духи вод — больших и малых рек —
На утреннем приеме у Дракона!

Сим Чхон сажают за стол из зеленой яшмы. На блюдах из китайской ивы ей подают невиданные яства. На янтарных подносах — коралловые кубки с нектаром и лotosовым настоем, чтоб запивать сушеное мясо единорога; кувшины в виде тыквы-горлянки, наполненные кипячеными сливками и вином-росой, а на алмазном блюде — китайские финики, пища

отшельника Ань Цишэна. Небожительницы прислуживали Сим Чхон справа и слева (как можно послушаться веления Нефритового владыки?), повелители четырех морей утром и вечером посылали фей справиться о здоровье Сим Чхон, неоднократно посещали ее и всячески заботились о девушке. Каждый третий день в подводном замке устраивался в ее честь малый пир, каждый пятый день — большое пиршество.

Так проводила дни свои Сим Чхон в подводном царстве. Но вот однажды пронесся слух, что во дворец прибывает небесная фея — Юйчжэнь ^[288]. Не ведая, кто это, Сим Чхон вышла взглянуть на нее. Внезапно откуда-то появилось пятицветное облако, в замке громко заиграла музыка, и вот уже с облака торжественно спускается Юйчжэнь, держа в правой руке красный цветок корицы, а в левой — лазоревый цветок персика. Ее сопровождают синие и белые журавли и танцующие павлины — вестники ее появления. Открывают шествие Юйчжэнь феи Небесного царства, позади — феи царства подводного. Сим Чхон впервые видела подобное!

Спустившись с облака, Юйчжэнь села в паланкин и прибыла во дворец. Здесь она обратилась к Сим Чхон:

— Сим Чхон! Это я, твоя матушка!

Когда девушка увидела, что перед ней ее мать, она радостно воскликнула:

— Ой, матушка!

Подбежала к ней, обняла за шею, прижалась к ее груди и запричитала то печально, то радостно:

— Матушка! Вы покинули меня на седьмой день после рождения, и только благодаря неусыпным заботам отца я не погибла. До пятнадцати лет я не видела самого дорогого мне лица — лица матери. Все дни я мечтала встретиться с вами, и вот вы со мной, и радость моя беспредельна! Как жаль, что отец далеко и не может порадоваться вместе с нами!

Радостная и возбужденная, взволнованная и растроганная, Сим Чхон от счастья потеряла голову. Она поднялась с матерью в башню дворца и там села рядом, прижавшись к ней, и, то касаясь лица матери, то поглаживая ее руки, все повторяла:

— Наконец-то я могу обнять свою матушку! Как я рада! Как я счастлива!

И она плакала от счастья. Растроганная ее слезами, богиня опечалилась и, глядя девушку по плечам, промолвила:

— Не плачь, дитя мое! По воле Неба я покинула мир людей после твоего рождения и чем больше думала о тяжелой жизни твоего слепого

отца, тем горше мне было. Могла ли я надеяться, что ты, мой грибок, моя росинка, останешься в живых? Но Небо явило тебе милость, и вот ты, живая, предо мной! Так и хочется взять тебя на руки. Или посадить на спину. Доченька ты моя родная! Лицом и манерой смеяться — ты в отца, а вот изящные руки и ноги — это мое! Откуда знать тебе, как ты росла в детстве? Я-то догадываюсь, как трудно было твоему отцу, он, наверно, ходил по дворам и просил молока у чужих матерей! Я думаю, он сильно постарел от такой жизни! Ну, а жива ли мамаша Квидок? Она была так добра к тебе!

— Батюшка рассказывал мне об этом. Разве могу я забыть все, что он претерпел?

И она поведала матери, как трудно было отцу, как сама она семи лет от роду начала ходить за милостыней, как шитьем зарабатывала на жизнь себе и отцу. Она рассказала и о том, что госпожа Чан, вдова сановника, позвала ее к себе и предложила стать ее приемной дочерью, о милостях госпожи Чан и о портрете, который та велела написать. (Мать была тронута поступками вдовы.) Рассказала Сим Чхон и о том, как заботилась о ней Квидок.

Шли дни. Сим Чхон по-прежнему жила с матерью в подводном дворце. Но вот однажды мать обратилась к ней:

— Я свиделась с тобой, и радость моя бесконечна. Но у меня много поручений от Нефритового владыки, и я не могу дольше оставаться здесь. Сегодня ты расстанешься со мной и, может быть, встретишься когда-нибудь со своим батюшкой. Еще придет время нашего свидания!

Она попрощалась с дочерью и встала. У Сим Чхон сжалось сердце:

— Ой, матушка! Я думала, мы теперь долго-долго будем вместе, а вы говорите про разлуку...

Но как ни тяжело было им обоим, они не могли противиться воле Неба. Юйчжэнь поднялась, еще раз обняла дочь и вознеслась на небо. Сим Чхон ничего не оставалось, как со слезами на глазах смотреть ей вслед. Нефритовый владыка, глубоко тронутый ее дочерней любовью и преданностью, не в силах был оставлять девушку надолго в подводном дворце и потому вновь повелел владыкам четырех морей:

— Посадите великолюбящую дочь в чистый, как яшма, цветок лотоса и вынесите ее туда, откуда она пришла, — в море Имдансу.

Выслушав волю Неба, повелители морей бережно усадили девушку в белояшмовый лотос и приготовились к выходу в море. Небожительницы всех четырех морей и восемь фей по очереди прощались с Сим Чхон, напутствуя ее:

— Пусть ожидают вас в мире людей богатство, знатность и вечное благополучие! Живите много-много лет, преданнейшая из дочерей!

Сим Чхон отвечала им с благодарностью.

— Умершая, я снова ожила и по вашей милости возвращаюсь в мир людей. Будьте счастливы!

Сказала — и все вдруг исчезло бесследно. Сим Чхон сидела в лotosовом цветке и плыла... Куда — ей было неизвестно. Миновав ворота Хрустального дворца, она очутилась в открытом море. Кругом все тихо — ни шороха ветра, ни шума дождя. Мерно плещутся волны, в воде цветут весенние морские розы, а на берегу, где, овеваемые легким восточным ветерком, склоняют к воде свои ветви зеленые ивы, беззаботно сидит старый рыбак... Она плыла в открывающийся простор, туда, где ярче играют солнечные блики. Сим Чхон огляделась вокруг: да это море Имдансу, из которого она попала в подводный дворец! О горе! Неужели это опять не сон?

Как раз в это время возвращались из плавания купцы-мореходы. Совершив жертвоприношение, они удачно закончили свои торговые дела, и теперь на мачте их корабля развевался большой флаг, а сами они весело балагурили и плясали... Войдя в море Имдансу, купцы зарезали большого быка, выкатили бочки с вином, приготовили разные фрукты и под бой барабанов начали творить молитвы. Но вот барабанный бой стихает, и старшина купцов громким голосом обращается к душе погибшей Сим Чхон:

— О преданнейшая из преданных дочерей, Сим Чхон! Ты стала духом морской пучины, и у нас нет слов, чтоб выразить печаль и горе наше. Благодаря тебе мы возвращаемся на родину с большими барышами, но вернется ли когда-нибудь на землю твоя душа? Мы обещаем тебе заехать по пути в селение Персиковый цвет и справиться о благополучии твоего отца!

Старшина оросил щеки слезами, и все торговцы тоже прослезились. Когда же они взглянули на море, то увидели, что на воде откуда ни возьмись появился бутон цветка! С криками подплыли они к нему:

— Ой, что это за цветок? Лавр ли это благородный, что цветет лишь на небе, или это земной лазоревый персик? Нет, это не небесный цветок и не земной, раз он плывет по морю: значит, это дух девушки Сим Чхон!

Они начали оживленно спорить, но в это время небо заволокло белыми облаками, среди которых парил на журавле небесный посланец. В вышине прозвучал его громкий глас:

— Торговцы-мореходы! Не спорьте о том, что вы увидели, — это

небесный цветок! Не говорите о нем никому, бережно возьмите его на корабль и отвезите Сыну Неба. Если посмеете послушаться, гром небесный поразит вас и молнии испепелят вас!

Дрожа от страха, купцы осторожно вытащили цветок из воды и положили его в свободную каюту, отгородив ее от других помещений зеленой занавеской. Затем торговцы снялись с якоря и подняли паруса. Тут налетел попутный ветер и вмиг домчал их до столицы, где они и причалили.

В третью луну года «Кёнджин» скончалась императрица. Тысячи людей были охвачены горем. Сын Неба, скорбя душой, собирал всевозможные травы и цветы и заполнял ими свой дворцовый парк. Множество цветов посадил он и перед своими покоями. В скором времени все они буйно разрослись:

Легкая поступь красавицы
Нежит зеркальную гладь;
Осенью а л о м у л о т о с у
Время пришло расцветать!

Цвет з и м н е й с л и в ы, наполняя сад,
Несет волнующие вести;
Витает скрытый аромат,
Блестит рождающийся месяц!

Сановников дети играют
Под пышно цветущею кроной;
Вокруг без конца и без края —
Пурпурное поле п и о н о в!

Возле покоев императрицы
Землю покрыли г р у ш и цветы,
Сколько их здесь — целые горы!
Легкую дверь не откроешь ты!

Властитель государства Шу
Кукушкой стал, покинув белый свет;
Теперь он смотрит на к у к у ш к и н ц в е т
И вспоминает царство Шу!

Еще в его саду росли белые, желтые и красные хризантемы, индийская сирень, орхидеи, банановые, гранатовые и помелоновые деревья, амурский виноград, смородина, японские и корейские рододендроны, бальзамины и прочие цветы, травы и деревья. Среди всего этого великолепия, радуясь цветам, парами порхали бабочки. Сад услаждал скорбящую душу Сына Неба, цветы напоминали ему о любви...

Купцы преподнесли императору цветок лотоса. Он радовал взор Сына Неба, и потому его положили на нефритовый поднос и унесли в пышные императорские покои. Шли дни, проходили ночи, но Сын Неба по-прежнему не замечал ничего вокруг, он слышал лишь удары гонга, возвещавшие наступление новой стражи...

Однажды, когда он уже в полузабытьи возлежал на своем ложе, к нему, как будто наяву, спустился с облаков на журавле дух священной горы Пэнлай, поклонился, сложив ладони, и молвил:

— Небесный повелитель узнал о кончине императрицы и ниспослал вам спутницу жизни. Взгляните же скорее на нее!

Не успел дух договорить, как Сын Неба проснулся. «То был вещий сон!» — решил он и, пройдясь в раздумье по опочивальне, кликнул служанку. Когда та принесла нефритовый поднос, император взглянул на цветок. Но цветка уже не было — на его месте сидела молодая девушка! Сын Неба удивился:

— Мы думали — это сон, но сон обернулся явью!

Небесный цветок вчера в наши покои проник;
Сегодня — божественной девы мы созерцаем лик!

На следующее утро император записал все, что ему пришлось увидеть ночью, и сообщил обо всем приближенным. Вскоре к нему явились три высших сановника и шесть министров, вельможи и чиновники и пали перед ним ниц. Император объявил:

— Прошлой ночью мы видели удивительный сон, настолько необычный, что решили еще раз взглянуть на цветок, доставленный нам недавно купцами. И вот оказалось, что цветок бесследно исчез, а на его месте сидит девушка, осанкой — королева. Ну, что вы думаете об этом?

Все придворные отвечали в один голос:

— То Небо, узнав о кончине императрицы, ниспослало вам подругу жизни. Небо нерушимо охраняет судьбу нашего государства!

Все смотрят на Сим Чхон: какая же она красавица! На ней венок из

цветов, украшенный семью алмазами чистойшей воды; платье вышито силуэтами десяти символов долголетия и иероглифами «счастье» и «долголетие»; шея обвита жемчужным ожерельем; в руках — золотой веер в виде хвоста птицы феникс; справа и слева от нее — придворные служительницы в синих кофтах и алых юбках... Казалось, будто фея Чанъэ из Лунного дворца спустилась на землю.

На голове у Сим Чхон под венком — шпильки в виде феникса и бамбуковые гребни; в волосах — янтарь, ракушки, кораллы; на поясе — подвески из прозрачнолунной яшмы в обрамлении тюльпанов; на плечах — изящные одежды танского и юаньского времени^[289]. Настоящая королева!

Прислужницы, стоявшие на ступеньках вокруг нее, напоминали о церемониях в Просторном студенном дворце^[290]. Высоко в небо поднялся купол ее шатра из сине-бело-красного шелка. В расшитых шелком одеждах Сим Чхон сидела на троне с изображением дракона, завешанном пологом из гладкого шелка. Вокруг нее — бесчисленное множество всевозможной золотой утвари, даже красные свечи вставлены в золотые подсвечники! Повсюду хрусталь, яшма, кораллы, вазы из драгоценного камня! В воздухе — парящие попарно синие и белые журавли, у ног ее — рычащий лев. По сторонам, словно стая попугайчиков, выстроилась пестрая шеренга дворцовых прислужниц. Три высших сановника, шесть министров и все вельможи и чиновники расположились по восточной и западной сторонам и, подходя поочередно к Сим Чхон, радостно приветствовали ее. Первый министр преподнес ей шкатулку со свадебным подарком.

Посмотрите на императора — Сына Неба: у него мужественный лик дракона, выдающийся нос, пышная борода, сытый живот, наполненный плодами рек и гор. Казалось, природа расцвела, и Хуанхэ стала прозрачной — словом, это был всесовершеннейший император. На нем корона, одежды расшиты изображениями дракона, на плечах вытканы солнце и луна, блестящие, как три небесных светила, а сам он — олицетворение пяти счастливых даров!

По окончании свадебной церемонии Сим Чхон усадили в паланкин и бережно понесли в покои императрицы. Какое это было великолепное шествие, какая пышная церемония!

И с этих пор добрые деяния государыни стали известны всей Поднебесной. Ее славили все сановники, все правители и чиновники и весь простой народ:

— Долгие лета нашей доброй императрице!

Тем временем слепой Сим, потеряв дочь и лишившись покоя, день за днем проводил в слезах и вздохах. Миновала весна, наступило лето. Кругом все утопало в зелени; щебетали птицы, словно насмехаясь над Хаккю; потемнели горы; нежным стало журчание рек. Мужчины и женщины, старики и дети селения Персиковый цвет и окрестных сел часто навещали Хаккю, справляясь о его здоровье, беседовали с ним. Приходили к нему и молодые девушки, игравшие когда-то с его дочерью. Они оказывали ему знаки внимания, но так и не могли развеять его печаль — ему казалось, будто это дочь приходит к нему, садится рядом, разговаривает с ним. Ни на минуту не мог он забыть ее добрых дел, ее почтительных речей. Утрата дочери сделала его глухим к людскому сочувствию. Есть ли еще человек со столь печальной судьбой?

Сим Хаккю коротал дни свои в горестях и печалях — ведь Небо предназначало нам любить родную кровь. Между тем и Сим Чхон, хотя и стала знатной, постоянно горевала о своем слепом отце. Вот она сидит одиноко и тоскует:

— Жив ли мой бедный отец? Или он умер? Может, смилостивился Будда, вернул ему зрение? Может, бродит он, как прежде, по деревне, прося подаяния?

В это время на женскую половину дворца пожаловал император. Взглянув на императрицу и увидев, что из глаз ее льются слезы, а на яшмовом лице — печаль, Сын Неба вопрошает:

— Почему лик ваш так печален?

Императрица опустила на колени и почтительно отвечает:

— Я выросла не в императорском дворце. Я — дочь Сима Хаккю из селения Персиковый цвет, что в уезде Хуанчжоу. Мой отец слепой, и его заветное желание было прозреть. Ему сказали, что если он пожертвует Будде из монастыря «Пригрезившееся облако» триста соков риса, то Будда вернет зрение. Но мой отец беден, и ему неоткуда было взять столько зерна. И вот я продала себя за триста соков риса купцам-мореходам из Южной столицы и была брошена в море Имдансу. По милости морских владык я не погибла, снова приняла человеческий облик, стала знатной. Слепые — самые несчастные из несчастных, с ними нужно быть особенно заботливыми. Если бы вы позволили устроить в столице пиршество для всех слепых, я могла бы найти своего родного отца! Кроме того, слава о вашей доброте разнеслась бы по всей стране...

Император одобрил ее мысль:

— Право же, вы, государыня, самая преданная и любящая дочь среди

женщин!

Тотчас Сын Неба призвал своих приближенных и повелел в последний день луны устроить в столице пир для всех слепых государства. Об этом вскоре было объявлено по всем провинциям и округам, на каждой улице и в каждом переулке. Всех слепых, без различия возраста, посылали в столицу. Тех, кто был болен, лечили и направляли туда же. Всеми способами пытались проникнуть на этот пир и разные жулики, но их ловили, наказывали палками и изгоняли из столицы, куда день за днем стекались молодые и старые слепцы. Но где же Сим Хаккю? Почему он один ничего не знает?

А Хаккю в это время, разуверившись в милосердии Будды из храма «Пригрезившееся облако», потеряв дочь и лишившись трехсот соков риса, по-прежнему ничего не видел, по-прежнему оставался «слепым Симом». Он не только не вернул себе зрение, но и бедствовал с каждым днем все больше и больше.

Жители Персикового цвета, помня о просьбе купцов и чтя память госпожи Квак, вначале не забывали о Сим Чхон и старались всей душой помочь слепому старику. Жизнь его понемногу улучшалась: он получил от корабельщиков обещанное зерно, стал пользоваться процентами с него, и это избавило его от нужды. Однако ненадолго. Жила в ту пору в селении Персиковый цвет одна женщина по прозвищу мамаша Пэндок, злая и жадная. Прознав, что в дом слепого Сима пришел достаток, она навязалась ему в жены и поселилась с ним под одной крышей. По натуре своей это была женщина подлая — она сделала Хаккю еще более несчастным. Она продавала рис и покупала себе сласти, продавала рис и покупала себе мясо. Она продавала зерно, а на вырученные деньги пила в харчевне вино. Дома она ничего не готовила, а все продукты отдавала на сторону. С пустой трубкой ходила по селу и просила табаку у первого встречного. Она ругалась с соседями и дралась со знакомыми. Днем она спала в беседке, а когда напивалась, то среди ночи принималась орать во все горло или заигрывать с мужчинами. Триста шестьдесят дней в году она ела, не закрывая рта, и высосала все состояние Хаккю, как высасывают хурму. Но слепой Сим несколько лет жил в одиночестве и не имел подруги, поэтому он, желая доброго согласия в семье, день и ночь, не щадя сил, словно исполняя за деньги тяжелую работу, старался сохранить остатки благосостояния. А мамаша Пэндок задумала тем временем промотать оставшееся состояние Хаккю и, приготовив на два-три дня еды, сбежать из дому. И день за днем пожирала она добро бедного Сима, как ворона пожирает спелый арбуз.

Однажды Хаккю позвал свою сожительницу и сказал ей:

— Послушай, у нас ведь было немалое состояние. А люди говорят: «Как плохо они живут!» Так недолго снова пойти с сумой по дворам. В нашем селе мне уже стыдно побираться, тяжело слушать упреки соседей. Что, если нам переселиться в другое место?

— Вы глава семьи. Делайте, как считаете нужным.

— Хорошо сказано! Ты задолжала кому-нибудь в селе?

— Немного.

— Сколько же?

— В ту харчевню, что за деревней, сорок лянов за водку.

— Здорово же ты пила! — заметил неодобрительно Хаккю. — А еще?

— Еще за конфеты племяннику Пульта, который живет на той стороне, — тридцать лянов.

— Здорово же ты ела! Ну, а еще?

— Еще за табак в Аньцуне — пятьдесят лянов.

— Ну и покурила же ты!

— Торговцу маслом двадцать лянов.

— Куда тебе столько масла?

— Волосы смазывала!

Хаккю даже задохнулся от возмущения:

— Честное слово, это никуда не годится!

— А что, разве это много?

Так они разговаривали, и все время, пока Хаккю говорил о своем имуществе, душа его болела и скорбела за дочь. В одиночестве вышел он из дому и побрел тем путем, каким ушла когда-то Сим Чхон. Усевшись на берегу реки, он заплакал, призывая дочь:

— Дочь моя, Сим Чхон! Почему ты не возвращаешься? Если ты погибла в глубоком море Имдансу, попала на небо и встретила там свою мать, то возьми и меня к себе!

В это время к нему подошел канцелярский служка, прослышавший, что слепой Сим горюет на берегу.

— Слепой Сим! Вас требует к себе господин уездный правитель. Пойдемте быстрее!

Услышав это, Хаккю испугался:

— За мной нет никакой вины.

— Говорят, император призывает всех слепых, дает им должность и жалует дом с землей. Так что скорее идите в управу.

Служка привел Хаккю в уездную управу, и там Хаккю сказали:

— В столице устраивают пир для всех слепых. Живо отправляйся в

столицу!

Хаккю отвечает:

— Как же я пойду в столицу за тысячи ли: у меня нет ни одежды, ни денег на расходы!

Все в управе знали, как живет слепой Сим, поэтому ему выдали деньги и одежду и велели скорее отправляться в путь. Хаккю — делать нечего — вернулся домой и кликнул сожительницу. А мамаша Пэндок в этот миг радовалась втайне, думая, что слепой Сим непременно утонет в реке с досады на ее мотовство и все оставшееся имущество достанется ей. Но когда Хаккю вошел в дом и позвал ее, она тотчас откликнулась:

— Да-да!

— Послушай, жена! Сегодня я был в управе, и мне сказали, что в столице устраивается пир для всех слепых и что мне тоже нужно идти. Так вот, я пойду, а ты следи за домом и дожидайся моего возвращения.

— Как же это? Вы — глава семьи — пойдете, а я останусь? Ведь говорится же: «Жена должна всюду следовать за мужем!» Нет уж, я пойду вместе с вами!

— Слова твои весьма похвальны! Может, действительно нам отправиться вместе? Знаешь, я поместил у купца Кима из села, что на той стороне, триста лянов денег. Возьмем с собой из них пятьдесят лянов!

— Что вы ерунду говорите! Эти триста лянов я уже взяла и истратила в этом месяце на абрикосы!

У Хаккю перехватило дыхание.

— Да когда же ты успела истратить их на абрикосы, когда я совсем недавно отдал ему деньги?

— Подумаешь, какие большие деньги! Стоит ли так сердиться?

— Не удивлюсь, если узнаю, что ты истратила и те, что я отдал на хранение мамаше Квидок!

А сожительница и глазом не моргнула.

— Ну, конечно, истратила и их: на хлеб да на бобовую похлебку!

Хаккю снова обмер.

— Ах ты, мотовка! Моя дочь, истинно любящая и преданная Сим Чхон, уходя из дому, чтоб умереть в Имдансу, оставила мне деньги, наказывая беречь их для себя, а ты, дрянь этакая, растратила их, эти драгоценные деньги, на хлеб, абрикосы и бобы?

— А что? Разве я не могу есть то, что хочу? — Мамаша Пэндок решила схитрить. — В прошлую луну меня почему-то все время тошнило, рис мне опротивел и захотелось кисленького...

Хаккю, наивный муж, услышав это, забеспокоился:

— Слушай, а может, ты ждешь ребенка? Но если ты будешь есть много кислого, это повредит ребенку. Я буду рад, если ты родишь мне сына или дочь. Ну что ж, в таком случае мы вместе пойдем на пир в императорский дворец!

Сказав так, Хаккю стал готовиться в путь. Посмотрите, что он делает: шляпу из бамбуковой щепы с острова Чеджудо он завернул в толстый холст; надел куртку из прочного сукна; перекинул через плечо матерчатый ремень и закинул за спину дорожный мешок; завернул в платок деньги; взял в руку посох и, пропустив вперед мамашу Пэндок, последовал за ней в далекий путь. Так они отправились в императорский дворец.

Шли они, шли и достигли одного селения, где остановились в харчевне на ночлег. Неподалеку отсюда жил некий слепой по фамилии Хван, который еще в соседнем уездном городе прослышал, что мамаша Пэндок — потаскуха. Очень ему хотелось побаловаться с ней хоть разок. И вот, узнав, что она, как уже бывало раньше, приехала в это селение, Хван договорился обо всем с хозяином харчевни и предложил мамаше Пэндок перейти к нему. Та подумала: «Если я пойду с Хаккю в столицу, меня, зрячую, все равно не пустят в императорский дворец. Если же вернуться домой, меня будут преследовать заимодавцы, так что домой мне никак нельзя. Ну, а если пойти к Хвану, мне будет покойно и абрикосов я поем вволю хоть один сезон. Пойду-ка я к Хвану!» И она ушла ночью к Хвану, прихватив все дорожное имущество Хаккю.

Ничего не подозревая, бедный Хаккю встал рано утром и позвал:

— Эй, мамаша Пэндок! Пойдем скорее! Чего ты заспалась?

Но женщина, бывшая уже за десятки ли, конечно, не отозвалась.

— Эй, жена! Жена!

Но как Хаккю ни звал, ответа не было. Слепой удивился. Пошарив у изголовья, он обнаружил, что поклажа его исчезла. Только тут понял он, что жена сбежала.

— А! Ушла!

Хаккю горестно всхлипнул:

— О жена! Куда ты ушла, покинув меня? Пойдем со мной! Куда же ты ушла? С кем пушусь я в далекий путь к императорскому дворцу? Кому мне довериться? Куда же ушла ты, бросив меня? О! Горе мне! Горе!

Испутив тяжкий вздох, он принялся размышлять:

— Нет! Дурак я, что думаю о такой шлюхе! Я перенес смерть умной и доброй госпожи Квак, перенес разлуку с любящей и преданной дочерью Сим Чхон, так стоит ли горевать об этой потаскухе? Дурнем я буду, если хоть раз вспомню о ней, если еще хоть словом о ней обмолвлюсь!

И все же не мог он сразу выбросить эту женщину из памяти. «Жена! Жена!» — звал он, покидая харчевню.

Вскоре достиг Хаккю другого селения. Было лето, стояла невыносимая жара. Обливаясь потом, дошел он до реки, где в прозрачных водах барахталась шумная ватага ребятишек. До него донеслись их веселые крики.

— Эх, искупаюсь-ка и я, — решил Хаккю и, быстро раздевшись, погрузился в воду.

Через некоторое время он вылез на берег и стал шарить в поисках платья. Но какие-то злые люди, еще беднее, чем Хаккю, унесли всю его одежду. Слепой чуть не задохнулся от гнева.

— Проклятые воры! Вы соблазнились моим тряпьем! Нет никого несчастнее меня на этом свете: ни при солнце, ни при луне я не могу различить восток и запад. За что дана мне такая судьба? Уж лучше умереть и отправиться на небо! Там увижу я снова прекрасное лицо своей Сим Чхон!

Голый, в чем мать родила, сидел слепой Сим одиноко под палящими лучами солнца и горестно вздыхал. Но кто же мог вернуть ему одежду? В это время возвращался из столицы в Улин здешний правитель. Услышав возгласы: «Дорогу! Дорогу!», Хаккю радостно восторженно воскликнул: «Вот хорошо! Сейчас я обращусь к этому господину за помощью!» И он закричал:

— Я слепой, иду в столицу. Примите мою жалобу!

Правитель остановился:

— Где ты живешь, слепой? Почему ты раздет? О чем ты хочешь просить меня?

— Я все расскажу вам. Живу я в селении Персиковый цвет, что в уезде Хуанчжоу, а иду в столицу на пир. По пути мне стало жарко, и я решил искупаться в этой реке. Но пока купался, у меня украли одежду и все мои пожитки. Вот почему я обращаюсь к вам с жалобой.

Правитель удивленно спросил:

— Ну, а что же у тебя украли?

Хаккю подробно перечислил, и тогда правитель округа решил:

— Плохи твои дела! Пожитки твои так быстро не найти. Пока я дам тебе одежду, чтобы ты мог одеться и спешил в столицу.

Правитель позвал вестового, приказал ему выдать слепому старику кое-что из вещей и добавил:

— Ты можешь надеть и военный убор, а шляпу свою отдай слепому. А ты, носильщик, отдай слепому свой подшляпник, а сам повяжи голову платком.

Когда Хаккю оделся, оказалось, что новая его одежда куда богаче утерянной. Поэтому он низко поклонился правителю и направился в столицу, продолжая сетовать на судьбу.

— Как я пойду? Как я пойду? Где буду ночевать сегодня и где буду спать завтра? Эх, сесть бы на вороного коня Чжао Цзылуна! Тогда бы я сегодня же добрался до столицы! Сколько дней мне еще шагать на своих слабых ногах? Как добраться до столицы? Говорят:

В далекий путь уходит милый —
Застав отсюда не видать.

Но это сказано о легконогих воинах. А как пройти слепому и слабому тысячи ли до столицы? Иду я в столицу, а что я знаю о ней? Это не подводное царство, где я могу увидеть свою дочь; это не царство небесное, где могу встретить госпожу Квак, свою жену. Нищий и больной, как доберусь я до столицы?

Вздыхая и причитая таким образом, Хаккю добрал до Аллеи зеленых деревьев. Когда он переходил Лошуйский мостик, какая-то женщина обратилась к нему:

— Путник, остановитесь на минутку! Вы не слепой Сим?

Хаккю задумался: «Странно! Ведь в этих местах меня никто не знает!» Тем не менее он тотчас ответил женщине, и та повела его за собой. Они вошли в великолепно убранный дом, перед Хаккю поставили столик с редкими кушаньями. Когда он поел, женщина сказала:

— А теперь, господин Сим, пройдите со мной в другую комнату!

— Послушайте, что вы от меня хотите? Ведь я слеп и не умею гадать и читать сутры!

— Следуйте за мной без возражений!

Хаккю подумал про себя: «Ох, как бы мне не повязали платок»^[291]. Однако, ни слова не говоря, он прошел в другую комнату. Слышит — какая-то женщина почтительно спрашивает его:

— Вы слепой Сим?

— Да. А откуда вы знаете?

— На то есть причина. Моя фамилия Ан. Я ослепла, когда мне не было еще и десяти лет. Я выучилась искусству гадания, но до двадцати пяти лет не нашла себе суженого, сочла это за судьбу и потому не вышла замуж. Но вчера мне снился сон: будто луна на ущербе. Узнав, что ваша фамилия Сим^[292], я пригласила вас к себе, чтоб породниться с вами.

Хаккю обрадовался:

— Слова ваши приятны мне, я согласен.

В эту ночь он разделил ложе со слепой Ан и вкусил краткий миг блаженства. Во сне его одолевали кошмары, и наутро он встал озабоченный. Слепая попросила его:

— Теперь мы связаны с вами навек, так поведайте же свои заботы.

— Видел я сегодня сон: сняли с меня кожу и натянули ее на барабан; опали листья и закрыли корни деревьев; над высокими языками пламени роились пчелы. Все это предвещает, что я скоро умру.

Госпожа Ан задумалась на минуту и стала разгадывать сон Хаккю:

— Нет, это счастливый сон! Сняли кожу и натянули на барабан, вы говорите? Что ж, «бьет барабан в императорской столице...». Это значит, что вы побываете во дворце. Листья опали и корни закрыли — встреча дочери с отцом. Значит, вы увидите свое дитя. Пчелы роятся над пламенем — значит, вам придется плясать на радостях!

Хаккю вздохнул:

— С каким же дитятей я встречусь, если моя любящая и преданная Сим Чхон погибла в Имдансу?

Госпожа Ан удерживала Хаккю, но он, побыв с нею несколько дней, попрощался и снова отправился в путь.

Расставшись со слепой Ан, Хаккю прибыл в столицу. Со всех уголков страны стекались сюда слепые, ими были переполнены все постоянные дворы. Слепых было так много, что среди них затерялись зрячие. На улицах дворцовая стража, размахивая императорскими знаменами, провозглашала:

— Слепые всех провинций и всех округ! Торопитесь попасть на пир!

Их громкие голоса донеслись до Хаккю в то время, когда он сидел в харчевне. Услышав призыв, Хаккю вскочил и тотчас направился во дворец. Дворцовая стража у ворот записывала имена и адреса приходящих сюда слепых. Императрица сама каждый день просматривала списки, но имени отца не встречала. Опечаленная, сидела она в одиночестве и даже не могла дать волю слезам — неподалеку стояли три тысячи придворных дам. Сидя на нефритовых перилах и прислонившись яшмовым личиком к коралловым занавескам, она грустила:

— Бедный мой отец! Жив ли он? Может, умер? А вдруг Будда смилостивился и открыл ему глаза, и он уже больше не слепой? А может, он заболел и потому не смог прийти? Или какое-нибудь несчастье постигло его в пути? Как жаль, что я не могу сообщить ему, что жива и стала знатной!..

Долго печалилась государыня... Между тем слепые уже вошли во дворец и уселись за пиршественные столы. И она обратила вдруг внимание на слепого, который сидел в самом конце стола, — под ухом черная родинка. Ну, конечно, это отец! Императрица призвала служанку и приказала ей:

— Приведи-ка сюда вон того слепца и скажи ему, пусть назовет свое имя и место жительства.

Поднявшись с места, Хаккю, ведомый служанкой, подошел к императрице и начал свою печальную историю:

— Я — Сим Хаккю из селения Персиковый цвет, что в уезде Хуанчжоу. В двадцать лет я ослеп, а в сорок потерял жену и остался один с грудной дочерью на руках. До пятнадцати лет я растил ее, вскормив молоком чужих матерей. Имя ее — Сим Чхон. Необыкновенно любящая и преданная, она ходила собирать милостыню, и тем мы кормились. Прослышав однажды, что, если пожертвовать с молитвой триста соков риса в монастырь «Пригрезившееся облако», Будда откроет мне глаза, она продала себя за эту цену купцам из Южной столицы и вскоре погибла в море Имдансу. Я потерял дочь, но зрение так и не вернулось ко мне. Мне хотелось умереть, чтоб уйти от горькой судьбы, но я отправился в дальний путь к императорскому дворцу, желая рассказать сначала о своей несчастной доле.

Седые волосы его растрепались, из глаз хлынули горячие слезы:

— О дочь моя! Сим Чхон! Где ты?

И он упал, рыдая и колотясь о землю. Императрица, еще до того как он кончил говорить, почувствовала, что на глаза ей навертываются слезы, а все тело слабеет. Помогая отцу подняться, она прошептала:

— Батюшка! Откройте же глаза и взгляните на меня!

Как обрадовался Хаккю, услышав эти слова! Обеими руками он начал тереть глаза.

— О! О! Что я слышу? Моя дочь Сим Чхон жива? Сим Чхон жива? Если она жива, дайте же мне посмотреть на нее!

В этот миг все кругом окуталось белыми облаками, среди которых парили попарно синие и белые журавли, фениксы и павлины. Над головой Хаккю повис густой туман. И вдруг глаза его раскрылись, и весь мир, земля и небо, небесные светила предстали его взору. В испуге и радости вскричал он:

— Ой-ой! Почему мне так слепит глаза! Как огромен мир! Как прекрасны земля и небо! Я вижу лицо дочери — оно ясное и красивое и обрамлено венцом с семью драгоценными камнями.

Только теперь Хаккю понял, что прозрел. Он огляделся кругом, радуясь окружающим его предметам и краскам. Вне себя от счастья, он бросился к дочери.

— О, кто ты? Тебя видел я во сне в восьмой день четвертой луны в год «Капча». Голос твой мне как будто знаком, а вот лицо вижу впервые. Ольсигуна! Чихваджа-чихваджа! Что же произошло? Слушайте, люди! За горем следует счастье, за печалью — радость — это сказано обо мне. О, как я счастлив! Как я счастлив! На душе у меня стало светло, как в темной комнате, вдруг озарившейся светом. Я счастлив, словно повидал Чжао Цзылуна в сражении на реке Шаньяншуй. Я открыл глаза — неужели я в столице, во дворце? Моя дочь Сим Чхон — императрица! Мог ли я думать об этом? Моя дочь, погибшая далеко в свирепом море Имдансу, стала повелительницей страны! Сорок лет мои глаза были слепы и вот наконец открылись! Такого не отыщешь и в древних книгах! Хо-хо! Люди земли! Слышали ли вы о подобном чуде? Как счастлив я! Как счастлив я!

Счастливая государыня, окруженная тремя тысячами придворных дам, повела отца во внутренние покои дворца. Сам император, с лицом, озаренным радостью, пожаловал Хаккю звание «королевского тестя», одарил его чудесным дворцом, пашнями и слугами.

Вскоре были пойманы мамаша Пэндок и слепец Хван. Они понесли заслуженную кару за свои преступления.

Все жители селения Персиковый цвет были навсегда освобождены от налогов. Женщинам, вскормившим своим молоком императрицу Сим, пожаловали дома, они были щедро вознаграждены. Подруги детства императрицы получили приглашение во дворец, и государыня лично беседовала с ними.

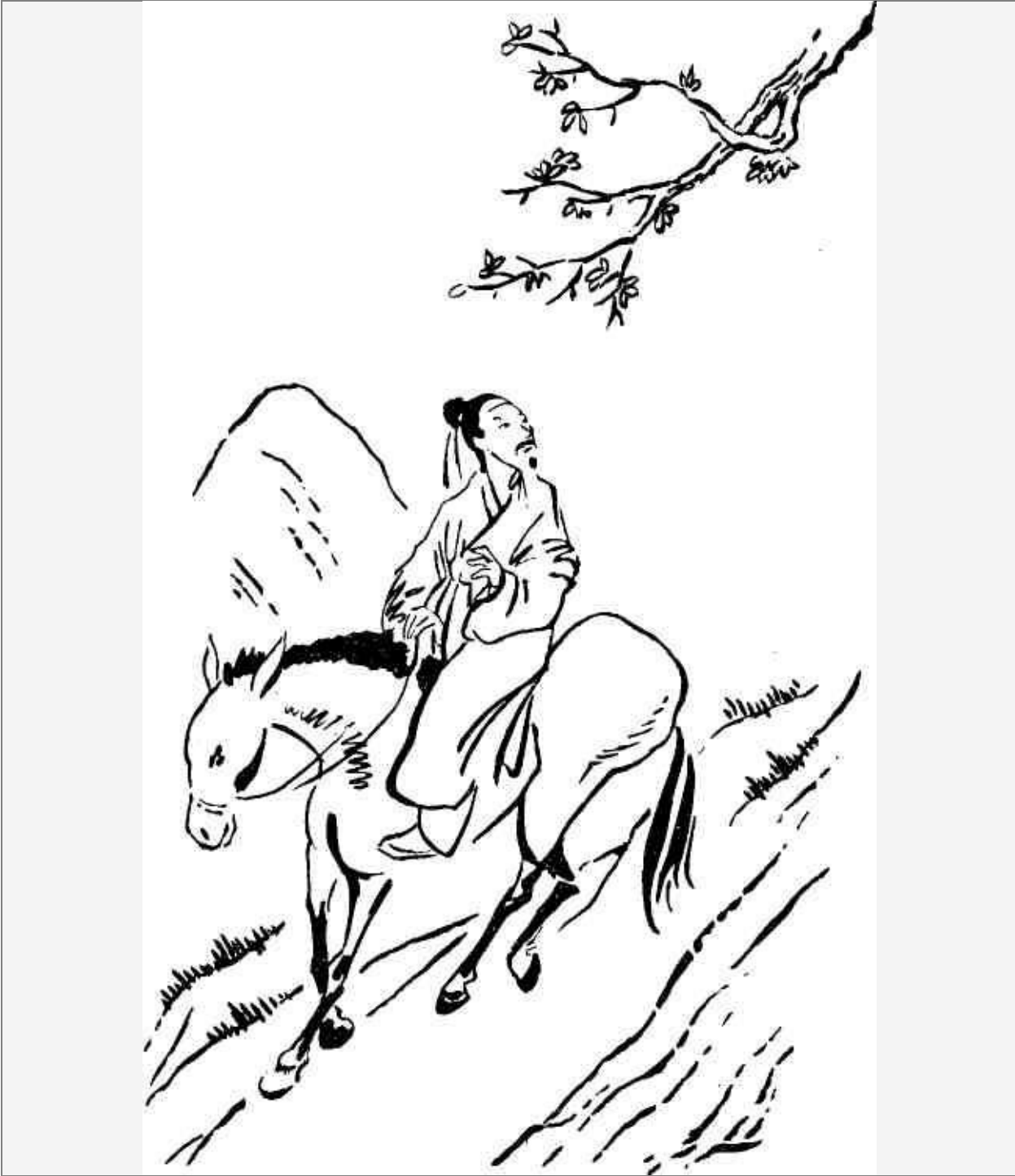
Вдова сановника Чана была принята императрицей как самая почетная гостя. Женщины, встретившись, обнялись и заплакали — весь мир плакал вместе с ними в эту минуту. Госпожа Чан вынула из-за пазухи портрет и развернула его перед государыней. Стихи на портрете были написаны в свое время самой императрицей. Женщины вновь обнялись и всплакнули. Даже изображение на портрете, казалось, льет слезы...

Императорский тесть Сим Хаккю посетил гору, где были похоронены его предки и жена, госпожа Квак. В восемьдесят лет он стал отцом сына, которого родила слепая Ан, встреченная им некогда на пути в столицу.

Молва о добрых делах императрицы разнеслась широко по свету. Народ славил ее, и в каждом доме росла теперь такая же любящая и преданная дочь, какой была государыня Сим.

Хо Гюн.
Достойный Хон Кильдон

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рассказывают люди, будто давным-давно, при государе Седжоне, жил сановник по фамилии Хон, а по имени Мо.

Знатен и родовит был этот Хон. Еще юношей сдал он государственные экзамены и дослужился до Главы палаты чинов. Имя Хона гремело по всем городам и селам, и шла о нем слава как о преданном сыне и верном слуге государя.

Двое сыновей было у Хона. Старшего звали Инхён. Мать его, законная супруга^[293] Хона, происходила из рода Лю. Младший сын, Кильдон, был рожден от служанки Чхунсом.

Перед рождением Кильдона приснилось отцу, будто загрохотал гром, сверкнула молния и на него ринулся с неба зеленый дракон^[294] с косматой взъерошенной бородой. В испуге очнулся Хон Мо. Дивный сон, под стать сну о муравьином царстве Нанькэ! Он с радостью подумал: «Увидел во сне дракона, значит, жди дорогого сына!» — и поспешил к супруге на женскую половину.

Встала навстречу госпожа Лю. Взял он ее за яшмовые руки, хотел тут же обнять и приласкать. Но чинно молвила госпожа Лю:

— Вы солидный человек, а ведете себя как легкомысленный мальчишка!

И с этими словами отвела его руки.

Хон Мо вышел, досадуя на свою супругу. А как раз в это время принесла ему чай служанка Чхунсом. Плененный красотой девушки, Хон Мо тут же увлек ее в опочивальню. В ту пору Чхунсом было восемнадцать лет.

С этого момента она не выходила за ворота и даже не смотрела на других мужчин. Господину это пришлось по нраву, и он сделал ее наложницей. А ровно через десять лун Чхунсом родила дивного мальчика. Отец радовался и жалел, что не от законной супруги родился такой прекрасный сын.

Кильдон рос и к восьми годам всех превзошел разумом, как говорится, все схватывал на лету. Одна беда: низкое рождение запрещало мальчику называть отца отцом, а брата — братом. Если по забывчивости он позволял себе такое, ему тотчас же указывали на оплошность. Даже слуги не испытывали к нему никакого почтения.

Однажды осенью, в девятую луну, сиял на небе месяц и веял свежий

ветерок — все успокаивало душу. Кильдон сидел за книгами, но вдруг оставил их со вздохом:

— Хоть и родился я мужем, следовать примеру мудрецов — Конфуция и Мэн-цзы — мне не дано. Так не лучше ли изучать науки ратные! Сделаюсь я военачальником. Падет передо мной Восток и будет завоеван Запад. Великий подвиг для государства, а Кильдону — слава... Такие подвиги достойны мужчины! Но почему я все-таки одинок?.. Есть у меня отец и брат, да не дозволено называть отца отцом, а брата — братом. Как же тут не горевать, как не печалиться!

Кильдон вышел из дому — и вот уже учится искусству фехтования.

В ту же ночь Хон Мо любовался лунным светом и вдруг увидел сына.

— Отчего тебе не спится? — спросил он.

— Я любовался лунным светом, — почтительно ответил Кильдон. — «Небо сотворило десять тысяч вещей, и самое высшее его творение — человек». Меня же никто не ценит. Так человек ли я?

— Это что еще за речи?! — рассердился отец.

А Кильдон опять:

— Вот что тревожит мою душу: я ваш сын, плоть от плоти, кровь от крови вашей, но мне не дано звать отца отцом, а брата — братом. Могу ли я называться человеком? — И слезы покатались на его платье.

Отец пожалел Кильдона, но утешать не стал, побоялся, что сын совсем осмелеет, и принялся браниться:

— В моей семье не один ты низкого происхождения. Что это за дерзости? Чтобы впредь этого не было!

Кильдон плакал, не проронив ни слова. А когда услышал: «Ступай прочь», — ушел к себе и закручинился еще больше.

Вот и одарен-то он превыше всех, и сердцем добр, но нет душе его покоя, сон бежит от глаз.

Однажды пришел Кильдон к матери и, сетуя, сказал ей так:

— Еще в прошлой жизни предопределена мне судьба быть вашим сыном. Это для меня великая милость. Но мне придется расстаться с вами. С судьбою трудно спорить. Дорогая матушка, не беспокойтесь о недостойном сыне и берегите свое драгоценное здоровье.

Мать встревожилась:

— Низкого рождения в нашем доме не только ты, зачем же говорить столь пристрастно, надрывая мне сердце?

Сын отвечал:

— Гильсан, сын Чан Чхуна, тоже был низкого рождения. Покинув мать, ушел он в горы Унбонсан, постиг там великое учение о Пути ^[295], и

его имя славили потомки. Я избираю ту же дорогу. А вы не горюйте и ждите, что последует дальше. Одно лишь меня беспокоит: что-то не по душе мне коксанская тетка. С каждым днем отец все больше благоволит к ней. Боюсь, не причинила бы она зла нам с вами. От нее, как от врага, так и жди беды. Обо мне же вы не беспокойтесь.

Мать совсем опечалилась.

Действительно, была у господина любимая наложница по имени Чхоран. Некогда в Коксане все знали ее как кисэн, и потому получила она прозвание коксанской тетки. Нрава она была спесивого и вздорного. Любого, кто не уступит ей, тотчас опорочит перед хозяином. Все зло в доме шло от нее. Слуги, рабы — все ее ненавидели. У нее не было детей. Поэтому, когда у Чхунсом родился сын и господину это пришлось по сердцу, Чхоран из зависти решила погубить Кильдона.

Однажды, зазвав к себе шаманку, Чхоран сказала ей:

— Не знать мне покоя до тех пор, пока не изведу мальчишку. Исполни мое желание, а за услуги я щедро тебя одарю.

— За Восточными воротами столицы живет гадалка, — посоветовала шаманка, — только глянет на человека, сразу все расскажет: что было и что будет, в чем счастье и в чем лихо. Растолкуй ей свои желанья, а потом отведи к господину. Ее пророчества так его запугают, что он сам пожелает сжить сына со света. Вот и выход, только бы удалось!

Чхоран дала ей на радостях пятьдесят лянов серебром и пригласила заходить. Шаманка ушла довольная.

На другой день Хон Мо на женской половине беседовал с супругой, госпожой Лю, о младшем сыне. Расхваливая его таланты, они сетовали, что мальчик родился от служанки.

Неожиданно в покои вошла какая-то женщина и поклонилась господину. Тот удивился:

— Кто ты? Зачем пожаловала?

— Я, недостойная, людям ворожу. Вот и к вам зашла.

Хон Мо тотчас захотел узнать, что ждет Кильдона. Его позвали и показали ворожее. Она робко проговорила:

— Я вижу, что ваш сын — необыкновенный человек, герой, каких не видел свет, но рождения он низкого... Вот будто бы и все... — И она умолкла на полуслове.

Хон Мо, заинтересовавшись, приказал:

— Ну что там, договаривай!

Ворожея, чуть помявшись, продолжала:

— Гляжу я на вашего сына: великодушен и добросердечен. В

межбровье его мне ясно виден дух наших гор и рек. Внешность у него царская. Но когда он вырастет — погубит весь ваш род. Молю, подумайте об этом!

Хон Мо призадумался, но ворожее сказал:

— От судьбы не уйдешь. А о сказанном молчи! — и, вознаградив ее, отпустил.

С того дня Хон Мо поселил Кильдона в уединенном домике в горах и приказал следить за каждым его шагом.

Тоскливо было на сердце у Кильдона, да что поделаешь! И стал он изучать военные науки по «Шести планам» и «Трем тактикам»^[296], астрономию и географию.

Обо всем этом Хон Мо знал и беспокоился:

— Этот негодник талантлив. Если дать окрепнуть его далеко идущим замыслам, как бы не сбылось предсказание гадалки! Что с ним тогда поделаешь?

В душу господина закрался страх.

А Чхоран тем временем за тысячу золотых наняла убийцу по имени Тхыкчэ, господину же без устали нашептывала:

— Ну и гадалка! Всех насквозь видит! Как вы решили поступить с Кильдоном? Не лучше ли от него поскорее избавиться?

Но господин нахмурил брови:

— Это моя забота. Нечего болтать пустое! — и прогнал Чхоран с глаз долой.

Потеряв покой и сон, Хон Мо занемог. Супруга и старший сын Инхён встревожились, а Чхоран уж тут как тут и знай твердит:

— Господин наш занемог. А все из-за Кильдона. Мне кажется, что господин поправится, только когда этого мальчишки не будет на свете. И благополучию нашего рода тоже ничто не будет угрожать. Поразмыслите об этом!

— Как бы то ни было, но установленные издревле отношения между людьми — самое важное на свете, — возражала госпожа, — как можно решиться на такое дело?

А Чхоран все свое твердит:

— Говорят, есть какой-то Тхыкчэ. Ему прикончить человека — все равно что залезть рукой в собственный карман. За тысячу золотых он темной ночью управится с мальчишкой. Когда господин проведает об этом, будет уже поздно. Подумайте хорошенько!

Госпожа и старший сын со слезами отвечали:

— Мы не можем на такое решиться, но ты для блага государства, ради

жизни отца и супруга и во имя сохранения рода Хонов делай как разумеешь.

Чхоран обрадовалась, позвала Тхыкчэ и наказала ему убить Кильдона той же ночью. И убийца стал ожидать полночи.

Кильдон меж тем все горевал о том, что им пренебрегают. Но против отцовской воли не пойдешь. Не спится Кильдону, при свече он читает «Книгу перемен». И вдруг слышит: прокаркал ворон. Кильдон удивился: «Ворон обычно бежит от ночи, а тут вдруг каркает. Быть беде!» Он углубился в «Книгу перемен», стал изучать восемь триграмм. Но тотчас же, в ужасе отпрянув, оттолкнул столик и, сотворив заклинание, сделался невидимкой. И что же — в третью стражу тихо отворилась дверь и в комнату прокрался какой-то человек, вооруженный кинжалом.

Невидимый Кильдон произнес заклинание. Тотчас поднялась буря, дом исчез, и взору открылся величественный вид в горах. Перепугался убийца, понял, что Кильдон чародей, спрятал свой кинжал и попытался скрыться. Однако дорогу ему преградили высокие утесы и отвесные скалы. В страхе заметался Тхыкчэ.

Тут откуда-то послышались звуки яшмовой флейты. Убийца воспрянул духом и огляделся. Видит — едет на осле отрок. Подъехал, перестал играть и принялся его стыдить:

— За что ты хотел погубить меня?! Небо тебя покарает! — и произнес заклинание.

Набежали черные тучи, хлынул дождь, посыпались на землю камни и песок. Тхыкчэ понял: перед ним Кильдон!

«Хоть он и чародей, ему со мною не тягаться!» — подумал убийца, выхватил кинжал и бросился вперед, крича:

— Не вини меня! Это Чхоран все устроила, она призвала на помощь шаманку с ворожеей и внушила господину, что тебя надо убить.

Еле сдерживая гнев, Кильдон снова прибег к волшебству и отобрал у Тхыкчэ кинжал.

— Так ты польстился на золото и погубить человека для тебя пустяк? Таких злодеев казнят без жалости!

Меч его отсек убийце голову, и она скатилась на пол. Пылая гневом, разыскал Кильдон в ту же ночь шаманку с гадалкой, притащил их в свою комнату, где лежал мертвый Тхыкчэ, и с руганью набросился на них:

— Вы задумали вместе с Чхоран погубить меня, ни в чем не повинного, так получайте за это!

Разделавшись с тремя злодеями, Кильдон взглянул на небо. Близился рассвет. Серебряная река померкла, повеяло прохладой. Природа словно

хотела смягчить его душевные страдания. В гневе Кильдон собрался покончить и с Чхоран, но, вспомнив, что отец любит ее, отбросил меч. Он решил покинуть родные края и пошел к отцу проститься.

Почувствовав, что кто-то стоит под окном, отец приоткрыл его и увидел Кильдона.

— Ночь на дворе, а ты не спишь и бродишь под окнами. Что с тобой?

Пав ниц Кильдон, промолвил:

— Мечтал я хоть тысячную долю воздать добром родителям, да не пришлось. Меня оклеветали, и только чудом я избежал смерти. Не суждено мне, видимо, послужить вам. Мы теперь долго не увидимся, и я пришел проститься.

— Что за беда с тобой стряслась? Ты еще мал, а собираешься покинуть дом. Куда же ты отправишься? — спросил в испуге Хон Мо.

— На рассвете все узнаете... Моя судьба подобна гонимому по небу облаку. Как избавиться мне от злых наветов? — и не в силах продолжать залился слезами.

Стал Хон Мо уговаривать сына:

— Сочувствую тебе. Зови же меня отныне отцом, а брата Инхёна — братом.

Дважды поклонился Кильдон отцу и сказал:

— Вы, батюшка, меня утешили, теперь и умереть не страшно. Живите же долго и счастливо.

Хон Мо не удерживал сына и пожелал ему благополучия.

Кильдон пошел проститься с матерью:

— Я покидаю вас, матушка, но наступит день, когда я снова буду заботиться о вас. Берегите себя.

Чхунсом почувяла недоброе. Сжав руки сына, она запричитала:

— Куда же ты? Мы так привязаны друг к другу, все время жили под одной крышей, а теперь ты уходишь невесть куда! Возвращайся же скорее! Может ли материнское сердце вынести разлуку?

Кильдон дважды поклонился матери и покинул дом. Вышел он за городские ворота, а вокруг громоздятся горы, окутанные облаками. И пошел Кильдон куда глаза глядят.

Ну не печально ли все это?!

Между тем Чхоран, не получив вестей от Тхыкчэ, послала человека разведать. Тот доложил, что Кильдона след простыл, а Тхыкчэ и ворожея с шаманкой мертвыми лежат в его комнате. Струсил Чхоран, бросилась со всех ног к госпоже и рассказала, что приключилось.

Госпожа от страха переменилась в лице, тут же послала за Инхёном.

Доложили господину.

Тот испуганно проговорил:

— Кильдон приходил ко мне ночью весь в слезах прощаться. Тогда мне это показалось странным. А тут вот какое дело!

Не смог больше таиться Инхён, рассказал отцу о кознях Чхоран. Хон Мо разгневался, выгнал Чхоран из дому, рабам же приказал убрать трупы и держать язык за зубами.

Между тем Кильдон покинул родной дом и отправился бродить по свету. Однажды он забрел в места необычайной красоты. Шел он, шел, разыскивая человеческое жилье, и в одной пещере заметил каменную дверь. Кильдон тихонько открыл ее, вошел и видит: расстилается перед ним широкая долина. Теснятся на ней дома, кругом полно людей, кипит веселье, идет веселый пир.

Оказалось, здесь жили разбойники. Посмотрели они на Кильдона, увидели, что он не простой человек, и приветливо обратились к нему:

— Кто вы и зачем пожаловали к нам? Мы здесь все удалцы, но вот никак не можем выбрать себе предводителя. Если вы силой не обижены и хотите остаться с нами, попробуйте поднять вон ту глыбу!

Кильдону эти речи пришлись по душе, и он, дважды поклонившись, ответил:

— Я из столицы. Сын Главы палаты чинов — Хона и его служанки. Зовут меня Кильдон. Не пожелав терпеть унижений в отчем доме, я пошел куда глаза глядят и, скитаясь без цели, забрел сюда. Вы предлагаете мне стать вашим предводителем? Премного благодарен вам за это. Что стоит для настоящего героя поднять какой-то камень? — С этими словами он подхватил каменную глыбу, пронес ее немного и швырнул. А глыба была тяжелая, в тысячу кынов.

Разбойники обрадовались, поздравили его:

— Вы в самом деле богатырь! Среди нас, из целой тысячи, не нашлось такого, кто поднял бы эту глыбу. Сегодня небо сжалилось и даровало нам предводителя.

Тут же они усадили Кильдона на почетное место, поднесли вина. Заколов белого коня, разбойники поклялись Кильдону в верности. Пир продолжался до ночи.

Со следующего дня молодцы с Кильдоном без усталости учились военному искусству. Прошли месяцы, и их воинское умение достигло совершенства.

Однажды разбойники сказали:

— Задумали мы было напасть на монастырь Хэинса и завладеть его

богатствами, да не хватает ума-разума, как за дело взяться. Что вы на это скажете?

— На днях пошлю отряд, — ответил Кильдон, — а вы лишь делайте то, что я прикажу.

И вот он в зеленых одеждах, подпоясанный черным поясом, выехал на осле со свитой, наказав разбойникам:

— Поеду в монастырь, разведая и возвращусь обратно.

Сразу видно, что сын государственного мужа! Приехал Кильдон в монастырь и приказал позвать настоятеля.

— Я из столицы. Сын Главы палаты чинов, Хона. Приехал поучиться у вас наукам. Завтра велю прислать вам двадцать соков очищенного риса, вы приготовьте угощение, и устроим пир, — говорил Кильдон, а сам тем временем разглядывал убранство монастыря;

Договорился Кильдон с монахами и поехал назад. Монахи были рады предстоящему угощению, а Кильдон, вернувшись к своим молодцам, первым делом отправил в монастырь обещанный рис, а потом стал объяснять, что сам намеревается делать и что надлежит делать им.

Дождавшись условленного дня, Кильдон с молодцами явился в монастырь Хэинса. Монахи встретили его с почетом, а он осведомился у настоятеля, хватило ли риса.

— Как не хватить, безмерно благодарны!

Кильдон восседал на почетном месте и потчевал монахов, по старшинству угощая всех вином. Монахи рассыпались в благодарностях. Но вот и сам Кильдон принялся за еду. Незаметно он взял в рот щепотку песка, жует, а песок громко хрустит на зубах. Монахи заметили и стали оправдываться. Кильдон же сделал вид, что разозлился:

— Эй вы, чем кормите людей?! Вы сделали это, чтобы оскорбить меня! — и отдал приказание связать всех монахов одной веревкой и усадить в ряд.

Монахи в ужасе не знали, что и подумать. Откуда ни возьмись появились сотни молодцов, обобрали дочиста монастырь и были таковы. Монахам оставалось лишь вопить.

В это время в монастырь возвращался отлучавшийся по делам повар. Увидел он, в какую беду попали монахи, и побежал доложить в управу. Правитель уезда послал стражников с наказом поймать разбойников. Сотни стражников устремились в погоню. Вдруг видят: стоит на горе монах в шапочке и темной холщовой рясе и кричит:

— Разбойники туда, по северной дороге, побежали! Быстрее хватайте их!

Стражники послушно повернули на север, как им указал монах, и помчались с быстротой урагана.

Уже стемнело. Так и не догнав разбойников, погоня воротилась.

А это был Кильдон. Послав разбойников на юг по большой дороге, сам облачился в монашеское платье и обманул стражников. А потом цел и невредим вернулся к себе в долину.

Разбойники уже управились с захваченным добром и вышли навстречу, восхваляя Кильдона.

— Смекалка предводителю нужна прежде всего! — посмеивался Кильдон.

После этого Кильдон и его удалыцы стали называть себя «бедняцкими заступниками». «Бедняцкие заступники» гуляли по всем восьми провинциям Кореи. Повсюду отбирали нажитое неправдой, помогали беднякам. Однако простой люд не обижали и государственного добра не трогали, поступали по справедливости.

Однажды Кильдон собрал своих молодцов и объявил:

— Губернатор провинции Хамгёндо — алчный человек. Он грабит народ до нитки, люди бедствуют. Мы не можем этого так оставить, — и он отдал приказ поодиночке пробираться в город.

А в условленный день за Южными воротами вспыхнул пожар. Губернатор перепугался, приказал всем горожанам тушить его. Нижние чины и простой люд сбежались на пожар. В это время молодцы Кильдона ворвались в город, открыли закрома и склады, погрузили на повозки весь рис и оружие и покинули город через Северные ворота.

Город бурлил, как кипяток в котле. Застигнутый врасплох губернатор не мог понять, что происходит. А когда рассвело, обнаружилось, что опустели склады с оружием и амбары с зерном. Губернатор до смерти перепугался и решил во что бы то ни стало изловить разбойников.

Тем временем на Северных воротах появилась надпись: «Зерно и оружие забрал Кильдон, предводитель «бедняцких заступников».

Губернатор послал стражников в погоню за разбойниками.

А дальше было вот что. Молодцы Кильдона дочиста вывезли добро из складов и амбаров. Кильдон, беспокоясь, как бы их не настигла погоня, прибег к волшебству, и все кончилось благополучно.

Снова созывает своих людей Кильдон:

— Мы обобрали монастырь Хэинса, очистили амбары и склады у губернатора Хамгёндо. Слухи об этом разнеслись далеко окрест. Мое имя красуется на воротах сыскного приказа. Этак и головы лишиться недолго. Вот что я придумал, смотрите и дивитесь! — и живо смастерил из соломы

семь чучел. Затем, произнеся заклинание, вдохнул в них души. Чучела тотчас ожили, замахали руками, загалдели, собрались в круг и наперебой заспорили. Узнай попробуй, где настоящий Кильдон!

В каждую из восьми провинций отправилось по Кильдону, и с каждым — сотни молодцов. И невозможно было узнать, где подлинный Кильдон.

А Кильдоны между тем бродили по всему государству, навлекая ветры, посылая бури. Бывало, за одну и ту же ночь в разных местах бесследно исчезало зерно из амбаров, пропадали отправленные из провинции подношения столичным чиновникам.

В государстве воцарился хаос. Из-за беспорядков по ночам люди боялись ложиться спать, на дорогах замерло движение. Губернаторы в донесениях на высочайшее имя сообщали: «Невесть откуда взявшийся разбойник по имени Кильдон, повелевая ветрами и тучами, присвоил себе имущество во всех уездах. Товары не доходят до столицы. Его проделкам нет числа. Если не изловить его теперь же, кто знает, чем это кончится! Соболаговолите дать распоряжение в сыскной приказ изловить этого разбойника».

Государь подивился таким известиям и приказал левому и правому главам сыскного приказа доставить донесения сразу из всех провинций. И что же? Оказалось, разбойника всюду зовут Кильдоном, а налеты и грабежи во всех восьми провинциях совершались в одно и то же время.

Изумился государь:

— Дерзость и ловкость этого разбойника превосходит все, что известно было до сих пор, и даже самого Чи-ю! Но кем бы он ни был, немыслимо, чтобы один и тот же человек чинил разбой сразу в восьми местах в один и тот же день и час! Видно, то не простой разбойник и схватить его будет не так-то легко. Я повелеваю вам взять стражников и изловить Кильдона!

Тут выступил вперед левый глава Ли Хып:

— Я, бесталанный, постараюсь схватить этого разбойника. Не беспокойтесь, государь! Зачем посылать нас обоих с войском за одним недостойным смутьяном?!

Государь согласился с ним и велел немедленно собираться в дорогу. Ли Хып откланялся и тотчас выступил в поход с большим отрядом. Договорившись пробраться в Мунгён поодиночке и там встретиться в определенный день, стражники разбрелись, и каждый отправился своей дорогой. Сам Ли Хып переоделся и с несколькими стражниками тоже двинулся в путь.

Шли они, шли и под вечер решили отдохнуть в кабачке. В это время к кабачку подъехал на осле какой-то юноша, вошел и представился. Ли Хып ответил на приветствие. Неожиданно юноша со вздохом промолвил:

— Говорят, «Поднебесная — владение государя, а подданные государя должны быть его верными слугами». Я, хоть и необразованная деревенщина, душою исстрадался за наше государство.

— Что так? — для вида поинтересовался Ли Хып.

— Разбойник Кильдон разгуливает по всем провинциям, — продолжал юноша, — делает, что хочет. Народ волнуется, а его до сих пор не поймали. Как тут не возмущаться?!

— Сразу видно, что вы герой, — оживился Ли Хып, — в ваших речах видна преданность государю. Давайте вместе ловить этого разбойника, согласны?

— Я уже давно думал его поймать, да не нашлось надежного напарника, — обрадовался юноша. — Встреча с вами для меня счастье! Но я еще не знаю, на что вы способны. Давайте отправимся в какое-нибудь уединенное место и померяемся силами.

И они отправились. Вот уселся юноша на краю высокой скалы и говорит Ли Хыпу:

— Попробуйте-ка столкнуть меня вниз, да толкайте посильнее.

Ли Хып подумал: «Как бы ни был он силен, неужели не толкну?» — и толкнул юношу что было силы. А тот повернулся к нему и говорит:

— Вы настоящий богатырь! Я испытал нескольких человек, и никому не удалось даже поколебать меня, а от вашего удара во мне все содрогнулось. Теперь следуйте за мной, пошли ловить Кильдона, — и повел его глубоким ущельем.

Ли Хып шел и думал: «Я всегда гордился своей силой, но этот парень поистине достоин удивления! Однако как бы он не обманул меня!»

А юноша вдруг остановился и сказал:

— Здесь разбойничий притон Кильдона. Я пойду разведую, а вы подождите.

Сомнение взяло Ли Хыпа. Однако делать нечего, остался — только велел юноше возвращаться не иначе как с пойманным Кильдоном.

Вдруг видит Ли Хып: с криком бегут по ущелью какие-то воины. Оробел он, но спрятаться не успел — настигли его и связали.

— Это ты Ли Хып, Глава сыскного приказа? Мы пришли по велению Владыки ада, чтобы схватить тебя.

И погнали несчастного Ли Хыпа, хлеща его железными плетями. Едва у него душа с телом не рассталась, чуть рассудка не лишился. Потом

швырнули его на колени. Не успел Ли Хып прийти в себя, поднял голову — и что же видит? Перед ним великолепные чертоги, кругом тьматмущая богатырей в железных повязках, а на троне — их повелитель.

Грозно вопрошает он Ли Хыпа:

— Как, ничтожный, осмелился ты искать Кильдона? Мы отправляем тебя на Остров ветров, в подземное царство.

Собравшись с духом, взмолился Ли Хып:

— Бедный я, несчастный, безвинно пострадавший!.. Молю вас, оставьте мне жизнь.

И слышит он в ответ с трона брань и смех:

— Открой глаза пошире! Я — Хон Кильдон, предводитель «бедняцких заступников». За мной охотишься?.. Ну что ж! Ведь тот юноша в зеленом был я. Это я привел тебя сюда, желая испытать твой ум и силу. Теперь ты убедился, как я грозен?

Кильдон приказал развязать Ли Хыпа, усадить за стол и, потчует его вином, напутствовал:

— Нечего тут попусту шататься! Убирайся да не болтай, что меня видел, не то худо будет!

Кильдон еще раз поднес ему вина и приказал стражникам отпустить Ли Хыпа.

«Сон это или явь? Как я сюда попал? — недоумевал Ли Хып. — Ну и чародей этот Кильдон!»

Хотел он подняться, да не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Очнувшись окончательно, увидел он, что сидит в кожаном мешке. Насилу из него выбрался. Глядь, а на дереве еще такие же три мешка. Снял их, и что же? Там трое стражников, которых он захватил с собой.

— Что случилось? Ведь мы же договорились встретиться в Мунгёне? Как мы тут очутились?

Огляделись, а это Пугак, в окрестностях столицы, да и сама столица внизу, как на ладони.

— Вас-то как сюда занесло? — спросил Ли Хып.

— Расположились мы на ночлег. Вдруг, то ли наяву, то ли во сне, поднялся вихрь и умчал нас. Мы лишились памяти и чувств и в одно мгновение очутились здесь. Сами не знаем, как все это приключилось.

Ли Хып сказал:

— Такие дела выше человеческого разума. Но вы обо всем этом молчите. Кильдон неуловим, нет меры его талантам, и сладить с ним не по силам простому смертному. Если мы вернемся сейчас в столицу, нас накажут. Лучше переждем месяц-другой.

Между тем государь во все концы слал указы поймать Кильдона. А тот, волшебством меняя облик, сегодня разъезжал в повозке, как большой чиновник, завтра — на носилках, помещенных на спинах двух лошадей, или бродил как тайный государев ревизор. Покарав алчных начальников уездов за их преступления, он как ревизор докладывал в столицу: «Это сделал Хон Кильдон».

Государь вспыхнул от гнева.

— Этот смутьян разгуливает где вздумается. Бесчинствам его нет числа. Так просто его, пожалуй, не поймаешь. Что будем делать? — обратился он однажды к своим приближенным.

В это время принесли очередные донесения о Кильдоне. Государь просмотрел их и, вне себя от беспокойства, обратился к придворным:

— Это же черт, а не человек! Кто из вас способен понять, в чем тут дело?

Тогда выступил вперед один из приближенных:

— Хон Кильдон — побочный сын Хон Мо, Главы палаты чинов, и брат Хон Инхёна из военной палаты. Надо их позвать и допросить, тогда, может быть, что-нибудь прояснится.

— Почему же только теперь вы сообщаете мне об этом?! — разгневался государь.

Хон Мо тотчас доставили в сыскной приказ, а Инхёна — пред очи самого государя.

О том, что же было дальше, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак, Хон Мо доставили в сыскной приказ, а Инхён держал ответ перед самим государем.

Государь был в гневе:

— Разбойник Кильдон твой сводный брат. Как мог ты допустить, чтобы он приносил государству столько бед? Изволь немедленно схватить его. Не то не посмотрю, что ты примерный сын сановного лица, верного престолу! Да торопись исполнить мой приказ! Пусть Кильдон мне больше не докучает.

Инхён затрепетал, с непокрытой головой стал отбивать государю поклоны:

— Мой младший брат рожден от служанки. Еще будучи совсем юным, сделался он убийцей и сбежал из дому. Уж столько лет о нем ни слуху ни духу. Из-за него тяжело хворает старик отец, того и гляди, помрет. И вам, государь, доставил беспокойство этот безнравственный мальчишка. Я виноват, но молю — помилуйте отца. Если мне будет дозволено вернуться домой и ухаживать за ним, я хоть лишусь жизни, но поймаю Кильдона, искуплю нашу вину.

Государь повелел освободить Хон Мо, а Инхёна назначил губернатором провинции Кёнсандо, сказав при этом:

— Будешь губернатором — скорее поймаешь разбойника. Даю тебе год сроку.

Инхён, благодарно поклонившись сто раз, покинул приемный зал и тотчас же собрался в дорогу. Прибыв на место, он по всем уездам велел развесить обращения к Кильдону. В них говорилось:

«Человек от рождения следует пяти устоям. Пока не нарушается этот закон, в государстве царят гуманность и справедливость, учтивость и мудрость. Тому, кто не признает этот закон, не повинуются отцу и государю, став непочтительным сыном и неверным подданным, нет места на земле. Брат мой Кильдон, вспомни об этом и поспеши отдаться в руки правосудия. Из-за тебя болеет наш отец и в большом волнении пребывает государь. Поступки твои вопиющи. Наш государь, назначивший меня правителем провинции Кёнсандо, приказал поймать тебя, в противном случае наш род будет обесславлен. Как не скорбеть об этом! Надеюсь, что, поразмыслив, ты явишься с повинной, дабы смягчить себе наказание и сохранить честь рода. Одумайся! Вернись!»

Распорядившись о развешивании грамот, Инхён отложил все дела и стал ждать, когда объявится Кильдон. И вот однажды к дому Инхёна подъехал на осле какой-то юноша в сопровождении слуг и попросил принять его. Инхён пригласил юношу в дом, и, когда тот вошел, Инхён, взглядевшись, узнал в нем долгожданного Кильдона. Обрадованный Инхён, отослав приближенных, сжал руки брата и залился слезами:

— С той минуты, как ты ушел из дома, мы ничего не знали о тебе — жив ты или нет. Отец занемог. Ты показал себя дурным сыном, а главное, сделался опасным для государства. Как посмел ты проявить непочтительность к отцу и нарушить преданность государю? И к тому же, став разбойником, натворил столько бед. Ты прогневил государя, и он повелел мне изловить тебя. Как совершивший тягчайшие преступления, ты должен немедленно отправиться в столицу и ждать высочайшего решения. С поникшей головой внимал Кильдон словам брата.

— Я вызволю из беды отца и брата. Иначе поступить я не могу. Если бы мне с самого начала было дозволено называть родного отца отцом, а брата — братом, разве дошло бы до этого? Но что толку говорить о прошлом. Вяжи меня и отправляй в столицу! — и больше не проронил ни слова.

С печалью в сердце отослал Инхён донесение в столицу. Кильдону надели на шею кангу, на ноги — колодки и под усиленной охраной повезли в столицу, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Народ, наслышанный о подвигах Кильдона, выходил навстречу, преграждая путь повозке.

Тем временем поймали еще семерых Кильдонов. Столичные чиновники и горожане пребывали в растерянности, а больше всех недоумевал государь: когда, созвав весь двор, он приготовился к допросу, к нему доставили сразу восьмерых Кильдонов. И эти восьмеро тотчас заспорили, загалдели и стали драться:

— Не я Кильдон, а ты!

— Нет, ты!

Поди угадай, кто из них настоящий! Государь подивился и приказал доставить Хон Мо:

— Говорят, отец лучше всех знает свое дитя. Опознавай-ка из этих восьми своего Кильдона!

Хон Мо поклонился до земли.

— Это нетрудно сделать: у него на левой ноге родимое пятно, — и принялся браниться, обращаясь к Кильдонам: — Перед тобой государь и отец. Ты совершил столько преступлений, так хоть умри достойно!

Тут из горла у него хлынула кровь, и он лишился чувств.

Заволновался государь, призвал придворных лекарей, но все их старания ни к чему не привели.

А восемь Кильдонов залились слезами, разом полезли в свои карманы и вытащили по пилюле. Вложили их в рот Хон Мо, и тот очнулся. А Кильдоны хором обратились к государю:

— Мой отец не раз видел от вас милости. Разве я могу сейчас поступить недостойно? По рождению своему я был лишен права называть отца отцом, а брата — братом. Всю жизнь я страдал из-за этого, покинул дом и сделался разбойником. Однако простой народ я не обижал, отбирал имущество лишь у начальников уездов, выжимающих из бедняков последние соки. Прошло десять лет, и теперь мне есть где приютиться. Вы не волнуйтесь больше, государь, отмените лишь указы о моей поимке!

И тут же все восемь разом повалились на пол. Глядь, а Кильдонов уже нет, лежат одни соломенные чучела.

Удивлению государя не было предела. Он снова разослал во все провинции указы о поимке настоящего Кильдона. А тот снова бродит по стране, на четырех воротах столицы расклеил обращения:

«Сколько ни старайтесь поймать Кильдона, вам это не удастся до тех пор, пока не выйдет распоряжение о назначении его Главой военной палаты».

Государь прочел, собрал придворных, и те в один голос заявили:

— Ловили этого разбойника — не поймали, а теперь же его назначить Главой военной палаты! Да слыхано ли это?!

Государь согласился с ними и снова послал указ губернатору Кёнсандо поймать Кильдона.

Прочел Инхён указ, затрепетал от страха, не знает, что делать.

Но вот однажды Кильдон спустился к нему с неба и сказал:

— Я настоящий Кильдон. Не беспокойся больше ни о чем. Вяжи меня и отправляй в столицу.

Опять залился слезами Инхён.

— Нет в тебе разума! Ведь мы же родные братья, а ты не желаешь слушать меня, отца и будоражишь все государство. Как не сожалеть об этом? Теперь ты пришел с повинной, сам просишь, чтобы тебя схватили и связали. Так может поступить только настоящий брат!

И, увидев на ноге Кильдона родимое пятно и таким образом удостоверившись, что это действительно он, Инхён тотчас велел связать его по рукам и ногам и в повозке, окруженной охраной, как в железной клетке, вихрем мчать в столицу. Кильдон даже бровью не повел.

Через несколько дней подъехали к столице, и перед самыми воротами

дворца Кильдон чуть шевельнулся, железные путы лопнули, повозка развалилась. Как змея сбрасывает старую кожу, так и Кильдон стряхнул путы, взвился в небо и исчез среди облаков.

Стражники стояли как очумелые, воззrivшись на небо, и не знали, как им быть. Но делать нечего, доложили государю. Тот всполошился:

— Невиданное дело!

И тут кто-то из приближенных посоветовал:

— А что, если сделать его Главой военной палаты, как он хочет, а потом потребовать, чтобы он немедленно покинул Корею? Только явится он благодарить за милость, тут ему и вручить приказ.

Государь подумал и решил, что так и надо поступить. Тотчас же на воротах столицы вывесили приказ о назначении Хон Кильдона Главой военной палаты.

Узнал об этом Кильдон и в чиновничьем одеянии, восседая торжественно в повозке, подъехал ко дворцу и приказал доложить о своем прибытии. Слуги из военной палаты толпою встретили его и проводили к государю. Чиновники же тем временем решили:

— Кильдон сейчас поблагодарит государя за милость и выйдет. Устроим засаду из вооруженных секирами и топорами воинов. Как только выйдет, сразу и прикончим его.

Кильдон же предстал перед государем и поклонился.

— Глубока моя вина, государь, но тем выше ваше благодеяние. Теперь у меня словно камень свалился с души. Я ухожу навсегда и желаю вам, государь, долгой и счастливой жизни.

С этими словами Кильдон поднялся в небо и бесследно исчез в облаках.

— Дивное искусство, — вздохнул государь. — Кильдон обещал покинуть Корею, значит, беспорядки кончатся. Хоть и странно он себя вел, но все-таки он благородной души человек и вряд ли будет теперь нас беспокоить. — И распорядился во всех провинциях огласить помилование Кильдону и отменить указы о его поимке.

А Кильдон, возвратившись к своим молодцам, приказал:

— Я на время вас покину. Вы же не смейте вольничать и ждите моего возвращения.

И тут же, взмыв в небо, полетел к Южной столице. В странствиях попал он в земли Юльдо^[297]. Куда ни кинешь взор — всюду зеленые горы, текут прозрачные реки. Люди живут счастливо. «Обетованный край», — подумал Кильдон и отправился дальше. Затем, полюбовавшись на Южную столицу, он побывал на сказочном острове Чедо, где наслаждался

красотою гор и рек, присматривался к людям. Но прекраснее всего оказались Пятиглавые горы. На семь сотен ли тянулись тучные поля и цветущие луга. Вот где рай для человека! И Кильдон подумал: «С Кореей я уже распростился. Переселюсь сюда и буду жить в тиши, готовиться к великим подвигам».

Он вернулся к молодцам, распорядился выйти к реке, отстроить корабли и по реке Ханган подвести их в назначенное время к столице. Сам же отправился к государю просить ссуду в тысячу соков риса.

Шли дни. О Кильдоне ничего не было слышно, и Хон Мо начал поправляться. Покоя государя также ничто не нарушало.

Как-то раз глубокой осенней ночью государь гулял в саду, любуясь лунным светом. Неожиданно поднялся свежий ветерок, и с неба под нежное пение свирели спустился прекрасный юноша. Он пал ниц перед изумленным государем.

— Зачем ты снизошел на землю, прекрасный юноша? Что хочешь нам поведать?

И в ответ услышал:

— Я — Хон Кильдон, которого вы назначили Главой военной палаты.

Еще больше удивился государь:

— Чего же ты ищешь в глухую полночь?

— Я был рад служить вам, государь, всю жизнь, — ответил Кильдон, — но я сын служанки. Если я сдам экзамены на гражданский чин, то не смогу служить даже мелким чиновником, и даже если бы я сдал военные экзамены, мне все равно не довелось бы принести пользу государству. Вот потому я бродяжничал, возбуждал беспорядки в государстве. Я наделал столько шума, что мое имя стало известно вам, государь. Вы милостиво успокоили страдания моей души. Я, простившись с вами, покидаю родину и собираюсь в дальний путь. Об одном прошу, прежде чем уехать: прикажите выдать мне из ваших житниц тысячу соков зерна и переправить их на Ханган. Своей милостью вы многим спасете жизнь.

Государь внял просьбе Кильдона.

— До сих пор мне так и не довелось разглядеть как следует твое лицо, — промолвил он. — Взгляни на меня хоть теперь, при лунном свете.

Кильдон поднял голову, но глаз не открыл.

— Почему ты не открываешь глаз?

— Если я их открою, вы испугаетесь.

И государь понял: «Видно, он и впрямь человек из иного мира!»

С поклоном поблагодарив государя за милость, Кильдон поднялся в

небо и исчез.

Государь подивился его чародейству и на следующий день распорядился выдать зерно и доставить все тысячу соков к переправе Соган. Чиновники, ведающие выдачей, недоумевали, но государев приказ исполнили точно. Тут же явились какие-то люди и перенесли зерно на корабли, сказав, что оно пожаловано государем Хон Кильдону. Доложили об этом государю, и он подтвердил, что в самом деле одарил Кильдона.

И вот Кильдон, забрав рис, с тремя тысячами молодцов вышел в открытое море и поплыл к острову Чедо, что на пути к Южной столице. Там они сошли на берег, и работа закипела: настроили домов, распахали и засеяли поля, наковали оружия и снова учились военному искусству. Снова у Кильдона полные житницы зерна и отборные войска. О местах этих никто не знал, а край был богатый.

Однажды Кильдон созвал молодцов.

— Я отправляюсь на гору Мантаншань за снадобьем для стрел, а вы будьте начеку и охраняйте подходы к острову.

Путь на Мантаншань лежал через уезд Лочуань. Слыл в этих местах богачом человек по прозванию Болун — «Белый дракон». Единственная дочь его была хороша на диво, умна и начитана и меч умела держать в руках. Отец и мать души не чаяли в своей красавице дочери и прочили ей в мужья не иначе как богатыря.

Но вот однажды разыгралась буря, мрак окутал небо и землю, и красавица исчезла. Горько убивались родители, ходили по улицам и обещали щедро наградить того, кто ее найдет, и отдать в жены, кто бы он ни был.

Как раз в это время и проезжал здесь Кильдон. Услышал обо всем, посетовал и отправился дальше, на Мантаншань, за снадобьем для стрел. Стемнело, и он не знал, куда идти. Вдруг слышит: где-то раздаются голоса, а там, дальше, и свет мерцает. Поспешил Кильдон на огонь. И что же? Перед ним целый рой неведомых существ: так и кишат, о чем-то споря меж собой. Вгляделся Кильдон — да это люди только обликом, а на самом деле — звери. Ульдонами называются эти существа. Смерти не ведают, а на старости лишь претерпевают бесконечные превращения.

«Много я странствовал по свету, но таких чудовищ встречаю впервые. Надо бы их сразу истребить всех до одного», — подумал Кильдон и послал из засады стрелу. Подбила она одну из тварей, раздался громкий вопль, а остальные ульдоны бросились бежать.

Хотел настичь их Кильдон, да раздумал: ночь темна, а горы коварны. Пожалуй, никого не поймает!

Он скоротал ночь под деревом, а утром, припрятав лук и стрелы, стал бродить вокруг в поисках лекарственных трав.

И вдруг замелькали пред ним один за другим ульдоны. Они заметили юношу.

— Зачем пожаловал в заповедные места?

Отвечает им Кильдон:

— Я родом из Кореи, знаю искусство врачевания, умею исцелять болезни. Прослышал, что растут здесь чудодейственные травы, потому и пришел. Да вот встретился с вами, чем бесконечно счастлив.

Обрадовались оборотни-ульдоны, оглядели его со всех сторон и говорят:

— А мы давно живем на горе Мантаншань. Повелителя нашего вчера, в день свадьбы, поразило небо, и он сейчас при смерти. Если исцелишь его чудодейственными травами, мы тебя отблагодарим сторицей. А теперь просим следовать за нами.

«Так вот кого я вчера подстрелил!» — смекнул Кильдон.

Пришли на место. Из-под ворот дворца струилась кровь. Кильдона попросили подождать, потом ввели в роскошные чертоги. Глядит — распростертый на ложе, стонет злой дух. При виде гостя чудовище чуть пошевелилось.

— Вчера, в день свадьбы, поражен я небесною стрелою, умираю... Спаси меня! Не пожалеешь своих знаний — щедро одарю тебя.

Кильдон солгал, что рана не опасна.

— Сперва, — сказал он, — следует прибегнуть к травам, употребляемым для лечения наружных ран, а потом взяться за травы, изгоняющие немочь. Сделаем так, и все пройдет.

Чудище взыграло от радости. Кильдон всегда носил при себе всевозможные пилюли. Пока чудище радовалось, извлек из карманов очень сильный яд, разбавил его теплой водой и дал выпить больному. Вскоре повелитель ульдонов дико завопил, начал колотить себя по брюху, вращать белками и, дважды подпрыгнув, издох.

Тут остальные чудища с мечами набросились на Кильдона.

— Смерть злодею! Отомстим за государя!

Но взмывший в небо Кильдон кликнул духа ветров. Поднялся бешеный ураган, а сам Кильдон осыпал врагов сверху дождем стрел. Как ни искусны были в колдовстве ульдоны, не сравниться им было с чародеем Кильдоном. В короткой схватке все они были перебиты.

Входит Кильдон в жилище чудищ и видит возле каменных ворот двух девушек. Думая, что они тоже ульдоны, хотел убить обеих, но те слезно

взмолились:

— Мы ведь люди! Чудища схватили нас и собирались погубить. Но Небо сжалилось над нами: пришел герой, уничтожил их и спас нас от смерти. А теперь помогите вернуться нам на родину!

Жалкий вид был у пленниц. Но, хорошенько приглядевшись, убедился Кильдон, что красота их способна низвергать царства.

Спросил герой у девушек, откуда и кто они. Одна оказалась дочерью «Белого дракона», другая — дочерью Чжао Те.

Тут же собрались все трое и отправились в уезд Лочуань. Разыскав «Белого дракона» и рассказав, что приключилось с ними, Кильдон представил ему дочь. Родители, увидев свое дитя, которое они считали навек потерянным, радостно кинулись к девушке и залились слезами. И Чжао Те тоже, вновь увидев свою дочь, которую уже было похоронил, был безмерно счастлив.

И вот счастливые отцы держат между собой совет.

Потом созывают на пир всю ближнюю и дальнюю родню и выдают за Кильдона обеих девушек. Первой женой стала дочь «Белого дракона», второй — дочь Чжао Те.

В ту пору Кильдону было уже за двадцать, а он все еще не изведal счастья селезня и утки^[298]. И тут вдруг две жены сразу! И зажил он счастливо.

Дни текли за днями, но пришла пора подумать и о доме. Забрал Кильдон обеих жен, родню, богатства и отбыл на остров Чедо. Всех осчастливил. Для жен воздвигли палаты, и все зажили на славу.

Как-то раз, в полнолуние седьмого месяца, стало вдруг Кильдону грустно. Поднял он глаза к звездам и залился слезами. Встревожилась его первая жена, спрашивает, почему печален супруг. И Кильдон ответил:

— Я самый недостойный из всех сыновей на свете. Сам я не из здешних мест. Родился в стране Чосон, в семье Главы палаты чинов Хона. Мать моя была служанкой. Отверженный среди людей, я долго страдал и наконец, расставшись с родителями, нашел пристанище здесь. Гадая сейчас по звездам о родителях, я узнал, что отец опасно болен и находится при смерти. А я далеко от родного дома и не смогу уже застать его в живых.

Опечалилась его супруга.

На другой день Кильдон, отправившись в горы и поднявшись на Лунную вершину, выбрал счастливое место погребения. Сразу же закипела работа, и были воздвигнуты усыпальницы и надгробие, не уступающие по великолепию государевым.

Затем созвал Кильдон своих людей, велел им снарядить большой

корабль, плыть к берегам реки Хангам и там ждать. Сам же, выбрив голову и облачившись в монашеское одеяние, на малом корабле тоже отправился в страну Чосон.

Тем временем старый Хон, в отсутствие Кильдона безмятежно проживший до восьмидесяти лет, занемог, да так, что и не поправился. Перед смертью он позвал супругу и старшего сына:

— Дожил я до восьмидесяти лет и умираю спокойно. Одно лишь тревожит меня: нет вестей от Кильдона, жив он или нет — не знаю. Это не дает мне мирно закрыть глаза. Но если жив, он непременно вернется. А вы его не попрекайте низким рождением. С матерью его прошу быть ласковыми.

С этими словами старый Хон скончался. Все в доме безутешно горевали. Справили пышные поминки, но никак не могли найти достойного места для могилы, и поэтому все пребывали в страшном волнении...

В это время слуги доложили, что у ворот стоит монах, прося разрешения взглянуть на усопшего и выразить соболезнование семье покойного. Странно это все показалось, но ему разрешили. Монах же вошел и зарыдал. Опять все дивились:

— Господин, кажется, никогда не водил дружбу с монахами. С чего это монах так убивается?

А монах, обращаясь к Инхёну, спросил:

— Неужели ты меня не узнаешь?

Тот взгляделся. Да это же Кильдон! Бросился он к брату и залился слезами.

— Бессердечный, где ты пропадал? Отец перед смертью вспомнил о тебе, говорил, что не может умереть спокойно, не повидавшись с тобой. Как это горько! — И он, взяв Кильдона за руку, повел его к матери и госпоже Лю.

Мать и сын бросились друг к другу и заплакали. Посмотрела внимательно мать на Кильдона и удивилась:

— Никак, ты монахом стал?

И Кильдон ответил:

— Не находя себе места от горя, я сначала стал разбойником. Опасаясь навлечь беду на отца и брата, покинул родину. Потом принял постриг, увлекся геомантией. А узнав, что отец при смерти, приехал домой. Молю, не убивайтесь так, матушка!

Услышав это, мать и госпожа Лю осушили слезы:

— Если ты изучил геомантию, значит, будешь прославлен в

Поднебесной. И для захоронения отца ты, конечно, постарайся выбрать достойное место.

Кильдон ответил, что у него все уже готово, но могила выбрана за тысячу ли от дома и добраться до той страны нелегко.

— Я верю в твои таланты и вижу, что ты преданный сын, — обрадовался Инхён. — Было бы счастливым место, кого может заботить дальняя дорога?

— Если старший брат согласен, едем завтра же. Там и гробницу уже возводят, и день похорон назначен. Не надо ни о чем беспокоиться.

Кильдон пригласил с собою мать. Госпожа Лю разрешила, и мать была согласна. Тотчас же все трое, сопровождая покойного, направились к переправе Соган, где их ожидал корабль. Взошли на корабль и тронулись в путь. В безбрежном море дул попутный ветер, и корабль помчался как стрела.

На подходах к острову их встречали десятки кораблей. Толпы людей поджидали Кильдона на берегу и сопровождали его на всем пути. Это было величественное зрелище.

— Что это значит? — недоумевал Инхён.

Тогда-то и поведал Кильдон обо всем, что приключилось с ним в скитаниях.

— Мои поля простираются на тысячи ли, амбары полны зерном, женам некуда девать богатства. Чего же мне еще надо?

Братья поднялись на вершину горы. Величавы и прекрасны стояли вокруг горы. Кильдон повел брата к облюбованному месту. Огляделся Инхён: дивный вид, усыпальница по красоте не уступает государевой.

— Неужели здесь? — почтительно осведомился Инхён.

— Да, не удивляйся, — ответил брат.

Похоронив в назначенный час отца, облаченный в траур Кильдон безутешно горевал. Когда он вернулся с похорон вместе с матерью и Инхёном, им навстречу вышли обе жены и почтительно приветствовали свекровь и деверя. Инхён не мог нарадоваться на брата.

А время шло.

Однажды Кильдон сказал Инхёну:

— Отца мы схоронили в счастливом месте, и род наш будет процветать. Возвращайся домой и ухаживай за матерью. Ты послужил отцу при жизни, я же буду служить ему после смерти. Наступит день, когда мы снова встретимся. Поторопись, не заставляй свою матушку томиться ожиданием.

Инхён, поняв справедливость его слов, простился с отцовской

могилой. Отдали распоряжение готовиться в дорогу, а через несколько дней Инхён уже был дома и рассказывал своей матери о том, что ему довелось узнать и увидеть у Кильдона. Госпожа Лю не могла надивиться всему услышанному.

Похоронив отца в земле Чедо, Кильдон дни и ночи проводил в заупокойных службах, вызывая этим восхищение людей. Бежало время, миновали три года траура^[299]. И снова скликает своих молодцов Кильдон, обучаются они военному искусству, пашут землю, сеют. Проходят годы, и опять у Кильдона отборное войско и амбары, полные зерна.

В те времена неподалеку от Чедо находилась страна Юльдо. На тысячи ли раскинулась она, окруженная стенами, воистину государство за крепкой золотой стеной. Обетованный край! Давно мечтал о ней Кильдон, мечтал быть в ней государем. Однажды обратился он к своим молодцам с такими словами:

— В пору моих странствий приглянулась мне земля Юльдо, прямо в душу запала. И теперь я хочу испытать судьбу. Великий совершим мы подвиг, если все вы, как один, пойдете за мной.

Выбрали день. Он пришелся на девятую луну года «капча». Кильдон двинул войско свое на Юльдо, к горе Железной. Правитель здешней округи, Ким Хёнчхун, увидев неизвестно откуда взявшуюся конницу, перепугался. Тотчас отправил он в столицу к государю донесение, а сам повел свои отряды в бой. Но справиться с Кильдоном ему оказалось не под силу, он был разбит, отступил и укрылся за крепостными стенами.

Кильдон в это время держал совет со своими воинами:

— У нас мало еды и корма для коней. Мы ничего не добьемся, если затащим осаду. Нужно хитростью схватить правителя округи, забрать зерно и корм для коней, а затем напасть на столицу. Для этого — полкам укрыться в засадах, а Ма Суку с пятью тысячами воинов делать, что я скажу!

Действуя по приказу Кильдона, Ма Сук повел войска и завязал сражение. Ким Хёнчхун стал его преследовать. Кильдон же, обратившись к Небу, сотворил заклинание. Тотчас же появились со своим воинством владыки пяти стран света: с востока — зеленый, с юга — красный, с запада — белый, с севера — черный. В середине сражался сам Кильдон в золотом шлеме и с мечом в руке. В упорном бою он зарубил коня Ким Хёнчхуна и сбросил его самого на землю.

— Сдавайся, если не хочешь умереть!

— Я в твоих руках, пощади! — взмолился тот.

Увидев своего противника поверженным, Кильдон помиловал его.

Затем, наказав оборонять крепость, двинул свои войска к столице, а государю Юльдо направил послание:

«Предводитель Воинства справедливости Хон Кильдон шлет грамоту государю Юльдо. Известно, что государи правят не по воле людей, а по воле Неба. Чэн-тан покарал Цзэ^[300], а У-ван сверг Чжоу^[301]. Предначертания Неба осуществляются сами собой. Я, встав во главе войска, поверг крепость на горе Железной. Передо мной все трепещет, все сдаются, едва заслышав обо мне. Хочешь воевать — воюй, а нет — сдавайся».

Государь прочел и пал духом: «Гора Железная была оплотом нашего государства, а теперь на ней враг». Он покончил с собой, а с ним — государыня и наследник.

Кильдон же вступил в столицу, успокоил жителей и приказал резать быков и баранов для угощения воинов.

И вот Кильдон взошел на престол. Это случилось девятого числа в первую луну года «ыльчхук»^[302]. Верные его сподвижники получили должности. Ма Сук был назначен левым министром, а Ким Джи — правым министром. Прочие тоже не были обижены. Чхве Чхоль стал государевым ревизором и поехал осматривать триста девяносто округов земли Юльдо. Чиновники с почтением относились к новому государю, простой народ благоговел перед ним.

Обеим женам Кильдона были пожалованы звания государынь, отцу его посмертно присвоили имя Хёндок-вана — «Мудрого и добродетельного государя». Мать Кильдона стали величать государыней, отцов двух жен Кильдона именовали отныне тестями государя. Каждому из них пожаловали по дворцу. Гробница отца Кильдона именовалась усыпальницей государя, и там постоянно приносились жертвы его духу. Госпожа Лю получила звание вдовствующей государыни. Великой государыне и вдовствующей государыне Кильдон направил царедворцев и телохранителей.

Прошло три года с того дня, как Кильдон сделался государем страны Юльдо.

Вокруг царили мир и спокойствие, и добродетели государя можно было сравнить с добродетелями Чэн-тана.

Однажды на большом пиру, потчужа свою мать, Кильдон вспомнил прошлое и вздохнул: «Если бы я тогда, дома, погиб от руки наемного

убийцы, разве дожили бы мы до этих дней?» И слезы полились на его одежды. Мать и обе государыни опечалились.

Прервав беседу, Кильдон позвал «Белого дракона» и сказал:

— То, что сейчас на троне Юльдо я, кореец, — воля случая. Государь моей родины даровал мне тысячу соков риса. Милость его можно сравнить лишь с обилием воды в морях и реках. Об этой милости я буду помнить вечно. Я хочу послать вас, чтобы отблагодарить его. Не жалейте же своих трудов. Да будет вам дальняя дорога легкой.

Кильдон тут же сочинил послание государю, а заодно и письмо семейству Хонов и оба вручил тестю. Погрузив на корабль зерно, тот отбыл в сопровождении свиты.

С тех пор как государь пожаловал зерно Кильдону, миновало лет десять, а о нем не было ни слуху ни духу. И государь не переставал этому удивляться.

Но вот однажды государю доставили послание от правителя Юльдо. С изумлением распечатал его государь и прочел следующее:

«Бывший Глава военной палаты, ныне правитель страны Юльдо, Ваш верный подданный Хон Кильдон сто раз бьет челом государю Чосон.

Низкое происхождение всю жизнь угнетало меня. Я нарушал Ваш покой, как плохой подданный, отцу был недостойным сыном, из-за меня он болел. Но Вы меня простили, дали должность и пожаловали тысячу соков риса. Раньше я не имел возможности Вас отблагодарить. Скитаясь по свету, собрал я войско, пришел в страну Юльдо и завоевал ее. А ныне, недостойный, там воцарился. Вечно признательный за Вашу милость, возвращаю Вам зерно. Прошу простить мне мои прегрешения. Желаю вам здоровья и счастья на многие годы».

Государь прочел послание и подивился. Тотчас велел позвать Инхёна и показал ему послание правителя Юльдо, сказав, что такое редко можно услышать. К тому времени Инхён преуспел по службе, став помощником главы одной из палат. Он только что прочел письмо, которое Кильдон направил дому Хонов, был потрясен, а теперь ему пришлось удивиться еще больше. И он тут же обратился к государю с просьбой:

— Кильдон — мой сводный брат. Отправившись в другое государство, он стал там знатным человеком. Но все это случилось только благодаря вашей милости. Хоть это и не упоминается в послании, прах нашего отца покоится в земле, соседней с Юльдо. Снизойдите к моей просьбе, разрешите мне провести год у могилы моего отца.

Государь дал свое согласие и отпустил Инхёна в страну Юльдо.

Вернувшись домой к матери, поведал Инхён о своей беседе с государем.

— Я прочла письмо Кильдона. Он выражает желание, чтобы я тоже поехала с тобой. И я поеду.

Сыну так и не удалось ее отговорить, и они вместе отправились в путь. Через три месяца они подплыли к острову Чедо. Сам государь со своею свитой в сопровождении обеих государынь вышел им навстречу. Это было торжественное зрелище.

Шло время. Госпожа Лю заболела, и никакие лекарства ей уже не помогали. Однажды госпожа произнесла со вздохом:

— Горько умирать на чужбине, но меня утешает то, что я побывала на могиле мужа.

С этими словами она скончалась. Братья похоронили ее в усыпальнице, рядом с ее супругом. А несколько месяцев спустя Инхён сказал брату:

— Прошли месяцы с тех пор, как я сюда приехал. Нас постигло большое горе — смерть матушки. Подходит время мне возвращаться обратно. Как ни жаль, придется расставаться. Будь счастлив.

Распрощались братья, и через несколько дней Инхён уже был дома. Он доложил государю о своей поездке. Государь, сочувствуя горю Инхёна, разрешил приступить к службе по истечении трех лет траура.

А у государя Юльдо, только он проводил брата, тоже заболела и скончалась мать. Государь и обе государыни были убиты горем. Ее похоронили со всеми почестями в усыпальнице и три года носили по ней траур.

Правление Кильдона можно было сравнить с правлением Яо и Шуня, о которых поется в песне, сложенной игроком в жан.

У государя родились три сына и две дочери. Старшего звали Хён, он родился от старшей жены. Среднего звали Чхан, а младшего — Ёль. Оба родились от второй жены. Обе дочери родились от придворных дам. Дети во всем походили на родителей. Сыновья были талантливы и благородны, дочери — скромны и чисты. Старший сын был провозглашен наследником престола, младшие — принцами. Обеим девушкам выбрали достойных мужей.

Кильдона вполне можно было сравнить с Го из Фэньяна^[303].

Тридцать лет прошло с начала воцарения Кильдона, ему уже исполнилось семьдесят лет. Однажды вместе с женами он наслаждался стихами и музыкой в Тереме вечного блаженства.

— Жизнь, если вдуматься, — говорил Кильдон, — подобна капельке росы на кончике травинки. Проживи сто лет, и все равно она — что облако, плывущее по небу. Для знатного и подлого равно приходит свой час. Прошлого не воротить. Молодость словно вчера была, откуда же взялись седые волосы?

Вдруг опустилось пятицветное облако и заволокло весь дворец. Перед ними предстал старец с дягилевым посохом, в шляпе и одеянии из перьев журавля.

— Ты покончил с мирскими заботами? Нам пора!

И тут же государь и обе государыни исчезли. Трое сыновей и придворные, видевшие это, предались отчаянию и горько зарыдали. Три пустых гроба поставили в гробнице, назвав ее Усыпальницей совершенномудрого. Наследник вступил на престол. Тысячи подданных славили его, провозглашая многие лета. Во все уезды были разосланы манифесты о снижении налогов на десять лет. Народ славил нового государя, а он ревностно справлял заупокойные службы по отцу и правил на редкость мудро.

Народ благоговел перед ним. Один за другим шли урожайные годы. И люди пели песню, сложенную когда-то игроком в жан.

Минуло несколько лет, и у нового государя появилось трое сыновей. Все они были щедро одарены талантами и из поколения в поколение счастливо правили государством.

Вот какие дивные дела бывают на свете!

История фазана

Когда небесная твердь отделилась от тверди земной, появились мириады разнообразных существ. И благородным стал среди них человек, а подлыми прочие твари: все триста видов птиц и триста видов зверей. В числе летающих тварей был и фазан. Полюбуйтесь на фазана! Разодетый в пятицветный наряд, недаром его прозвали «пеструшкой».

По природе своей это дикая горная птица. Сторонясь людей, живет, как в беседке, меж развесистых сосен, в глухих лесах, на ступенчатых скалах. Питается злаками с полей по холмам и низинам и, существо беззащитное, то и дело становится легкой добычей королевских охотников и их гончих.

И тогда мясом фазана обедаются три главных королевских советника и шесть королевских министров, обедаются губернаторы королевских провинций и первые богачи, и все большое начальство.

Самые лучшие перышки выщипывают люди из его убора, и идут эти перышки на метелки для сметания пыли в лавчонке, или украшают они древки флажков королевских курьеров.

Так неужели он мало приносит пользы?

Вынужденный хорониться от всех, забирается он за белые облака, на вершины — насладиться красотой природы.

Но тотчас раздается над ним крик быстрогокрылого сокола, или ловчий с дубинкой вспугнет его шумом и с места поднимет, или чуткая к запаху гончая, с фырканием рысца по следу, начнет тут и там разгребать дубовые листья. И как тогда пятицветному найти от них избавленье!

Вздумает выйти к селению — там тоже тьма-тьмущая ловчих. Стеною стоят, и у всех ружья. Голодный, холодный — куда же тут деться в суровую зимнюю стужу? В солнечный день можно пойти в поля, по холмам и низинам!.. И бобовое зернышко, может быть, как раз попадется...

Посмотрели бы вы в эту пору, что за щеголь фазаночкин муж! Платье на нем атласное, алое, оторочка вокруг ворота зеленого шелка, и воротник тоже шелковый, белый. На голове у него — будто у сановного вельможи — точенные из яшмы побрякушки, а хвост — из двенадцати перьев. И весь он, фазан, воплощение мужской красоты!

А теперь взгляните на убранство фазаночки! Мелко стеганная ее кофточка прошита частым стежком. И вся она заботливо, с ног до головы, приодета.

Впереди выступают девять ее сыновей, двенадцать дочерей следуют сзади.

Поторапливает их мать:

— Идите скорей, шагайте быстрее! По ровному полю будем мы двигаться друг за другом гуськом. Вы отправляйтесь по той вон долине, мы обойдем по этой. Если каждый отыщет хоть по одному бобовому зернышку, — к чему нам завидовать людям? У каждой твари на свете своя особая доля. Для нас же и наесться досыта разочек — немалое счастье.

Вот так и шли они дальше и дальше. Вдруг откуда ни возьмись лежит

на дороге красное круглое бобовое зернышко.

И говорит тут фазан, фазаночкин муж:

— Э, да зернышко это совсем недурное на вид! И впрямь дар небес... К чему мне его отвергать? Уж лучше вкушу от неожиданного счастья!

А фазаночка молвит:

— О, прошу вас, не надо! Обождите трогать его... Подозрительны что-то мне эти людские следы на снегу, не раз и не два я к ним присматривалась... Чересчур они гладки, словно веником кто их обмел или ртом обдувал. Ради бога, не клуйте вы это бобовое зернышко!

Фазан же в ответ:

— Что за глупости ты говоришь! На дворе метельный декабрь, повсюду снега и сугробы. Не видать даже птиц в вышине. Кругом, куда ни взгляни, нет места, где бы могла ступить нога человека. Посуди же, откуда могут здесь взяться людские следы?

Возражает фазаночка:

— Может, и так... Только в прошлую ночь мне привиделся сон. И он предвещает большое несчастье. Вот и подумай сам...

Говорит ей на это фазан:

— Снилось и мне кое-что прошлой ночью... Будто оседлал я желтоперого журавля, взлетаю на нем в небо и узнаю там, как живет-поживает сам Яшмовый император^[304]. В награду за подвиг жалует меня Яшмовый император званием «Отошедшего на покой в леса и горы» и дарит мне большой куль бобов из собственной житницы в десять тысяч кулей. Как же не радоваться мне сейчас этому бобовому зернышку? И в древних книгах сказано: «Да сладко естся алчущему и да легко пьется жаждущему». Вот и давай со спокойным сердцем набьем наши пустые желудки!

— Да, — продолжает упорствовать фазаночка, — у вас-то действительно сон как сон. А если растолковать мой, трудно придумать что-либо более зловещее. Вчера поздно вечером, во время второй стражи, едва я сомкнула глаза, как вижу, будто на теневой стороне кладбищенской горы полил сильный дождь. А в синем небе поднялись две радуги и внезапно, словно мечи, снесли вам головушку. Очень дурной сон! Он прочит вам гибель. Еще раз умоляю вас именем неба, не клуйте это бобовое зернышко!

А фазан не сдается:

— Пусть твой сон тебя не смущает. Говорит он о том, что в ближайшее время предстоят государственные экзамены. Сам король, совершив поклонения в кумирне Конфуция, будет их принимать в

экзаменационной палате. И первым из первых окажусь на них я. Мне увенчают голову двойным венком из цветов, и я проследую по главной улице нашей столицы. Вот каково значение этого сна. А уж мы на экзаменах постараемся в грязь лицом не ударить!

Вновь пытается убедить супруга фазаночка:

— А в третью стражу привиделось мне, что на голове у вас тысяchefунтовый чугунный котел и вы вместе с ним низвергаетесь в бездонное море. Я же, оставшись на морском берегу одна, рыдаю и причитаю. Зловещее это видение! Оно предвещает вам гибель. Заклинаю вас небом, не клюйте вы это бобовое зернышко!

— О, этот сон лучше прежнего, — отвечает фазан. — Сейчас я его растолкую. Лишь только приблизится час восстановления великой династии Мин и полки спасения будут призваны совершить этот подвиг, я, встав во главе их, со шлемом на голове, перейду Амноккан^[305] и, замилив Страну срединной равнины^[306], буду всеми прославлен как победоносный военачальник.

— Так-то оно так, — говорит ему снова фазаночка, — но в четвертую стражу приснился мне пир, который справляли какие-то юноши и сановитые старцы. Вдруг у навеса от солнца, сшитого из двадцати двух полотнищ, подломились столбы толщиной в три обхвата, и он накрыл с головой нас обоих, вас и меня. Это сулит нам много волнений. А в пятую стражу видела я, что вокруг великое множество развесистых сосен, а Млечный Путь опоясан созвездиями Самтхэсон и Тхэылсон. Внезапно одна из звезд покатилась и упала у ваших ног. Вот какая судьба постигла вашу звезду! Говорят, когда во время Троецарствия в Учжаньюане умирал Чжугэ Лян, перед самой его кончиной тоже упала Звезда полководца. Ничего не хочет слушать фазан:

— Пусть все это тебя не волнует. То, что нас обоих накрыло навесом от солнца, означает: нынче ночью на зеленой горе, за которую прячется солнце, посреди цветущей лужайки станет нам пень подушкой, листья лотоса — подстилкой, а дубовый лист — одеялом. Плотно накрывшись, мы вместе под ним накатаемся вдоволь. А теперь об упавшей звезде. В старину от луча Большой Медведицы зачала ребенка мать Желтого государя^[307] и родила великого сына. В седьмой день седьмой луны встречаются друг с другом разделенные Млечным Путем Пастух и Ткачиха. Выходит — и ты понесешь и родишь мне нового сына. Пусть почаще посещают тебя подобные сны!

А фазаночка продолжает:

— И еще, едва запели первые петухи, пригрезилось мне: разоделась я в пеструю юбку и кофточку, гуляю на зеленой горе, среди тенистых деревьев. Вдруг откуда ни возьмись черный лохматый пес! Оскалил он зубы, бросился на меня и начал царапать когтями. С перепугу, не зная, куда убежать, бросилась я к коноплянному полю. Тут высокая конопля вся полегла, а самая толстая слегка колыхнулась и стеблями крепко обвила мою тонкую, узкую талию. Зловещее предсказание! Быть мне вдовою и носить по вас траур. Ради бога, прошу вас, не клуйте вы это бобовое зернышко!

Рассердился фазан. В великом гневе раз и другой пнул он ногой свою женушку и сказал:

— Ну, здесь-то разгадка совсем другого рода! Ты, распутница с соблазнительной внешностью и смазливый лицом, станешь гулять с посторонним мужчиной!.. Вот и свяжут тебе за это крылья крепкой желто-красной веревкой да начнут водить с барабанным боем по одной, по другой улице — по всем четырем главным улицам столицы! Батогами и трехребровыми палками будут бить! Не смей никогда больше видеть подобные сны, не то ноги тебе пообломаю!

Отвечает фазаночка:

— Дикае гуси, улетае на север, несут в зобу запас пищи на дорогу. Это предусмотрительность мужчины. Феникс во время дальнего полета не клюет чумизы. Это скромность благородного существа. Хотя мы с вами и ничтожные птицы, но будет хорошо, если вы последуете столь благородному примеру. Это вам поможет постигнуть, что значит смирение. Ведь люди высочайшей кротости, братья Бо И и Шу Ци, отказались есть хлеб Чжоу, а мудрый Чжан Цзыфан, сказавшись больным и уйдя на покой, отказался от мучной пищи. Если вы хотите следовать их примеру и соблюдать осторожность и избегать всего, что напоминает мучную пищу, ради бога, молю вас, не клуйте этого бобового зернышка!

— Ничего ты не смыслишь, — горячится фазан. — Философ Янь-цзы был воплощением смирения и скромности, а протянул каких-нибудь тридцать лет. Бо И и Шу Ци со своим смирением и скромностью подошли с голоду в горах Шоуян. Чжан Цзыфан, уйдя на покой и отказавшись от злаков, последовал за Чисунцзы в царство теней. Грош цена смирению и скромности. Пища — вот истинный владыка всего! Вспомни Вэньшу^[308]... У реки Хутохэ, после того как довелось ему поесть вволю ячменной каши, он стал императором возрожденного Китая. Хань Синь, когда он еще влачил нищенское существование, тоже уплетал холодную кашу, которую ему приносила простая прачка. А ведь он стал великим предводителем

ханьских полков! Кто знает, может, и мне суждено стать великим, если я съем это бобовое зернышко!

— Будете ли вы великим, скушав это бобовое зернышко, — это скажу я! — все еще не унималась фазаночка. — Боюсь, не пришлось бы вам навсегда покинуть зеленые горы... Сдается мне, что повелитель загробного мира прочит вас первым на должность смотрителя в царстве мертвых. Ради бога, не отвергайте моей мольбы! Стоит перечитать писания древних, как сразу станет видно, сколько людей разорилось или погибло из-за своего большого упрямства. В глубокой древности упрямец циньский Ши-хуан не послушал совета своего старшего сына Фусу, а через сорок лет, при его преемнике Эрши, возмутились народные сердца, и династия Цинь безвозвратно потеряла страну. Молодой правитель княжества Чу, который из упрямства не внял добрым советам Фань Цзэна^[309], погубил восемь тысяч воинов, а сам бежал и со стыда перерезал себе горло. Упрямый Хуэй-ван отверг мудрые наставления Цюй Юаня и в результате попал в западню у Циньской заставы Угуань, где и расстался с душой. Право же, «стыдно птице, поющей над рекой, окончить жизнь свою в брюхе у рыбы». Вот и вы можете преждевременно погибнуть от чьей-либо руки, если будете слишком упрямы.

А фазан ей:

— Ведь не каждого же, кто склюет бобовое зернышко, постигает смерть! Из тех же древних книг ясно видно, что все с именами на букву «Т»^[310] жили долго и занимали высокие посты. Так, в глубокой древности Небесный царь Тянь-хуан прожил восемнадцать тысяч лет, а мудрый Тай-хао Фуси с великой славой правил в течение пятнадцати поколений. Ханьский Тай-цзу и танский Тай-цзун^[311] в период войн и смут сделались родоначальниками новых династий. Из множества злаков бобы — самые лучшие, а ведь их название на нашем языке тоже начинается на букву «Т»... Цзян Тайгун целых восемьдесят лет прожил в бедности и все же достиг в конце концов богатства. Гениальный поэт Ли Тайбо воспарил на ките в небеса. Звезда Севера Тхэылсон — царица среди звезд. Весьма возможно, что, съев с аппетитом это бобовое зернышко, и я проживу такие же долгие годы, как Тайгун, вознесусь на небо, как Ли Тайбо, или стану правителем Звезды Севера — Тхэылсон!

Итак, фазаночка настойчиво и бесстрашно уговаривала муженька.

Посмотрим же, как поступил фазан.

Вот распустил он веером хвост из двенадцати перьев и, весело

потряхивая головой, направился к бобовому зернышку. Вот, слегка покачиваясь, подошел он к нему вплотную и с размаху долбанул его своим клювом-полумесяцем. И в то же мгновение над головой фазана раздался какой-то звук, и он дважды перекувырнулся, весь вздрагивая и трепеща крылышками.

Так случилось когда-то с Чжан Цзыфаном: метя в Циньского Шихуана, он попал не в ту колесницу...

Фазаночка вскрикнула:

— Неужели же он не предвидел такого конца? Вот они, мужчины! Покоряясь воле женщин, пускают состояние по ветру; совершенно не слушая их — гибнут сами.

Распустив обе косы, каталась она по земле на холмах и низинах, скребла землю ногами, вырывая траву, колотила себя в грудь, горько рыдала и убивалась о погибшем супруге.

Девять сыновей фазана и двенадцать его дочерей, вся родня и все друзья, скорбя, оплакивали его. Плач их был слышен во всех пустынных, безлюдных горах, среди голых деревьев.

— Еще тоскливей звучат теперь для меня, среди безлюдных гор, при лунном свете, унылые стенанья кукушки, — горестно промолвила фазаночка. — Читала я в «Зерцале всеобщем»: «Терпкое лекарство щиплет язык, но свойства его целебны; правдивая речь режет ухо, но она полезна для жизни». Разве случилась бы такая беда, если бы муженек меня слушал!.. Ох, как больно, как тягостно мне... А до чего же хорошо мы жили! Но к чему теперь об этом вспоминать!

Неутешно рыдала фазаночка. Потоки ее слез постепенно превращались в целое озеро, тяжкие вздохи рождали ветер. Внутри у нее все горело.

— Как же мне быть? Как теперь быть?

Между тем попавший в капкан фазан, слыша такие речи супруги, не стерпел и крикнул:

— Ах ты, вздорное существо! Ну, чего расшумелась? Кто идет в лес, зная заранее, что непременно угодит тигру в лапы! А не проверишь сперва на собственном опыте — можно упустить благоприятный случай... Смерти без причины не бывает. Говорят, люди, щупая пульс, узнают, жив человек или мертв. Пощупай же пульс и мне, уж не умираю ли я?

И фазаночка отвечает:

— Пульс желудка не бьется... Пульс печени затихает... Пульс подъема ноги исчезает. А сердечный пульс падает, падает... Ох! Упрямство — вот наш враг!

— С пульсом, значит, плохо. А как глаза? Целы ли у меня зрачки? — спрашивает фазан.

Вздыхнула фазаночка и принялась разглядывать глаза муженька.

— Теперь всему конец! Зрачок одного глаза с рассветом покинул вас, зрачок другого вот-вот отправится в путь: свертывает вещи в зеленый платок, закуривает трубку, обматывает в дорогу ноги. Эх, и горька же ты, моя судьба! Почему так часто умирают у меня мужья? Нашла одного — сокол унес, нашла другого — гончая утащила, третий подвернулся — но не прожил со мною и дня, как его подстрелил охотник. Обрела я наконец вот этого мужа, и дружно зажили мы с ним. Народилось у нас девять сыновей и двенадцать дочерей. А муженек, не успев поженить сыновей да выдать замуж дочерей, непременно захотел отведать бобового зернышка и угодил в капкан. Да, правду говорят: «Рот да брюхо — наши враги!» Никаких надежд больше нет, расстаемся навеки... Или тяготеет надо мной злой рок? Неужели сулил он мне постоянно терять мужей? Жестока моя доля. И как же мне жаль моего муженька! Разве от старости, от болезни он умер? Разве заранее отмечен был печатью смерти? Или только дух упрямства довел его до могилы? Как, о, как вернуть ему теперь жизнь? Кто без него поженит наших сыновей, выдаст замуж дочерей? Кто будет растить того, который еще пребывает в моем чреве? Перед нашим жильем из трав, в широком поле среди дремучего леса посадили мы траву-столетник в надежде, что все свои сто лет она проживет вместе с нами. Но увы! Прошло каких-то три года, а она уже превратилась в траву вечной разлуки. Где и когда найду я себе другого такого мужа?.. О яблоневый цвет на белопесчаном берегу взморья! Не жалею, что ты отцветаешь. Придет весна, и ты распустишься вновь. А мой муженек, однажды покинув мир, уже никогда не вернется назад! Горькая, горькая я вдовушка!

Слушая ее жалобный плач, фазан слегка приоткрыл смеженные веки и молвил:

— Не убивайся так сильно! Это моя вина, что взял я тебя трижды вдовую... Не трать лишних слов, мертвого к жизни все равно не вернуть. Ты меня больше не увидишь. Но если уж очень захочется тебе взглянуть еще раз на своего муженька, ступай утром, после завтрака, вслед за хозяином капкана. Ведь потом скорее всего буду я висеть на рынке в Кымчхоне, или в Чончжу, или в Чхончжу. А может, упрячут меня в кладовую губернатора, военачальника или градоправителя, положат вместе с другими дарами; могут подать к столу военного сановника, или невеста поднесет меня в виде свадебного подарка свекрови. Во всяком случае, не придется тебе меня увидеть... Будь же и после моей смерти вдовою, верной

покойному мужу! Не плачь, моя фазаночка, не плачь! Чувствую — уже тает у меня все внутри, неменют чувства...

Пытаясь вырваться из капкана, фазан напрягает последние силы. Вот оттолкнулся ногами, вот потянулся всем телом, извивается, корчится... Но нет избавленья! Только хлопьями летят перья.

В это время появился хозяин капкана по имени Тхак, одетый по-зимнему, в белоснежной беличьей шапке.

Он еще издали приметил, что в ловушку попался фазан, быстро подошел, опираясь на палку, и вытащил добычу из капкана.

— Вот это здорово! — сказал Тхак, приплясывая от радости. — Не иначе, как ходил ты напиться к горному ключу на горе Аннамсан или любовался пышным цветеньем персика на горе Паннамсан... А может, гуляя на зеленой горе, почувствовал голод, вздумал съесть бобовое зернышко, да и попался мне в руки! Видно, невдомек было, что жадность в еде приводит к гибели! Принесу-ка я тебя сейчас в жертву горному духу, пусть он поможет мне извести весь твой род.

С этими словами Тхак вырвал высунутый язык фазана, положил его на скалу и, сложив благоговейно руки, вознес молитву:

«Наму Амитха-Будда!^[312]

О милосердная Квансеым^[313] бодисатва!

Молю вас, пусть попадет в мой капкан и фазаниха!»

После этого Тхак ушел. А фазаночка, приблизившись к месту его моления, обливаясь слезами, собрала лежавшие на скале фазаньи перышки и свершила по чину сначала малое, потом большое пеленанье.

Пеленой для покойного послужили ползучие травы.

Затем на похоронном флажке из желтой лилии написала неутешная вдова имя, фамилию, чин и звание супруга, повесила тот похоронный флажок на молоденькой сосенке, кое-как выкопала могилу, опустила в нее гроб и засыпала его землей.

После того как вознесены были жертвы духу — хранителю гор и буддам, стала фазаночка готовиться к поминкам по мужу.

Собрала она с листьев дуба росу и наполнила ею рюмки из чашечек желудей, а из хвоща наделала палочек для еды. Все приготовила для поминок по своим, вдовьим, средствам. Затем созвала тех, кто должен был отправлять поминальный обряд.

Кто же попал в их число?

Нарядного журавля попросили поднести первую чарку покойному. Легкокрылая ласточка взяла на себя обязанность принимать гостей. Красноречивому попугаю было поручено распоряжаться за поминальным столом. Ибис, став на колени, прочитал молитву.

Вот что гласила эта молитва: «В такой-то год, в такой-то месяц и день вдова-фазаночка смиренно сообщает, что смертная душа^[314] ее мужа-фазана вместе с телом уже находится в могиле, а бессмертная его душа вернулась в свои покои. Посмертная табличка со всеми титулами покойного готова. На коленях молим: да будет забыто душе ее прошлое и да возрадуется она новому!»

В момент, когда уже убрали жертвенный столик, в вышине пролетал коршун. Он был голоден и, склонив набок голову, высматривал добычу. Внезапно хищник заметил фазанов.

— А ну, который из них повзрослев? Унесу-ка его с собой!

И, стремительно налетев, коршун вцепился когтистыми лапами в одного из молодых фазанчиков, взвился с ним в небо и улетел к громадам скал, к горным обрывам. Усевшись на одной из самых высоких вершин, начал он с боку на бок переворачивать добычу, говоря:

— Я простудился и заболел, десять дней ничего не ел и отощал. Сегодня впервые удалось мне заполучить кусочек, каким не брезгует даже человек... Бульон из трепанга, осьминога и морского ушка — самое изысканное блюдо на столе первого министра. Персик с дерева, плодоносящего раз в десять лет, — излюбленное лакомство Сиванму. Выдержанная в течение года настойка больше всего приходилась по вкусу четверем седовласым старцам с горы Шанлоушань. Дохлый щенок и неоперившиеся цыплята — любимая пища царственных коршунов. Но велик или мал этот фазан, раз уж он мне попался, с голоду съем хоть его!

С этими словами хищник пустился от радости в пляс и сразу же ахнул: фазанчик выпал у него из когтей, свалился со скалы и бесследно исчез. Уныло опустился коршун на место и со вздохом сказал:

— Во времена Троецарствия на узкой дороге Хуачжун прославленный полководец Гуань Юй^[315], помня о справедливости, отпустил на свободу взятого им в плен Цао Цао. Вот и я, хоть и совершенно безжалостен по природе, тоже отпустил фазана. Поступок этот — не что иное, как великодушие. И это значит, что у меня будет большое потомство.

В это время с горы Тхэбэксан слетел полюбоваться на Пугак ворон. Проголодавшись в пути, отведал он плодов, отдохнул и отправился выразить свое соболезнование, фазаночке. Вот что сказал он ей, вздыхая:

— Я полагал, что ваш супруг, такой красавец и воплощенная добродетель, проживет долгую жизнь. А он польстился на красное бобовое зернышко и преждевременно ушел на тот свет... Какая жалость! Какое горе! Что до меня, никогда бы я не соблазнился, увидев подобное зернышко... Послушайте, фазаночка! Хоть и неприлично говорить об этом в такой день, но существует старая поговорка: «Родится богатырь — явится и крылатый конь, появится мастер слова — найдется и замечательная кисть». Едва дошла до меня весть о вашем неожиданном вдовстве, как я тотчас поспешил сюда повидаться с вами. Бабочка, приметив цветы, не пугается огня, гусь, узрев воду, не боится охотника... Ваше семейное положение мне хорошо известно, мое семейное положение вы знаете не хуже. Не кажется ли вам, что нам следует взять дело семейного счастья в свои руки и до седых волос жить вместе, как муж и жена?

— Я, конечно, ничтожное создание, — возразила со вздохом фазаночка. — Но в каких обрядовых книгах сказано, что вдова может вторично выходить замуж, не выдержав трехлетнего траура? Старинная поговорка гласит: «Туча повинуется дракону, а ветер — тигру». Женщина же по закону должна повиноваться мужчине. Не так ли поступает каждая женщина?

А ворон в ответ:

— То, что вы сейчас говорите, просто смешно. В «Шицзине»^[316] сказано: «Даже семеро сыновей не в состоянии утешить материнское сердце». Эти сопровождаемые вздохом слова произносит мать семи сыновей, когда, овдовев, снова вступает в брак. Так неужели такое маленькое, неприметное создание, как вы, должно повиноваться покойному, проводя свою жизнь в одиночестве? Мне что-то не попадались тексты, где бы упоминалось о фазаночках как о верных вдовах!

Но тут как раз прилетел филин. Выразив сочувствие фазаночке, он поглядел на ворона и сказал:

— Ты черен телом, а клюв твой похож на крючок. К тому же ты заносчив, не встаешь при появлении старших!

Разгневался ворон:

— Эх ты, неуклюжий филин! И глаза у тебя ушли под самый лоб, и уши как шило!.. Какой же ты старший? Над тем, что тело мое черно, смеяться нечего. Разве если перья черны, так и душа такова?.. Пришлось мне однажды пролетать по теневой стороне горы, вот я и почернел... Не издевайся и над моим клювом! Не мешало бы помнить, что даже у юэского князя Гоуцзяня был рот, похожий на вороний клюв. Тем не менее он в

течение десяти лет тайно точил свой мстительный меч и в конце концов стал хоу-ваном. Впрочем, ты ведь не знаешь классических сочинений. Какой же из тебя после этого старший?.. Нет, этого так оставить нельзя! После поминок необходимо всем разослать извещения, собрать общий сход и вычеркнуть имя нахала из списка янбаней!

Долго еще препирались между собой ворон и филин.

Летевший в синем небе одинокий гусь случайно опустился на землю во время их спора и, вытянув длинную шею, стал выговаривать обоим:

— Ну, какие же вы старшие? Когда гунны во время династии Хань девятнадцать лет держали в заточении Су У и никто не имел о нем вестей, это мне поручил он дать знать о себе, и я лично слетал с его письмом к самому императору. Принимая во внимание этот случай, старшим-то являюсь я. А вы... куда уж вам до такого звания!

Селезень с лotosового пруда, уже потерявший семь жен и не имевший ни родных, ни близких, подыскивал себе супругу.

Услышав, что фазаночка овдовела, он начал собираться в свадебный путь жениха, даже и не подумав предварительно посвататься, как того требует закон. Чтобы внести в дом невесты свадебного гуся, пригласил он гуся, дружкой — голубка, шафером — рослого журавля. А красавец-зимородок отправился к невесте с подарками.

Вот приходит зимородок, спрашивает:

— Дома ли невеста-фазаночка? К ней жалует сам селезень-женишок!

Услышав это, фазаночка заплакала и говорит:

— Хотя я и незащищенная вдовушка, но зря он все-таки думает, что можно взять меня замуж силком, пока я не погадала, как положено, о четырех счастливых числах... [\[317\]](#)

А подоспевший к этому времени селезень отвечает:

— Кто же соблюдает все церемонии и узнает четыре счастливых числа, когда сходятся вдовец и вдова? В подобных случаях жениху и невесте полагается лишь сравнить стихии, под которыми оба родились, чтобы определить, принесут ли они им счастье. Однако выберем все же наиболее благоприятный для свадьбы срок.

И, свершив уставное гаданье, селезень заявил:

— Нам благоприятствует как раз сегодняшняя ночь. Заключение в такую ночь брак — источник счастья. Поэтому не тратьте зря слов и взойдите на брачное ложе!

Смеется фазаночка:

— Мужчина, вы говорите гнусные вещи!

Тогда селезень принялся расписывать ей свое житье-бытье:

— Только послушайте, в какой роскоши я живу! Как на ладони видны мне страны блаженных на горе Пэнлай и страны блаженных на острове Инчжоу. Я смотрю, как бессмертные катаются на лодках по зеркально-голубым водам текущих там рек, любуются на светлый месяц и с хмельным к тому же не расстаются. Устроив себе жилище из ряски и аира, привольно купаюсь я в струях озера Дунтин и реки Сян, досыта наедаюсь серебристою свежей рыбкой. Где во всей вселенной найдется существо, счастливее меня?

А фазаночка ему:

— Говорят, жизнь на воде хороша. Но разве можно ее сравнить с жизнью на суше? Послушайте лучше, как живем мы... Весело гуляем на широких равнинах, поднимаемся на вершины высоко громоздящихся гор и обрывистых скал, любимся оттуда всем, что лежит вокруг, по всем восьми направлениям! Поздней весной, в третью луну, когда зеленая ива перед «Пристанищем путника» начинает играть свежими весенними красками, а золотистая иволга прыгает на ней с ветки на ветку, когда веет весенний ветерок и зацветают персики и сливы, — начинает куковать печальная кукушка, которую зовут в народе «душой царевича из царства Шу». Ее «ку-ку», означающее «лучше бы вернуться», ее грустное пение надрывают душу травам и деревьям, птице и зверю. Вот это уж настоящее зрелище! А золотистая осень, восьмая луна, пора хризантем! В такую пору волей-неволей начинает петь и фазан, переполненный счастьем оттого, что вдоволь насобирал зрелых плодов и уложил их горками вокруг себя. Не было и нет ничего, равного его песне! Куда годится ваша жизнь на воде по сравнению с жизнью на суше!

В глубоком молчанье сидел селезень, слушая фазаночку.

В это время рядом появился фазан, прилетевший утешить вдову. Вот что он сказал:

— Уже прошло полных три года траура после моего вдовства, но до сего дня так и не нашлось для меня подходящей подруги. А теперь, когда, узнав о вашей потере, прилетел я вас утешить, — сразу стало ясно, что боги и небо помогли мне обрести в вас супругу. Так давайте станем мужем и женой, соединим нашу судьбу. И родятся у нас дети... Сыновей мы поженим, дочерей выдадим замуж, а сами проживем счастливо все сто лет.

Отвечает фазану фазаночка:

— При мысли о покойном супруге не хотелось мне снова выходить замуж. Но вот подсчитала я свои годы и убедилась, что хоть и не молода уже, но и не стара. В мои лета еще можно познать счастье и вести семейную жизнь. Увидала сегодня вас — и пропало у меня желание

пребывать вечно покорной вдовушкой... Многие уже сватались ко мне, да все мечталось о каком-нибудь «королевском потомке»... Но ведь еще в старину говорили: «Конь подходит коню, молодец — молодцу». Вот и вижу: пожалуй, будет куда вернее, если я отдам свою руку вам, и станем мы скромненько жить да поживать вместе.

Тут фазан принялся охорашивать свои перышки, захлопал крылышками...

И они поженились.

А незадачливые фазаночкины женихи — ворон, филин и селезень — поднялись с места и со стыдом улетели. Вслед за ними удалились и гости. Упорхнула птица-смоляночка. Звякнув, исчезла птица-колокольчик. Улетели попугай, павлин, гусь, цапля, журавль и крапивник.

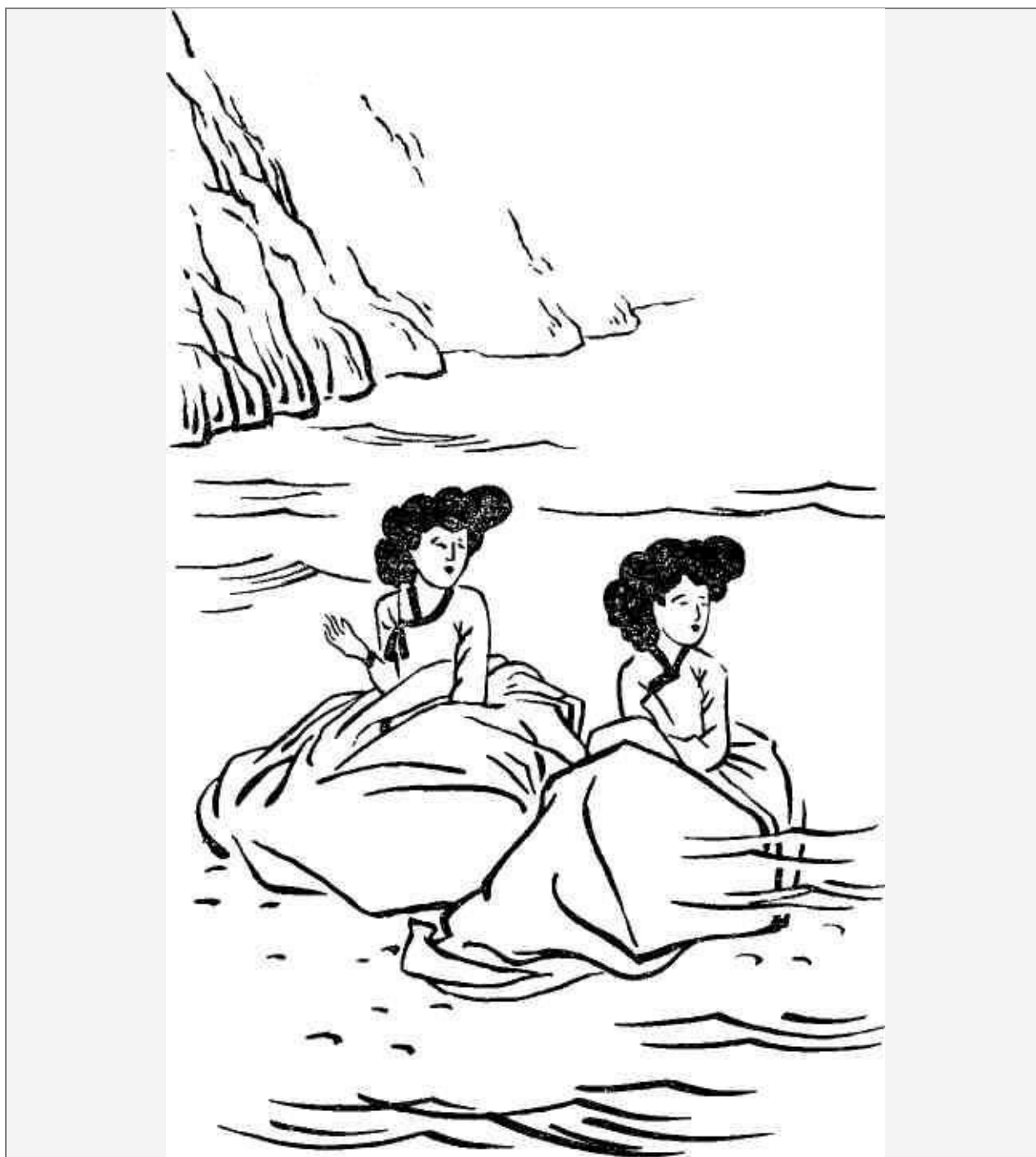
И тогда супруги тронулись в путь. Впереди выступал фазан, следом за ним фазаночка, а позади девять ее сыновей и двенадцать дочерей. Сквозь метель и пургу вернулись они в глухие леса к ступенчатым скалам...

А потом опять наступила весна... Поженились девять фазаночкиных сыновей, вышли замуж двенадцать ее дочерей. Фазан же с фазаночкой, порезвившись на лоне природы среди прославленных гор и прославленных рек, в день полного месяца десятой луны погрузились в глубокие воды и тихо скончались.

Есть в народе поверье, что двустворчатая раковина — это фазан и фазаночка, которые погрузились в глубокие воды, чтобы не расставаться вовеки ^[318].

Чанхва и ее сестра Хоннён

Случилось это в Стране утренней свежести, что лежит на востоке^[319] у моря, во времена славного короля Седжона. В уезде Чхольсан провинции Пхёнан жил человек по имени Пэ Муён. Потомственный янбан, он всю жизнь провел в должности правителя волости и слыл человеком благородным и состоятельным. Лишь одно печалило правителя с супругой: не было у них сына — продолжателя рода.

Однажды супруга правителя волости, госпожа Чан, утомившись, прилегла отдохнуть, да и заснула. И привиделся ей сон, будто спускается с облака небожитель и преподносит ей цветок. Только протянула она руку, чтобы взять его, как поднялся ураган, цветок на глазах превратился в фею, приблизился к ней и... растворился в ее теле.

В изумлении пробудилась госпожа Чан. «Это добрый знак, как сон о муравьином царстве Нанькэ!» — подумала она и, позвав супруга, радостно поведала ему обо всем случившемся.

Выслушав ее, тот воскликнул:

— Видно, Небо смилостивилось над нами и дарует нам сына!

И действительно, с этого дня госпожа Чан почувствовала дитя под сердцем. Радости супругов не было конца. Прошло десять лун. В одно прекрасное утро комната госпожи Чан наполнилась благоуханием и на свет появилась чудесная девочка, совершенная и лицом, и всем обликом. Счастливые родители не могли нарадоваться на малютку; они нарекли ее Чанхва, что значит «Роза», и стали лелеять, как сокровище.

Минуло несколько лет, и госпожа Чан вновь понесла. День и ночь супруги молили Небо даровать им сына; когда же через десять лун снова родилась девочка, они окончательно впали в уныние. Однако делать нечего — пришлось смириться. Новорожденной дали имя Хоннён, что значит «Алый Лотос».

Родители любовно растили дочерей, неустанно заботились о них. С годами Чанхва превратилась в прелестную девушку, пленявшую всех не столько своей красотой и грациозностью, сколько примерной дочерней почтительностью.

Но счастье в доме Пэ Муёна оказалось недолговечным — госпожа Чан внезапно заболела. Отец со старшей дочерью заботливо ухаживали за больной. Готовя лекарство, Чанхва всякий раз молила Небо вернуть матери здоровье, но госпоже Чан день ото дня становилось хуже, и уже не оставалось никаких надежд на выздоровление.

Однажды, когда вся семья была в сборе, госпожа Чан обняла девочек и, обращаясь к супругу, заговорила:

— Видно, много грехов совершила я в прошлом рождении и недолго осталось мне пребывать в этом мире. Но тревожит меня сейчас и будет тревожить на том свете лишь одно: кто позаботится о моих дочерях? Позвольте же мне изъявить мою последнюю волю... Если вы, дорогой супруг, женитесь вторично после моей смерти, у вас появятся новые заботы... Но, прошу вас, помните всегда о справедливости, любите девочек, а когда они вырастут, выдайте их замуж в одну семью. И пусть их брак

будет счастливым, как у священных птиц-фениксов. А я в царстве теней буду молиться за вас, буду «вязать вам травы».

Высказала госпожа Чан свою последнюю просьбу, глубоко вздохнула и отошла в небытие. Сестры, обнявшись, горько плакали — даже каменное сердце не вынесло бы этого печального зрелища.

Госпожу Чан похоронили на горе предков. Вне себя от горя, Чанхва тем не менее нашла в себе силы приготовить все необходимое для поминок и каждый день совершала жертвоприношения.

Со времени смерти госпожи Чан прошло три года, но печаль Чанхва и Хоннён не убывала, и они не переставали оплакивать добродетели покойной матушки. Все эти годы правитель волости помнил предсмертные слова жены, однако мысль о наследнике тревожила его по-прежнему, и он решил жениться второй раз. Охотниц выйти за вдовца не находилось, и пришлось ему взять в жену некую Хо.

Что за страшилище эта Хо: бульдожьи щеки, глаза — что два медных колокола, нос — кувшином, рот как у сома, волосы — свиная щетина, ростом с верстовой столб, голос подобен рыку дикого зверя, стан — в два обхвата! При этом сухорука, с толстыми ногами, с заячьими раздвоенными губами, а на лице словно черти горох молотили — смотреть страшно! Ну, а нрав у нее был и того хуже: во все совала свой нос и пакостила всем без разбору. И эта женщина стала женой правителя области, в первый же месяц зачала и вскоре родила ему одного за другим трех сыновей.

Правитель никак не мог привыкнуть к новой жене, постоянно горевал о покойной госпоже Чан и был по-прежнему привязан к дочерям, — день, проведенный вдали от них, казался ему вечностью. Возвратившись вечером домой, он прежде всего спешил к дочерям и, заключив их в объятия, плакал, неизменно повторяя при этом:

— Я, ваш старый отец, не могу удержаться от слез, когда вижу, как вы тоскуете по матушке.

Воспылала ревностью новая жена, задумала она известить падчериц. Разгадав помыслы супруги, правитель волости призвал ее к себе.

— Когда-то я был беден, — сказал он. — Но моя первая жена принесла в дом достаток, и потому сейчас мы ни в чем не нуждаемся. Все, что у нас есть, куплено на деньги покойной. Своим благосостоянием мы обязаны только ей. Как же ты смеешь плохо обращаться с ее детьми! Чем они тебе не угодили? Чтобы этого больше не было!

Но куда там! Разве могла эта коварная женщина отказаться от своих замыслов! После разговора с мужем она озлобилась еще больше и стала

искать способ поскорее загубить Чанхва и Хоннён.

Как-то Пэ Муён, сидя с дочками, взял их за руки и заплакал.

— Я все думаю о вашей покойной матушке, — с печальным вздохом промолвил он. — Тоска не покидает меня ни днем, ни ночью. Как вы выросли! — продолжал он, успокоившись. — Как радовалась бы матушка, глядя на вас!.. Ну, а я, что ж... Одному было трудно, встретила мне госпожа Хо... Я знаю, она вас не балует, тяжело вам приходится. Но я вас в обиду не дам.

А злодейка все слышала, и злоба переполняла ее. И вдруг ей пришла в голову мысль...

Позвав своего отпрыска Чансве, она велела ему поймать крысу. Она обварила крысу кипятком, выпотрошила, выдергала щетину и, обмазав кровью, придала ей вид мертвого человеческого плода. Тайком пробравшись в комнату, где спали падчерицы, она сунула «младенца» под одеяло Чанхва.

На другой день, заслышав шаги мужа, Хо поспешила ему навстречу, многозначительно цокая языком. Когда же он поинтересовался, что это значит, Хо принялась кричать во весь голос:

— В доме творится черт знает что! Вы всегда и во всем обвиняете меня. Но теперь я молчать больше не буду. Вы отец своим дочерям, а дочери не выказывают никакого почтения вам, оттого с ними и случается... Мне что? Я им не родная мать, не могу слова сказать — все терплю. Ну, а сегодня... Нет, вы только послушайте! Заметила я, что старшая не выходит из комнаты, думаю: наверно, с ней что-нибудь случилось. Вхожу и вижу — что бы вы думали? — мертвого младенца! Увидела она меня, растерялась — не знает, что и делать. Я только руками всплеснула — ну кто бы мог подумать! Хорошо еще, что только мы двое и знаем об этом! Вы же потомственный янбан! Если узнают люди, как мы покажемся им на глаза?!

Известие это как гром поразило Пэ Муёна. Вслед за женой он кинулся в комнату дочерей. Злодейка Хо приподняла одеяло Чанхва, взяла окровавленный «плод» и стала изливать потоки грязи на невинную девушку. Сбитый с толку, Пэ Муён чуть не лишился рассудка.

— Что же теперь делать? — в растерянности вопрошал он.

Тут злодейка пустилась на хитрость.

— Это ужасно! — зашептала она. — Но если мы убьем преступницу и таким способом заметем следы, глупые люди станут говорить, будто мачеха погубила ни в чем не повинную падчерицу. А если все оставить как есть — позору не оберешься. Нет уж, пусть я погибну, но...

— Что ты, что ты, — перебил ее испуганный муж, — я верю тебе... Нужно что-то делать... Скажи — что? Как ты скажешь, так я и поступлю с негодницей.

«Ну, настал мой час», — возликовала в душе Хо и, притворно вздохнув, сказала:

— Я хотела бы покинуть этот дом и тем самым отвести от себя подозрения, но раз вы так терзаетесь, я готова все стерпеть ради вас. И все-таки, если мы не избавимся от этой мерзавки, позор падет на вашу седую голову. Другого выхода нет. Нужно только все сделать быстро и в полной тайне.

Задумался бедный Пэ Муён, вспомнил слова покойной госпожи Чан, и тоска сдавила ему сердце. Но мысль о позоре дочери повергла его в гнев, и он стал спрашивать у Хо, как поступить ему с негодницей.

— Позовите Чанхва, — посоветовала та, — и прикажите ей сходить к дяде, вашему брату. С ней отправится мой Чансве и по дороге столкнет ее в Лotosовое озеро. Что вы на это скажете?

Выслушал муж, подумал и согласился.

А сестры тем временем крепко спали и даже во сне не переставали тосковать по покойной матушке. Где уж им было догадаться, что замыслила подлая Хо!

Среди ночи Чанхва проснулась — какая-то смутная тревога прогнала сон прочь, — и когда она услышала голос отца, поспешила на его зов.

— Отправляйся немедленно к дяде, что живет за Лotosовым озером, — сухо промолвил он.

Чанхва поразил странный приказ отца. Испугалась она, заплакала.

— Никогда не доводилось мне покидать родительский дом, да и не знаю я, где живет мой дядюшка. Зачем отправляете меня темной ночью в неведомый путь?

— Я приказываю тебе: отправляйся с братцем Чансве! — вспыхнул отец. — Как смеешь ты мне перечить? Или отказываешься исполнить родительскую волю?!

— Я не смею ослушаться вашего приказа, — молвила сквозь слезы Чанхва. — Если вы того пожелаете, я умру, не задумываясь. Но ваше решение пугает меня: видно, кто-то по злему умыслу оклеветал меня. Я прошу вас — позвольте мне дождаться рассвета.

Страшно гневался Пэ Муён, но он очень любил дочь и потому заколебался. Тогда злодейка Хо, подслушивавшая под дверью, ворвалась в комнату, распахнув дверь ударом ноги, и обрушилась на Чанхва с бранью:

— Делай, как велит отец! Ты что, оглохла?!

Взглянула Чанхва на мачеху, и сердце у нее заныло. Горько заплакала она.

— Хорошо, батюшка, я больше ничего не скажу, сделаю, как вы велите.

Вышла она из комнаты и поспешила к сестре своей Хоннён.

— Сестрица! Я не знаю, что случилось с батюшкой — темной ночью он гонит меня из дому. Велено мне поторапливаться. Одно лишь печалит меня — разлука с тобой. С тех пор как умерла наша матушка, мы не разлучались ни на минуту, всегда были вместе. И сейчас, при мысли о том, что ты останешься одна, у меня сердце разрывается от горя. Мои страдания нельзя выразить словами... Если судьба будет милосердна ко мне — я вернусь. Не печалься обо мне, жди. Пойду переоденусь — и в путь.

Собравшись, Чанхва снова обняла сестру и, вся в слезах, попросила:

— Слушайся батюшку и... мачеху. Если будешь меня ждать, я скоро вернусь, так что не горюй. Мне ведь тоже не легко... А теперь прощай!

Зарыдали сестры, прильнули друг к другу. Ах, если бы увидела сейчас своих дочерей их покойная матушка! Хоннён не слышала, что говорила ей старшая сестра, она продолжала беззвучно рыдать, стараясь удержать ее в своих объятиях. Воистину, наша кисть бессильна описать эту душераздирающую сцену.

Тем временем злодейка Хо вихрем влетела в комнату сестер.

— Вы что тут шум подняли?! — закричала она, а потом, кликнув свое чадо Чансве, распорядилась: — Бери сестру и отправляйся!

А Чансве, напустив на себя важность, словно он выполняет приказ самого Янь-вана — повелителя загробного мира, толкнул дверь ногой и нагло заорал:

— Ну-ка, сестричка, пошевеливайся! Слыхала, что отец сказал? То-то! Смотри, а то мне ни за что влетит!

Делать нечего. Обняла Чанхва в последний раз сестренку и направилась было к выходу, но Хоннён, вцепившись в ее юбку, запричитала:

— Всегда мы были вместе, никогда не разлучались. Зачем же ты меня теперь оставляешь?!

Больно сжалось сердце Чанхва, жаль ей стало сестру. Принялась она, волнуясь, уговаривать Хоннён:

— Не надо плакать, я скоро вернусь. Ну, прощай...

Стоявшие поодаль слуги не могли сдержать слез, наблюдая расставание сестер. А Хоннён по-прежнему крепко сжимала в руках подол юбки сестры и ни за что не хотела ее отпустить. Подбежала мачеха,

разъярилась еще больше, стала оттаскивать Хоннён, приговаривая:

— Сестра твоя идет к дяде, чего ты беснуешься?!

Хоннён волей-неволей притихла. Хо незаметно сделала знак Чансве, и тот заторопился. Пришлось Чанхва идти за ним. Она попрощалась с сестрой, поклонилась батюшке и, взобравшись на лошадь, предалась своим горьким думам...

Чансве без устали погонял лошадей... Наконец они попали в какую-то горную долину. Высоко в небо уходили величественные вершины; холодный свет луны падал на густую траву, сосны и кедры, росшие у подножия гор; где-то совсем рядом журчала вода; изредка слышался унылый голос кукушки.

Наконец показалось озеро. Большое и, видимо, глубокое. Чанхва смотрела на озеро и думала: как зловеще плещется вода...

Тем временем Чансве остановился и, когда Чанхва поравнялась с ним, взял под уздцы ее лошадь и велел ей спешиться.

— Зачем? — удивилась Чанхва.

— Нечего притворяться! Не знаешь за собой грешка, что ли? Думаешь, и вправду тебя послали к дяде? Как бы не так! Мамаша давно уж за тобой примечала, да по доброте души помалкивала. А теперь, когда ты... это... гм... выкинула... мне велели привезти тебя сюда и утопить в озере. Вот мы и приехали. Так что давай, лезь в воду!..

Эти слова как гром поразили Чанхва. Вне себя от горя, она взмолилась:

— Видит Небо, я ни в чем не повинна! За что, за что меня выгнали из дому, опозорили и велели утопить в этих бездонных водах? Небо! Услышь меня! За всю свою жизнь я ни разу не выходила за ворота, а меня сочли гулящей! Видно, много тяжких грехов совершила я в прошлой жизни, если скончалась моя любимая матушка и по чьей-то злой воле я, невинная, словно бабочка, должна умереть. Пусть я умру, но зачем же позорить мое доброе имя! А что станет с моей сестрицей Хоннён?!

Чанхва так горестно стенала, что даже каменное сердце не могло бы выдержать. Но ее страдания не тронули жестокого Чансве.

— Сейчас ночь, в горах ни души. Так что кричи не кричи, никто не услышит. Не тяни время, бросайся в воду!

Чанхва принялась умолять его:

— Выслушай меня! Мы все-таки не чужие, у нас один отец. Вспомни, как мы любили друг друга. Неужели тебе не жалко, если я уйду в загробный мир? Подожди немного, позволь сходить к дяде, позволь поклониться могилке дорогой матушки и еще раз повидаться с Хоннён...

Не думай, что я хочу обмануть тебя, — нет! Ведь если я стану оправдываться — навлеку на себя гнев твоей матери, если захочу избежать смерти — нарушу родительскую волю. Как мне велели, так я и сделаю. Но прошу тебя, исполни мою просьбу! Я вернусь и отдамся в руки смерти...

Но Чансве и слушать ее не стал. Тогда Чанхва обратила взор к небу:

— Небо! Внемли моему горю! Жизнь моя была несчастной: семи лет от роду я лишилась матушки и, оставшись с сестрой, день и ночь горевала и плакала. Смотрела ли на заходящее солнце или на восходящую луну, любовалась ли цветами, распутившимися в саду, или травой, пробившейся сквозь крыльцо, красивой, как яшма, сердце у меня сжималось, слезы дождем лились из глаз моих... Через три года в доме появилась злая и жестокая мачеха. Не утешила она моей тоски: днем мои мысли были с батюшкой, а ночью я по-прежнему думала о покойной матушке. Ясными днями, долгими ночами мы с сестрой предавались печали. Я не сумела угодить жестокой мачехе и сегодня должна погибнуть в водах этого озера. О Небо! Солнце, луна, звезды! Верьте — я не виновна ни в чем! И пожалейте несчастную Хоннён, не дайте ей погибнуть, как мне!

Затем она обернулась к Чансве:

— Я умру опозоренной. Но ты позаботься о Хоннён, будь ей наставником, учи ее чтить отца с матерью. А родителям передай мой последний поклон...

Она вынула из ушей яшмовые серьги, разулась и, придерживая рукой подол своей красной юбки, заливаясь слезами, стала спускаться к озеру.

— Милая моя Хоннён, — шептала Чанхва, — ты осталась совсем одна. Сердце мое разрывается от тоски. Кто утешит тебя? Я умираю.

Так сказала Чанхва и — плачьте, люди! — бросилась в озеро. И вдруг — о чудо! — поднялись на озере громадные волны, до самого неба, налетел неистовый ураган, затуманился светлый лик луны, из глубины гор выбежал громадный тигр, и в тишине отчетливо прозвучал громовой голос:

— Вторая жена Пэ Муёна бессердечна — она загубила невинное дитя! Небо не останется равнодушным!

Тигр бросился на Чансве, оторвал ему оба уха, потом руку и ногу и скрылся. Чансве упал ничком, потеряв сознание, а лошадь Чанхва галопом пустилась к дому.

Добившись гибели ненавистой падчерицы, злодейка Хо ликовала; с минуты на минуту должен вернуться Чансве. Вдруг слышит — на дворе заржала лошадь. Хо заторопилась во двор — видит: лошадь вся в пене, а седока нет. Изумившись, она кликнула слуг, велела засветить фонари и

вместе с ними пошла туда, куда вели конские следы. Неподалеку от озера они нашли Чансве. Замерло сердце у Хо. Вгляделась пристальнее — нет у него обоих ушей, нет ноги, нет руки, все тело в крови. Испугалась Хо, растерялась. Вдруг поднимается ветер, вокруг распространяется аромат. Ну, думает, это добрый знак. Оказалось, аромат исходит озеро...

Слуги принесли Чансве домой, и мать принялась ухаживать за ним, врачевать его раны.

Когда Чансве очнулся, Хо стала расспрашивать его о случившемся. Рассказал он ей все, как было. Еще больше распалилась Хо и теперь стала думать о том, как ей погубить Хоннён.

Правитель волости, увидя наказанного Небом Чансве, понял наконец, что дочь его Чанхва погибла безвинной. Тяжело вздохнул он, безысходная тоска овладела им.

Одна Хоннён пребывала в полном неведении. Услышав шум в доме, она удивилась и спросила у мачехи о причине его. Та вспыхнула гневом:

— Бедный Чансве провожал твою беспутную сестрицу к дяде, по дороге на него напал тигр и искусал. Теперь он тяжело болен.

Хоннён хотела спросить еще о чем-то, но мачеха грубо оборвала ее:

— Что ты пристала ко мне?

Не привыкшая к такому обращению, Хоннён заплакала. Ушла она к себе в комнату, зовет сестру — никто не откликается. Плакала Хоннён, плакала, да и уснула. А во сне ей привиделось, будто выплывает из волн на желтом драконе Чанхва и направляется к Северному морю. Хоннён пытается окликнуть ее, но Чанхва делает вид, что не замечает. Заплакала Хоннён:

— Сестричка, почему ты не замечаешь меня, куда ты направляешься одна?

Отвечает ей Чанхва сквозь слезы:

— Теперь у меня другой путь. Нефритовый владыка приказал мне добыть эликсир бессмертия на Трех священных горах. Я очень спешу и не могу задерживаться. Не думай обо мне плохо, я скоро приду за тобой!

Вдруг дракон испустил страшный вопль, и Хоннён от испуга проснулась. Станный сон! От него болит сердце, тело покрывается потом, кружится голова.

Рассказала она обо всем отцу:

— Грустно мне сегодня, словно я потеряла что-то дорогое. Видно, есть причина, если ушла Чанхва. Может, кто оклеветал ее?

Выслушал ее отец, но ни слова не мог сказать в утешение, только плакал. А злодейка стояла рядом и все слышала.

— Что эта девчонка тут мелет, — закричала она, — только огорчает почтенного человека! — И вытолкала Хоннён за дверь.

Хоннён вернулась к себе в комнату и стала думать: «Когда я рассказывала сон, отец печалился и ничего не говорил, а госпожа Хоннёр рассердилась и грубо обошлась со мной. Все это неспроста!» В чем же все-таки дело?

Однажды, когда злодейки не было дома, Хоннён пробралась к Чансве и умоляла открыть ей правду. Чансве не стал изворачиваться и честно признался во всем.

Только теперь Хоннён узнала, что сестра ее безвинно погибла. Поняв это, она лишилась чувств.

Едва придя в себя, Хоннён запричитала:

— Дорогая моя сестричка! Это жестокая мачеха наградила тебя на шестнадцатой весне позорным именем, и ты, бросившись в зеленые волны, сделалась вечно блуждающей душой. Где ты, бедная моя сестра? Зачем покинула несчастную Хоннён? Если б я даже вошла в Царство теней, я не перестала бы тосковать по тебе, не перестала бы смывать кровавые слезы, сердце мое не успокоилось бы. Кому еще довелось испытать такое тяжкое горе? О всевидящее ясное Небо! Смилуйся! Трех лет от роду я лишилась матушки, и сестра заменила мне ее. Разве так тяжки грехи мои, что она оставила меня в горе одну? Я не хочу, чтобы меня опозорили, как ее. Лучше умереть, пусть наши души вместе бродят по земле...

Горю и тоске Хоннён не было конца...

Ей очень хотелось побывать у озера, но девушке не полагалось выходить одной за ворота. Забыв о сне и пище, она мучительно раздумывала над тем, как ей быть.

Однажды ранним утром в сад залетела птичка и стала порхать над распустившимися цветами. Хоннён подумала: «В тот день, когда сестра навсегда покидала дом, эта маленькая пичужка тоже летала по саду. Может, она укажет мне дорогу к озеру?..» Эта мысль неотступно преследовала ее, но птичка улетела, и Хоннён впала в отчаяние.

Настал новый день, и к Хоннён вернулась надежда: а вдруг прилетит птичка? Но та не прилетала. Загрустила Хоннён, заплакала, а когда зашло солнце, подошла к окну и задумалась: «Птичка не прилетела, но я все-таки пойду туда, где погибла Чанхва! Батюшке говорить нельзя — не позволит. А что, если оставить письмо?!»

Она достала бумагу, обмакнула кисть в тушь и стала писать:

«Печаль терзает мне сердце. Я рано потеряла мать и проводила дни с сестрой. Злые люди оклеветали и погубили сестру. Тоска и грусть гложут мне сердце. Я, ваша дочь Хоннён, провела у ваших колен более десяти лет, а сегодня покидаю родимый кров и отправляюсь на поиски бедной Чанхва. Я больше не увижу лица батюшки, не услышу его голоса. При одной только мысли об этом слезы застилают мой взор, душа трепещет. Прошу вас, не печальтесь обо мне, будьте счастливы!»

Уже пробили пятую стражу. Светила луна, дул ветерок.

Вдруг прилетает та самая птичка, садится на дерево и что-то щебечет.

— Не можешь ли ты, птичка, указать мне дорогу к сестре? — спросила Хоннён.

Птичка пропищала в ответ что-то очень похожее на «ын»^[320].

— Если ты прилетела за мной, — продолжала Хоннён, — я охотно последую за тобой!

Птичка склонила голову и снова пропищала «ын» в знак согласия.

— Подожди меня, я только соберусь!

Она наклеила на стену свое прощальное письмо и, выходя из комнаты, заплакала:

— Сейчас я покидаю дом, а доведется ли мне увидеть его снова?

И она последовала за птичкой. Вскоре вдаль заалел восток. Вокруг дыбились зеленые горы, поросшие высокими соснами. Лебеди тянули унылую песню, навевая тоску и страх.

Птичка привела Хоннён на берег озера. Огляделась Хоннён. И вдруг из косматых облаков, переливающихся всеми цветами радуги, над озером зазвучал печальный голос, обращенный к Хоннён:

— Зачем ты, потеряв все надежды, хочешь оставить здесь свою драгоценную жизнь? Ведь жизнь дается один раз, и не стоит губить ее понапрасну! Не думай больше о смерти, вернись под родительский кров, утешь родительское сердце! Будет у тебя достойный муж, будут дети, и это принесет успокоение душе покойной матушки!

Узнав голос сестры, Хоннён воскликнула:

— Сестра моя! За какую провинность ты оставила меня и теперь одна скитаешься в этих краях? Я не могу жить без тебя! Я хочу быть с тобой!

С неба доносился печальный голос... Оправившись от потрясения, собрав все силы, Хоннён опустилась на колени и вознесла мольбу небесам:

— Небо! Сними с моей сестры этот неслыханный в веках позор! Всемогущее Небо! Внемли моей страстной мольбе!

Забилась, зарыдала Хоннён. Упоенная печальным голосом,

призывавшим ее с небес, она подобрала подол юбки и — о горе! — бросилась в озеро. Затмился солнечный свет...

С тех пор в густом тумане, застилающем озеро, день и ночь, не переставая, звучит печальный голос, возвещающий о жизнях, безвинно загубленных злой мачехой.

Небо слышало мольбу Хоннён. Но всякий раз, когда в Чхольсан приезжал новый правитель уезда и отправлялся в управу, чтобы разобраться в обстоятельствах таинственного дела, ему являлись души обеих сестер, и правитель от страха испускал дух, а уезд вновь оставался без правителя. Чхольсан стали называть «пхейп», что значит «город, пользующийся дурной славой».

И в самом деле — один за другими следовали неурожайные годы, голод уносил множество жизней, жители покидали Чхольсан, и вскоре город совсем опустел. О невзгодах, обрушившихся на Чхольсан, сообщалось в донесениях на высочайшее имя, и король был весьма озабочен происходящим.

Но вот однажды некто Чон Донхо, человек честный и обходительный, сам вызвался поехать правителем уезда в Чхольсан. Король пожелал увидеть смельчака и лично вручить ему указ о назначении.

— Дошло до нас, что в Чхольсане происходит что-то совершенно непонятное, за ним установилась дурная слава. Мы очень озабочены этим и рады, что ты сам вызвался поехать туда. Действуй осмотрительно и постарайся успокоить народ.

Новый правитель уезда почтительно поклонился королю и в тот же день отбыл к месту назначения. По приезде он тотчас вызвал сельского старосту.

— Я слышал, что в твоей округе правители умирают на другой день после вступления в должность. Так ли это?

— Осмелюсь доложить, господин мой, за последние пять-шесть лет каждый новый правитель в первую же ночь по приезде в Чхольсан видел какой-то страшный сон, и к утру мы находили его мертвым. Не могу сказать вам, в чем тут дело.

Выслушав, правитель уезда приказал:

— Ночью никому не гасить огня, не спать, тщательно следить за всем, что происходит.

Староста поклонился и вышел. А правитель отправился на свою казенную квартиру, зажег свечи и раскрыл «Книгу перемен». Настала полночь. Неожиданно поднялся сильный ветер, и тотчас в комнату вошла

красавица в зеленой кофте и красной юбке и опустилась на колени перед наместником.

— Кто ты, девушка? — едва придя в себя, спросил он. — Что привело тебя ко мне среди ночи?

Красавица склонила голову, поднялась, а потом снова опустилась на колени.

— Я — Хоннён, дочь правителя волости Пэ Муёна. Когда мне было три года, а сестре моей, Чанхва, семь лет, умерла наша любимая матушка, и мы остались с отцом. Вскоре батюшка женился на жестокой и завистливой женщине. Она ему родила одного за другим трех сыновей. Отец поверил клевете злой мачехи и ожесточился против моей сестры Чанхва. Чанхва всеми силами старалась угодить госпоже Хо, даже звала ее матерью, но та обращалась с ней день ото дня хуже. Издавна благодаря богатству покойной матушки мы жили в достатке: было у нас много земли и много слуг — ни в чем не знали мы нужды. Опасаясь, что после замужества все богатства перейдут к нам с сестрой, мачеха задумала погубить нас, чтобы имущество досталось ее отпрыскам. Она опорочила сестру в глазах отца и приказала своему сыну Чансве утопить ее в озере. Узнала я все это, и стало мне страшно: а вдруг и меня ждет такая же участь? И я решила утопиться в том же озере, где погибла моя сестра. Я не жалею о содеянном, одно лишь не дает мне покоя: ведь на сестре моей осталась печать позора! Почему-то каждый, кто видит нас, немедленно выпускает дух от страха перед нами, и я никому не могу выплакать свое горе. Теперь, к счастью, светлейший правитель, мне удалось поведать вам свою печальную судьбу. Будьте милостивы, исполните мою просьбу — снимите позор с моей сестры!

С этими словами красавица поднялась, поклонилась и исчезла. Воспрянул духом правитель уезда: «Так вот отчего на Чхольсан обрушилось столько бед!»

На другой день поутру отправился он в управу и призвал старосту:

— Живет здесь правитель волости Пэ Муён?

— Так точно, господин мой, живет.

— Сколько у него детей?

— Были две дочери, да обе умерли. Осталось трое сыновей.

— А отчего умерли дочери?

— Точно не могу сказать, господин, но суть, кажется, вот в чем. Старшая как-то согрешила и вскоре утопилась в Лотосовом озере. А младшая, оставшись одна, долго горевала — они очень любили друг друга, — потом отправилась на озеро искать сестру и тоже утонула. После

смерти обе стали вечно блуждающими душами. Каждый день они выходят из озера, садятся на берегу и плачут, повторяя: «Мы погибли по злему умыслу мачехи». Говорят, что никто из прохожих не может удержаться от слез!

Правитель уезда вызвал чиновника для особых поручений и приказал немедленно доставить к нему Пэ Муёна с женой.

Приказ был тотчас исполнен.

— Мне говорили, — начал правитель, обращаясь к Пэ Муёну, — у вас две дочери от первой жены и трое сыновей от второй. Верно это?

— Да, светлейший правитель.

— Живы они все?

— Дочери умерли, а сыновья живы.

— Отчего же умерли ваши дочери? Под страхом смерти говорите только правду! Не то кончите жизнь под батогами!

Побледнел Пэ Муён — не может слова вымолвить. Но тут вмешалась его любезная супруга:

— Ну какое же может быть вранье, если ваша милость уже все знает? Действительно, у мужа моего остались две дочери от первой жены. Старшая-то была гулящая, вот и нагуляла себе живот. Потом испугалась, взялась тайно травить плод, да и выкинула. Я про себя думаю: «Никто не знает, как было дело; скажут, что мачеха, мол, виновата — недоглядела!» Позвала я ее и говорю: «Мне тебя не жалко, но если ты умрешь, все будут думать, что мачеха убила. Так и быть, я прощаю тебя. Но впредь гляди в оба, чтоб больше этого не повторялось! Подумай о нас с отцом: узнают люди — позору не оберешься! Как тогда будем людям в глаза смотреть?» Ну, поругала я ее, дошло до нее, что она натворила. А как дошло, она той же ночью, ни слова не сказав, ушла из дома, да и утопилась в озере. Младшая же, Хоннён, не уступала сестре — вот уже год, как сбежала из дома — и следов не найдешь. Коли дети янбанов убегают из дома, их и искать не стоит. Потому-то мы и не показывались на глаза людям...

— Если все это правда, значит, ты можешь принести мертвый плод?

Злодейка отвечает ему почтительно:

— Конечно. Я им не родная мать и знала, что мне не поверят, поэтому сохранила его и даже захватила с собой.

С этими словами она достает из-за пазухи «младенца» и передает правителю уезда. Тот взглянул: действительно, вроде похоже...

— Все как будто верно, да и за давностью происшествия прямых улик не найдешь. Я вынесу решение, а вы ступайте.

Той же ночью к правителю опять явилась Хоннён и, преклонив

колена, сказала:

— Когда я была у вас в первый раз, светлейший правитель, я молила вас отвести позор от меня и моей сестры. Но разве могла я думать, что эта злодейка Хо и вашу милость опутает гнусной ложью?

Она горько заплакала и продолжала:

— О светлейший правитель! Внемлите моим мольбам! Говорят, правитель Шунь тоже когда-то навлек на себя гнев мачехи. Ведь все, даже дети, знают о коварстве Хо, а вы поверили ее лживым речам! Прошу вас, призовите снова мачеху, велите ей принести «младенца». Осмотрите его повнимательнее! Пожалейте меня и сестру, восстановите справедливость! Отец мой по доброте и неведению попал в сети этой злодейки и не ведал, что делает. Молю вас: простите его!

Хоннён встала, поклонилась и на журавле поднялась в облака. Правитель уезда с ее слов понял наконец, что был обманут женой Пэ Муёна. Гнев обуял его...

Утром он приказал стражнику привести Пэ Муёна и Хо. Ничего не сказал им правитель, только велел немедленно доставить «мертвого младенца». Он внимательно осмотрел «младенца» и тотчас же понял, в чем дело.

— Разрежь ему брюхо! — приказал он чиновнику.

Чиновник вспорол брюшко крысы, и всем стала ясна гнусная проделка подлой Хо. Все, находившиеся в управе, плюнули в ее сторону и пролили слезы в память невинно загубленных Чанхва и ее сестры.

Правитель уезда взял в руки меч и грозно проговорил:

— Ты, гнусная тварь, сотворив подлое дело, пыталась лживыми речами отвести от себя подозрения. Может быть, ты и теперь будешь изворачиваться? Ты преступила закон, свершила неслыханное злодеяние — убила невинных падчериц! Если сознаешься во всем, я смягчу тебе наказание.

Свидетель всего происходящего — Пэ Муён — окончательно понял, что дочери его погибли невинными. Горько заплакал он:

— Это Небо наказало меня! Как я, безумный глупец, не мог распознать крысу?! Покойная госпожа Чан была умная женщина, но она, на мое горе, рано покинула этот мир. Остались две дочери. Как они любили друг друга, как радовали меня! Не задумываясь о будущем, я женился второй раз — новая жена родила мне трех сыновей, и я был счастлив. Однажды я вошел в дом, а жена, вне себя от гнева, говорит: «Вы вечно носитесь со своей Чанхва, а знаете ли, до чего она докатилась? Пойдите, полюбуйтесь!» В глазах у меня потемнело. Пошел я в комнату к

дочерям, поднял одеяло — «мертвый младенец!» О, как глупо я был обманут! Забыл наставления первой жены, дал провести себя этой гадине... Убейте меня, но все было именно так!

Пэ Муён зарыдал. Правитель уезда приказал ему успокоиться, а на преступницу велел надеть колодки и приступил к допросу. Не снеся батогов, злодейка призналась во всем:

— У отца моего была большая семья. Отец разорился, и мы стали бедствовать. Тут как раз посватался правитель волости, Пэ Муён, и я сделалась его женой. У мужа было две дочери от первой жены — хорошие скромные девочки. Двенадцать лет они росли вместе с моими детьми, и все было хорошо. Но потом они изменились, начали скрытничать, ни ласки, ни привета от них не дождешься... Ну, меня, конечно, досада взяла! Уж я их и ругала, и по-хорошему внушала — хотела сделать как лучше! Однажды ненароком я подслушала их тайный разговор. И надо же — оказывается, со старшей случилось именно то, чего я всегда так боялась! Ужаснулась я в душе, сердце мое закипело... Ну, думаю, если сказать мужу, он во всем обвинит меня. Пришлось пойти на обман — поймала я крысу, обмазала кровью и положила Чанхва под одеяло. Пусть, мол, муж думает, что это мертвый младенец... Потом я рассказала о своих планах сыну. Он-то, провожая Чанхва к дяде, и утопил ее в Лотосовом озере. А сестра Чанхва, Хоннён, испугалась, что и на нее падет гнев родительский, и тоже убежала из дома. Знаю, я заслужила сурового наказания. Но Небо уже наказало меня: мой сын стал калекой. Смилюйтесь, господин правитель!

Чансве и его братья — все трое — в один голос взмолились:

— Мы ничего не просим, позвольте лишь нам умереть вместо родителей!

Выслушал правитель уезда жену Пэ Муёна, не прервал речи и сыновей ее. Мерзость и отвращение вызвали в нем Хо и Чансве.

«Это преступники особого рода, — подумал он, — одной своей властью я не могу решить их судьбу!»

И правитель передал дело в суд. Судья ознакомился с делом и подивился:

— Да-а! Мир еще не знал подобного!

С таким заключением он и послал дело в королевский дворец.

Его величество лично изволил просмотреть доклад и высказал сожаление по поводу печальной участи Чанхва и ее сестры. За сим последовал королевский указ:

«Преступлению мачехи нет прощения во веки веков. Злодейку обезглавить и четвертовать публично, дабы предотвратить подобные

проступки в будущем. Сына ее — Чансве — повесить. Сестрам Чанхва и Хоннён соорудить памятник с эпитафией, где было бы сказано об их безвинной смерти. Отца убиенных оправдать».

Получив королевский указ, судья направил его в Чхольсанскую управу. Правитель уезда немедленно вызвал стражников — злодейка была отправлена на плаху, Чансве — на виселицу.

А Пэ Муёна правитель уезда поставил на колени и отчитал:

— Как ты мог, дурная голова, не разгадать замыслы злобной твари?! Гибель невинных дочерей — вот твое наказание. Их души просили за тебя, и король решил: так тому и быть. Ты прощен!

Пэ Муён горячо поблагодарил правителя уезда за милосердие и с двумя оставшимися сыновьями побрел домой.

Правитель уезда же в сопровождении чиновников отправился на Лотосовое озеро. Когда откачали из озера воду, увидели: обе девушки, будто живые, лежат рядом, тесно прижавшись друг к другу. Они были прекрасны, как юные феи, и казались спящими на яшмовом ложе. Правитель был растроган...

Сестер положили в гроб и захоронили на священной горе. На могиле соорудили каменный обелиск, на котором была высечена следующая надпись:

«Памятник невинно погубленным Чанхва и Хоннён, дочерям Пэ Муёна из уезда Чхольсан провинции Пхёнандо в Стране утренней свежести, что на востоке у моря».

После похорон правитель вернулся в управу — его ждали дела.

Как-то раз правитель, утомившись, прилег отдохнуть и незаметно уснул. А во сне ему явились Чанхва с сестрой и, преклонив колена, обратили к нему слова благодарности:

— Светлейший правитель внял нашим отчаянным мольбам, разыскал наши тела, оказал милосердие батюшке. Ваши благодеяния величественней Тайшаня, необъятнее безбрежного моря! В Царстве умерших вам будут вязать травы! Знайте же, в скором времени вы удостоитесь высокого поста!

Сказали — и исчезли. В изумлении очнулся правитель. Он записал чудесный сон во всех подробностях и много лет спустя заглянул в свои записки: действительно, с того дня он начал быстро продвигаться по службе и вскоре получил должность начальника морских и сухопутных войск трех южных провинций.

Казалось бы, злодейка Хо понесла заслуженную кару, дочери отмщены, но Пэ Муён не находил себе покоя — день и ночь он оплакивал

Чанхва и Хоннён. Он был словно не в себе — то ему мерещились их лица, то чудились их голоса... Тяжело ему приходилось одному: некому еду приготовить, не с кем словом перемолвиться. И он решил жениться в третий раз. Выбор его пал на дочь помещного дворянина Юн Гванхо, восемнадцатилетнюю красавицу, скромную и умную девушку. К радости Пэ Муёна, его предложение было принято, и вскоре супруги зажили в мире и согласии...

Однажды Пэ Муён до глубокой ночи ворочался, не мог заснуть — все вспоминал своих дочерей. Потом задремал, и во сне ему явилась старшая дочь Чанхва. Отвесив низкий поклон, Чанхва приблизилась к нему и повела такую речь:

— Судьба моя была несчастна: видно, много у меня было прегрешений в прошлом рождении. Я рано потеряла матушку, и на мое горе вскоре ее заменила мачеха. Она опозорила меня, и мне пришлось покинуть отчий дом. Оскорбленная незаслуженной обидой, я поведала о своей беде Нефритовому владыке, и он, выслушав меня, сказал: «Участь твоя достойна жалости, но не сетуй на нее. Отец твой оправдан перед людьми. Пусть начинает он жизнь сначала, пусть сочетается узами брака с женщиной и живет с ней в любви и согласии!» Нефритовый владыка велел мне сообщить вам об этом, и я не могла ослушаться его воли.

Пэ Муён хотел было удержать дочь, поговорить с ней немного, но пропел петух — и она исчезла. Долго не мог успокоиться Пэ Муён, ходил по дому сам не свой, словно потерял что-то.

Жене его, госпоже Юн, тоже привиделся сон: будто спускается с облаков фея и, протягивая ей два цветка, говорит:

— Это Чанхва и Хоннён. Нефритовый владыка, тронутый их печальной судьбой, решил подарить вам дочерей. Растите их и будьте счастливы!

Очнулась госпожа Юн и видит: в руке у нее два цветка, комната наполнена благоуханием... В предчувствии чего-то радостного она позвала мужа и поведала ему свой сон.

— Кто это — Чанхва и Хоннён? — спросила она.

Выслушал ее муж, взглянул на цветы, а они, словно ласкаясь, тянутся к нему... Прослезился он — почудилось ему, будто увидел он своих дочерей. Рассказал он госпоже Юн их печальную историю и добавил:

— Когда-то моей первой жене приснился такой же сон: теперь он приснился тебе. Это, я думаю, знамение: у нас будут две дочери!

Супруги обрадовались. Они поместили цветы в драгоценную вазу, поставили на шкафчик и ежедневно любовались ими. Постепенно стали

рассеиваться печальные думы правителя волости...

С этого месяца госпожа Юн готовилась стать матерью. Прошло десять лун, и стан ее округлился необыкновенно — было ясно, что она принесет двойню.

Как-то раз, когда уже приближались сроки, госпожа Юн, утомившись, прилегла отдохнуть да как бы невзначай и родила двух девочек. Находившийся во дворе муж тотчас же прибежал посмотреть на новорожденных: и лицом и сложением они были чудо как хороши — будто высеченные из драгоценного камня, будто сотканные из тоса!

Супруги несказанно обрадовались, кинулись взглянуть на цветы — но где же они? Тут они поняли, что это цветы лотоса превратились в девочек. Родители назвали новорожденных Чанхва и Хоннён и стали лелеять их, как сокровище.

Шли годы, девочки росли. В пять лет они выделялись среди сверстниц примерным поведением и необыкновенной дочерней почтительностью. К пятнадцати годам они превратились в обаятельных, необычайно красивых девушек. Родители любили их беспредельно.

Настало время подумать о женихах, и правитель волости с супругой обратились к свахам. Однако время шло, а достойных женихов не находилось, и это огорчало их.

Как раз в это время в Пхеньяне проживал некто Ли Енхо — человек богатый, но бездетный, без конца сокрушавшийся из-за отсутствия наследника. Уже на закате жизни ему явилось видение, и жена его вскоре разрешилась от бремени двумя сыновьями, которых назвали Юнпхиль и Юнсок. Юношам минуло шестнадцать лет. Это были отменные красавцы, наделенные ко всему прочему недюжинными литературными способностями. Не один горожанин, отец взрослых дочерей, мечтал породниться с Ли Енхо, да и родителей юношей заботили поиски невесток. Прослышав о достоинствах дочерей Пэ Муёна, Ли Енхо послал к нему свах. Дело было быстро слажено и выбран благоприятный день — последний день последней декады девятой, осенней луны.

Это было время, когда в Поднебесной царили мир и благоденствие. Юнсок записался в список претендентов на государственный пост и успешно выдержал экзамен. Король соблаговолил отметить Юнсока и пожаловал ему звание придворного академика. Юноша выразил его величеству глубокую признательность и попросил дать ему несколько дней отсрочки. Король милостиво согласился, и молодой человек в тот же день отбыл домой. Отец отличившегося, господин Ли Енхо, созвал

родственников, старых друзей и устроил величественный пир. Отцы города прислали музыкантов и узорные ковры для гостей. Судья и попечитель подымали чаши во здравие Юнсока. Пир удался на славу!

Подошел день свадьбы. Торжественно, с музыкой вступили братья в дом своих невест. По окончании свадебной церемонии молодые супруги отправились в отведенные им покои, почтительно откланявшись родителям. Родители не могли нарадоваться на молодоженов, так они были прекрасны. Одна пара — словно две жемчужины, другая — словно две капли алмазной росы...

Обе невестки свято почитали свекра и свекровь, ни в чем не перечили мужьям. Вскоре Чанхва принесла в дом двух сыновей и дочь. Старший ее сын дослужился до высокого чина, стал вельможей; младший вышел в большие начальники по военной линии. Хоннён родила двух сыновей: старший уже занимал высокую должность при дворе, а младший, обладая недюжинными способностями к науке, удалился на лоно природы — там он подружился с ветром и луной, услаждал себя книгами и игрой на комунго.

Правитель волости дожил до девяноста лет, и ему был высочайше пожалован титул старшего помощника Председателя правительственного совета. В этом звании он и скончался. Через несколько лет за ним последовала и госпожа Юн. Чанхва и Хоннён безутешно оплакивали дорогих родителей.

Юнсок после смерти родителей поселился с братом, и они вместе стали растить внуков. Чанхва с сестрой покинули этот мир одновременно в возрасте семидесяти лет, Юнсок с братом — семидесяти пяти лет. У их внуков было много потомков, и жили они, наслаждаясь всеми благами жизни.

Приключения зайца

Четыре больших моря есть в Поднебесной: Восточное и Западное, Южное и Северное. И в каждом из четырех морей — свой государь-дракон. В Восточном море — Гуаньюань-ван, в Южном море — Гуанли-ван, в Западном море — Гуандэ-ван, в Северном море — Гуанцзэ-ван.

Из четырех государей четырех морей бессмертны трое. Смертен лишь правитель Южного моря Гуанли-ван. Случилось так, что он заболел. Не помогали государю-дракону сто лекарств, и он уже едва дышал. И тогда государь созвал всех своих подданных и сказал:

— Как все прискорбно! Если я, недостойный, умру, в глухих горах

Бэйманшань «мои белые кости станут прахом», а нынешние почести и слава, счастье и богатство воистину окажутся тщетой мирскою.

Ведь было же и до меня, что самому императору Цинь Ши-хуану, объединившему шесть царств, понадобилась трава бессмертия с Трех священных гор, и он послал за ней пять сотен юношей и девушек. Да только с тех пор о них никто ничего не слышал.

А ханьский император У-ди, грозно потрясший Поднебесную, он ведь тоже, желая достичь бессмертия, воздвиг Террасу с балками из кипариса и на ней в особую чашу собирал чудесную росу.

И что же? Рассветная луна над горой Лишань — свидетель погребения Цинь Ши-хуана, и осенний ветер, веющий над могилой У-ди в Маолине, говорит о том, что даже от великих государей остается пригоршня праха. А если так, чего же мне ждать, ничтожному правителю?

Ведь мне придется навек оставить престол, который в нашем роду передается из поколения в поколение, и распротиться с жизнью. Знаменитого лекаря, что ли, попытаться найти, начать внимательно следить за пульсом и принимать лекарства?

И тут же государь-дракон распорядился:

— Ввиду того, что болезнь моя стала так опасна, вы, подданные, докажите свою преданность, найдите прославленного лекаря и верните меня к жизни. И тогда мы возрадуемся вместе.

Тут выступил вперед один из приближенных:

— Слышал я, в землях У и Чу знамениты три великих мужа: первый советник Фань из царства Юэ, посланник Чжан^[321] из царства Цзинь и достойный ученый Лу^[322] из империи Тан. Не лучше ли будет призвать всех троих и с ними посоветоваться?

И все увидели: то был старый тысячелетний карп, издревле преданно служивший государю.

Государь-дракон внял его словам, распорядился приготовить подарки и пригласить троих великих мужей. Несколько дней спустя, когда все было готово, он принимал гостей в Хрустальном дворце. Восседая на яшмовом троне, он обратился к ним с такими словами:

— Вы, почтенные, «не сочтя тысячу ли за большое расстояние», ради меня удостоили своим посещением наше захолустье. Как же мне благодарить вас!

Трое великих почтительно ответили:

— Жизнь в мире суеты бессмысленна. Поэтому мы распростились с синими облаками и багряной пылью и, послушные велению сердца,

блуждали по дивным тихим уголкам уделов У и Чу. Так проходили понапрасну безжалостные годы. Нежданным было ваше повеленье, государь, и вот мы осмелились предстать пред вами и трепещем.

Государь-дракон, радуясь речам гостей, промолвил:

— Судьба моя несчастна: я занемог. Годами точит болезнь мои кости, без счета съедено и выпито лекарств, а пользы ни на волос. Как в живых остаться? Если бы вы, оказав великую милость, вернули меня к жизни! За такое благодеяние, великое, как Небо, мне не воздать вам и тысячной доли.

Трое великих выслушали и, помолчав, сказали:

— Известно, что вино — отрава, от которой недолго помутиться человеческому разуму, а увлечение женщинами — верный способ сократить дни жизни. И сейчас, великий государь, вы расплачиваетесь за то, что слишком увлекались вином и женщинами. Расплата наступила сама собой, и винить тут некого. Хотя и говорится, что вино и женщины — обычные забавы в молодые годы, недуг, приобретенный именно тогда, не вылечишь, зови хоть Хуа То^[323] или Бяньцяо^[324]. Траву небожителей и траву бессмертия ешь охапками — все без толку, глотай хоть день и ночь жэньшэнь и панты — конец один. Будь ты богат, сокровищами не откупиться от болезни, а если ты сильнее всех — все равно силой ей пути не преградишь. Как ни раскидывай умом, к несчастью для государства, жизнь ваша подошла к концу и повлиять на ход болезни невозможно.

— Как это горько! — расстроился государь-дракон. — Если я покину этот мир и похоронят меня в тихом уголке среди гор и рек, обратно уже не вернуться. И тогда я больше не увижу, как цветут персики и сливы в разгар весны, пышно зеленеют ароматные травы в конце весны и начале лета, как с наступлением осени краснеют клены и распускаются желтые хризантемы, как зимой среди снега расцветает дикая слива. А к тому же тридцать тысяч придворных красавиц с бровями-бабочками бросить, словно стоптанный башмак, и сделаться гостем загробного мира! О, это уже слишком!

Но как бы то ни было, вы, почтенные отцы, прибегнув к вашим необыкновенным познаниям, назовите мне лекарство. Пусть не поможет оно и я все равно умру, но будет мне не так горько.

И слезы дождем полились из его очей.

Трое великих выслушали слова дракона и с легкой улыбкой ответили:

— Проявления вашей болезни, государь, необычны. Вообще же от каждой хвори есть свое средство. И если уж об этом говорить, то знайте, что при брюшном тифе пьют настойку володушки, от малярии дают «лекарство, умеряющее мужскую силу и укрепляющее дух», при сильном

жаре употребляют настойку из корней конопли и пуэрарии, при упадке сил помогает «настойка из шести снадобий», при несварении желудка принимают желудочные капли, от ломоты в ногах исцеляет отвар из коленных чашечек вола, больным глазам полезна «настойка, очищающая печень и просветляющая зрение», от нервного расстройства избавляют порошки из гладыша. И ни одно из названных лекарств не подойдет вам, государь. Но есть одно чудодейственное средство: печень живого зайца. Если ее отведать еще теплой, можно исцелиться.

— Почему, вы говорите, мне должна помочь печень живого зайца? — спросил государь-дракон.

И трое великих ответили:

— Заяц — живая тварь, в которой от сотворения Земли и Неба гармонично соединены светлое и темное начала Ян и Инь ^[325]. Существует закон: недуг исцеляется, когда пять элементов взаимно возникают друг из друга или взаимно друг друга побеждают. Горы — светлое начало, реки — темное начало. То, что именуется печенью, находится посередине и к тому же соотносится со стихией дерева. Поэтому как только вы, государь, отведадите печени живого зайца, светлое и темное начала друг с другом соединятся и наступит исцеление.

Сказав так, они простились с государем-драконом:

— У нас уговор с друзьями зеленых рек и гор встретиться в персиковых садах Улина. Поэтому на душе у нас беспокойно, и мы спешно прощаемся. Просим об одном, великий государь, берегите свою драгоценную особу.

С этими словами они спустились со ступеней и, направившись к горе Белых облаков, вдруг исчезли без следа.

Между тем государь-дракон, проводив гостей, созвал весь двор и обратился к подданным:

— Ни одно лекарство мой недуг не исцеляет. Говорят, только печень живого зайца способна мне помочь. Кто из вас отважится, отправясь в мир людей, живьем доставить зайца?

— Я, бесталанный, берусь исполнить волю государя, — сказал кто-то из придворных.

Все увидели: то был старый тысячелетний осьминог с головой, похожей на кисет, и восемью хвостами.

— Мне ваше мужество давно известно, — обрадовался дракон. — Вас ожидает щедрая награда, если вы доставите живого зайца.

Уже собирались осьминогу пожаловать чин полководца с почетным званием «Просвещенный, отмеченный удачей», как выскочил один

придворный и громогласно начал поносить осьминога:

— Говорят, что ты велик и даже важен, но молвить слова ты не умеешь, и разумом ты не горазд. Тебе ль болтать о подвигах! Да тебя люди сразу схватят, раскромсают на куски, вырежут цветочки слив и хризантем. На свадебном пиру или на пиру в честь шестидесятилетия хозяина, на праздничных столах, в мисках для рыбных яств ты будешь красоваться. Иль на столах у красавиц и благородных юношей во время пира, или, быть может, в знатном доме тобой украсят стол для дорогих гостей. А то детишкам на забаву от тебя пойдут кусочки, а может быть, придется на закуску гулякам-стражникам. И ты ничуть не грозен и не страшен! Вот если б я отправился, я б проявил себя, как Чжугэ Лян, семь раз пленивший и семь раз отпустивший Мэн Хо. Я бы хитростью такой, что «войду богом, чертом выйду», поймал бы зайца. Это для меня так же просто, как повернуть ладонь!

Так говорила древняя тысячелетняя черепаха по прозвищу «Архивариус».

Осьминог, услышав черепашины речи, распалился гневом: глазами засверкал, щупальцами зашевелил, бурой башкой затряс и заревел громоподобным голосом:

— Эй ты, глупая черепаха! Послушай, что я тебе скажу! Младенцу ли в пеленках презрительно взирать на взрослых! Ты подобна щенку, еще не видевшему тигра! Да если перечесть твои грехи, Тайшань горой казаться перестанет и обмелеют реки и моря! А разглядишь тебя — со смеху лопнуть можно! Со всех сторон ты плоская, точно деревянное блюдо. Ты слишком мала, чтобы служить вместилищем благородного ума! Стоит людям тебя увидеть, как вцепятся они в тебя обеими руками, бросят в кипяток и сварят. Черепаховый бульон отменно вкусен! Отведдают его дети знатных. Каким же это образом ты рассчитываешь избежать смерти?!

А черепаха ему в ответ:

— Ты — лягушка в колоде! ^[326] Где уж тебе понять! Смелость У Цзысюя — и та перед сверканием меча померкла, а отважный чуский правитель потерпел поражение в битве под Гайся. Равняться ли твоей дурацкой храбрости с моей мудростью! Послушай лучше, что я расскажу о своих талантах! По глубоким и бескрайним лазурным водам я, словно облако по небу, словно листок, гонимый ветром, поколыхаюсь на волнах и выплыву. Когда я, поджав лапы, втянув в панцирь шею, попадусь кому-нибудь под ноги, круглая как арбуз, чуть плоская, как крышка от котла, не узнают меня ни мальчишки-дровосеки, ни старцы-рыбаки. Я высока, как Тайшань, я ровна, как каменная плита! Тайком, меняя бесконечно облик, я

разыщу зайца и придумаю, как его поймать. Я перехитрю его, как Ли Цзочэ^[327] перехитрил чуского правителя. Только я способна поймать его, а тебе нет расчета тягаться со мною, хитроумной!

Как услышал это осьминог — а здесь каждое слово было правдой, — с досады почесал затылок и удалился, плавно раскачиваясь.

Дракон же взял черепаху за руку и поднес ей чашу вина:

— Ваш разум и красноречие удивительны! Когда вернетесь, совершив свой подвиг, знатность и богатство, почести и слава станут уделом вашего рода.

— Я, смиренная раба ваша, весь век прожила в государевом дворце. Заяц живет в горах, и мне не приходилось его видеть. Не лучше ли будет, государь, велеть живописцам нарисовать его портрет? — попросила черепаха.

Дракон счел разумными слова черепахи и отдал приказ художникам нарисовать портрет зайца. И вот собрались художники. Уселись они вокруг несравненного портретиста Мао Яньшоу, бесподобного пейзажиста У Даоцзы и Ли Сысюня^[328], прославившегося искусным изображением драконов, и приготовились рисовать зайца.

Принесли четыре сокровища кабинета ученого^[329]. Взгляните на тушечницы! Тут и тушечница из черепахи, живущей на золотом песке у осенних вод, и тушечница в виде дракона из нампхоского лазурного камня, тушечница из монастыря Махаёнса, что в Алмазных горах, тушечница цвета алого персика. А вот лучшие сорта туши: «тушь певцов ветра и луны», «тушь из лotosового зала», тушь «месяц зимнего цветения сливы в горах Шоуяншань», тушь «отрыжка дракона».

А кисти! Кисть из шерсти ласки, из овечьей шерсти, кисть стилиста Цзян Яня^[330] для литературных трудов, кисть историка Бань Гу^[331] для исторических хроник, кисть, которой пишут иероглифы для печатей, колонковая кисть.

А сколько сортов бумаги! Бумага «белый хлопок», «снежный цветок», толстая и плотная бумага, бумага «бамбук зеленеет» из Чонджу, бумага «веер» из Сунчхана, бумага для писем из Чхонпхуна, китайская в свитках, из Чолладо в свитках, бумага для стихов и писем, бумага для книг и карт, бумага Се Тао^[332] и «яшмовая дощечка для письма». И все это разложено вокруг.

А как хороши краски различных оттенков! Вот малиновая из сафлора, вот китайские — красная и молочно-зеленая, а вот бледно-зеленая, темно-зеленая, ярко-зеленая, изумрудно-зеленая, краски из камня «петушиный

гребень», апельсиновая и желтая. А вот и киноварь! А тут порошок цвета персика, порошок, разведенный в воде, листья золота и серебра, ивовый уголь.

Художники, собравшись в круг, сообща рисуют портрет зайца. Рисуют глаза, любующиеся дивными красотами Поднебесной; рисуют уши, внимающие пенью попугаев и кукушек; рисуют рот, поедающий орхидеи, ароматные цветы и травы; рисуют шерсть, защищающую зимой от студеного ветра; рисуют ноги, обгоняющие среди облаков десять тысяч журавлей и тысячу грифов; два глаза шныряют туда-сюда, передние лапы коротковаты, задние — длинноваты, уши насторожены, — живой заяц, да и только!

Государь-дракон посмотрел, остался очень доволен, одарил художников золотом и шелком, а портрет вручил черепахе. Затем, трижды наполнив яшмовую чашу до краев вином, опьяняющим на тысячу дней, поднес черепахе с такими словами:

— Я отправляю вас в дальний путь и не могу сдержать глубоких чувств к верному подданному. Превозмогая боль, я напишу на прощанье стихи, и они расскажут вам о моих думах.

Тут дракон начертал высочайшей кистью на свитке шелка стихотворение, в котором говорилось:

Вы нынче в путь из-за меня
торопитесь чуть свет.
Весною пышен у ручья
подсолнечников цвет.
Ведет за реки дальний путь,
белеют облака, —
Лекарство привезите мне,
чтоб жил я много лет!

Черепаха благоговейно приняла высочайшее сочинение, отвесила поклон и тотчас же на те же рифмы сочинила стихи и поднесла их своему государю. Там говорилось:

В дорогу царь велит послу
отправиться чуть свет.
Часы ночные истекли,
уже встает рассвет.

Я размышляю без конца
о будущем пути —
Ведь без лекарства для меня
назад возврата нет.

Дракон принял стихи, лик его озарился радостью, и он похвалил черепаху:

— Ваша беззаветная преданность выделяет вас среди прочих подданных. Я могу быть спокоен: вы непременно поймаете хитрого зайца.

Затем он дал прочесть стихи приближенным. Те восхищенно расхваливали сочинение черепахи.

И вот черепаха простилась со своим государем. Всячески старалась она примостить на спине портрет зайца, но сообразила, что он может размокнуть. Тогда она вытянула что есть мочи свою сморщенную шею и спрятала портрет под панцирь. Ну вот, так спокойнее!

Вернулся «Архивариус» домой, простился с женой и детьми. Жена, заливаясь слезами, умоляла мужа:

— Мир людей опасен, будьте осторожны! Желаю вам свершить подвиг и благополучно возвратиться. Желаю радостной встречи и долгих лет жизни!

Муж успокаивал:

— Долгая жизнь и ранняя смерть, добро и зло — все это во власти Неба и не зависит от нашего желания. Пока я странствую, ухаживай за престарелыми родителями, следи за малышами и обо мне не беспокойся.

Черепаха снарядилась в дорогу. Над бездонной глубиной, по бескрайним синим волнам барахтается, плывет черепаха: то ее ветром отнесет, то волной отбросит, а она плывет себе и плывет, загребая лапами. И попала она в горы.

А была в самом разгаре весна, когда деревья, травы и все живое радуется жизни. Истокает аромат буйный цвет рододендронов, тут и там в весеннем восторге парами порхают бабочки, склоняются над ручьями зеленые ивы. Золотая иволга приятным щебетанием зовет дружка, радуясь сиянью весны. Журавли, спящие среди цветов, взлетают, испугавшись шороха шагов. Перекликаются кукушки среди ветвей. Сказочная красота! Сяоянский гусь кричит на прощанье: «Улетаю!» Ласточка из Цзяннани щебечет: «Прилетела!» В таволге распевает соловей. Среди пионов шмель жужжит. Заливается птичка «колокольчик». Кукуют кукушки, каркают вороны, воркуют голуби. Это ли не дивная красота!

Тысячи гор и десятки тысяч пиков словно окутаны блестящей красной пеленой, а на ручьях как будто белый шелк разостлан. Здесь сосны и зеленые бамбуки — вековая низменность, цвет персиков и абрикосов — мимолетная весна. Уступами вздымаются причудливые скалы, водопадами меж гор звенят потоки, вобравшие в себя ключи всех расщелин. Поистине прекрасна бесконечная причудливость природы!

Черепаха, наслаждаясь окружающей ее красотой, поднималась вверх по ручью. Проглядела все глаза, разыскивая заячьи следы. Видит: пробегали здесь белка, косуля и олень, шакал и волк, медведь, кабан, енот и еж, тигр, лев и обезьяна, слон и барсук с лисой. Но среди многочисленных следов не видно заячьих. Вытянув сморщенную шею, озирается по сторонам черепаха. А сзади между тем она заметила какого-то зверя. Зверь на картинке и зверь живой — одно и то же! Ну конечно, это он! Обрадовалась черепаха и, чтобы лучше узнать повадки зайца, стала наблюдать за ним. Вот он выискивает травку, пощипывает молодые побеги акаций. Меж высоких круч и скалистых обрывов скачет, вертится колесом.

И черепаха учтиво обратилась к нему:

— Повезло же вам: живете высоко в горах. Не вы ли будете господин заяц? Я вижу, вы герой средь гор! Повсюду я ищу себе подходящего друга и вот сегодня встретила вас. Я бесконечно рада приветствовать господина зайца. Вам не придется жалеть, если согласитесь дружить со мной.

Заяц выслушал ее и в изысканных выражениях заговорил:

— Кто ты, ищущий меня? Горы высоки, ущелья глубоки, и в этих дивных местах ты меня ищешь. Кто же ты?

Как Бои и Шуци в горах Шоуяншань искали папоротник, — так ли меня ты ищешь?

Как Суй-ю омыл уши водами реки Инчуань, — так ли меня ты ищешь?

Как Янь Цзылин пахал в горах Фучуньшань, — так ли меня ты ищешь?

Как Цзе Цзытуй в горящем ковыле в горах далеких остался, — так ли меня ты ищешь?

Как сановник ханьского государя Чжан Цзыфан на свирели играл, — так ли меня ты ищешь?

Как четверо друзей^[333] — шаншаньских старцев — играли в шашки, — так ли меня ты ищешь?

Как Цюй Юань, бросившись в воды Мило, молил о спасении, — так ли меня ты ищешь?

Как царь поэтов Ли Бо сочинял стихи, — так ли меня ты ищешь?

Как Лю Лин^[334] в своих стихах прославлял вино, — так ли меня ты ищешь?

Как мудрецы из Ляньси^[335], Лояна, Гуаньчжуна и Миньчжуна воспевали ветер и луну, — так ли меня ты ищешь?

Как Будда проповедовал свое учение, — так ли меня ты ищешь?

Как Ань Цишэн и Чи Сунцзы нашли эликсир бессмертия, — так ли меня ты ищешь?

Как мудрый Чжугэ, живя в бедной хижине в Наньяне, сон разгадал, — так ли меня ты ищешь?

Как Лю Бэй встретился с друзьями в персиковом саду, — так ли меня ты ищешь?

Как Су Дунпо плыл на лодке по реке под Красной стеной, — так ли меня ты ищешь?

Как Оуян Сю^[336], называвший себя хмельным старцем, устраивал пирушки, — так ли меня ты ищешь?

Так кто же ты?

Заяц, наострив оба уха, переступил четырьмя лапами и осторожно приблизился. Смотрит, перед ним какое-то круглое, темное, плоское существо. Ему оно не показалось опасным, но все-таки он выжидал. Черепаха же тем временем пригласила зайца подойти поближе. И тогда, решив, будь что будет, заяц подошел совсем близко. Они раскланялись, уселись и для первого знакомства взяли китайские трубки с мундштуками из серебра, набитые лучшими сортами табака: «заморской травой», «травой из Пхеньяна», «травой с Алмазных гор», затем трубки с янтарными и яшмовыми мундштуками. Потом отложили трубки и принялись за желуди и листочки акации.

Первой заговорила черепаха:

— Я много слышала о славном господине зайце и мечтала взглянуть на него хоть раз. Сегодня наконец я удостоилась высокой чести. И почему это произошло так поздно?

— Я побывал всюду и свет повидал, но такое пугало встречаю в первый раз. Ты что, проламывала глинобитную ограду и потеряла голени? Оттого лапы у тебя так коротки? Может быть, сановника при встрече оскорбила и тебя за чуб так трепали, что шея вытянулась? А может, ты в комнату кисэн захаживала, и там гуляки так тебя ногами потоптали, что спина стала плоской? А оглядеть тебя со всех сторон — ну чем не плошка деревянная? Но как же все-таки тебя величают? Все, что наговорил я тебе, — шутка. Не сердись на меня!

У черепахи от таких речей сердце заиграло, но она сдержала свою радость, вспомнив, за чем пришла, и ответила так:

— Зовут меня черепахой, а по прозвищу — «Архивариус». Спина широковата, зато по воде плаваю и не тону. Лапы коротковаты, зато по земле хожу и не падаю. Шея длинновата — дальше увидишь. Я круглой родилась и круглой живу на свете. Поэтому я — старшая над водяными животными, выше всех чиновников: военных и гражданских.

— Я много повидал на своем веку, — сказал заяц, — но такую выдающуюся личность встречаю впервые.

— Сколько же вам лет минуло, что ваше прошлое так богато? — полюбопытствовала черепаха.

— Я не помню точно, сколько раз мне минуло по шестьдесят. В дни юности я в Лунном дворце под коричневым деревом толк снадобье в ступе^[337]. Супруга стрелка И^[338] при мне приходила за эликсиром бессмертия. Дунфан Шо, которому минуло сто восемьдесят тысяч лет, — мой ученик. Если сравнить со мной Пэн Цзу^[339], прожившего восемь сотен лет, — он попросту младенец. Ну, а тебе, по-видимому, я и вовсе гожусь в отцы.

На это черепаха возразила:

— Такими речами вы превозносите себя как Сына Неба. Если бегло перечесать мои прошлые дела — а вы о них наверняка ничего не знаете, — вы очень удивитесь. В тот день, когда родился Паньгу^[340], я подносила роженице суп из морской травы. А когда на престол вступил Тянь-хуан, я подавала гостям рыбу. Тот знаменитый день, когда Ди-хуан и Жэнь-хуан^[341] разделили землю на девять уделов, я помню также, как вчерашний. Постройка Ючао жилья из веток и приготовление Суйжэнем^[342] пищи на огне проходили при моем участии. Государь Фуси со мною вместе разгадал начертанные на спине чудовища лунма восемь триграмм. Когда Гунгун во время битвы с Чжуюном сломал небесную опору, я растопила пятицветную скалу и Нюйва^[343] залатала ею небо. Когда Шэнь-нун создавал земледельческие орудия и перепробовал все травы, приготовил из них лекарства, я помогала ему. Когда Хуан-ди строил лодки, я была плотником. А когда он близ Чжолу с Чию сражался, то по моему совету нанес неожиданный удар и схватил Чию. Я указала способ обрести престол Цзинь-тяню и подсказала, как править государством Чжуаньсюю. Я своими ушами слышала, как Гаосинь при рождении называл свое имя. Песни, звучавшие на улицах при императоре Яо, до сих пор услаждают мой слух, а песней императора Шуня — «Южный ветер» — я будто вчера

наслаждалась! Когда император Юй^[344] справился с наводнениями, которые были девять лет подряд, я прославляла его добродетель созидания. Моление в тутовой роще о дожде при государе Тане, правление чжуских государей Чжоу, Вэнь-вана и У-вана, церемонии и музыка в их царстве, приведенные в порядок и прославленные в веках благодаря стараниям Чжоу-гуна, — тоже было словно вчера. Вот только не смогла я спасти Цюй Юаня, погибшего в реке Мило, так как в это время я совершала путешествие к Западному морю. Об этом я сожалею до сих пор. Выходит, если поразмыслить, я намного старше вас и гожусь вам в дедушки. Не правда ли? Но как бы то ни было, довольно присказок. Давайте поговорим о том, какие чудеса бывают на белом свете.

— Расскажи я о людских делах, — промолвил заяц, — ты от удивления тотчас напустишь лужу и, такая плоская и круглая, поплывешь по ней, словно лодка.

— Довольно похвалиться, рассказывайте! — перебила черепаха.

И заяц начал:

— В наших краях, где прекрасны Три горы, пики словно лезвия мечей пронзают небеса. А если оставить горы и обратиться к водам, мы увидим, что впереди — «вешние воды наполнили озера». Позади же — «летние облака неисчислимы на причудливых вершинах».

Под горой расчистишь местечко и построишь крохотную хижину, крытую травой. «На одной половине хозяин — прохладный ветер, на другой — светлая луна». На земляных ступенях плащ и шляпа от дождя так опрятны и чисты. Нигде таких не сыщешь! Журавли курлыкают, в поднебесье фениксы парят. В горах выкопаешь целебную траву, в речке наловишь рыбы. Не блаженство ли?

В синем небе безмятежна ясная луна. И ты, один среди горных вершин и ущелий, затворяешь калитку. Тучки вольные здесь любят свои тени. Эти дивные красоты не имеют себе равных. И ты, подобно тучкам, чужд суете мирской. Кто здесь тебя разыщет?

Минуют холода, и снова потеплеет. Так я угадываю, когда какая наступает пора. Уходят дни, проходят месяцы. Я потерял счет времени.

Там, в глуши, где синие реки и зеленые горы, роскошны цветы и густы ароматные травы. Фениксы и павлины перекликаются друг с другом, ведут беседы. Вот это Кленовые скалы. Попугаи, кукушки, иволги наперебой щебечут, заливаются. И в той долине и другой раздается пение. На закате под хмельком любишь дивными пейзажами. На вершинах Куньлунь, раздвинув белые тучки, смотришь вниз. Вот гора Тайшань — зеленый дракон, Хуашань — белый тигр, Хэншань — черная черепаха, еще одна

Хэншань — красный феникс. Реки Сяо, Сян и озеро Пынли служат мне платьем, а реки Хуанхэ и Янцзыцзян — поясом. Красоты реки под Красной стеной воспеваю я в стихах. Сиянием месяца в горах Эмэй, хмельной, наслаждаюсь. Лекарственные травы на Трех горах священных рву, сколько захочу. Омывшись в водах озера Дунтинху, возвращаюсь в горы. Крутые горы — мне дом родной. Опавшие цветы — моя постель, и я, блаженствуя, вкушаю покой. Меж деревьев ясная луна — мой близкий друг. Шелест ветра в соснах — приглушенное звучание комунго. На каменное изголовье приклоняю голову и забываюсь. Только бы не разбудило меня журавлиное курлыканье, доносящееся бог весть откуда! Много ли, мало ли времени пройдет, я проснусь и по тропинке каменистой, на посох опираясь, поднимаюсь на Ханьшань. Брожу где вздумается. Белые облака тянутся на тысячу, на десять тысяч ли. На речках — яркий свет луны. Вокруг громоздятся горы. Ну прямо «Три горы наполовину обрушились у края синего неба. Воды струятся, реку на две разделила Отмель белых цапель». И я, блаженный, обитаю средь этих гор и рек. Да предложи мне высший чин, разве я променяю на него эту красоту?!

Я поднимаюсь на пригорок с восточной стороны. Веет ветерок, и я бесконечно наслаждаюсь прохладой. А то склоняюсь над рекой и сочиняю стихи. Так и не проходит мой восторг. «Луна из утунов светит прямо мне в душу. Ветер из-за ив овекает мое лицо». Чем не друзья мне прохладный ветер и ясная луна?! Живу я без недугов, как подданный Фуси, живу отшельником в дивном краю и наслаждаюсь видами гор и рек сколько душе угодно. Кто меня осудит?

Пышно расцвели персики и сливы, ивы склонили зеленые ветви. На берегах речек красавицы со всего света белее стирают, плавно взмахивая крохотными ручками. Бывает, зачерпнут воды ладошкой и, пугливо озираясь, моют груди, похожие на тушечницы. Мне эти девушки напоминают лотосы в Яшмовом пруду.

А как глубоки тени и ароматны травы в день Тано. Красавицы в зеленых платьях и красных юбках качаются на качелях. А это так напоминает происходившее у башни Кванхаллу!

Мне, обитателю прекрасных гор и рек, доставляет самое огромное блаженство любоваться этими несравненными красавицами.

Черепаша рассмеялась:

— Вот смешно! Ха-ха! Ваши речи — пустая похвальба. Кто станет слушать эту болтовню! В вашей жизни вас подстерегает восемь неприятностей. Слушайте-ка лучше обоими ушами!

В лютые морозы средь зимы землю запорошит белым снегом. Крутые

пики и утесы покроются льдом, а множество ущелий тоже заполнятся снегом. Где вы будете бегать? Это первое.

Ветер северный нагонит стужу, по каменным расщелинам тогда уж не ищите, чем поживиться. Дрожать вам, облизывая нос! Тут поневоле запоешь о злосчастной судьбе. И это второе!

Но вот весенний ветер принес тепло. Травки или цветочков вы только что поели и возвращаетесь обратно в горы. Как вдруг орел, поджав когти, кидается стрелой. Глаза его горят. Вы заметались, маленький такой, забились в щель под камень, и демоны мерещатся вам. И это третье!

Летом же, в самый зной, в горах и долинах вдруг вспыхнет пожар и вскипит вода в реках. Из вас вытапливается сало, и каждая шерстинка опалена. Высунув язык, дышите часто-часто и что есть духу мчитесь к роднику. Незавидно же вы выглядите! И это четвертое!

А потом покраснели клены и пышно расцвели хризантемы. Вы только что насытились плодами и ищите укромный уголок. Но вас подстерегает охотник с соколом. Уже загонщики и охотничьи собаки, учуяв вас, мчатся по следу. Вы летите стремглав, и вас от страха прошибает холодный пот. Это пятое!

Допустим, вам посчастливилось унести ноги, избежать гибели. Но меткие стрелки-охотники, укрывшись в засаде и зарядив ружья, целят вам в самое сердце. А вы поджали хвостик, чуть живой от страха, бежите что есть мочи, смотрите, куда бы скрыться. Это шестое!

Совсем изнемогший, вы прибегаете в лесную чащу, а вам навстречу полосатый тигр-великан шествует, грозя бородой из железных нитей. Рев его подобен грому, башка с горой сравнится, спина — что полумесяц, а шерсть горит огнем. Мечом-хвостом размахивая, зверь разевает кроваво-красную пасть, обнажая острые клыки.словно летящая молния, сверкает всюду его тело. Он рыщет по горам и ущельям, все сокрушая на пути, — с грохотом катятся камни, с треском валятся деревья. Он величав и грозен. Настоящий владыка гор! Вдруг вспыхивает в нем отвага, глаза-факелы мечут искры, он выпускает когти на передних лапах, острые, как зубья пилы. Тигр вздохнет разок — деревья закачаются, а зарычит погромче — горы так и заходят ходуном. Небо темнеет, а душа уходит в пятки. Это семь!

Едва избежав смерти, вы устремляетесь на равнины. Но там мальчишки-дровосеки и мальчишки-пастухи, отчаянно вопя, бросаются на вас с палками. У вас захватывает дух, в глотке пересыхает, а вы мчитесь куда глаза глядят. Это восемь!

А если вы так маетесь, придет ли охота природой любоваться,

найдется ли досуг лакомиться травами на священных горах и купаться в озере Дунтинху?! Но, кроме перечисленных, как я догадываюсь, есть и другие неприятности. Не стоит говорить того, что противно слушать!

Заяц выслушал все до конца, возразить ему было нечего, и он сказал:

— Уж не превосходите ли вы красноречием Су Циня и Чжан И, что так складно говорите? Уж не прозорливы ли вы, как Шао Юн, что все угадываете наперед? Нечего разглагольствовать о горестях других: у слушающего вас свой взгляд на вещи. Великий мудрец древности Конфуций терпел лишения на границе княжеств Чэнь и Цай, а чуский правитель, выдающийся герой Поднебесной, бросился в озеро. Зло и благо дарует Небо, бедность или блестящую карьеру — судьба. Здесь не поможешь силой или мудростью, и, стало быть, об этом говорить — мало толку. Рассказали бы лучше о подводном царстве. Я бы с удовольствием послушал.

Черепаха прочистила горло и заговорила:

— Внемлите тому, что расскажу вам о подводном дворце. Там, где сгустились пятицветные облака, высятся, вонзаясь в небо, отделанные жемчугом и драгоценными камнями чертоги. Из белой яшмы высечены ступени, из янтаря — основания колонн, сами колонны сделаны из коралла. У дворца — черепаховая балюстрада, а кровля — из золотой черепицы. В застекленных окнах и на украшенных хрусталем шторах отражается свет фонарей — жемчужин, светящихся ночью. Палаты украшены семью драгоценностями. Сияние заслоняет дневной свет. С небес не сходят счастливые знамения. Каждый день — пиры, и на пирах — стихи и музыка. Красавицы, похожие на лотосы, парами кружатся в танце. Когда вина — виноградное, «яшмовая роса» и «пьянящее сто дней» — нам наливают до краев в чаши «баклан» и «попугай», а на янтарных блюдах, на столах из хрусталя лежат травы, дарующие бессмертие, душа радуется, и ты блаженствуешь. Любуемся чудесными видами — полумесяцем над горами Эмэй, рекой под Красной стеной, горами Пэнлай, Фанчжан, Инчжоу. А когда возвращаемся — по рекам Цайшицзян и Сяосян, по озерам Дунтинху и Пэнлицзэ мы катаемся на лодках. Над рекою падает белый иней, и цвет воды сливается с цветом неба. «Вечерняя заря опускается вместе с фламинго. Осенние воды и бескрайние небеса — одного цвета». «Царства У и Чу разделяются озером Дунтинху: одно — на восток от него, другое — на юг. Светлое и темное начала, цян и кунь, отражаются в нем днем и ночью». На ровный песок садится гусь, и белые чайки собираются спать. И тут грустные звуки свирели перекликаются с голосом рыбака. Танцует водяной дракон, затаившийся в глубоком омуте.

Вдова на одинокой лодке льет слезы. Луна ясна, редуют звезды, к югу летят вороны и сороки. И нагоняют грусть звуки флейт Эхуан и Нюйин — жен императора Шуня. А «мелодия «Цветок в женских покоях», которую поют торговки за рекой, вселяет в душу надежду». Вот «монастырь в горах Ханьшань, где тихие звуки колокола раздаются в ночи». «Ветерок доносит отчетливый звук деревянной колотушки». Значит, близко деревня. Вот рыбаки на чуских реках напевают «айнай». «На золотых прудах и яшмовых запрудах девочки выкапывают корни лотоса и тоже напевают». Ну это ль не восторг? Право, чудо света и есть морской дворец!

— Вы в самом деле счастливое создание, — в раздумье проговорил заяц. — А я, неудачник, привязался к этим горам и лесам, живу отшельником. Напрасно я пренебрегал чужими реками и озерами.

— Вам как другу предложила бы я кое-что, — сказала тут черепаха. — А вы уж соглашайтесь без раздумий. Ведь говорили древние: «В царство, где опасно, не ходи; в царстве, где смуты, не живи». Зачем жить в таком превратном мире? Наша встреча не простая случайность. Вам бы лучше расстаться с пылью и ветром мирской суеты и отправиться со мной в морской дворец. Вы будете наслаждаться жизнью в краю небожителей, каждый день вы будете лакомиться персиками из садов богини Сиванму, травой бессмертия, вином, «пьянящим сто дней», чудотворной росой. В дворцовых чертогах будет с вами дружить ушаньская фея. Вы будете играть на пятиструнном цине Шуня, на яшмовой свирели царевича Цяо, напевать «Песнь о Янане» и «Весенний сон», пировать в Юэянской башне или в Беседке Тэн-вана, слагать стихи в Башне Бронзового Воробья, пить вино в Палате феникса, — словом, насладитесь блаженными временами. Разве тогда вспомнятся вам земные радости и горести хотя бы во сне?

Зайцу показалось все это подозрительным, и он покачал головой.

— Речи ваши приятны, но вдруг в них таится опасность? Недаром говорят: «Убежишь от косули — встретишь тигра», «От судьбы не уйти, как не выскочить мыши, попавшей в кувшин». С какой же стати живущему на суше идти в морской дворец? Ведь в морском дворце меня ждет гораздо больше трудностей, чем на земле. Во-первых, я не смогу дышать. А как же не дышать живому существу? К тому же, хоть ноги мои и пригожи, плавать я не умею. Как же опущусь я в морскую глубину там, где синие волны без края? Пусть, соблазнившись благами других, не предначертанными мне судьбой, я расстанусь с этим миром и последую за вами. Сразу же во все семь отверстий на голове попадет вода, и я умру. Если мое тело найдет себе могилу во чреве рыб, моя душа станет бездомным голодным духом. Моими друзьями будут рыбы и раки, и я составлю пару Цюй Юаню. А если

все так случится, никто из моих родственников и потомков не сможет разыскать меня. Как ни ломай голову, а девять из десяти за то, что это опасная затея. Конечно, всякий знает, что, когда варят меджу^[345], их надо посолить. Однако быть безмерно доверчивым не годится. Не прельщайте же меня попусту!

Черепаха рассмеялась:

— Ну и тупы же вы! Если знаете одно, то о другом уж не догадаться! В старину говорили: «И на вязанке камыша можно переправиться через реку». Поэтому Юй Шаньвэн^[346], уроженец Чаочжоу, отправился в морской дворец Гуяньмяогун и написал стихи, которые украсили дворцовые колонны. Ли Во, захотев поймать в воде луну, вознесся на ките в небо. Учитель Сюаньцзан^[347], переправившись через реку Чжаньхэ, что за три тысячи ли отсюда, привез Трипитаку^[348]. Подданный ханьского государя Чжан Цянь^[349], поднявшись на плоту вверх по Серебряной реке, привез ткацкий челнок. Ананда^[350], путешествуя в Западном крае, плыл на лotosовом листе по синим бесконечным водам. И если его жизнью распоряжалось Небо, можно ли говорить и о том, что смерть его была бессмысленной?! Если рожден героем, зачем вести себя подобно слабому? Ведь благородный человек не увлечет другого в опасное место. Как же я могу послать вас на гибель? Конфуций говорил: «Благородный муж и в обмане следует правилам», а также: «В царстве, где смуты, не живи». Как же я с моими манерами, плоть от плоти своих родителей, беспричинно стану вам лгать? Да предложи мне тысячу золотых и титул хоу или положи на вареный рис еще и рисовый хлебец, я и то не соглашусь на это. Какой мне смысл? Зачем кривить душой и завлекать друга в опасные места?!

И черепаха продолжала:

— Вот смотрю я на вас. Шерстка золотая мерцает и колыхается. А как известно, золото рождает воду^[351] и с водою уживается. Чего ж тут беспокоиться? Шея вытянута — значит, край родной знаете и в чужих краях не прочь пожить. Острый подбородок, если его поднять, все пойдет вразрез со здравым смыслом, и каждое дело станет трудным. Опустить его — все пойдет в согласии со здравым смыслом, и любое дело примет счастливый оборот. Пара ушей бела и чиста — чужие речи хорошо слышит, богатство и знатность дарует. Прекрасное междубровье говорит за то, что достигнете Врат дракона^[352] и прославите свое имя. Голос ваш чудесен. За всю жизнь вам не случится совершить ни одного опрометчивого поступка. Ваш облик в каждой черточке — само совершенство! Во все дни вас ждут почести и слава, счастье и богатство. У

вас будут такие наслаждения, какие доставляла Ян-гуйфэй танскому Мин-хуану и чаша для собирания росы — ханьскому У-ди. Ваша судьба — судьба Го Цзыи, отца ста сыновей и деда тысячи внуков. Богаты вы будете, как Ши Чун. Из музыкальных наслаждений вас ждут песнь усского правителя «Дайхуан», песнь сунского государя «Фэнняо» и звуки яшмовой свирели Чжан Цзыфана. И тогда под звуки цитры Сыма Сянжу сама Чжо Вэньцзюнь переберется к вам через забор^[353]. А если говорить о способах обмана, то в искусстве красноречия вы не уступите ни Су Циню, ни Чжан И, старавшимся один объединить, а другой — разъединить шесть царств. В уменье же мыслить по-государственному Чжугэ Лян с его планом восьми расположений вас не превзойдет. Такие твердость воли, внешний облик, стратегические таланты не виданы прямо-таки с древности.

Вы — герой, способный свернуть горы, первый во все времена! И вы с вашим-то обычаем ходить, словно летать, знай сидите в своем углу и из многих возможных радостей не изведаете ни одной! Наоборот, вас, как и раньше, ждут только бедствия. Покиньте насиженные места и отправляйтесь в иные края. И вы увидите — все десять тысяч желаний исполнятся разом. Послушайте меня, не раздумывайте, воспользуйтесь случаем, посетите морской дворец. Счастливый случай не выпадает дважды. Если не воспользоваться благом, которое посылает Небо, оно обернется несчастьем.

Заяц возразил:

— Я, конечно, выдающаяся личность, но ваши предсказания совсем уж необычны. Ведь долголетие или ранняя смерть, бедность и удача не зависят от предсказания. Взять хотя бы предсказание о богатстве. Выходит, лежи на вершине Трехглавой горы, что называют Террасой белых облаков, — все равно сокровища Ши Чуна свалятся мне на голову? А предсказание о долголети! Значит, если меня поджарят на медленном огне, как это проделывали с людьми тираны Цзе и Чжоу, я смогу воскреснуть? Девять из десяти за то, что любого, поверившего в этикие предсказания, ждет беда.

А черепаха все о своем:

— Ваши слова свидетельствуют о вашем невежестве. Вы не зря наделены такой внешностью. Ханьский Гао-цзу, обладавший длинным носом, был в молодости стражником, а стал основателем династии. Танский Тай-цзун, бывший ученым, благодаря своей внешности тоже основал династию. Сунский Тай-цзу, имея квадратное лицо и большие уши, сподобился стать Сыном Неба. Так же и Цай Цзе сменил Фань

Суя^[354] на посту министра — обладателя золотой шапки и пояса. И все остальные герои и выдающиеся люди, каждый единственный и неповторимый в своем роде, стали таковыми благодаря своим внешним данным. И это в полной мере относится ко всем государям, князьям, министрам и полководцам. В старину говорили: «Не войдешь в логово тигра — не поймает тигренка». Если родится великий муж и начнет вершить государственные дела, его сразу узнаешь по двум словам. Зачем же вам хоронить себя в глуши, преднамеренно обрекать на прозябание среди трав и деревьев? Вы ничтожество! Исстари у тех, кто колебался, не спорилось ни одно дело. Вы погибнете, как в древности погиб Хань Синь, не внявший словам Куай Туна^[355], вас попросту поджарят. Ведь если бы Чжун послушался Фань Ли^[356], не произошло бы смертоубийства. И как это можно, разобравшись в прошлом, не сделать выводов на будущее? Смотрите, как бы не пришлось вам потом горевать, что не воспользовались моими советами.

Заяц же по-прежнему колебался и, улыбаясь, отвечал так:

— На мой взгляд, вы не такой, как все другие люди. Вы великодушны, добропорядочны и вряд ли кого-нибудь обманули за свою жизнь. Мне, незадачливому, вы предлагаете жить в дивном краю. Я очень тронут. Но удастся ли мне получить достойную должность, если я явлюсь во дворец?

Черепаша обрадовалась: «Этот болван, кажется, попался!» Вслух же промолвила:

— Из ваших слов можно понять, что вы не знаете ни жизни, ни истории. Шунь, пахавший в горах Лишань, получил престол от Яо. Цзянтайгун, ловивший рыбу в водах Вэйшуй, стал советником чжоуского Увана. И Инь, пахавший землю, стал любимцем государя Чэн-тана. Фу Юэ, в Фусяни насыпавший земляной вал, стал советником иньского Гао-цзуна^[357]. Пасший волов Боли Си^[358] стал правой рукой циньского Мугуна. Просивший у прачки хлеба Хань Синь стал полководцем у ханьского Гао-цзу. В подводном царстве можно сделать карьеру, как и в мире людей.

Просвещенный государь выбирает подданных, а мудрый вассал выбирает государя. Наш повелитель покончил с войнами и занят устройством дел в своих владениях. Ему нужны мудрые помощники. Люди, наделенные способностями и талантами, у нас быстро продвигаются по службе. Даже мне, бесталанной, пожаловали придворный чин. А уж такой выдающейся личности, как вы, с вашими несравненными талантами, стоит только появиться, как знатность и богатство придут сами собой, пусть вы даже их и не ищите!

Сейчас в подводном царстве очень необходим историограф. Одной десятой ваших литературных талантов для этого будет достаточно. Как только вы возьмете в руки кисть, вы проявите такие же достоинства, какими обладал знаменитый Дун Ху^[359], и это послужит не только на благо нашего царства, но и вашей собственной славы. Ваше имя прогремит по всей Поднебесной. Когда мы явимся во дворец, я тотчас представлю вас нашему государю.

Заяц улыбнулся:

— Речи ваши как будто неплохи, но мой сегодняшний сон предвещает несчастье, и я испытываю беспокойство.

— В молодости я знала толк в разгадывании снов, — ответила черепаха. — Каков бы ни был ваш сон, хотела бы я о нем послушать.

И заяц рассказал:

— Видел я, будто вытащил меч и прижал к животу и тело мое покрылось лаком. Боюсь, не приключилась бы беда.

Черепаха тотчас перебила его:

— Счастливый сон, вы зря пугаетесь. К животу прижали меч, а меч — это металл. Значит, опояшетесь золотым поясом. Тело покрылось лаком — верный признак того, что облачитесь в красное платье. Слава о вас выйдет за пределы государства и распространится по всему свету. Это ли не счастливый сон, вещающий о счастье и богатстве?! Когда Конфуций увидел во сне Чжоу-гуна, то был сон совершенномудрого. Сон Чжуан-цзы о том, как он стал бабочкой, — сон философа. Сон Чжугэ Ляна в бедной хижине — сон выдающегося человека. Сны всех прочих людей — обычные сны. Но ваш сон — всем снам сон. Если вы переселитесь в морское царство, вознесетесь над всеми. Не плохо, правда?

Заяц слушал, слушал и совсем развесил уши. Обрадовался, словно шнурки от печатей высших гражданских и военных чиновников были уже привязаны к его поясу.

— Вы толкуете сны словно дух! Если бы ожили вдруг Шао Канцзе и Ли Чуньфэн, вряд ли они смогли бы что-нибудь добавить. Дивный вещий сон я уже увидел. Значит, богатство и знатность мне уже обеспечены. Но как же я переправлюсь через бескрайнее синее море?

Черепаха ликовала:

— Не беспокойтесь, сядете мне на спину, и любое море вам будет нипочем. В мгновение ока мы окажемся на месте. Из-за чего тут волноваться?!

Заяц в душе был рад, но для приличия поломался:

— Вы для друга не жалеете трудов. Такими, конечно, и должны быть

отношения между друзьями. Но мне будет очень неловко, если я заберусь вам на спину.

— Как вы, однако, ограничены! — рассмеялась черепаха. — Люй Шан, удивший рыбу в водах Вэйшуй, как равный ехал в повозке с чжоуским У-ваном. Хоу Ин^[360], охранявший ворота, сидел рядом с Синьлин-цзюнем. Янь Цзылин, пахавший в горах Фучуншань, спал на одной подушке с ханьским государем Гуаньфу-ди^[361]. Какое значение имеет высокое или низкое положение, если речь идет о друге! Когда мы будем жить в подводном царстве, мы будем делить радости и горе, славу и почет. Какая же тут неловкость!

Заяц был вне себя от восторга.

— Ваши благодеяния и после смерти, как говорится, не забудешь. В этом мире со мной не единожды приключались всякие беды. Вечно рыщут с ружьями эти непотребные людишки, хотят съесть меня. Моего старшего сына поймали мальчишки-дровосеки и съели. Не прошло и семи-восьми лет, как второго сына разорвали на клочки охотничьи собаки, и он стал добычей ворон и сорок. Это случилось несколько лет назад. Как вспомнишь, стиснешь зубы, и сердце замрет. Размышляя день и ночь о том, как бы покинуть этот проклятый мир, я нечаянно встретил вас, благородного друга. Теперь-то я благодаря вам доживу до лучших дней! Это сделало Небо и помогли духи!

Говорят, мудрец узнаёт мудреца. Если бы не вы, кто бы смог распознать во мне выдающуюся личность? Если бы не вы, ниспосланный мне Небом, я бы так и остался в горах. Но зато если бы не я, подданные морского царства так и не встретили бы никогда такого государственного мужа.

И безмерно гордый заяц уже собрался взлезть на спину черепахи, как вдруг из-под скалы выскочил какой-то зверь и закричал ему:

— Я слышал от начала до конца вашу болтовню. Глупый заяц, послушай-ка, что я тебе скажу! Богатство и знатность, почести и слава подобны плывущему облаку. Если что-то определено тебе судьбой, зачем самому лезть на рожон, наслушавшись рассказней черепахи? Пословица гласит: «Покинувший родину — подл». Ну, явишься ты в морской дворец, и что ты думаешь, так сразу и посыплется на твою голову богатство и знатность? Послушайся моего совета, брось-ка ты пустые мечты, оставь-ка бредни!

Заяц насторожил уши и замер на месте в нерешительности. Посмотрел на зверя, видит — барсук.

Черепаша вскипела гневом, но подумала: «Я почти уломала дурака зайца, пустив в ход тысячу хитростей и сто уловок, а этот прохвост, пожалуй, мне все дело испортит. Чего ему надо? Стоит мне смутиться хоть немного, хитрый заяц, чего доброго, передумает. Если же я разобью доводы этого уroda, заяц не изменит своего решения».

И черепаха, с усмешкой показывая на барсука, изрекла:

— Я не знаю, кто вы, но вы так невежественны! Мудрец из Чосчжоу по имени Юй Шань-вэнь был бедным ученым, но, явившись в морской дворец и прославив его в своих сочинениях, получил от нашего государя в награду за труды десять бриллиантов, высокую шапку и пояс из кости носорога. Слух об этом разнесся по всей Поднебесной. Неужели вы, имея уши, ничего не слышали?

Должность историографа — важная должность в государстве. Я, сокрушаясь о том, что литературный дар и каллиграфическое мастерство почтенного зайца пропадут зря, пригласила его с собой. Но вы тут попусту вводите в сомнение других, полагая, что я влеку своего друга к гибели. Чем вы руководствуетесь в своих поступках? Однако, если у кого-либо возникают сомнения на мой счет, я отказываюсь отправляться с почтенным зайцем.

И, обращаясь к зайцу, черепаха промолвила:

— Ведь мы с вами ни в чем не подозревали друг друга. Разве посмела бы я втянуть вас в сколько-нибудь сомнительное дело?! Уж если вы доверились мне однажды, зачем пренебрегать советами доброго друга?

Я ходила по приказанию нашего государя в Восточное море и здесь оказалась по пути, так что не могу задерживаться дольше. Будьте же здоровы!

Черепаша взмахнула рукавом и направилась к берегу. Барсук не мог вымолвить ни слова и стоял красный от стыда. Заяц, видя, как черепаха отчитала барсука и теперь, холодно взмахнув на прощанье лапой, удаляется, пришел в ярость и напустился на барсука:

— Зачем ты вредишь благим делам?! — и помчался вдогонку за черепахой, крича во весь голос: — Остановитесь, послушайте меня!

Черепаша нарочито сделала еще шаг-другой и только тогда обернулась:

— Зачем вы бежите за мной?

Заяц пролепетал:

— Отчего вы так невеликодушны! Хотя я и глуп, но разве я могу поверить этому неучу и не оценить вашего расположения ко мне? Не подозревайте же меня в нерешительности, едемте быстрее!

Черепаша, в душе ликуя, вместе с зайцем направилась к берегу моря, посадила его себе на спину и поплыла по синим волнам.

Черепашья преданность своему государю достигла вершины. Посмотрите на нее, она доставит этого хитрого зайца. Ну не дивное ли дело!

Между тем заяц, восседая на спине черепахи, поглядывал по сторонам. А перед его глазами проплывали глубокие воды Сяо, Сяна, желтые воды Дунтинху, у которого не видно берегов. Заяц размышлял: «По воле Неба я встретился с черепахой. Отбросив тревожнения света и трудности жизни в горах, явлюсь теперь во дворец и насладюсь богатством и знатностью. Вот блаженство!»

От радости он запел:

Я покинул суетный мир
И отправился в дальний путь.
Область наших Зеленых гор
Меньше царства бездны морской.
Черепаше на спину сев,
Я плыву вперед и вперед
И смеюсь в лицо облакам —
Им угнаться трудно за мной.
Кисть историка я возьму,
Свой талант заставлю признать —
И склонится морской народ,
Все три тысячи человек.
Я богатство и важный чин
Со свободой соединю
И надеюсь, что на сто лет
Обрету и мир и покой.

Когда заяц кончил и рассмеялся, черепаха с усмешкой подумала: «Этот прохвост слишком задирает нос!» — и ответила стихом:

Неизменно в моей груди
Сердце преданного слуги.
Я спешила к Зеленым горам
Неизведанною тропой.
Не боится тело мое

Даже самых тяжких трудов.
По волнам туда и сюда
Я плыву в воде голубой.
Зайца хитрого изловив,
Доложу об этом царю
И прочту на его лице,
Что доволен мной государь.
Я надеюсь, что царь-дракон
Перестанет тогда болеть,
И его поздравлю я с тем,
Что в стране наступил покой.

Заяц, услышав такое, всполошился:
— Кажется, в вашей песне скрыт какой-то глубокий смысл? В чем тут дело?

Черепаша поспешила успокоить его:

— Так просто, запела безо всякого смысла.

Но сомнения зайца не рассеялись:

— Что вы имели в виду, говоря: «Зайца хитрого изловив, доложу об этом царю и прочту на его лице, что доволен мной государь. Я надеюсь, что царь-дракон перестанет тогда болеть».

Черепаша прикинула: «Ты в моих руках, но все же мне нет расчета навлекать на себя подозрения», — и, ничего не ответив, заспешила к подводному дворцу. Там она ссадила зайца и наказала:

— Не сомневайтесь во мне напрасно и ступайте в приемную для гостей.

Заяц глядел во все глаза. Здесь небо и земля были необъятны, солнце и луна светлы. Великолепные дворцы уходили в небо, в окнах и дверях застыл свет счастливых предзнаменований. К зайцу вновь вернулось радостное настроение, и он последовал за черепахой в дом для гостей.

Черепаша ввела его туда, проговорив:

— Побудьте здесь немного, а я узнаю: можно ли предстать с вами перед государем, — и быстро удалилась.

В душу зайца вновь закралось подозрение: «Что это она ввела меня в дом и после долгого пути не предложила даже чашечки вина, а сразу стремглав бросилась во дворец? К чему бы это?»

Но тут он подумал: «Наверное, мое славное имя известно подданным морского царства. Черепаша сначала пошла доложить своему государю, и

мне по его личному указу дадут должность заместителя главы королевской канцелярии. Наверное, уж очень хочется видеть написанной многолетнюю историю царства, раз не подумали даже о пустяковом угощении».

Заяц сидел, томясь ожиданием, А черепаха тем временем спешила во дворец.

Во дворце при виде черепахи приближенные стали всячески выражать свой восторг. Кое-кто тотчас кинулся докладывать дракону. Тот велел скорее ввести черепаху и усадить возле своего ложа. Радуюсь благополучному ее путешествию, дракон осведомился о зайце, и черепаха ему с поклоном отвечала:

— Получив ваше приказание, я беспрепятственно миновала пять озер и три реки и достигла берега Восточного моря. Проникнув глубоко в горы, я сотней хитростей одурачила и прельстила старого зайца. С великим трудом водрузив его себе на спину, я наконец вернулась. Зайца оставила в доме для гостей, а сама поспешила сюда. Не заслужила ли я чем-нибудь вашего высочайшего неудовольствия? — и черепаха рассказала, как она обманула зайца. Дракон выслушал, обрадовался и, хлопнув себя по колену, похвалил черепаху.

— Такой верностью государю и красноречием не обладает ни один другой подданный в нашем государстве. Небо послало вас мне как великую милость.

Затем дракон обратился к приближенным:

— По воле Неба я — старший над тремя тысячами морских зверей. Но, видимо, мое нравственное воздействие не достигло десяти тысяч вещей, и меня все время мучили дурные предчувствия. Однажды я заболел, и неизвестно было, как меня лечить. По совету трех великих мужей черепаха «Архивариус» отправилась в мир людей и привезла зайца, проявив тем самым свою необычайную преданность. Теперь же, если я отведаю заячьей печени, болезнь пройдет. А это будет величайшим событием для государства. Поэтому приказываю всем ждать угощения во Дворце вечной добродетели, а черепаху «Архивариуса» повесить в должности указом по Государству Южного моря от шестьдесят четвертого года эры Великой добродетели и долголетия, первого дня шестой луны.

Подданные, ознакомившись с указом, радостно поздравляли друг друга. Потом все дружно направились во дворец и расположились так: на самом почетном месте восседал Глава высшего совета, он же глава медицинского приказа и приказа по охране кумирен — большая черепаха. Рядом — его заместитель и одновременно ответственный за обучение войска — кит. За ним — другой заместитель большой черепахи —

крокодил. Дальше сидел Глава палаты чинов — карп. С ним рядом — Глава палаты финансов — треска, Глава палаты церемоний — камбала, Глава военной палаты — морской окунь, Глава уголовной палаты — пузанок, Глава строительной палаты — тунец, Глава столичного приказа — кефаль, Глава приказа личных сочинений государя, и в то же время Глава приказа, ведающего книгами во дворце, и еще одновременно Глава канцелярии — карась, его заместители — осьминог и косорот... А еще дальше сидели прочие рыбы — важные чиновники из разных палат и приказов. Все провозглашали здравицу.

После церемонии приветствия дракон приказал привести зайца. Чиновник сыскного приказа — рыба минтай — во главе отряда стражников отправилась в зал для гостей.

Заяц тем временем сидел в одиночестве и поджидал черепаху. И тут вдруг явился чиновник сыскного приказа со стражниками и объявил указ. Справа и слева к зайцу подскочили стражники, связали и потащили с быстротой урагана. Приволокли беднягу и поставили на колени перед троном дракона.

Заяц, едва собравшись с духом, поднял глаза вверх и взглянул на дракона. Голову дракона венчала корона с перьями, сам он был облачен в красное одеяние, а в руке держал яшмовую дощечку для записи указов. Приближенные стояли по обе стороны от него. Все это являло необычайное торжественное зрелище.

Дракон через чиновника адъютантского приказа передал зайцу свою волю:

— Я — государь морского царства. Ты же — мелкая горная зверушка. Я болен и страдаю уже давно. Услышав, что исцелить меня от болезни может твоя печень, я послал за тобой черепаху «Архивариуса», и она тебя доставила. Тебе предстоит умереть, но ты не горюй об этом. После смерти тебя завернут в шелк, из белого нефрита и янтаря сделают гроб и похоронят в красивейшем месте. И как только исцелюсь я от своего недуга, в твою честь воздвигнут храм. В горах тебе все равно была уготована та же участь: ты стал бы жертвой либо тигров и барсов, либо охотников. Не лучше ли обрести славу, чем умереть бесславно? Я не собираюсь тебя обманывать, и ты, став после смерти духом, не будешь на меня в обиде.

После этого дракон приказал подданным поскорее вспороть зайцу живот и извлечь печень. Тут же стоявшие неподалеку стражники в мгновение ока подскочили к зайцу, засверкали их мечи, и они собрались уже было выполнить приказ своего повелителя.

Вспороть живот зайцу, который, легкомысленно возмечтав о славе,

пришел сюда вместе с черепахой! И во всем виноват он сам. На кого же теперь сетовать? Кого винить? Пусть тот, кто незаслуженно алчет славы и корысти, посмотрит на него и наматает на ус!

У зайца от драконовых речей помутился разум, и он горестно подумал: «Вот польстился на славу и богатство, покинул родную землю, а как все неожиданно повернулось! Тут имей крылья — и то не поможет. Обладай волшебством сокращать расстояния — и то не убежишь! Как быть? Однако существует древнее правило: раньше смерти не умирай! Умереть никогда не поздно, сейчас надо подумать над тем, как выжить». И зайцу на ум пришла счастливая мысль. Он тут же, не переменившись в лице, вскинул голову и сказал, обращаясь к дракону:

— Пусть я, ничтожный, умру, но позвольте мне прежде молвить слово! Вы — государь морского царства. Я — ничтожный заяц, маленькая горная зверушка. Если моя недостойная печень способна хоть немного облегчить ваши страдания, могу ли я не предложить ее вам? А тем более если после смерти мне воздадут должное и даже, как вы говорите, воздвигнут храм. Ваша милость высока, как Небо. И если я, ничтожный, умру, то такая ли это печаль? Конечно, немножко грустно. Однако, хоть я и ничтожная тварь, все же от обычных зверей отличаюсь. На землю я спустился на звезде из созвездия Фан^[362]. Каждое утро я пью яшмовую росу, день и ночь ем дивные цветы и травы. Оттого моя печень и впрямь эликсир вечной жизни. Люди об этом знают и постоянно при встрече клячат у меня печень. Докучливы они страшно. Мое терпение истощилось, и я вынул свою печень вместе с сердцем, промыл ее несколько раз в чистых водах средь зеленых гор и спрятал глубоко в горах. Сам же отправился бродить. Случай свел меня с черепахой. Если бы я знал о недуге государя, я бы взял ее с собой.

И заяц принялся честить черепаху:

— Если ты так преданна государю, почему не сказала мне правду?

Дракон пришел в ярость:

— Ты и в самом деле хитрая тварь! Слыханное ли дело, чтобы звери вынимали печень? Ты мелкой хитростью вводишь меня в заблуждение, надеешься уйти живым! Неужели ты думаешь, что я попадусь на твою приманку? Твои попытки обмануть меня — большое преступление. Быстро отдавай печень! Я исцелюсь, а, вспоров тебе живот, заодно покараю тебя за обман.

Опять у зайца дух занялся, и его прошиб такой пот, словно печень вовсе растаяла. Пульс совсем пропал, грудь сдавило, и он подумал: «Кажется, помирать придется». Но тем не менее сказал, усмехнувшись:

— Вы, государь, вникните в мои слова. Ведь если вспороть мне живот, а печени не окажется на месте, ваше здоровье не улучшится. Меня напрасно лишите жизни, и не с кого тогда вам будет взыскивать печень. Раскаетесь, да будет поздно. Не мешало бы как следует подумать.

Дракон, выслушав зайца и видя, что тот даже в лице не переменился, спросил, все еще сомневаясь:

— Может быть, все действительно так, как ты говоришь. Но должен же быть какой-нибудь след там, где выходит печень!

Заяц обрадовался: «Ну, теперь я спасен!» Вслух же сказал:

— Из всех летающих и ползающих тварей у меня, ничтожного, у одного в нижней части тела — три отверстия. Из них одно для того, чтобы вкладывать и вынимать печень.

Дракон разгневался еще больше:

— Твои слова — недостойная хитрость! Разве может быть такое у зверя, будь он летающий или ползающий?!

А заяц твердит свое:

— Поговорим о том, откуда у зайца взялись три отверстия. Небо, раскрывшись, утвердилось первым. Второй была земля. Третьим — появился человек. Четвертыми — десять тысяч вещей, и среди них — звери. Час, когда они появились, называется «мё»^[363]. Точно так же звучит и мое прозвище. И если серьезно изучать летающих и ползающих тварей, станет ясно, что заяц — царь зверей и птиц! Цилян^[364], травы не мнуций, ниже зайца. Феникс^[365], не клюющий проса, уступает зайцу, наделенному в честь трех светящих — солнца, луны и звезд — тремя отверстиями в нижней части тела. Если, государь, не верите моим словам, можете сами убедиться, осмотрев меня.

Дракон подивился, но приказал стражникам хорошенько осмотреть зайца. Посмотрели — вроде бы и на самом деле так. Но дракон еще сомневался:

— Ты говоришь, что можешь вынуть печень. Значит, ты и обратно ее вкладываешь?

Тут заяц смекнул: «Теперь моя хитрость почти удалась», — и сказал:

— Мы, зайцы, во многом не схожи с другими зверями. Если задумаем зачать, нам достаточно взглянуть на полную луну. Придет время рожать — и детеныши вылезают изо рта. Загляните в старые книги, там про это сказано. Когда мне нужно ввести печень, я делаю это только через рот.

Дракон еще более усомнился:

— Ты уже говорил, что вводишь и выводешь печень. Но ты, быть

может, забыл, где твоя печень сейчас? Достань-ка ее поскорей и вылечи меня!

— Я, конечно, вкладываю и вынимаю печень, но на то есть свое время. Каждый месяц с первого по пятнадцатый день я держу ее в себе, вдыхаю эфиры солнца и луны, впитываю светлые и темные испарения. С пятнадцатого по тридцатый день я извлекаю ее вместе со стеблем, мою в яшмовом пруду, полощу в синих водах. Затем прячу ее, чтобы никто не видел, в расщелине скалы, где так густы заросли зеленых сосен и изумрудных бамбуков. Вот потому-то люди говорят, что моя печень — настоящий эликсир. Сейчас — первая декада шестой луны. Когда я встретил черепаху, был конец пятой. Если бы мне толком рассказали о болезни государя, я принес бы печень. Во всем виновата черепаха!

Дракон в сущности был очень доверчив. Он слушал молча и думал: «А вдруг так и есть на самом деле? Вспорешь ему живот, а печени не окажется. Помрет заяц, и все пропало! Уж лучше пусть сходит за печенью», — и приказал развязать зайца и ввести во дворец. Заяц отказывался, но потом, трепеща от страха, вошел. Дракон обратился к нему:

— Уважаемый заяц, не обижайтесь на недавнее недоразумение! — и тут же поднес ему вина, «пьянящего тысячу дней», налитого в чашу из белого нефрита. При этом он трижды попросил зайца не обижаться. Заяц почтительно принял чашу, выпил и поблагодарил.

Тут выступил кто-то из подданных и сказал:

— Я слышал, заяц — хитрая бестия! К тому же еще в старину говорили: «Благородный обманет благородным образом». Не слушайте его вранье, быстрее вынимайте у него печень и лечите свой недуг!

Все посмотрели: то была мелкая рыбешка из судебной палаты. Дракон отозвался без особой радости:

— Почтенный заяц — отшельник, живущий среди гор. Как же может он обмануть меня? Ушли бы вы лучше!

Рыбешка едва-едва сдержала гнев, но — делать нечего — пришлось уйти. Дракон распорядился о пире, и зайца стали потчевать. На блюдах из белого нефрита разложили траву вечной молодости, в чары налили дивное вино, зазвучала неземная музыка, парами закружились в танце красавицы, слышалась мелодия «Пруд Линбо».

Заяц захмелел и подумал: «Если бы можно было лишиться печени и не умереть! Так бы и прожил здесь до самой старости!»

Дракон сказал зайцу:

— Я живу в подводном мире. Вы же — в горах. Вода и суша далеки

друг от друга. Сегодняшняя наша встреча была predetermined кармой ^[366] еще тысячу лет назад. И если вы принесете мне свою печень, я не останусь в долгу! Вы не только будете вознаграждены в будущем, вы с этой самой минуты будете наслаждаться счастьем и богатством. Над этим стоит задуматься.

Заяц едва не расхохотался, но все-таки вида не подал и радостно воскликнул:

— Не беспокойтесь, государь! Я вашей милостью доживу свои дни. Не придумаешь даже, как воздать вам за ваши благодеяния! У меня сейчас нет печени, я не могу даровать жизнь или спасти от смерти и очень сожалею об этом.

Дракон был доволен. После пира он приказал придворным отвести зайца в особые покои отдохнуть.

И вот зайца привели в чертоги с блестящими стенными росписями, с вышитыми шторами на окнах. Все ослепительно сияло, стен не было видно из-за ширм из слюды и жемчужных штор. А когда подали еду, он увидел такие яства, которых нет в мире людей. Но бедняга чувствовал себя так, словно сидел на подушечке для иголок.

«Дракона я, конечно, обманул, однако засиживаться здесь не следует», — решил заяц. И, проведя бессонную ночь, на другой день предложил дракону:

— Вот уже долгое время не проходит болезнь государя. Я хочу отправиться в горы за своей печенью. Примите во внимание мою преданность вам.

Обрадованный дракон тотчас позвал черепаху:

— Не жалея трудов своих, ступай вместе с почтенным зайцем в мир людей.

Черепаха, вобрав голову, выслушала повеление. Дракон же, обратившись к зайцу, просил возвращаться поскорее и одарил двумястами Жемчужинами:

— Это, конечно, пустяки, но сначала вы должны доказать свою преданность.

Заяц почтительно принял дар и простился с драконом. Когда он вышел за ворота, все провожали его и просили поскорее возвращаться. Не вышла провожать зайца лишь рыбешка из судебной палаты.

И вот заяц, взобравшись на спину черепахи, снова пересек бескрайние синие воды и сошел на берег. Тут он подумал: «Вот уж подлинно я — птица, выскользнувшая из силков, тигр, вырвавшийся из западни. Если бы не мое хитроумие, довелось бы мне разве увидеть родные горы и реки?» —

и запрыгал от радости.

Черепаша напомнила зайцу:

— Нам надо спешить, думай лучше, как побыстрее вернуться!

Заяц так и покатился со смеху:

— Дура ты! Ну скажи, как можно отделить от внутренностей и вытащить печень? Я просто обманул твое подводное царство своей беспримерной хитростью. Какое мне дело до твоего дракона? Да никакого, как коню до коровы! Ты же, ни за что ни про что обманув меня, привольно живущего в горах, думала выслужиться. Как вспомнишь, какого страху я натерпелся в морском царстве, волосы дыбом встают! Тебя бы надо жизни лишить! Но, приняв во внимание твои труды — все-таки ты возила меня на себе по синим бескрайним волнам, — я отпускаю тебя живой. Убирайся поскорее да скажи своему дряхлому дракону: жизнь и смерть в руках судьбы, и пусть он оставит свои глупые надежды! — И он снова расхохотался. — Всех провел в твоём царстве. Вот уж подлинно, в государстве — пустота!

Заяц шмыгнул в сосновую рощу и был таков. Черепаша вздохнула, безнадежно глядя вслед зайцу: «Я недостаточно преданна государю, вот заяц меня и обманул. Как же теперь быть? — И опять вздохнула: — Несчастные подданные в нашем государстве. Умрет государь. А я, с каким лицом я вернусь и предстану перед государем и подданными? Лучше мне здесь умереть!» — И направилась к скале разбить голову.

Тут кто-то громко ее окликнул:

— Эй, «Архивариус», послушайте старика!

Черепаша обернулась и видит: стоит перед нею отшельник-даос в шляпе и фиолетовом одеянии и с улыбкой говорит:

— Ваша преданность государю удивительна! Я по велению Неба вручаю вам чудесное лекарство. Возвращайтесь поскорее и исцелите государя!

И с этими словами он извлек из рукава лекарство. Черепаша, несказанно обрадованная, дважды поклонилась и разглядела, что это была веточка боярышника ослепительного блеска и необычайно благоухающая. Еще раз поклонилась черепаха и поблагодарила отшельника:

— Учитель, ваше благодеяние потрясет всех в нашем государстве. Позвольте же мне узнать вашу славную фамилию и ваше почтенное имя!

— Я — Хуа То, — ответил отшельник и удалился, легко ступая.

Примечания

Сукчжон (1675—1720) — ван (монарх) корейской династии Ли.

Яо и Шунь — легендарные императоры древнего Китая (III тысячелетие до н. э.); правление их считается образцовым — эпохой мира и процветания.

Юй — легендарный китайский правитель периода Ся (XXI—XVI вв. до н. э.).

Тан — правитель династий Шан-Инь (XVIII—XII вв. до н. э.).

Жан — древняя китайская игра, похожая на игру в свайки.

Кисэн — певицы, танцовщицы в старой Корее; принадлежали к низшему сословию.

Прошлая жизнь. — По буддийскому вероучению, человек проходит цепь перерождений, прежде чем обретает нирвану; в основе учения о перерождении лежит понятие о карме («деяние»), т. е. о зависимости перерождений от добрых или злых дел в предшествующей жизни.

Шесть кровных родственников — отец и мать, старший и младший братья (или сестры), жена и дети.

Великий мудрец Поднебесной Кун-цзы (Конфуций, 552—479 гг. до н. э.) — прославленный китайский идеолог, основоположник конфуцианской философии; посмертно ему присваивались почетные титулы — князя, императора, совершенного мудреца, великого учителя нации.

Цзычань — государственный деятель периода «Весен и осеней» (772—481 гг. до н. э.). «Весны и осени» — летопись событий древней китайской истории с 722 и по 481 гг. до н. э.; традиция приписывает ее составление Конфуцию.

Чжу Тяньи. — По корейскому преданию мать Чжу Юаньчжана, основателя китайской династии Мин (1368—1644), была родом из Кореи — уезда Унчхон провинции Кёнсандо.

Сын Неба. — Культ Неба развился в Китае в глубокой древности; главным посредником в отношениях между Небом и людьми считался император, поэтому первым его официальным титулом был «Тянь цзы» — «Сын Неба».

Мост Сорок и Ворон — название моста в корейском уезде Намвон; по преданию сороки и вороны в седьмой день седьмой луны слетаются на небо и составляют мост через Серебряную реку (Млечный Путь); этим мостом для ежегодных встреч пользуются небесные супруги — Пастух и Ткачиха (китайские названия звезд в созвездиях Лиры и Водолея).

Праздник пятого дня пятой луны (праздник Тано) — день летнего солнцестояния, который празднуется в связи с окончанием весенних полевых работ.

День крысы. — По китайско-корейской системе летосчисления каждый год, месяц, день и час приурочивался к одному из двенадцати представителей животного мира — крысе (мышь), быку, тигру, зайцу, дракону, змее, лошади, овце, петуху, собаке, свинье, обезьяне.

Дворец Простора и Прохлады — по преданию дворец Хэньэ —
властительницы луны.

Чи Сун-цзы — даосский святой; бывал в садах богини запада Сиванму, где растёт персик бессмертия (см. примеч. 45).

Сон о Нанькэ — метафорическое выражение, обозначающее чудесный сон; его источник — новеллы китайского писателя Ли Гунцзо (конец VIII — начало IX вв.) «Правитель Нанькэ».

Халлим — высшая ученая степень в старом Китае (ханьлинъ); в Корее также должность в секретариате вана.

Здесь и далее, кроме повести «Подвижница Сим Чхон», перевод стихов Ю. Кроля.

Ду Мучжи — китайский поэт периода Тан (618—907).

Ли Тайбо (Ли Бо, 701—762) — великий китайский поэт; по преданию после смерти вознесся на небо на ките.

Ван Сичжи (321—379) — выдающийся каллиграф, поэт, основатель скорописного стиля.

Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.) — прославленный китайский поэт, в молодости был бедняком; Чжо Вэньцзюнь, дочь богача, зачарованная его игрой на флейте, бежала с ним и стала его женой; впоследствии Сыма Сянжу сделался сановником.

Су Дунпо (1036—1101) — выдающийся китайский писатель, каллиграф и художник; известна его ода «Красная стена», посвященная прогулке на лодке у Красной стены.

Бо Лэтянь (Бо Цзюйи, 772—846) — выдающийся китайский поэт.

Сечжон — ван корейской династии Ли, правил в 1419—1450 гг.

Чжоу Юй (175—210) — известный китайский полководец, славился музыкальными талантами и красотой.

Горы Инчжоу, Фанчжан, Пэнлай — места, где, по преданиям, обитают бессмертные.

Чхок — мера длины, равная 30,3 см.

Ушаньская фея. — Здесь намек на китайскую легенду о правителе княжества Чу (период Чжоу, 1122—247 гг. до н. э.) Хуай-ване, которому на горе Янтай во сне явилась фея Ушаньских гор и поделила с ним ложе; эта встреча стала символом любовного свидания.

Сиши — одна из знаменитых красавиц древнего Китая; правитель княжества *У* так увлекся ею, что забросил все государственные дела, и в 477 г. до н. э. княжество было разгромлено врагами.

Фань Сяобо (Фань Ли) — китайский государственный деятель княжества Юэ периода «Весен и осеней»; хитростью помог завоевать княжество У, подослав к его правителю красавицу Сиши (см. примеч. к с. 27).

Красавица Юй — наложница полководца княжества Чу Сян Юя, который в борьбе с Лю Баном (206—194 гг. до н. э., основатель династии Хань) потерпел поражение; Юй покончила с собой от горя.

Чуский баван — Сян Юй (см. примеч. 34), противник Лю Бана; потерпев поражение, Сян Юй покончил с собой.

Ван Чжаоцзюнь — одна из знаменитых красавиц древнего Китая; наложница ханьского императора Юань-ди (48—32 гг. до н. э.).

Бань-цзеюй — фаворитка императора Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.); когда государь оставил ее, она сочинила стихотворение «Плач о седой голове».

Чжао Фэйянь — очередная фаворитка императора Чэн-ди, сменившая Бань-цзеюй и ставшая императрицей; Фэйянь (летающая ласточка) — прозвище, данное ей за искусство танца.

Фея реки Ло (Лошуй) — Мифэй, дочь мифического императора Фуси; по преданию утопилась в реке Лошуй и стала ее духом.

Чжуанцзян — жена вэйского князя Чжан-гуна (период «Весен и осеней»); *Тайжэнь* — мать императора Вэнь-вана (XII в. до н. э.), *Тайсы* — его жена.

Ли Бо — см. примеч. 22.

Ду Фу (712—770) — великий китайский поэт, был образцом для многих поколений поэтов.

Преданность двух жен. — Имеются в виду жены легендарного императора Шуня (см. примеч. 2) Нюйин и Эхуан; после смерти Шуня утопились в реке Сяосян.

Цзиньшаньский белый нефрит и лишуйское золото. — По преданию в эпоху Борющихся царств (403—221 гг. до н. э.) в княжестве Чу на горе Цзиньшань был найден драгоценный нефрит; выражение «лишуйское золото» взято из «Тысячесловия» — словаря Чжоу Синсы (династия Лян, 502—556): «Золото рождается в Лишуе».

Фея Сиванму — владычица Запада; ее владения, место обитания бессмертных, легенды помещают в горах Куньлунь; дворец фей расположен на берегу Нефритового пруда.

Праздник Тано. — См. примеч. 14.

...красавица древности, что ступала по лотосам. — Имеется в виду Паньфэй, любимая наложница одного из императоров династии Ци (265—583); император приказал сделать из золотых пластинок лотосы, велел ступать по ним Паньфэй и воскликнул: «Каждый ее шаг рождает золотой лотос!»; «ступать по лотосам» — образное выражение, означающее красивую женскую походку.

«Середина и постоянство», «Великое учение», «Книга песен», «Беседы», «Мэн-цзы», «Книга перемен» — книги конфуцианского канона.

«*Исторические записки*» — сочинение великого китайского историка Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.), первое подробное и систематическое изложение древнейшей истории Китая.

«Тысячесловие». — См. примеч. 44.

«Дворец Тэн-вана» — стихотворение Ван Бо (647—675).

Ли — мера длины, примерно полкилометра.

«*Краткая история*» — извлечение из «Восемнадцати историй» — исторической хроники XVI в.

«Красная стена» — ода известного китайского поэта Су Дунпо (см. примеч. 25); Красная стена — достопримечательность в уезде Хуаган провинции Хубэй в Китае.

Философ Су. — Здесь Су Дунпо (см. примеч. 25) говорит о себе.

Лянский Чжоу Синсы. — См. примеч. 44.

Пятая стихия и восьмая триграмма. — Пять стихий (металл, дерево, вода, огонь, земля) — элементы китайской космогонии; взаимодействуя, они порождают все сущее на земле; восемь триграмм — триграммы конфуцианской «Книги перемен», которая использовалась и при гадании.

Тридцать три неба. — По буддийским представлениям мир состоит из тридцати трех небес, расположенных одно над другим.

Двадцать восемь созвездий. — Китайские астрологи делили небо на четыре части (по сторонам света), в каждой из которых насчитывали по семь созвездий.

Юй обуздал потоп... — По преданию Юй во времена Яо и Шуня избавил Китай от великого наводнения, отведя воды в русла рек.

Цзицзы — родственник правителя Чжоу (правил в 1154 г. до н. э.) в период Инь в Китае; когда династия пала, он не захотел служить правителям новой династии и ушел в Корею, где создал свое государство, которое называлось Чосон.

Девять областей. — Так в древности называли Китай по числу административных единиц, на которые разделил страну Юй (см. примеч. 3).

Три государя — три мифических китайских императора — Фуси, Шэньнун, Хуанди.

Пять императоров — божества и мифические правители Китая — Шанди, Чжуансюй, Дику, Яо, Шунь.

«План Желтой реки» и «Книга реки Ло». — По преданию император Фуси увидел однажды странное животное, вышедшее из Желтой реки (Хуанхэ), на спине которого были изображены таинственные знаки; письмена были также и на панцире черепахи, вышедшей из реки Ло (Лохэ), которую увидел Юй (см. примеч. 3); эти знаки стали якобы основой китайской иероглифической письменности.

В третью стражу. — Ночное время делилось на пять страж (с 7 ч. вечера до 5 ч. утра), по два часа каждая; третья стража — время с 11 до 1 ч. ночи.

Столетний союз — выражение, означающее долгий и счастливый брак.

«*Великое уложение*» — свод законов Кореи, составленный в 1785 г.

...читал книгу под названием «Беседы» («Беседы и суждения») — книга, содержащая беседы Конфуция с учениками, суждения, афоризмы; первая книга конфуцианского Четверокнижия.

Чжоу-гун — титул Цзи Даня, политического деятеля княжества Чжоу (1122—247 гг. до н. э.) в Китае.

Персиковый источник. — Название пришло в литературу из утопии великого китайского поэта Тао Юаньмина (365—427); некий рыбак, заблудившись, попадает в персиковую рощу, где живут счастливые люди, ничего не ведающие об окружающем мире; вернувшись домой, рыбак снова пытается попасть в эту страну, но его усилия тщетны.

Кым — семиструнный музыкальный инструмент.

«Южный ветер» — по преданию мелодия, которую любил исполнять легендарный император Шунь.

«Дао-дэ-цзин» — древний этико-политический и философский трактат раннего даосизма, основателем которого считается полулегендарный философ Лао-цзы (VI в. до н. э.).

«Башня из белого нефрита». — Стихотворение приписывается Ли Хэ, жившему при династии Тан (618—907).

«Поднимаем балку» — ритуальная песня, исполнявшаяся при постройке дома.

Ткачиха с Пастухом. — См. примеч. 13.

Янь Цзылин (Янь Гуан). — В юности дружил с будущим императором Гуанъу-ди (25—58); когда Гуанъу-ди занял престол, Янь Цзылин оставил службу, отказался от высокой должности, предложенной ему императором, удалился в горы и занялся земледелием.

Мулانь (Хуа Мулань, VI в.) — героиня древнего Китая, двенадцать лет воевавшая вместо престарелого отца.

«*Малое учение*» — книга о нравственном воспитании, написана при династии Сун (960—1279) Лю Цзычэном на основе учения философа-конфуцианца Чжу-цзы (Чжи Си, 1130—1200).

Три правила поведения. — Имеются в виду три конфуцианских правила отношений — между государем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой.

Шесть свадебных церемоний — шесть обрядовых действий при заключении брака.

...тутовые посадки превратятся в синее море... — Метафора, означающая коренное изменение положения вещей в мире; здесь примерно соответствует выражению «скорее небо упадет на землю».

...появилась Чхунхян... — Обыгрывается значение имени Чхунхян, в которое входит слово «весна». *Слива расцвела под весенним ветром!* — фамилия Ли в переводе означает «сливовое дерево».

Мэнчан-цзюнь (Тянь Вэнь) — первый министр удела Ци при князе Сян-ване (283—265 гг. до н. э.), дипломат и полководец.

Виноградное вино небожителя Ли... — Имеется в виду Ли Бо (см. примеч. 22) — певец свободы, вина и радостей жизни; по преданию лучшие свои стихи писал, будучи пьяным.

Ань Цишэн — легендарный даос, изготавливавший чудодейственные лекарства; по преданию встречался с императором Шихуан-ди (246—209 гг. до н. э.), основателем династии Цинь (246—207 гг. до н. э.), жаждавшим бессмертия.

Эхуан и Нюйин. — См. примеч. 43.

Лунный старец — божество, пребывающее на луне и покровительствующее вступающим в брак; символически Лунный старец связывает жениха и невесту красной тесьмой (нитью).

Три жизни. — По буддийскому вероучению, человек живет три жизни — прошедшую (до рождения), нынешнюю (после рождения), будущую (после смерти и перерождения).

Министры шести палат. — В старой Корее было шесть основных ведомств («министерств») — Чинов, Податей, Ритуала, Военное, Уголовных дел, Казенных работ.

Флейтист Сяо Ши с Лунной. — Речь идет о музыканте Сяо Ши и его жене, дочери Му-гуна (659—621 гг. до н. э.), правителя удела Цинь. По преданию однажды они играли на флейтах, привлеченные их игрой, к ним спустились дракон и феникс, на которых супруги вознеслись на небеса.

Восемь фей и послушник Сончжин, наставника Юкквана ученик — персонажи романа корейского писателя Ким Манчжуна (1637—1692) «Облачный сон девяти».

Танский Мин-хуан и Ян-гуйфэй. — *Мин-хуан* — имя императора Сюаньцзуна (712—755), который так увлекся своей наложницей *Ян-гуйфэй*, что забросил все дела, в результате чего вспыхнул мятеж Ань Лушаня (в 755 г.); Сюаньцзун отрекся от престола, а Ян-гуйфэй покончила с собой по требованию приближенных императора, считавших ее виновницей всех бед.

Цзян Тайгун (Люй Шан, XII—XI вв. до н. э.) — помощник Вэнь-вана и У-вана, основателя династии Чжоу; рыбак Люй Шан случайно встретился с Вэнь-ваном, который, убедившись в его мудрости, сделал своим главным советником и астрологом; считается также основателем китайской военной науки.

Ханьский Гао-цзу (Лю Бан, 206—194 гг. до н. э.) — основатель династии Хань (см. примеч. 100).

Три главы и шесть министров — три члена Государственного совета при ване и шесть начальников ведомств.

«*Книга перемен*» — одна из книг конфуцианского канона, натурфилософское и этико-политическое сочинение; использовалась также как гадательная книга.

Цинь Ши-хуан (Шихуан-ди, 246—207 гг. до н. э.) — император, основатель династии Цинь.

Хань (206—220 гг. до н. э.) — древняя китайская империя, объединившая страну.

Чэнь Пин (ум. в 178 г. до н. э.) — государственный деятель, обладавший выдающимися дипломатическими способностями; попеременно служил двум враждующим князьям — Сян Юю и Лю Бану.

Фань Яфу — советник князя Сян Юя (см. примеч. 34, 35).

Ли Сы (246—209 гг. до н. э.) — государственный деятель периода правления Шихуан-ди.

Фу Юэ — министр иньского правителя У-дина (1324—1265 гг. до н. э.); по преданию У-дин избрал себе в советники человека, увиденного им во сне; этим человеком оказался Фу Юэ — один из рабов, возводивших земляные укрепления.

Шестеро казненных, шестеро спасенных. — Имеются в виду видные корейские государственные деятели, казненные или помилованные узурпатором Сечжо (1456—1468).

Одинокое облако — литературный псевдоним выдающегося корейского писателя Чхве Чхивона (857—?).

Прояснившаяся вершина — псевдоним Ко Кёнмёна, одного из руководителей народного ополчения во время Отечественной войны Кореи против японских завоевателей (1592—1598).

Ляодунский правитель. — Имеется в виду корейский подданный Ким Ынха (1581—1618), которому была пожалована эта должность за совместные действия с китайскими войсками.

Чон Сонган (Чон Чхоль, 1536—1593) — один из крупнейших корейских поэтов, прославившийся своими стихами в жанре *каса*.

Чхунмугон — почетный титул прославленного корейского флотоводца и литератора Ли Сунсина (1545—1598).

Уам — псевдоним Сон Сиёля (1607—1689), корейского ученого-конфуцианца, государственного деятеля и литератора.

Тхеге — псевдоним Ли Квана (1502—1571), корейского ученого-конфуцианца.

Sage — псевдоним Ким Чансэна (1548—1627), корейского ученого-конфуцианца.

Чи Ю — мифический разбойник древнего Китая; по преданию выступил с войском против императора Хуан-ди (246—208), но был разбит в битве при Чжолу.

Люй Дунбинь — знаменитый отшельник периода Тан, один из восьми бессмертных даосской мифологии.

Мэн Хаожань (689—740) — известный китайский поэт.

Пуса — градоначальник города 2-го разряда в Корее.

Ломать зеркала... — Имеются в виду зеркала из полированной бронзы.

Семь пороков жены — бесплодие, непочтительность к родителям мужа, прелюбодеяние, болезнь, ревность, злоязычие, болтливость; любой из этих пороков мог быть поводом для развода.

Су Тунго (Су У) — китайский посол, направленный к гуннам, которые насильно задержали его у себя и пытались заставить служить им; Су Тунго отказался, и гунны продержали его у себя девятнадцать лет.

Юэ и У (I тысячелетие до н. э.) — китайские княжества, враждовавшие между собой; занимали части территории современных провинций Чжэцзянь, Фуцзянь, Гуандун.

Цинь — древнее китайское княжество, располагавшееся на территории современных провинций Ганьсу и Шэньси.

Чжоуский Му-ван (1001—946 гг. до н. э.) — император династии Чжоу.

Чжун-ланцзян (Су Тунго) — см. примеч. 120; будучи задержан гуннами, по преданию послал императору письмо, привязав его к лапке гуся.

Бо И и Шу Ци (XII в. до н. э.) — сыновья князя удела Гучжу; после смерти отца оба отказались от трона и ушли служить к князю У-вану; когда У-ван покорил их родное княжество, не захотели служить ему, ушли в горы, питались травами, умерли от голода; в литературе олицетворяют братскую любовь и преданность своей родине.

Бо Цзюйи. — См. примеч. 26.

Мэн Бэнь — по преданию силач, живший в Китае в период Борющихся царств (403—221 гг. до н. э.); мог вырвать рога у живого быка.

Су Цинь (IV в. до н. э.) — знаменитый китайский государственный деятель, дипломат, блестящий оратор.

Чжан И (IV в. до н. э.) — государственный деятель, ловкий дипломат.

Кунмин (Чжугэ Лян, 181—234) — один из наиболее прославленных полководцев древнего Китая; по преданию, чтобы победить известного полководца Цао Цао (150—220), молился духам Семи звезд и вызывал ветер.

Сюй Ю — знаменитый отшельник времени правления легендарного императора Яо, который, прослышав о мудрости Сюй Ю, лично пригласил его к себе на службу, однако отшельник в знак того, что и слышать об этом не хочет, промыл уши в реке.

Пхён — лепесток, кусочек, небольшая часть чего-либо.

Семь сокровищ — золото, серебро, жемчуг, коралл, агат, нефрит, хрусталь.

Восемь знаков гороскопа. — Вероятно, имеются в виду год, месяц, день и час рождения жениха и невесты (сачжу — «четыре столпа»), которыми перед свадьбой обменивались их родители и по которым составлялись гороскопы — определялась судьба в браке.

Душа царевича из царства Шу. — По преданию правитель княжества Шу скончался на чужбине, его тоскующая душа вселилась в кукушку, и в ее пении будто бы слышались слова: «Лучше бы вернуться!»

Мэн Цзун (III в. до н. э.) — прославился как любящий, преданный сын.

Чжоусинь (1154—1122 гг. до н. э.) — последний правитель династии Инь, жестокий и порочный; приказал бросить в тюрьму Вэнь-вана за то, что тот осуждал его поведение.

Янь-ху — правитель древнего китайского княжества Чэнь (357—388), известный своей жестокостью; по преданию жители княжества напали на Конфуция, приняв его за своего правителя.

Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы, IV—III вв. до н. э.) — знаменитый китайский философ и писатель, автор книги «Чжуан-цзы» — собрания философских притч; по преданию увидел во сне, будто он превратился в бабочку; проснувшись, никак не мог понять — то ли ему снилось, что он превратился в бабочку, то ли бабочке снилось, что она превратилась в него.

Усыпальница Хуанлин — гробница двух жен императора Шуня на берегу реки Сяосян; по преданию после смерти Шуня жены бросились в эту реку и стали ее духами.

Люйчжу — одна из знаменитых красавиц древности, любимая наложница Ши Чуна (249—300), известного богача, чиновника и поэта; узнав, что всемогущий фаворит императора Сунь Сю приказал Ши Чуну отдать ее в наложницы, Люйчжу покончила с собой, бросившись с башни.

Проливали слезы на бамбук... — По преданию, когда жены Шуня оплакивали его, их слезы попали на бамбук, поэтому деревья выросли крапчатыми.

Ци-фужэнь — любимая наложница Гао-цзу (см. примеч. 96), после смерти императора была убита вместе с сыном императрицей Люйхоу.

«Самчэби», «Сеак» — старинные корейские мелодии.

Тайсуй — божество времени, правитель планеты Юпитер.

Фуси (III тысячелетие до н. э.) — легендарный правитель Китая, считается изобретателем земледельческих орудий, рыболовных сетей, музыкальных инструментов, а также иероглифической письменности.

Янь Куай — один из учеников Конфуция.

Ли Чуньфэн (602—670) — знаменитый придворный астролог; утверждали, что все его предсказания сбываются.

Шао Канцзе (Шао Юн, 1011—1077) — китайский философ, известный комментатор «Книги перемен» (см. примеч. 98).

Чэн Миндао — сановник при дворе императора Шэнь-цзуна (1068—1086).

Чэн Ичуань — комментатор «Книги перемен», учитель будущего императора Чжэ-цзуна (1086—1101).

Янь Цзюньпин — астролог и предсказатель периода Хань.

Сыма Цзюньши (Сыма Гуан, 1019—1086) — известный государственный деятель и историограф.

Чэнь Сиш (ум. 989) — даосский отшельник и поэт; по преданию обладал необыкновенной памятью: раз прочитав книгу, запоминал ее наизусть.

Люгэн и Люцзя — духи.

Чжао Мэнфу — известный художник и каллиграф периода Сун (960—1279).

Табличка для получения лошадей — серебряная или латунная пластинка, выдававшаяся чиновникам, ездившим по государственным делам.

Шэньнун — мифический правитель, который имел тело человека, голову быка, лицо дракона.

Чэн-тан (1766—1753 гг. до н. э.) — первый правитель династии Шан; по преданию во время его правления страну постигла жестокая семилетняя засуха; Чэн-тан, считая себя виновным в этом, босой, в грубой холщовой одежде совершил моление Небу, и Небо послало обильные дожди.

Чжао Цзылун (Чжао Юнь) — прославленный военачальник периода Троецарствия.

Лян — денежная и весовая единица, около 37 г. серебра.

«*Облачный сон девяти*» — роман известного корейского писателя Ким Манчжуна (1637—1692); здесь названы персонажи романа.

Стала скалой... — Китайское предание повествует о жене, которая от долгого ожидания мужа, отправившегося на службу в столицу, превратилась в скалу.

Уйду к Желтым истокам... — По поверьям Желтые истоки (Желтая река) находятся в потустороннем мире; уйти к Желтым истокам означало умереть.

Сюцай — первая ученая степень в старом Китае и Корее, дававшая право на занятие должности.

Пять органов и шесть полостей — сердце, печень, селезенка, почки, легкие; три верхние полости — рот, пищевод, бронхи и три нижние — желудок с кишечником, желчный пузырь, мочевой пузырь.

...у жилища роженицы — режет собаку... — По поверьям резать домашний скот у дома роженицы считалось очень опасным: ребенок мог родиться мертвым.

Кан — мера площади, равная примерно 2,5 кв. м.

Чиге — приспособление для переноски тяжестей, укреплялось на спине.

Янь-цзы (Янь Юань) — один из учеников и последователей Конфуция; жил в нищете, умер молодым.

Игра слов: корейское слово «ячень» звучит одинаково со словом «палка», «дубинка». Последнее значение и имеет в виду Хынбу.

Мангон — подшляпник, головная повязка.

...надо новую связку развязывать... — Имеются в виду медные монеты низкой стоимости с отверстием посередине; такие монеты хранились обычно в связках.

Чжэ — знаменитый разбойник периода «Весен и осеней» в Китае.

Гуаньшу и Цайшу — младшие сыновья чжоуского князя У-вана; после смерти князя подняли мятеж против наследника Чэн-вана (1115—1078 гг. до н. э.), своего брата, но были разгромлены.

Девятилетний потоп. — Вероятно, имеется в виду наводнение в Китае.

Янбан — представитель высшего сословия в старой Корее.

Тхарён — один из жанров корейских народных песен.

Ли Шань. — По преданию слуга некоего Ли Юаня; когда вся семья Ли Юаня погибла от болезни, кроме малолетнего сына, прочие слуги хотели убить его, чтобы разграбить имущество; Ли Шань спас ребенка и в награду за это получил должность губернатора.

Гуань Юй (Гуань Юньчан) — военачальник, соратник Лю Бэя, основателя княжества Шу в период Троецарствия (220—264).

Янь Юань. — См. примеч. 170.

И Инь — советник Чэн-тана (см. примеч. 159); по преданию вначале был простым крестьянином.

Хань Синь — военачальник, соратник Гао-цзу.

Сукхян — героиня корейской «Повести о Сукхян».

«*Книга песен*» («Шицзин») — собрание народных песен древнего Китая (XI—VII вв. до н. э.), составление приписывается Конфуцию.

Пэй-гун (Пэйский князь) — прозвание Гао-цзу (см. примеч. 96), который был родом из селения Пэй.

Лю Бэй — основатель княжества Шу в период Троецарствия (220—264).

Чжан Фэй — военачальник, соратник Лю Бэя.

Цао Цао (155—220) — известный военачальник и поэт, отец Цао Пэя, основателя княжества Вэй в период Троецарствия.

Кын — мера веса, равная 0,6 кг.

Чжан Цзыфан (Чжан Лян, ум. в 189 г. до н. э.) — советник Гао-цзу.

Циский Вэй-ван (378—343 гг. до н. э.) — правитель княжества Ци.

Шэн — мера объема, равная одному литру.

Хуэй-ван (370—335 гг. до н. э.) — правитель княжества Вэй.

Ши-цзун (954—959) — император Поздней Чжоу периода Пяти династий.

Гуанли-ван — по преданию повелитель драконов, обитающий в легендарном Южном море.

Юккван — персонаж романа «Облачный сон девяти».

Чхусок — праздник созревания хлебов, отмечался в пятнадцатый день восьмой луны.

Сонпхён — вареники, сваренные на пару.

Чи Чжун-цзы — возможно, имеется в виду Чи-сун-цзы, даосский святой; достиг бессмертия, питаясь только семенами сосны.

Цуй Цзунчжи (VIII в.) — китайский поэт, современник Ли Тайбо.

У Цзысюй — государственный деятель княжества Чу в период Борющихся царств (V—III вв. до н. э.).

Лу Сюфу (1236—1279) — приближенный последнего императора династии Сун; попав в окружение монгольских войск, утопился вместе со своей семьей.

Ци Луцзю — государственный деятель периода Борющихся царств.

«*Разряды и сочетания*» — китайско-корейский словарь, составленный Со Кочжоном (1420—1488); «*Начальные наставления отрокам*» — свод правил конфуцианской этики, составленный Пак Сему (1487—1554).

«Зерцало всеобщее» («Всеобщее зеркало, управлению помогающее») — книга историка и государственного деятеля Сыма Гуана (1019—1088); представляет собой историческую хронику, охватывающую китайскую историю с IV в. до н. э. по X в. н. э.

«Беседы и суждения» — книги конфуцианского канона.

Суйжэнь — мифический правитель Китая, научивший людей пользоваться огнем.

Владыка Желтый (Хуан-ди) — мифический правитель Китая, которому приписываются многие изобретения — повозки, лодки, красок.

Цаньцун — легендарный изобретатель шелководства.

Иди — легендарный изобретатель вина.

Нюйва — мифическая устроительница мира, прародительница людей.

Цай Лунь (ум. 114) — изобретатель бумаги.

Мэн Тянь (III в. до н. э.) — военачальник, руководитель строительством Великой китайской стены; ему приписывается изобретение кисти для письма.

Хвачхочжан — платяной шкаф с разрисованными цветами дверцами.

И Дунь — богач, живший в эпоху «Весен и осеней»; имя его стало нарицательным.

Мэн-цзы (Мэн Кэ, 372—289 гг. до н. э.) — крупнейший из последователей Конфуция; его сочинения входят в конфуцианский канон.

Тэбучжин — языческая богиня, которой молились корейские шаманки.

Чхве Хён (1316—1388) — известный корейский военачальник.

Каламбур: слова «стекло» и «наказание» в корейском языке звучат одинаково.

Ли Сон — персонаж анонимной корейской «Повести о Сукхян».

Люй Бу, Дяочань — персонажи романа Ло Гуаньжуна «Троецарствие» (XIV в.).

Восемь чудных фей. — См. примеч. 93.

Дни холодной пищи — три весенних дня поминовения усопших, когда не разрешалось разводить огонь в очагах.

Цзе Цзытуй (VII в. до н. э.) — сановник, обиженный на своего правителя, уйдя со службы, укрылся на горе Мяньшань и отказывался возвратиться ко двору; чтобы вынудить Цзе Цзытуя покинуть свое убежище, правитель приказал поджечь лес на горе Мяньшань, однако сановник предпочел сгореть заживо.

Иди (III в. до н. э.) — потомок правителей княжества Чу, возведенный Сян Юем (см. примеч. 34, 35) на престол, а затем по его же приказу утопленный в реке.

Игра слов: слово «верность» звучит почти так же, как сочетание «все времена года».

Сюань Юань — возможно, имеется в виду мифический правитель, потомок Хуан-ди, покровитель портных.

Каламбур: иероглиф «дэ», входящий в состав упоминаемых в песне имен китайских военачальников, имеет значение «благодетель».

Игра слов: «живу» по-корейски звучит так же, как «покупаю»; имя собственное «Вангол» созвучно со словом «тростник».

«Груша» по-корейски «пэ».

«Кулак» по-корейски «чумогви».

Фамилия и имя Чо Чхиан, произнесенные слитно, звучат одинаково со словом «дрянь».

Стихи в повести — в переводе Г. Рачкова.

Чжуан — жена Чжуан-гуна (553—548 гг. до н. э.), правителя удела Ци, славилась красотой.

«*Книга церемоний*» — одна из книг конфуцианского канона.

«Домашние обряды» — сочинение Чжу Си (1130—1200), выдающегося философа, создателя неоконфуцианства.

Бодисатва (правильнее — бодхисаттва) — в буддизме — святой, равный по рангу будде, но сохраняющий облик человека, чтобы помочь другим людям вступить на путь истины.

Майтрейя — будда грядущего, который должен явиться, когда все мирские дела окончательно запутаются, установить порядок и процветание.

Архат — буддийский святой, достигший отрешения от земных страстей и готовящийся к нирване.

Индра — верховный бог индусов, творец и властелин мира.

Авалокитешвара — буддийское божество, в Китае и Корее изображается в виде женщины (в Индии — мужчины), богиня милосердия.

Лао-цзы. — См. примеч. 74.

Три духа — духи, управляющие деторождением.

Дунфан Шо — придворный императора У-ди (140—86 гг. до н.э.); по преданию выкрал персик бессмертия у богини Сиванму.

Цзэн-цзы — один из учеников и последователей Конфуция.

Бань Чжао (ум. 116) — сестра историка *Бань Гу* (32—92), поэтесса; после смерти *Бань Гу* закончила за него «Историю династии Хань».

Карп в ледяной проруби. — По преданию почтительный сын Ван Сян растопил своим телом лед в пруду, чтобы поймать карпов для своей мачехи.

Сутры — произведения буддийского канона, повествующие о жизни, деяниях и проповедях будды Шакьямуни, его последователей.

Янь-ван — владыка царства мертвых.

Го Цзюй (II в. до н. э.) — служил примером сыновней почтительности.

Цзылу (543—480 гг. до н. э.) — ученик Конфуция, примерный сын.

Тиин (II в. до н. э.) — дочь знаменитого лекаря Чуньюй И; продана в рабыню, чтобы избежать наказания отца.

Осенние птицы... — строки из стихов Лю Цзунюаня (VIII—IX вв.).

Пять вечных добродетелей — человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость, верность; *три нравственных начала* — преданность подданных, почтительность сыновей, добродетельность жен.

Самёндан — псевдоним Ючжона (1544—1610), ученого корейского монаха и литератора.

Посланник Су. — См. примеч. 120.

Сок — мера объема, равная примерно 180 л.

Дао (Путь) — философская категория, лежащая в основе даосизма и конфуцианства; в даосизме дао — естественный путь, всеобщий закон движения и изменения мира; в конфуцианстве — путь совершенного и мудрого правителя, человека вообще.

Шакьямуни-Татхагата — имя и прозвание Будды.

Восемь духов-хранителей — стражи буддийской веры.

Пять счастливых даров — здоровье, долголетие, тихая кончина от старости, а также добродетель и богатство.

Солнце в Хэляне... — строки из стихов Ли Лина (I в. до н. э.).

Прогалиной среди цветов... — строки из стихов Ван Вэя (VII—VIII вв.).

В далекий путь... — строки из стихов Ван Бо (период Тан).

Выйдешь ты... — строки из стихов Ван Вэя (VII—VIII вв.).

Удержать солнце в Сяньчи... — В трактате «Хуай Нань-цзы» (II в. до н. э.) говорится, что солнце умывается в озере Сяньчи.

Мэнчан-цзюнь (Тянь Вэнь) — министр удела Ци при князе Сян-ване (283—265 гг. до н. э.); поступив на службу в удел Цинь, радел о родном Ци; был посажен в тюрьму, бежал, но ворота заставы оказались закрытыми на ночь; один из его спутников пропел петухом, и стражники открыли ворота.

Четыре несчастья (четверо несчастных) — старик вдовец, старуха вдова, ребенок-сирота, бездетный старик.

На том свете вязать травы... — Воздать кому-либо за добро после своей смерти; выражение связано с китайским преданием.

Цзя И (201—169 гг. до н. э.) — государственный деятель и поэт.

Цюй Юань (340—287 гг. до н. э.) — великий китайский поэт и государственный деятель; оклеветанный, утопился в реке.

Цуй Хао (ум. 754) — известный поэт, цитируется строфа из его стихотворения «Башня желтого журавля».

Трех гор зеленые вершины... — из стихов Ли Тайбо.

Озеро Дунтинху — озеро в системе реки Янцзы; связано с преданиями, воспето многими поэтами.

Цзылань (Цзинь Шан) — сановник при дворе Хуай-вана, оклеветавший Цюй Юаня.

Покойный мой отец... — из стихотворения Цюй Юаня «Скорбь».

Золотой осенний ветер... — из стихов Ван Бо.

Сун Юй (ок. 290—223 гг. до н. э.) — автор «Оды Гаотану», где рассказывается о встрече Хуай-вана с феей (см. примеч. 31).

Тайи — одно из верховных даосских божеств.

Гэ (Гэ Сюань) — известный даос периода Троецарствия.

Магу — фея трав и цветов.

Повелительница восьми фей. — См. примеч. 93.

Го (Го Пу, 276—324) — ученый и литератор, в конце жизни стал даосским отшельником; славился игрой на барабане.

Юань Цзи (210—263) — поэт-отшельник, один из группы «Семеро мудрых из бамбуковой рощи».

Цинь Гао — музыкант, мастер игры на цитре (период Чжоу, XII—III вв. до н. э.).

Три небесных светила — солнце, луна, звезды.

Я глянул вдаль... — стихи из сборника Цюй Ю (1341—1427) «Новые рассказы у догорающей лампы».

Юйчжэнь — Нефритовая дева, служанка небожителей.

Танское и юаньское время — время правления китайских династий Тан (618—907) и Юань (1280—1367).

Просторный студеный дворец. — См. примеч. 16.

Повязать платок — метафора, означающая заключить брак.

Фамильный знак «сим» тоже означает «быть на ущербе».

Законная супруга. — Помимо жены мужчина мог иметь наложниц, их дети были лишены многих прав.

Дракон — одно из священных мифических животных; увидеть во сне дракона — доброе предзнаменование.

Учение о Пути. — См. примеч. 258.

«Шесть планов», «Три тактики» — древние военные трактаты.

Юльдо — вымышленная страна, где царит справедливость.

Счастье селезня и утки. — Селезень и утка являются древним символом супружеской любви и согласия.

Три года траура. — Траур по родителям соблюдался очень строго; чиновники на время траура освобождались от службы, заключенные выпускались из тюрем.

Чэн-тан покарал Цзе... — Имеется в виду победа Чэн-тана (см. примеч. 159) над жестоким и распутным Цзэ, правителем легендарной династии Ся (2205—1766 гг. до н. э.).

У-ван сверг Чжоу... — У-ван, основатель династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.), сверг последнего правителя периода Шан-инь (1766—1122 гг. до н. э.) Чжоу-вана.

Год «ыльчхук». — Здесь может соответствовать 1445 г.

Го из Фэньяна (Го Цзыи, 697—781) — выдающийся полководец, служил поочередно четырем государям, получил почетный титул Фэньянского вана.

Яшмовый император — верховное божество в даосском пантеоне.

Амноккан — пограничная река между Китаем и Кореей.

Страна срединной равнины — одно из названий Китая.

Владыка Желтый (Хуан-ди) — мифический император Китая.

Вэньшу — ханьский император Гуанъу-ди (25—58).

Фань Цзэн — советник правителя княжества Чу.

Корейское слово «боб» начинается на букву «Г».

Тай-цзун (627—649) — император династии Тан.

Наму Амитха-Будда — обращение к будде запада Амитабе.

Квансеым — корейское название Авалокитешвары (см. примеч. 241).

Смертная душа. — По поверьям человек имеет две души: одна умирает вместе с телом, другая остается жить после смерти.

Гуань Юй (Гуань Юньчан) — полководец периода Троецарствия.

«Шицзин». — См. примеч. 185.

Четыре счастливых числа — год, месяц, день и час рождения жениха и невесты, по которым составляется гороскоп.

Любопытно, что одна из ракушек и по-русски называется фазаночка (см. словарь Даля).

Страна утренней свежести. — Так переводится название Кореи — Чосон; *на востоке* — по отношению к Китаю.

«*Ы*» — по-корейски слово означает «да», «ладно».

Посланник Чжан. — Возможно, имеется в виду Чжан Хань, живший при династии Цзинь (265—420).

Ученый Лу. — Вероятно, имеется в виду комментатор классических книг и поэт Лу Гуймэн, живший при династии Тан (618—907).

Хуа То — знаменитый врач периода Троецарствия, одним из первых в мире произведший трепанацию черепа; покровитель врачей.

Бяньцяо (Цинь Юэжэнь) — выдающийся лекарь периода Борющихся царств; лечил многие болезни, разработал ряд методов диагностики.

Ян и Инь — понятия древнекитайской космогонии и натурфилософии, ян — светлое начало, инь — темное; из взаимодействия и борьбы этих начал рождаются пять первоэлементов мира — огонь, металл, вода, земля, дерево и все сущее на земле.

Лягушка в колоде — образное выражение для обозначения невежественного, ограниченного человека: лягушке на дне колодца небо кажется маленьким и квадратным.

Ли Цзочэ (III—II вв. до н. э.) — советник правителя княжества Чжао, ловкий дипломат.

Мао Яньшоу (I в. до н. э.), *У Даоцзы* (VIII в.), *Ли Сысюнь* (651—716) — придворные китайские живописцы.

Четыре сокровища кабинета ученого — тушь и тушечница, бумага и кисть.

Цзян Янь (443—504) — каллиграф и литератор-стилист.

Бань Гу (32—92) — выдающийся китайский историограф, автор «Истории династии Хань».

Се Тао (IX в.) — певица и поэтесса; по преданию изобрела цветную бумагу с узором.

Четверо друзей. — Имеются в виду четверо конфуцианцев, отказавшихся служить при императоре Шихуан-ди, удалившихся в горы и, по преданию, увлекавшихся игрой в шашки.

Лю Лин (III в.) — поэт, воспевавший природу и вино.

Мудрецы из Ляньси... — Имеются в виду известные философы и поэты периода Сун (960—1279) — Чжоу Дуньи, Чэн Хао, Чэн И, Чжан Цзай, Чжу Си.

Оуян Сю (1007—1072) — крупный поэт и историк; любил проводить время за вином на лоне природы; называл себя «хмельным старцем».

Толок снадобье в ступе... — По преданию Нефритовый заяц на луне
приготавливает в ступе эликсир бессмертия.

Супруга стрелка И. — Жена мифического стрелка И, которая выпила эликсир бессмертия, подаренный И богиней Сиванму, и стала лунной феей Хэньэ (Чанъэ).

Пэн Цзу — сановник мифического императора Яо; по преданию прожил 767 лет.

Паньгу — мифический великан, принимавший участие в сотворении мира; из его тела образовалась вселенная.

Тянь-хуан («Владыка неба»), *Ди-хуан* («Владыка земли»), *Жэнь-хуан* («Владыка людей») — первые мифические правители Китая.

Ючао, Суйжэн — мифические правители Китая, научившие людей строить жилища, добывать огонь и т. д.

Фуси, Гунгун, Чжуюн, Нюйва — мифические герои, участвовавшие в сотворение мира.

Шэнь-нун, Хуан-ди, Чию, Цзиньтянь, Чжуаньсюй, Гаосинь, Яо, Шунь, Юй — мифические идеальные правители Китая, научившие людей многим искусствам и ремеслам.

Меджу — растертые соевые бобы, идущие на приготовление соевого соуса.

Юй Шаньвэн — персонаж новеллы Цюй Ю (1341—1427) из сборника «Новые рассказы у догорающей лампы».

Сюаньцзан (596—664) — известный деятель китайского буддизма, побывавший в Индии; привез сутры, многие из которых перевел на китайский язык и комментировал.

Трипитака («Три хранилища») — общее название буддийского канона, состоящего из трех разделов: сутры (жизнь и учение Будды), винайи (устав, данный Буддой), шастры (толкования учения Будды).

Чжан Цянь (II в. до н. э.) — государственный деятель; по преданию привез в Китай первый ткацкий станок, полученный им у небесной Ткачихи.

Ананда — один из первых учеников Будды, его племянник и любимец.

Золото рождает воду... — По китайской натурфилософии пять первоэлементов, взаимодействуя, порождают все многообразие вещей.

Врата дракона. — По преданию, если рыбе удавалось подняться через пороги в верховьях реки Хуанхэ до Драконовых ворот, то она превращалась в дракона; выражение «подняться к Драконовым воротам» стало в литературе образным, означающим выдержать экзамен, сделать карьеру, прославиться.

Перебраться через забор... — Образное выражение, означающее прийти на любовное свидание.

Цай Цзе, Фань Суй (III в. до н. э.) — советники циньского князя Чжаосяна.

Куай Тун (III в. до н. э.) — современник полководца Хань Синя, предупреждал последнего, чтобы тот не доверял своему сюзерену Гао-цзу; Хань Синь действительно был казнен и перед казнью пожалел, что не внял совету Куай Туна.

Чжун, Фань Ли — уроженцы княжества Чу, служившие в княжестве Юэ; правитель Юэ готовил войну в Чу, Фань Ли советовал Чжуну бежать; Чжун не послушался и был казнен.

Гао-цзун (У-дин, 1324—1265 гг. до н. э.) — правитель периода Шан-Инь.

Боли Си — советник циньского князя Му-гуна (VII в. до н. э.); до своего возвышения был пастухом.

Дун Ху (VII—VI вв. до н. э.) — историк и астролог княжества Цзинь.

Хоу Ин (III в. до н. э.). — Был сторожем у ворот столицы княжества Вэй; Синьлин-цзюнь, брат правителя Вэй, проведав о его уме и честности, однажды пригласил его в свой экипаж и повез во дворец, лично управляя лошадьми.

Гуанъу-ди (25—58) — император династии Хань.

Фан — по китайской космогонии одно из 28 созвездий; соответствует знаку зодиака «заяц».

«Мѣ» (меси) — час «Зайца».

Цилинь — мифическое животное, единорог, отличается кротким нравом; появление его считалось добрым предзнаменованием.

Феникс — мифическая священная птица; по преданию появлялась только в период добродетельного правления; эмблема гениальности, добродетели, верности.

Карма. — См. примеч. 7.